

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК
**КОМАНДА
СТАЛИНА**

ГОДЫ
ОПАСНОЙ
ЖИЗНИ
В СОВЕТСКОЙ
ПОЛИТИКЕ

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК

австралийский историк, почетный профессор Сиднейского университета и заслуженный профессор Чикагского университета. Один из ведущих современных специалистов по социальной и культурной истории советской эпохи, в особенности сталинизма. Автор книг:

«Повседневный сталинизм.

Социальная история Советской России в 30-е годы: город», «Сталинские крестьяне.

Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня», «Срывайте маски!

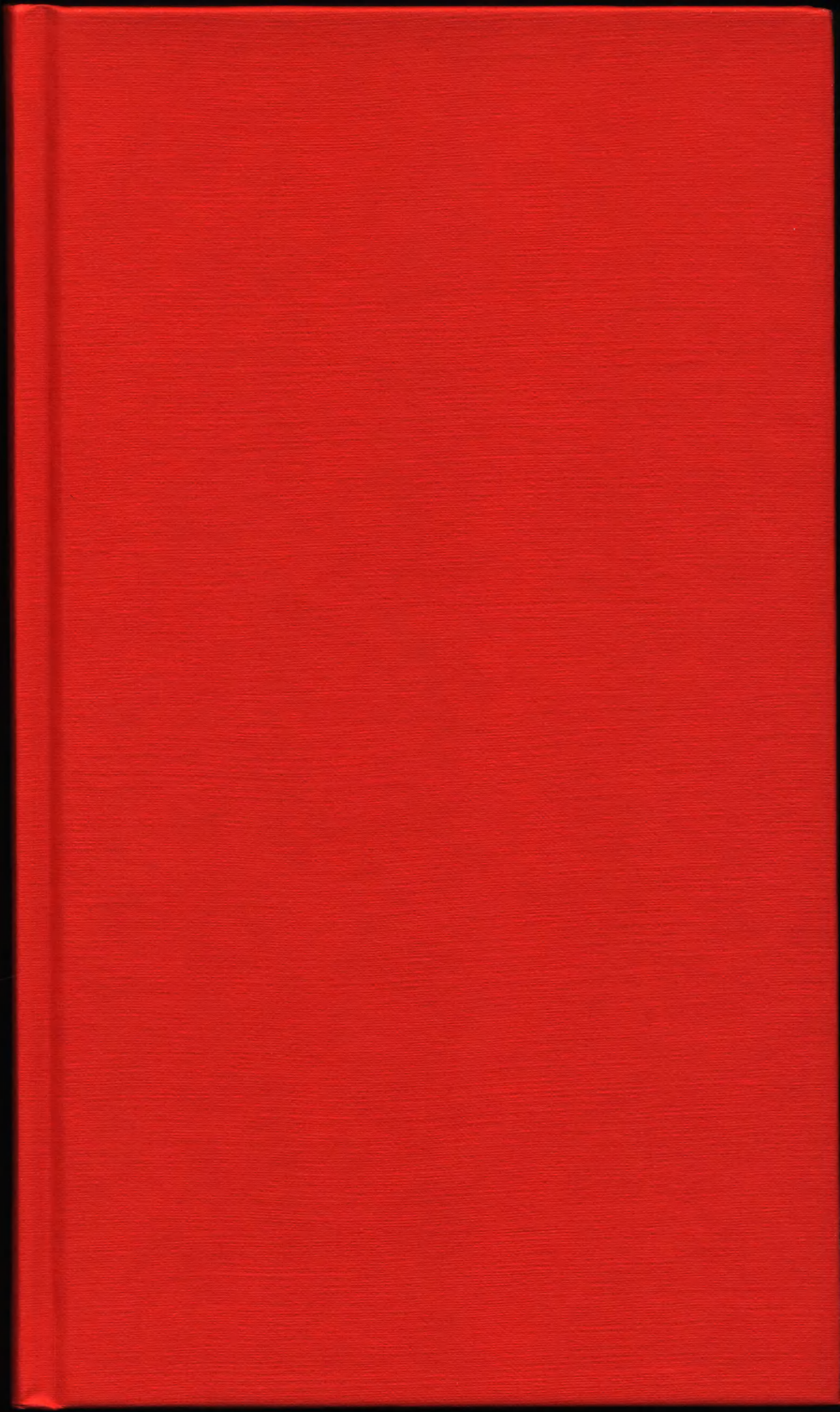
Идентичность и самозванство в России XX века»

и «Русская революция».

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТА

ГАЙДАРА

О КОМАНДЕ
СТАЛИНА

Sheila Fitzpatrick

On Stalin's Team

The Years Of Living
Dangerously in Soviet Politics

PRINCETON UNIVERSITY PRESS
PRINCETON AND OXFORD

Шейла Фицпатрик

О команде Сталина

Годы опасной жизни
в советской политике

Перевод с английского
ЕКАТЕРИНЫ ВАРГИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА
МОСКВА · 2021

Фицпатрик, Шейла

Ф66 О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике / Шейла Фицпатрик ; перевод с английского Е. Варгиной ; под научной редакцией О. Эдельман. — Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. — 528 с.: илл. — ISBN 978-5-93255-602-3

Сталин так долго был диктатором, что большинство историков считали окружавших его чиновников простыми соглашателями и элементами политического декора. Эта книга оспаривает такое представление, показывая, что за Сталиным стояла группа лояльных людей, которые составляли с ним необычайно эффективную команду с конца 1920-х и до его смерти в 1953 году. Опираясь на обширные оригинальные исследования, Шейла Фицпатрик предлагает первое подробное описание участников этого внутреннего круга и их семей. Она показывает, что эти преданные соратники — Берия, Андреев, Хрущев — не только тесно работали вместе со Сталиным, но и составляли его социальное окружение. Проводя читателей от катаклизмов «больших чисток» и Второй мировой войны до паранойи последних лет жизни Сталина, книга рисует совершенно новый портрет Сталина в его окружении, меняющий наше понимание того, каким образом управлялся Советский Союз на протяжении значительной части его существования.

УДК 7.01
ББК 87.8

ISBN 978-5-93255-602-3

“On Stalin’s Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics”
by Sheila Fitzpatrick

Copyright © 2015 by Princeton University Press

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

Все права защищены. Никакая часть настоящего произведения не может быть воспроизведена или передана в любой форме или какими-либо электронными или механическими средствами, включая фотокопирование и запись, либо посредством использования любых систем хранения и поиска данных, без письменного разрешения Издателя.

© Издательство Института Гайдара, 2021

Содержание

- Пояснения · 7
- Глоссарий · 9
- Предисловие · 13
- Глава 1. Становление команды · 35
- Глава 2. Великий перелом · 81
- Глава 3. У власти · 115
- Глава 4. Команда на публике · 155
- Глава 5. Большой террор · 199
- Глава 6. На войну · 248
- Глава 7. Послевоенные надежды · 295
- Глава 8. Стареющий вождь · 339
- Глава 9. Без Сталина · 384
- Глава 10. Конец пути · 435
- Заключение · 458
- Слова благодарности · 477
- Биографии · 480
- Библиография · 505

Пояснения

Для удобства я называю Совет народных комиссаров (Совнарком) правительством. Я использую термин «Верховный Совет» для обозначения органа, который до 1938 года назывался Центральным исполнительный комитет Всесоюзного съезда Советов. Его председателя я называю главой государства, а в некоторых случаях — президентом Советского Союза.

Когда я цитирую материалы визитов в кремлевский кабинет Сталина, в сносках не даются ссылки, потому что они всегда берутся из его служебного журнала, опубликованного под названием «На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.)» (под редакцией А. А. Чернобаева, Москва: Новый Хронограф, 2008). (Я использовала более раннюю журнальную версию «Посетители кремлевского кабинета Сталина» (публикацию подготовили А. В. Коротков, А. Д. Чернев и А. А. Чернобаев), опубликованную в «Историческом архиве», 1994, № 6 — 1997, № 1).

Полезное резюме этих данных за 1930-е годы (только члены Политбюро и секретари ЦК) можно найти в книге Олега Хлевнюка «Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры» (Москва: РОССПЭН, 2010; Oleg V. Khlevniuk, *Master of the House: Stalin and His Inner Circle*. New Haven: Yale University Press, 2009), приложение 2, с. 467–471. Данные о посещении заседаний Политбюро в 1930-е годы взя-

ты из таблицы в работе «Сталинское Политбюро в 30-е годы: сборник документов», сост. О. В. Хлевнюк и соавт. (Москва: АИРО-XX, 1995), с. 183–255. Мой краткий справочник по Секретариату ЦК Советского Союза опубликован по адресу http://en.wikipedia.org/wiki/Secretariat_of_the_Central_Committee_of_the_Soviet_Union, но я старалась проверить эту информацию по другим источникам.

Места хранения в российских архивах идентифицируются по фондам (коллекциям), описи, делу и листу, но я представила эту информацию в сокращенной форме. Таким образом, «РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 100. Л. 1» выглядит как «РГАСПИ 17/1/100, л. 1».

Что касается дат, то в феврале 1918 года Россия перешла с юлианского календаря на григорианский, на тринадцать дней вперед. Я даю даты по юлианскому календарю до перехода и по григорианскому — после него. Это означает, что большевистская революция произошла в октябре 1917 года, а не в начале ноября (как в григорианском календаре).

Глоссарий

- Большевики — название одной из двух фракций (позднее — партии), Российской социал-демократической рабочей партии, образовавшихся в 1903 году; в первые десятилетия после Октябрьской революции 1917 года это слово использовалось в качестве названия партии наряду со словом «коммунисты», которое затем вытеснило его.
- Вождь — хвалебное именование лидера; так начиная с 1930-х годов называли Сталина. Форма множественного числа *вожди* употреблялась по отношению ко всей команде Сталина.
- ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, в 1920-е годы его возглавляла Ольга Каменева, а в 1930-е — Александр Аросев.
- ГКО — Государственный комитет обороны, главный орган управления в период войны.
- ГПУ — см. ЧК.
- Гражданская война — велась в 1918–1920 годах между красными (большевиками) и белыми, последним помогали так называемые западные интервенты.
- ГУЛАГ — Главное управление лагерей (подчинялось НКВД). Этим словом называли всю систему лагерей в целом.
- Дача — загородный дом, куда приезжали на выходные.
- ЕАК — Еврейский антифашистский комитет (1942–1948), возглавлявшийся Соломоном Михоэлсом и работавший под контролем Соломона Лозовского.

Коминтерн — международная организация коммунистических партий, которая была создана в 1919 году и управлялась из Москвы.

Комсомол — молодежная коммунистическая организация.

Коммунистическая партия — название партии, которая правила начиная с октября 1917 года; см. *Большевики*.

Кулак — зажиточный крестьянин, которого большевики считали эксплуататором бедняков.

Левая оппозиция — группы, возглавляемые Троцким (1923–1924) и Зиновьевым (1925–1926) и боровшиеся против команды Сталина.

Меньшевики — соперничавшая с большевиками фракция (партия), которая образовалась в Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в 1903 году.

МГБ — Министерство государственной безопасности в 1940-е годы (см. также *ЧК*).

НКВД — название полиции безопасности с 1934 года до войны; расшифровывается как Народный комиссариат внутренних дел (см. также *ЧК*).

НЭП — новая экономическая политика в 1920-е годы.

ОГПУ — см. *ЧК*.

Октябрьская революция — захват власти большевиками в 1917 году.

Оргбюро — одно из двух бюро Центрального комитета партии (второе называлось Политбюро), занималось организационными вопросами.

Петроград — столица Российской империи/Советской России до 1918 года, называлась так в период с 1914 по 1924 год; до этого — Санкт-Петербург.

Политбюро — бюро Центрального комитета партии, состояло из членов (имели право голосовать) и кандидатов (с совещательным голосом). Избиралось на съезде партии и было высшим органом власти в Советском Союзе (см. также *Президиум*).

Правая оппозиция — строго говоря, не оппозиция, а тенденция («правый уклон»), в 1929–1930 годах ключевыми фигурами были Рыков, Бухарин и Томский.

Президиум Центрального комитета Коммунистической партии — так в 1952–1966 годах называлось Политбюро (следует заметить, что другие структуры также имели свои президиумы, что может создать путаницу).

РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей, ее возглавлял Авербах, брат жены Генриха Ягоды; распущена решением Центрального комитета в 1932 году.

РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия, основана в 1898 году; в 1903 году раскололась на большевиков и меньшевиков.

Совет народных комиссаров Советского Союза (Совнарком) — высший правительственный орган до войны, после войны переименован в Совет министров.

Совнарком — см. *Совет народных комиссаров*.

СССР — Союз Советских Социалистических Республик, основан в 1922 году. В его состав входили Российская Федерация (РСФСР), Украина, Белоруссия и Закавказская Федерация (из которой позднее выделились Грузия, Армения и Азербайджан); республики Средней Азии (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан и Туркменистан), которые создавались на протяжении всего предвоенного периода; балтийские республики (Латвия, Литва и Эстония) и Молдавия, которые были присоединены в 1940 году.

Сталинград — город на Волге, место решающей битвы во время Второй мировой войны зимой 1942–1943 годов; ранее назывался Царицын, сейчас — Волгоград.

Старые большевики — неформальное название членов партии, которые вступили в нее до революции.

Термидор — месяц, когда во время Великой французской революции в 1794 году был свергнут Робеспьер; слово использовалось большевиками метафорически, для обозначения упадка и истощения революционного духа.

Февральская революция — события, которые привели к отречению от престола царя Николая II в 1917 году и приходу к власти Временного правительства, которое было затем свергнуто большевиками в октябре 1917 года.

Центральный комитет Коммунистической партии — избирался съездом Коммунистической партии и номинально являлся ее руководящим органом, однако на практике решения принимало Политбюро.

Черта оседлости — часть Украины и Белоруссии, за пределами которой в Российской империи евреям запрещено было жить.

ЧК — полиция безопасности во время Гражданской войны (позднее преобразована в ГПУ, ОГПУ, НКВД, МВД/МГБ, КГБ).

«Шахтинское дело» — показательный процесс в 1928 году против беспартийных специалистов и коммунистов-хозяйственников в Шахтинском районе Украины¹.

1. Шахтинско-Донецкий округ находился на территории РСФСР. Шахтинский район входил в Шахтинский (с осени 1925 года — Шахтинско-Донецкий) округ, который с 1924 года входил в Юго-Восточную область РСФСР. 30 июля 1930 года Шахтинско-Донецкий округ, как и большинство остальных округов СССР, был упразднен. Его районы отошли в прямое подчинение Северо-Кавказского края). — *Прим. пер.*

Предисловие

КОГДА Сталин хотел сделать паузу в общении с иностранцами, он иногда говорил, что проблема будет в том, чтобы убедить Политбюро. Все понимали, что это просто отговорка, поскольку дипломаты совершенно правильно предполагали, что окончательное решение было за Сталиным. Но это не значит, что не было Политбюро, с которым он консультировался, или группы коллег, с которыми он работал¹. Эта команда — ее численность всегда составляла около дюжины человек — возникла в 1920-х годах, после смерти Ленина сражалась с оппозиционными группами во главе с Львом Троцким и Григорием Зиновьевым и, что удивительно, ее участники оставались вместе три десятилетия². Наподобие феникса они демонстрировали способность выживать в угрожающих команде ситуациях, таких как чистки и репрессии, паранойя сталинских последних лет и опасности постсталинского перехода. В политике оставаться вместе тридцать лет — это очень долго, даже в менее смертоносном политическом климате, чем в Советском Союзе при Сталине. Команда окончательно

-
1. Adam B. Ulam, *Stalin* (New York: Viking Press, 1973), p. 572, 607; *Foreign Relations of the United States: The Conferences at Malta and Yalta* (Washington, DC: Department of State, 1955), p. 666.
 2. Stephen G. Wheatcroft, "From Team-Stalin to Degenerate Tyranny," in E. A. Rees, ed., *The Nature of Stalin's Dictatorship* (Houndsmill: Palgrave Macmillan, 2004).

распалась в 1957 году, когда один из ее участников (Никита Хрущев) сделался новым главным боссом и избавился от остальных. Для обозначения группы лидеров вокруг Сталина я использую термин «команда» (team). По крайней мере еще один ученый также использовал этот термин, но есть и альтернативы. Вы можете назвать их «бандой» (шайкой), если хотите подчеркнуть, что они управляли страной незаконными методами и что они, по сути, преступники, а не правительство³. Вы могли бы назвать их «Политбюро» (то есть исполнительный орган ЦК Коммунистической партии, избираемый периодическими съездами партий), что почти корректно, поскольку членами Политбюро были в основном те же самые люди, но из-за предпочтения Сталиным неформальных рабочих групп состав никогда полностью не совпадал. Или вы могли бы обозначить их словом «группировка» — еще один уничижительный термин в советском дискурсе. Читатель, который предпочитает «банду» или другую альтернативу, может сделать мысленную замену. В любом случае это был коллективный субъект, члены которого имели индивидуальные обязанности, но регулярно встречались как группа и были объединены верностью Сталину и, первоначально, друг другу. Созданная для борьбы с другими командами, соперничающими за лидерство после смерти Ленина, после победы эта команда постепенно взяла на себя функции управления страной.

Как и у всякой команды, у нее был свой капитан, Иосиф Сталин; он имел огромный авторитет, и его можно было бы также назвать «играющий тренер». Хотя это не было нигде записано, на практике его прерогативы включали в себя право принимать и исключать остальных игроков. В первые годы участники команды обращались к Сталину и друг

3. T. H. Rigby, "Was Stalin a Disloyal Patron?," *Soviet Studies* 38:3 (July 1986), p. 324.

к другу на «ты», предполагалось, что он всего лишь первый среди равных. Но в дальнейшем стало очевидно, что Сталин представляет собой нечто большее, и к началу послевоенного периода обращаться к нему на «ты» позволяли себе только несколько старых соратников. Это была команда лидера, сталинская команда, но когда Сталин умер, случилось то, чего никто не ожидал, — команда смогла продолжать функционировать и управлять без него.

В научном сообществе давно сложилась традиция изучать политическую биографию исключительно Сталина, поэтому введение в научный обиход команды Сталина может быть неправильно истолковано в том смысле, будто я полагаю, что власть Сталина, возможно, была не столь уж велика. Я утверждаю совсем не это. Когда я исследовала этот вопрос, меня поразило, насколько большой была его власть над остальными членами команды и каким безусловным было его лидерство, даже когда обстоятельства способствовали тому, чтобы кто-нибудь бросил ему вызов, как, например, в июне 1941 года. Все крупные политические инициативы исходили от него, а участие остальных членов команды (их вклад даже трудно точно определить, поскольку было принято приписывать Сталину абсолютно все инициативы) ограничивалось теми вопросами, которыми они непосредственно занимались и которые Сталин считал второстепенными. Тем не менее остается фактом, что хотя Сталин и был вожаком стаи, в отличие от своих современников Муссолини и Гитлера, он предпочитал работать с группой, состоящей из сильных фигур. Участники этой группы были лично преданы ему, но при этом действовали как единая команда. Эти люди не претендовали на его место лидера. Но это не были политические ничтожества или простой антураж, состоящий из секретарей и тайных агентов. Они отвечали за важные участки, такие как оборона, железные дороги, тяжелая про-

мышленность, и часто были весьма компетентны в этих вопросах. Эти люди отстаивали в Политбюро интересы структур, которые они в тот или иной период возглавляли. Во время регулярных формальных и неформальных встреч они обсуждали всей командой (вместе со Сталиным) наиболее важные политические вопросы. Сталину не требовалось их согласие, но если он ощущал, что согласия нет или что отношение прохладное, то мог иногда отступить или просто подождать, пока они созреют (как это бывало, например, когда обсуждалась политическая расправа над кем-либо).

На протяжении тридцати лет состав команды менялся. Трое участников (Сергей Киров, Валерий Куйбышев и Серго Орджоникидзе) умерли в середине 1930-х годов, еще один — Михаил Калинин, умер сразу после войны. Во второй половине 1930-х в команду добавилось четыре новых участника — Андрей Жданов, Никита Хрущев, Георгий Маленков и Лаврентий Берия. Несколько второстепенных участников стали жертвами Большого террора, среди них стоит отметить троих работавших на Украине (Станислава Косиора, Власа Чубаря и Павла Постышева), а после войны жертвой так называемого Ленинградского дела стал Николай Вознесенский, который присоединился к команде незадолго до этого и быстро шел в гору. При этом ядро — Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Анастас Микоян, Клим Ворошилов и до 1952 года Андрей Андреев — оставалось неизменным, и именно эта группа, совместно с теми, кто пришел в нее в 1930-е годы, составила ту самую команду («коллективное руководство»), которая осуществляла власть после смерти Сталина.

Степень самостоятельности действий членов команды в их собственных сферах изменялась с течением времени, равно как и степень, в которой они чувствовали себя коллективом, а не просто группой соперников. Интересно, что эти две пере-

менные имели тенденцию изменяться одновременно и в одном направлении. И независимость, и командный дух были высоки в начале 1930-х годов, а в конце десятилетия сильно уменьшились в результате репрессий. Они снова возросли во время войны и оставались высокими, хотя и находились под постоянной угрозой в послевоенный период, вплоть до смерти Сталина в 1953 году. Последний период особенно интересен тем, что отношение Сталина к его коллегам было тогда наиболее нестабильным и подозрительным, но в то же время он уже был не в состоянии выдерживать огромную нагрузку предыдущих лет. Он мог по-прежнему выступать с инициативами, которые вынуждена была поддерживать остальная часть команды (например, антисемитская кампания конца 1940-х и начала 1950-х годов), но в вопросах, которые он не считал своими, члены команды работали рядом с ним, насколько это возможно, до конца. Когда в октябре 1952 года он хотел исключить из команды Вячеслава Молотова (который долгое время был вторым человеком в государстве) и другого старожилы, Анастаса Микояна, остальная часть команды оказала сопротивление. Он даже не мог помешать этим двум изгоям появляться на своей даче без приглашения, потому что другие члены команды заранее им сообщали.

Чем бы закончилась эта борьба, неизвестно, потому что в решающий момент Сталин умер. Неудивительно, что в сложившихся обстоятельствах ходили слухи, что ему помогли, но никто так и не смог доказать это. Его смерть, вероятно, спасла жизни Молотова и Микояна, а также, возможно, курировавшего органы государственной безопасности Лаврентия Берию и других. Еще до того как вождь испустил последний вздох, команда взяла на себя коллективное руководство. Сталинская команда, как оказалось, могла справиться без Сталина довольно хорошо — в действи-

тельности, по сравнению с последними несколькими годами его жизни, даже значительно лучше. Все предсказывали, что после смерти Сталина наступит хаос, и сама команда опасалась этого, но на самом деле они осуществили успешный переход с минимальными (в советском смысле) людскими потерями и чрезвычайно широкой и радикальной программой реформ. Тот факт, что реформы были начаты немедленно, убедительно свидетельствует о том, что в команде за несколько лет до смерти Сталина сформировался негласный консенсус относительно желательности перемен в сочетании с признанием их невыполнимости, пока Сталин был рядом.

Подзаголовок книги — «Годы опасной жизни в советской политике»: опасность — важнейший аспект этой истории. Команда в целом была в опасности в начале 1930-х годов, когда безрассудная и невероятно амбициозная комбинация коллективизации крестьянского сельского хозяйства и форсированной индустриализации могла закончиться катастрофой. Политический террор конца 1930-х годов стал другим моментом повышенной опасности как для Сталина (поскольку террор мог выйти из-под контроля и обернуться против своего инициатора), так и для членов команды, которые наряду со Сталиным были преступниками, но им постоянно напоминали, что они могут стать жертвами. Фактически бóльшая часть основной команды выжила как в политическом, так и в физическом плане: Сталин оказался для них верным покровителем, хотя в безопасности своих родственников и доверенных подчиненных, которые мерли как мухи, они не могли быть уверены⁴. Страх перед Сталиным был не единственным, что удерживало команду вместе, но он, конечно, постоянно присутствовал после первых лет.

4. Rigby, "Was Stalin a Disloyal Patron?," p. 311–324.

Команда, режим и страна были в опасности во время Второй мировой войны, когда два с половиной года подряд шли сплошные поражения и отступления, пока зима 1942–1943 годов не повернула поток вспять. В годы после победы в войне, которые могли бы стать годами триумфа, отдельные члены команды снова оказались в опасности. В постсталинский переходный период команда быстро исключила одного из участников, Берия, из-за его явных амбиций и презрения к коллективному правлению, а также из-за страха, потому что у него, как думали члены команды, имелись компрометирующие их документы. В остальном команда оставалась более или менее стабильной до 1957 года, когда Хрущев стал проявлять амбиции и нарушать правила, что вынудило других членов команды попытаться обуздать его. Этот план дал сбой и привел к изгнанию Молотова, Кагановича и Маленкова, фактически — к концу сталинской команды. Но эпоха опасной жизни в советской политике к 1957 году уже завершилась. Ни одна из сторон этого конфликта не думала арестовывать или убивать своих соперников, а просто стремилась отстранить их от власти.

Идея написания этой книги пришла ко мне в начале 1990-х годов, когда впервые открылся сталинский архив (фонд Сталина в РГАСПИ, преемник старого партийного архива ЦК). Тогда стала доступна переписка между Сталиным и другими членами команды. Изначально речь шла о Сталине и Молотове, вице-капитане команды и сталинском альтер-эго на протяжении бóльшей части обсуждаемого периода, но затем я осознала важность всей команды. Это произошло со мной в контексте другого архивного исследовательского проекта, в рамках которого я познакомилась с Серго Орджоникидзе, членом команды, который не только управлял тяжелой промышленностью с предпринимательским талантом и инициативой, но и энергично пред-

ставлял интересы промышленности в Политбюро — это заставило меня понять, что именно так Политбюро, должно быть, и действовало⁵. Кроме того, я всегда чувствовала, что нужно написать такую книгу о советской высокой политике, которая отбросит в сторону разговоры о политических моделях и сосредоточится на людях и их взаимодействиях. Это чувство было основано на ярких личных портретах, которые рисовал для меня в наших беседах в конце 1960-х годов мой советский друг и наставник Игорь Сац. В 1920-х годах в качестве секретаря наркома он был знаком с большинством партийных лидеров.

С открытием советских партийных и государственных архивов (но не архивов госбезопасности) стали доступны документы большинства лидеров — Сталина, Молотова, Кагановича, Микояна, Маленкова, Ворошилова, Орджоникидзе, Калинина, Кирова, Андреева и Вознесенского. Частично недоступными в 1990-е годы оставались архивы Хрущева, из-за его неоднозначного статуса бывшего лидера, а также до сегодняшнего дня полностью закрыты архивы Берии, участника команды, расстрелянного в 1953 году. С 1990-х годов в написании этой книги мне помогали многие биографии Сталина и документальные публикации. Один из авторов этих работ, Саймон Себаг-Монтефиоре, написавший очень живую биографию Сталина⁶, разделяет мой интерес к среде, в которой жил Сталин, но не к той политической команде, в которой он играл. Российский историк Олег Хлевнюк, чье знание источников не имеет себе равных, и его британский коллега Йорам Горлицкий про-

5. Sheila Fitzpatrick, "Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha," *Soviet Studies* 37:2 (1985); Igor Satz, Sheila Fitzpatrick, *A Spy in the Archives* (London: I. B. Tauris, 2014), p. 142–163.

6. Simon Sebag Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar* (New York: Knopf, 2004).

вели прекрасное научное исследование политического ближнего круга Сталина⁷; также заслуживает внимания работа Стивена Уиткрофта, который провел важный количественный анализ команды⁸.

Великие диктаторы всегда завораживают, поэтому неудивительно, что внимание не только публики, но и ученых сосредоточено на фигуре самого вождя. В случае сталинской команды, однако, есть и другие причины. Внутри команды и за ее пределами было принято подчеркивать вклад именно Сталина, а не чей-либо еще. Если в 1930-х годах советская пресса часто с восхищением писала не только о лидере (вожде), но и о лидерах (вождях), то есть о команде, то после войны все изменилось — теперь публичный образ команды был в значительной степени ограничен построением по обе стороны от Сталина на Красной площади во время первомайских парадов и тому подобных мероприятий. Кроме того, личные отношения внутри команды резко ухудшились. Дружеские отношения, которые существовали в начале 1930-х годов, в значительной степени исчезли к началу 1950-х годов, отчасти из-за того, что Сталин поощрял взаимные подозрения и враждебность, а попытки наладить более тесные личные и семейные отношения после смерти Сталина были недолговечными и не особенно успешными.

После 1953 года, когда был казнен Берия, 1956 года, когда был разоблачен «культ личности» Сталина, и 1957 года, когда Хрущев исключил оставшихся участников, объявив их «антипартийной группой», никто не хотел вспоминать, что они, включая

7. О. В. Хлевнюк, *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры* (Москва: РОССПЭН, 2010) (Oleg Khlevniuk, *Master of the House: Stalin and His Inner Circle* (New Haven: Yale University Press, 2009); Yoram Gorlizki and Oleg Khlevniuk, *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953* (Oxford: Oxford University Press, 2004).

8. Wheatcroft, “From Team-Stalin to Degenerate Tyranny”.

Берию, долго работали вместе, как одна команда, и со Сталиным, и без него. Берия после своего падения стал козлом отпущения, и его бывшие коллеги начали наперебой отрицать не только дружеские, но и рабочие отношения с ним. После десталинизации в 1956 году члены команды стремились дистанцироваться от того, что теперь называлось его преступлениями, а также стали указывать пальцем на своих коллег. Позже, когда оставшиеся в живых члены их семей и бывшие сотрудники начали писать мемуары, они, что неудивительно, создали весьма субъективные биографии, посвященные тому единственному члену команды, который, по их версии, делал все правильно. Сталин и личные отношения с ним героя воспоминаний были центральными, а остальная часть команды играла второстепенные роли и, как правило, была выставлена в дурном свете. Хотя члены команды сами признавали, что в прошлом они работали вместе, но делали это мимоходом и часто неохотно, в то время как их дети почти полностью это игнорировали. Это неудивительно, учитывая, что все подобные тексты были написаны после окончательного и тяжелого распада команды в 1957 году, когда Молотов, Маленков и Каганович пошли одним путем (но не вместе, чтобы избежать каких-либо обвинений в заговоре), а Хрущев — с Микояном и потрепанным Ворошиловым на буксире — другим.

После того как открылись архивы и были опубликованы мемуары, стало ясно, что политическая и частная жизнь Сталина были взаимосвязаны в значительно большей степени, чем это обычно бывает у политических лидеров. Он общался в основном с членами команды, в их кремлевских квартирах или на даче. Так было в первые дни существования команды, когда жена Сталина Надежда Аллилуева была жива, и у него и у многих его коллег были маленькие дети, и это продолжалось после самоубийства Надежды в 1932 году, когда

команда и его свояки от двух браков составляли практически весь круг его общения, сосредоточенного вокруг дачи. После смерти Надежды он был одиноким человеком и стал еще более одинок, когда репрессии разрушили семью родственников его жены, в которую он был принят. Ему составляла компанию дочь Светлана, но и это закончилось, когда она выросла и вышла замуж в годы войны. Компания членов команды стала еще важнее для Сталина после войны, и участники оставили незабываемые воспоминания об ужасном насильственном ночном общении на даче (теперь, в отличие от 1930-х годов, уже без жен и детей) и о том, каким тяжелым бременем оно было.

В прежние времена наше представление о Сталине и его команде в основном исходило от Троцкого, который считал, что Сталин — «второсортное ничтожество», а команда вообще «третьесортная посредственность» и вряд ли заслуживает обсуждения. Троцкий издевался над Молотовым и не упускал возможности высмеивать и унижать большинство остальных. Поскольку Троцкий в конце 1927 года был выслан из Москвы, а через два года из Советского Союза, то он знал членов команды только на раннем этапе их карьеры, если вообще их знал. Очевидно, он ошибался в отношении Сталина, который, кем бы он ни являлся, не был ничтожеством или просто продуктом партийной машины. Что касается команды, Троцкий был прав в одном: они не были интеллектуалами-космополитами, такими как он сам или Ленин. Но они совершенно не были невзрачными, безликими людьми, как их изображал Троцкий и другие вслед за ним.

Ближайший соратник Сталина, Молотов, по прозвищу «каменная задница», имел, казалось бы, бесконечную работоспособность; никто никогда не назвал бы его харизматичным, но наблюдая за тем, с каким упорством он в течение тридцати лет выдерживал не только работу, но и ос-

корбления и почти всегда упрямо отказывался принести извинения, начинаешь им в некотором роде восхищаться. Орджоникидзе, напротив, был харизматичным, вспыльчивым и очень любил своих коллег; отвечая за тяжелую промышленность в пиковые годы индустриализации, он проделал феноменальную работу, борясь изо всех сил за «свои» заводы и «своих» людей. Берия, еще одного грузина в команде, труднее всего оценить, потому что после его падения в 1953 году все ополчились на него, в итоге он приобрел имидж полностью разложившегося сексуального маньяка, а также главного палача; недоумеваешь, когда читаешь воспоминания его сына, который пишет о его красивой и высокообразованной жене, занимавшейся научной работой, и о том, что сам Берия предпочитал компанию интеллектуалов. С Кировым проблема обратная: его ранняя смерть превратила его в мученика, по определению хорошего парня, которого все помнили как своего лучшего друга. Пухлый Маленков, кажется, аппаратчик в чистом виде: кто бы мог подумать, что после падения с вершины власти он погрузится в биологию (специальность сына) и напишет в соавторстве научную работу об антигравитационном воздействии? Андреев, бывший рабочий, ездил проводить чистки в провинциях, слушая Бетховена на своем переносном граммофоне. Каганович, грубиян с комплексом неполноценности по отношению к интеллектуалам, отличался личной отвагой; его бывший протеже Хрущев маскировал острый ум и решительность под обманчивой внешностью «простого мужика».

Жены и дети членов команды были частью их жизни и взаимного общения и, таким образом, частью моей истории. Семейные связи Сталина были ослаблены: жена, покончившая с собой в 1932 году; старший сын от первого брака Яков, от которого он отказался; никчемный второй сын Василий; и Светлана, его любимица, которая в 1967 году сде-

лала немыслимое для команды — перебежала на Запад. Половина членов команды были «дядями» Светланы. Василий и Светлана выросли вместе с другими «кремлевскими детьми», среди которых были пять буйных сыновей Микояна — двое из них во время войны были арестованы и сосланы на несколько лет. Жена Молотова, Полина Жемчужина, которую он глубоко любил, была также арестована за сионизм и отправлена в ссылку на восемь лет, в то время как он оставался членом Политбюро. Эта эмансипированная, сильная женщина основала советскую косметическую индустрию. У Берии и Жданова было по одному сыну, которых они очень любили и которые, благодаря поддержке родителей, стали интеллектуалами, подобно многим детям членов команды. Почти все «кремлевские дети», вырастая, следовали желанию своих родителей и оставались вне политики, большинство из них получили высшее образование; поколение Светланы (военное и раннее послевоенное) влюбилось в Америку, а некоторые, в том числе Светлана, специализировались на американистике в МГУ. За заметным исключением Светланы, «кремлевские дети» оставались рядом со своими родителями и в последующие десятилетия поддерживали память о них.

Когда рисуешь групповой портрет, особенно с учетом социального и бытового контекста, почти неизбежно очеловечиваешь своих героев, включая Сталина. Некоторые могут посчитать это в принципе неприемлемым, отвлекающим внимание от того зла, которое олицетворяли эти люди. Но уступить этому возражению означает принять решение оставить Сталина и его людей вне истории, геттоизировать их в особом секторе «абсолютного зла», не подлежащем изучению. Когда Арендт писала о нацистских преступниках, она говорила о банальности зла, тем самым подчеркивая, что зло совершается обычными людьми, а не какими-то

монстрами. Пока мы смотрим на них издалека, как на каких-то особых людей, мы не можем видеть мир с их точки зрения, и поэтому очень трудно понять, почему они действовали именно таким образом. Конечно, понимание того, как они видели мир, всегда несет в себе опасность оправдания их действий. Но для историка еще важнее противоположная опасность — неспособность понять происходившее из-за недостатка понимания того, как герои оценивали свои собственные действия.

В любом случае я не могу сказать, что мой собственный опыт подтверждает представление о том, что изучение людей способствует пробуждению симпатии к ним. Начинаешь чувствовать, что они тебе не чужие — Молотов, который делает пустое, бесстрастное выражение лица в ответ на уколы и остается совершенно неподвижным, слегка постукивая пальцами по столу; Берия, с его сочетанием елейного почтения к Сталину, безграничной энергии и злого ума; взрывной Орджоникидзе и Микоян с его способностью избегать неприятностей и продолжать свое дело. Что касается Сталина, то в недавних работах специалистов, начиная с трудов советского историка Дмитрия Волкогонова, опубликованных во время перестройки, он представляется гораздо умнее и начитаннее, чем мы думали до 1990-х годов. Он мог быть как очаровательным, так и жестоким. Члены команды боялись его, но они также восхищались им и уважали его, видя его превосходство, особенно в плане смелости и хитрости. Конечно, с точки зрения постороннего, смелость означала равнодушие к убийству людей, а хитрость, которая часто граничила с садизмом, означала умение обманывать их. «Ты хитрый ублюдок» — одна из моих самых частых личных реакций при чтении документов Сталина.

Некоторые читатели могут подумать, что для описания такого великого злодея, как Сталин, не подходит ничего, кроме постоянного негодова-

ния⁹. Но я думаю, что работа историка отличается от работы прокурора или, если хотите, адвоката. Первая задача историка состоит в том, чтобы попытаться понять смысл вещей, а это не то же самое, что обвинение или защита. Это не значит, что я отрицаю существование проблем, связанных со стремлением к объективности¹⁰: как бы мы ни старались, у всех нас есть предубеждения и предвзятые мнения, и физически невозможно изобразить «взгляд из ниоткуда». Когда я сама читаю исторические труды, я либо доверяю авторам (смотря по тому, как они обращаются с источниками и какие предъявляют доказательства), либо не доверяю им, и в этом случае я обычно перестаю читать. Я надеюсь, что мои читатели верят мне, а если нет, всегда можно обратиться к другому автору.

Тем не менее остается вопрос, на чем основывается моя точка зрения, не может же она не иметь никаких источников. Для тех, кто занимается социальной историей Советского Союза, включая меня, когда я писала одну из своих ранних работ «Сталинские крестьяне»¹¹, основой обычно является солидарность с жертвами. Но для политической истории такой подход не годится: у крестьян из моей книги было свое мнение о Сталине, но информации о нем у них было очень мало, также у них не было никакой возможности наблюдать его вблизи. В этой книге я смотрю на Сталина (а он, нравится вам это или нет, является центральной фигурой

9. Hannah Arendt, *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil* (London: Faber & Faber, 1963); Ханна Арендт, *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме* (Москва: Европа, 2008).

10. Sheila Fitzpatrick, "Demoyte's Grey Suit: Writing Memoirs, Writing History," *Australian Book Review*, June–July 2014; Thomas Nagel, *The View from Nowhere* (New York: Oxford University Press, 1986).

11. Русское издание: Шейла Фицпатрик, *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня* (Москва: РОССПЭН, 2001). — Прим. науч. ред.

в моем повествовании) глазами члена его команды. Это необычная перспектива, и я думаю, что она может способствовать более глубокому пониманию. Команда знала о нем больше, чем кто-либо другой, у членов команды были исключительные возможности получать информацию и наблюдать его вблизи. Кроме того, их взгляд на Сталина был неоднозначным — они были одновременно его соратниками и потенциальными жертвами, и позднее, когда в 1956 году Сталин был свергнут с пьедестала, им пришлось смириться с этой неоднозначностью. Должна признаться, у меня есть и личные причины для выбора такого угла зрения. Сталин жил в постоянном страхе, что в его окружение проберется шпион и сможет наблюдать за ним с близкого расстояния. В этой книге такой шпион — я.

Следует сказать и об источниках. Документов Политбюро сохранилось немного, отчасти из-за того, что члены Политбюро не любили вести протоколы заседаний, что в свою очередь объясняется тем, что еще в 1920-е годы им не удавалось пресечь утечки информации не только внутри страны, но и за границу. Важным источником сведений о предвоенном периоде является переписка с членами команды, но после войны из писем исчезает все личное, хотя, к счастью для историков, в это время Сталин все чаще уезжает из Москвы, и поэтому между ним и Политбюро идет постоянный обмен письмами и телеграммами. Советская история полна мифов, которые вошли и в труды советологов, и в московский фольклор. Я отношусь к этим мифам скептически, однако признаю, что иногда они соответствуют действительности. Для 1950-х годов я использовала другой род фольклора — письма о положении дел в стране, которые советские граждане писали вождям. Эти письма, подобно хору в греческой трагедии, комментируют события, связанные с переходом власти и его последствиями.

Обилие мемуаров и поздних интервью было одновременно и радостью, и проблемой этого проекта. Естественно, что все они в той или иной степени наполнены самооправданиями и защитой собственных интересов, и многие из них написаны спустя значительное время после события или детьми (Берии, Маленкова, Хрущева), которые пересказывали то, что, как они помнили, рассказывали им отцы. Историк чувствует, что эти источники сродни лоббизму, все они стремятся защитить свои интересы, но книга не могла бы быть написана без них. Я, безусловно, осознаю, что люди, которые оставили самые подробные записи (Хрущев и Микоян), тем самым имеют привилегию внушать свою версию событий. Другой проблемой источников, о которой следует сказать, является то, что в силу политических обстоятельств для мемуаристов и советских историков одни люди превратились в злодеев, а другие в святых. Берия, казненный в 1953 году, относится к первой категории. Вторая категория включает в себя Кирова, убитого в 1934 году, а также Калинина, который в советское время был признан народным любимцем. (Между прочим, я подозреваю, что это не так и что любимцем народа был одаренный и несколько дерзкий военный Ворошилов.)

Личный архив Сталина богат, и это тоже своего рода произведение искусства: он вычищен и сформирован разными людьми, включая самого Сталина. Сталин был мастером манипуляции, в споре он легко мог отстаивать обе точки зрения в разных контекстах (при этом сохраняя определенные принципы и цели), мог говорить чудовищную ложь, но мог, неожиданно — хотя и расчетливо — быть очень искренним. У него было живое, творческое воображение, в юности он писал стихи, а в советское время с удовольствием сочинял сценарии показательных процессов. Также он был прекрасным, профессионального уровня, редактором чужих текстов, включая правку грамматики и пунктуации. Сталину

не повезло с мемуарами, собственных воспоминаний он не оставил и оказался единственным членом команды, чей ребенок (дочь Светлана) не оправдывал его в своих мемуарах.

Хотя эта книга основана на архивных материалах и первоисточниках, она не является строго академическим исследованием. Было бы жалко сгладить всю эту высокую драму и выкинуть личные детали, которые для меня делают команду живой. Более того, сталинская эпоха по-прежнему важна для широкой общественности, особенно для тех, кто пережил холодную войну. В прошлом я много писала о социальных, культурных и бытовых аспектах советского опыта, но это мой первый масштабный заход в сферу большой политики и биографий. Поскольку работа задумана как популярная, я, как правило, не делаю акцент на научных спорах. Моя библиография включает только те работы, которые цитируются в тексте. Но читатели-ученые также являются частью моей целевой аудитории, поэтому я включила подробные примечания, которые позволяют им видеть, откуда я получила информацию. В заключении описан вклад книги в научную дискуссию.

Читатели, знакомые с моими ранними работами, узнают некоторые интересовавшие меня темы, в частности, внимание к ведомственным интересам¹² в большой политике, патрон-клиентским отношениям¹³ и повседневному взаимодействию¹⁴.

12. См. прим. 5 выше.

13. Sheila Fitzpatrick, "Intelligentsia and Power: Client-Patron Relations in Stalin's Russia," in Manfred Hildermeier, ed., *Stalinismus vor dem zweiten Weltkrieg* (Munich: Oldenbourg, 1998); and in: Sheila Fitzpatrick, *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia* (Princeton: Princeton University Press, 2005), ch. 10; Шейла Фицпатрик, *Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века* (Москва: РОССПЭН, 2011), гл. 10.

14. Sheila Fitzpatrick, *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization* (Oxford: Oxford University Press, 1994); Фицпатрик, *Сталинские крестьяне*; Shei-

В некотором смысле то, что я написала, — это «Повседневный сталинизм», перенесенный из народной городской среды предыдущей книги в странный, изолированный мир Кремля. Но в ходе моих исследований были неожиданные открытия — вещи, которые меня удивили и которые, я надеюсь, также удивят моих коллег по науке. Когда я начинала, я знала 1930-е годы намного лучше, чем послевоенный и послесталинский период, и полагала, что именно тогда был самый интересный и оживленный период работы команды именно как команды. Казалось правдоподобным, что репрессии разрушили ее. Я провела некоторое время в архивах Политбюро 1939–1940 годов и заметила, что, хотя Сталин, казалось, функционировал нормально, остальные, хотя и работали усердно над восстановлением урона от репрессий, не были особенно заметны. Однако было ли это временным или постоянным изменением?

Микоян в своих мемуарах настаивал, что наивысшей эффективности команда достигла в годы Второй мировой войны, что это был ее звездный час. Это вступает в противоречие с гипотезой о том, что репрессии разрушили команду. Более того, в послевоенный период возникла аномальная ситуация: Сталин не мог отстранить от власти Молотова и Микояна и не мог изгнать их из своего окружения, вероятно, по причине сопротивления со стороны команды. Команда, которая могла покуситься на незыблемую прерогативу Сталина исключать людей, безусловно, была вполне жизнеспособной и даже в состоянии дать отпор. Затем, когда

la Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times; Soviet Russia in the 1930s* (New York: Oxford University Press, 1999); Шейла Фицпатрик, *Повседневный сталинизм: социальная история Советской России в 30-е годы* (Москва: РОССПЭН, 2008); Fitzpatrick, *Tear Off the Masks!*; Фицпатрик, *Срывайте маски!*

я начала писать главу о послесталинском периоде, меня поразило, как хорошо команда справилась с переходом власти, хотя все боялись, что наступит крах. Как будто вполне естественно, что сталинская команда без Сталина превращается в коллективное руководство и, более того, успешно проводит реформы!

Было время, когда портреты членов команды несли на первомайских демонстрациях вместе с портретами Сталина, а их именами в изобилии называли города, заводы, колхозы и учреждения культуры, что, вероятно, должно было обеспечить им бессмертие. Затем произошло частичное ниспровержение Сталина, сначала в 1956 году, затем в 1961 году; в 1957-м произошло падение Молотова, Маленкова и Кагановича, а в 1964-м — Хрущева; и, наконец, в 1991 году распался Советский Союз. В 1957 году городу Молотову вернули первоначальное название Пермь. Во время перестройки ряду городов Украины и Северного Кавказа, которые носили имена членов команды, вернули их исторические названия, например, Луганск (Ворошиловград) и Мариуполь (Жданов). В центральной России столица военного времени, город Куйбышев, в 1991 году вернула свое историческое название Самара. На карте остались только Калинин и Киров — вероятно, просто случайно повезло. Кирову повезло больше всех, его имя носит не только город Киров (бывшая Вятка) и область на Урале, но и Кировский театр, хотя теперь он уже не в Ленинграде, а в Санкт-Петербурге¹⁵. Калинин повезло меньше, он лишился Твери в центральной России, но сохранил Калининград — это название получил Кенигсберг, когда после Второй мировой войны вошел в состав России¹⁶.

15. Сейчас Кировский театр снова называется Мариинским. Название возвращено 16 января 1992 года. — *Прим. пер.*

16. Е. М. Поспелов, *Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992)* (Москва: Русские словари, 1993).

Сталин также лишился «своих» городов. В 1961 году Сталинград переименовали в Волгоград, такая же участь постигла город Сталино на Украине (Донецк) и столицу Таджикистана Сталинабад (Душанбе). В путинской России все еще идут споры о том, не следует ли переименовать Волгоград обратно, чтобы сохранить память о его героическом прошлом и о великой сталинградской битве во время Второй мировой войны. Имя Сталина, безусловно, останется в сознании русских людей. Но имена членов команды, за исключением, может быть, Молотова и Ворошилова, следующее поколение, вероятно, не вспомнит. Никому не придет в голову переименовать Пермь обратно в Молотов, а недавно провозглашенная Луганская Народная Республика на востоке Украины, хотя и стремится сблизиться с Россией, даже не думает вернуть себе имя Ворошиловград.

Члены команды вряд ли бы стали сожалеть об этом забвении. За исключением Хрущева (и Берии, если бы ему предоставился шанс), они не стремились занять отдельное место в истории и в основном довольствовались тем, что были товарищами Сталина по строительству социализма. Они считали, что этим способствуют историческому прогрессу, хотя из XXI века этот проект воспринимается иначе. Члены команды скромно и при этом справедливо говорили, что Сталин был стержнем всего этого, без него они не могли бы совершить ничего подобного. Но верно и другое: он не мог бы совершить всего этого без них. И пусть это будет им эпитафией, хорошо это или плохо.

Становление команды

В НАЧАЛЕ это была команда Ленина. Владимир Ильич Ленин был ее капитаном с тех пор, как в 1903 году российские революционеры-марксисты раскололись на большевиков и меньшевиков. Ленин выбрал название «большевики» (большинство), оставив обозначение меньшинства — «меньшевики» — оппозиции. На самом деле все было наоборот: большевики были в меньшинстве, а Ленин, самый непримиримый и наименее склонный к компромиссам из лидеров партии, спровоцировал раскол. Нельзя было спорить о том, кто должен быть капитаном большевиков. Если вы не хотели играть в команде Ленина, вам нужно было уйти в другое место. Ленин и многие другие революционеры жили в эмиграции в Европе за годы до Первой мировой войны, избегая внимания царской тайной полиции. В его команду входили эмигранты, такие как Григорий Зиновьев и молодой Николай Бухарин, достаточно дерзкий, чтобы спорить с Лениным о теории империализма и государственного капитализма. Но у его партии были сторонники и в российском революционном подполье, так называемые комитетчики, прошедшие тюрьмы и ссылки, в частности, грузин Иосиф Сталин и русский Вячеслав Молотов.

Старые подпольщики были более суровыми людьми, чем эмигранты, менее образованными и стояли на несколько ступеней ниже на социальной лестнице. Многие из них, такие как русский

Михаил Калинин и латыш Ян Рудзутак, были рабочими, как и положено в самоназванной «пролетарской» партии. Россия была многонациональной империей, и в российском революционном движении, включая большевистскую партию, было столько же нерусских, сколько и русских, что отражало возмущение национальных меньшинств политикой русификации, которую проводил царский режим. Евреи, в том числе Зиновьев, Каменев и будущий приспешник Сталина Лазарь Каганович, составляли один из крупнейших контингентов; также были многочисленные группы с Кавказа, в частности, грузины и армяне; из Прибалтики, особенно латыши; а также украинцы и поляки. Избранный в августе 1917 года большевистский Центральный комитет состоял из восьми русских, шести евреев, двух латышей, двух украинцев, поляка, грузина и армянина¹.

Либеральное Временное правительство пришло к власти в России после Февральской революции, но его положение было шатким. Народные волнения усилились, поскольку правительство не смогло вывести страну из Первой мировой войны, несмотря на поражения, огромные потери и — к лету — массовое дезертирство с фронта. Подстрекаемые нетерпением радикально настроенных солдат, матросов и рабочих, большевики в октябре захватили власть в Петрограде. Главным организатором переворота был бывший меньшевистский эмигрант Лев Троцкий, который присоединился к своим старым противникам, большевикам, когда понял, что Ленин был тем человеком, который серьезно относился к захвату власти. Но, конечно, именно Ленин возглавил новое правительство. Оно было почти полностью большевистским, в соответствии с давно укоренившейся неприязнью Ленина к сотрудничеству с революционерами вне его собственной пар-

1. Robert V. Daniels, *The Conscience of the Revolution* (New York: Simon and Schuster, 1960), p. 422–433.

тии. Но даже однопартийное правление не было защищено от внутренних разногласий.

Во время Гражданской войны, которая бушевала с 1918 по 1921 год, в партии образовались различные фракции, одна из них вокруг Троцкого, но Ленин был полон решимости их раздавить. Его способ сделать это послужил примером для Сталина и целого ряда тех, кто позже перешел в сталинскую команду. Ленин хотел и фактически достиг в 1921 году запрета на фракции внутри большевистской партии. Метод его заключался в том, чтобы создать собственную фракцию, гораздо более организованную, чем у противников, в частности у Троцкого, который на тот момент был более заинтересован в конкретном политическом вопросе (призыве на военную службу после окончания Гражданской войны, против чего яростно возражали профсоюзы), чем в формировании фракции. Во фракции Ленина изобиловали секретные договоренности, тайные собрания и списки кандидатов от оппозиции, которые должны быть отклонены на выборах провинциальных делегатов на предстоящий съезд национальной партии. Ленин даже предложил позвать старого товарища по подполью с нелегальным ручным печатным станком, чтобы победить в листовочной войне. Будучи заговорщиком с огромным опытом, Ленин явно наслаждался этим процессом и дразнил Сталина, своего помощника по партийным организационным вопросам, за его упреки в том, что ради запрещения фракций он сам так явно вовлечен в фракционную деятельность². Молотов, второй человек в будущей команде Сталина, гордился тем, что участвовал в заговоре Ленина против Троцкого в 1921 году. Два молодых большевика из провинции, оба — будущие члены коман-

2. Феликс Чуев, *Сто сорок бесед с Молотовым* (Москва: Терра, 1991), с. 181; А. И. Микоян, *Мысли и воспоминания о Ленине* (Москва, 1970), с. 139.

ды, привлекли внимание Ленина и Сталина своей превосходной службой на стороне ленинской фракции: 22-летний армянин Анастас Микоян и 27-летний Лазарь Каганович, еврейский рабочий из черты оседлости. Они были организаторами победы в жестких местных фракционных боях в Нижнем Новгороде на Волге и в Туркестане соответственно. Серго Орджоникидзе, грузин, чьи связи с Лениным восходят к 1911 году, был одним из тех, кто боролся за фракцию Ленина против активной оппозиции на Кавказе³.

Блистательный и высокомерный Троцкий на этом этапе был вторым человеком в стране, благодаря своим достижениям во время Гражданской войны, в качестве создателя и руководителя Красной армии. В 1921 году, в возрасте 42 лет — почти ровесник Сталина и на девять лет младше Ленина — он был членом Политбюро, высшего руководящего органа партии, наряду с Лениным, Зиновьевым, Каменевым, Сталиным и трио «кандидатов» (без права голоса): Молотова, Бухарина и Калинина. Как позже рассказывал Троцкий, он и Ленин оставались близки, несмотря на конфликты 1920–1921 годов. По крайней мере, со стороны Ленина это была настороженная близость. Мало того что Троцкий был его решительным противником в различных дореволюционных спорах о марксистской теории, он был также харизматичным героем революции 1905 года, Октябрьской революции 1917 года и победоносной Гражданской войны. Другими словами, он был серьезным соперником Ленина, независимо от того, намеревался ли оспаривать его лидерство или нет. Для большевистской молодежи, особенно для тех, кто служил в Крас-

3. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 227; Лазарь Каганович, *Памятные записки* (Москва: Вагриус, 1996), с. 236, 242–247; Микоян, *Мысли о Ленине*, с. 156; А. И. Микоян, *Так было: размышления о минувшем* (Москва: Вагриус, 1999), с. 169–177.

ной армии во время Гражданской войны, Троцкий был чем-то вроде культовой фигуры. Но те, кто был в большевистской партии до 1917 года — «старые большевики», как их стали называть, — относились к нему с подозрением, как к выскочке.

Сталин, напротив, оставался темной фигурой. Сын сапожника из грузинской провинции с незаконченным семинарским образованием, он был одним из подпольных «комитетчиков», которых сформировали конспиративная работа, тюрьма и ссылка. Его связь с Лениным началась еще до революции — он навещал Ленина в Польше в 1912 году, заработав прозвище «чудесный грузин», но они начали работать в тесном контакте только после возвращения Ленина в апреле 1917 года. Первоначально, как и другие действовавшие в России большевики, он был удивлен тем, что Ленин упорно не желал сотрудничать с иными революционными партиями, но вскоре выбрал линию Ленина, поддержав его по спорному вопросу о захвате власти (Зиновьев и Каменев были против). Находясь в Царицыне (позже Сталинград) во время Гражданской войны, он и его друг Клим Ворошилов вступили в такой серьезный конфликт с Троцким, главой Красной армии, что Ленин вынужден был вмешаться. В целом Сталин был одиночкой, однако его социальные связи в большевистском движении окрепли, когда во время Гражданской войны он женился вторым браком на Надежде Аллилуевой, молодой дочери известного революционера с Кавказа. Сталин был закулисным человеком, в первые годы в Политбюро он редко высказывал свое мнение. Его любимым делом была организационная работа и управление кадрами, ведение учета того, какие местные партийные отделения нуждались в поддержке и на каких делегатов можно было рассчитывать, чтобы они проголосовали за фракцию Ленина на ежегодных партийных съездах.

Сталин не был ни хорошим оратором, ни видным участником теоретических дебатов в партии, отношение к нему в начале 1920-х годов было почти исключительно отрицательным, и казалось, что он не может составить конкуренцию в борьбе за власть. «Посредственность», «ничтожество», «вождь уездного масштаба» — вот некоторые из уничижительных характеристик, которые давали ему Троцкий и другие партийные интеллектуалы. Николай Суханов, революционер-интеллектуал, который знал всех, кто имел вес в большевистской партии, хотя сам не был ее членом, сохранил о нем впечатление только как о «сером пятне, иногда маячившем тускло и бесследно». Другой космополитический интеллектуал, вспоминая Сталина в 1919 году, сказал, что он был «пугающим и банальным, как кавказский кинжал», но, возможно, все, кроме «банального», было приписано задним числом. Коллега по Центральному комитету в начале 1920-х годов описывал Сталина как дисциплинированного, скрытного и осторожного, ощущавшего себя менее образованным, чем многие из его коллег по Политбюро, и мстительного. Гордый и обидчивый Сталин знал, что о нем думают другие, и возмущался этим. Но Ленин обращался к Сталину всякий раз, когда требовалась жесткость или непреклонность⁴.

Затем, на пятом году советской власти, произошла беда. 24 мая 1922 года у Ленина случился первый инсульт, за ним в декабре того же года

4. Leon Trotsky, *Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence* (New York: Grosset & Dunlap, 1941), p. 392–393; N. N. Sukhanov, *The Russian Revolution, 1917: Eyewitness Account* (Oxford: Oxford University Press, 1955), p. 229–230; Victor Serge, *Memoirs of a Revolutionary* (New York: New York Review of Books, 2012), p. 98 (цитата); Boris Bazhanov, *Bazhanov and the Damnation of Stalin* (Athens: Ohio University Press, 1990), p. 104–106; Robert Service, *Stalin: A Biography* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2005), p. 196 (цитата).

последовал второй, после чего активное участие Ленина в политической жизни закончилось. Больше года, пока Ленин умирал, в партии шла борьба за власть. В отсутствие Ленина партией, а следовательно, страной, управляли члены Политбюро Троцкий, Сталин, Зиновьев, Каменев, Михаил Томский и недавно избранный Алексей Рыков, который был заместителем Ленина на посту главы правительства и теперь унаследовал от него эту должность. Сталин был генеральным секретарем партии, Каменев возглавлял Московский совет, Зиновьев возглавлял ленинградскую партийную организацию, Троцкий отвечал за вооруженные силы, а Томский — за профсоюзы. Ленин, который по причине болезни оказался в стороне, стал относиться ко всей команде критически и почти враждебно, обвиняя их в «олигархических» тенденциях. Неизвестно, было ли это, как утверждают некоторые, запоздалым поворотом в сторону демократии, но, безусловно, Ленин был огорчен, что из-за болезни не может участвовать в принятии решений. Через неделю после второго инсульта Ленин написал несколько непоследовательный документ, впоследствии получивший название «Завещание», где он дал характеристики потенциальным преемникам, всем — отрицательные. Сталина и Троцкого он называет «выдающимися вождями», но при этом замечает, что их личные качества могут «ненароком привести к расколу» в партии. Сталин, будучи генеральным секретарем партии, «сосредоточил в своих руках необъятную власть» и может не всегда достаточно осторожно ею пользоваться, а Троцкий — «пожалуй, самый способный человек» в партии — слишком самоуверен и любит командовать. Через несколько недель Ленин написал постскрипtum, очень негативный по отношению к Сталину: он «слишком груб» и его нужно заменить на посту генерального секретаря кем-то, кто будет «более терпим, более лоялен, более веж-

лив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»⁵.

Отчасти недовольство Ленина было вызвано разногласиями со Сталиным по национальной политике — это был единственный вопрос, в котором Сталин считал себя экспертом. Только что образованный Советский Союз включал Кавказ — будущие республики Грузию, Армению и Азербайджан, которые были частью Российской империи и вошли в состав революционного государства с разной степенью добровольности. Наибольшую проблему представляла Грузия, и в начале 1920-х годов вопрос стоял так: следует ли предоставить ей статус отдельной республики или включить ее в Закавказскую Федерацию. Сталин яростно защищал вариант федерации, Ленин этот вариант поддерживал, но с большим, чем Сталин, вниманием к позиции грузинских большевиков, которые были против этого. Когда Ленин узнал, что Орджоникидзе, сторонник Сталина в этом регионе, просто ударил своего местного оппонента, он очень разозлился. Такое чувство, что во время болезни Ленин вернулся к кодексу чести и нормам поведения той респектабельной провинциальной среды, в которой он рос в 1880-е годы.

Ленинская нетипичная для большевика реакция на кавказский вопрос дополнилась гневом из-за грубости, которую Сталин проявил по отношению к его жене, Надежде Крупской. В своих личных отношениях Сталин никогда до конца не переставал быть грузинским мачо и плохо ладил с женами своих товарищей, такими как Крупская, которая не шла на компромиссы, сама была ветераном партии, не любила, когда ею командовали и презирала женские слабости. Когда коллеги Сталина по По-

5. В. И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, в 55 томах, 5-е изд. (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1958–1970), т. 45, с. 343–348.

литбюро поручили ему неприятную обязанность наблюдать за тем, чтобы Ленин выполнял предписания врачей, отдыхал и не работал, то конфликт с Крупской стал почти неизбежным⁶. Как верная жена (или товарищ, как она сама предпочитала себя называть), она, по настоятельной просьбе Ленина, систематически нарушала запреты врачей, приносила ему газеты, передавала сообщения коллегам и вообще постоянно его информировала. Сталин грубо обругал ее за подобное поведение, и когда Ленин это услышал незадолго до своего третьего инсульта в марте 1923 года, то холодно заметил, что воспринимает оскорбление, нанесенное его жене, как личное оскорбление — еще одно обращение к тем нормам, в которых он был воспитан, поскольку большевики о своих женах так не говорили. Он угрожал разорвать со Сталиным все отношения, если тот не извинится. Сталин был потрясен тем, что его одернул человек, которого, как он сказал сестре Ленина, он «любил всем сердцем»⁷. Тем не менее он принес только самые формальные извинения, так как считал, что Крупская была неправа, а Ленин вел себя совершенно неразумно. Молотову он обиженно сказал: «Что же, из-за того, что она пользуется тем же нужником, что и Ленин, я должен так же ее ценить и признавать, как Ленина?»⁸ Хорошо воспитанный Молотов, хотя он не был большим поклонником Крупской, счел это грубостью.

Ленин умер 21 января 1924 года. На его похоронах 27 января все члены Политбюро — Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский — и кандидаты — Молотов, Бухарин и Рудзутак — несли гроб, наряду с Феликсом Дзержинским, уважаемым польским большевиком, который был главой и основате-

6. Moshe Lewin, *Lenin's Last Struggle* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005).

7. Service, *Stalin*, p. 211.

8. Феликс Чуев, *Молотов* (Москва: OLMA-PRESS, 2000), с. 272.

лем ЧК. Троцкий, измученный политической борьбой со своими коллегами по Политбюро и восстанавливавшийся после болезни на юге, отказался возвращаться в Москву на похороны — странное личное решение в свете его декларируемой привязанности к Ленину и политически убийственное.

Гонка за право быть преемником шла полным ходом. Это была странная гонка. Во-первых, не было официальной должности лидера партии, которую можно было бы занять. Остальные лидеры единодушно говорили, а, возможно, какое-то время и чувствовали, что никто не сможет заменить Ленина. В Политбюро никогда не было формального руководителя, его понимали как группу равных, хотя среди этих равных Ленин определенно был первым. Вторая странность, следствие первой, заключалась в том, что то, что историки называют борьбой за преемственность, не было открытой борьбой за лидерство. Скорее, это была борьба за единство против так называемых фракционеров, чье сопротивление правлению большинства было направлено на то, чтобы скрыть (нелегитимные) личные амбиции и взять на себя роль лидера. Фракционность, хотя и формально запрещенная, оставалась проблемой для партии: «У нас был тончайший слой партийного руководства, — вспоминал позднее Молотов, — а в этом тончайшем слое все время были трещины»⁹. Как якобинцев во Французской революции (прецедент неудавшейся революции, по большому счету, все время тревожил умы лидеров партии), большевиков могла уничтожить фракционность. Их власть была слабой, они могли легко потерпеть неудачу, и вся революция вполне могла быть уничтожена при участии враждебных «капиталистических» держав Запада, которые уже однажды пытались добиться этого путем вмешательства в Гражданскую войну.

9. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 37.

Очевидную угрозу представлял Троцкий. Он не был старым большевиком, в 1920 году его считали фракционером из-за политических разногласий, а кроме того — тут всегда всплывал призрак Французской революции, — то, что он возглавлял Красную армию, давало ему возможность стать потенциальным Бонапартом. Вообще-то, он не очень умел организовывать фракции — Троцкий был нетерпелив, субъективен, саркастичен и с презрением относился к тем, кто был не так умен, как он. Возможно, он даже и не хотел становиться лидером партии. Но он предпочитал все делать по-своему, любил спорить о политике и считал себя главным марксистским теоретиком в партии. Неудивительно, что его коллеги по Политбюро, к которым он не проявлял особого уважения, были уверены, что он стремится к лидерству; в особенности так считали те, кто сам хотел занять высшую должность, а именно Зиновьев и Сталин.

Ленин был не единственным, кого волновало исчезновение революционной демократии. Все большевики, безусловно, выступали за централизованное руководство и сильную партию, но они привыкли к довольно большой степени свободы внутри партии, где допускались дискуссии и была существенная автономия на местах. Большевики умели делать революцию, но теперь, когда они стали правящей партией, им нужно было привыкать к другому стилю работы. Этот процесс называли «бюрократизацией» — все большевики выступали против нее и обвиняли друг друга в ее проявлении.

Были и другие поводы для споров. Один из них — экономическая политика. Во время Гражданской войны большевики практиковали в городах всеобщую национализацию, но эта политика провалилась и им пришлось прибегнуть к частичной легализации рыночной экономики, которая получила название НЭП (новая экономическая политика). Реквизиции, проводившиеся во время Гра-

жданской войны, натолкнулись на серьезное противодействие крестьян, которые тогда составляли 80% населения, и большевики вынуждены были отступить, предоставив крестьян самим себе. Крестьянство было тогда не только несоциалистическим, но даже докапиталистическим («отсталым» — любимый уничижительный термин большевиков), а большевики были не только революционерами, но и социальными реформаторами. Если бы они не смогли провести социалистические преобразования в экономике, их революция бы проиграла. Вопрос был в том, как их проводить и когда.

1923 год, период междуцарствия, был для партии временем испытаний. Троцкий хотел проводить более смелую экономическую политику. Другие хотели больше демократии внутри партии. Руководство согласилось провести широкую дискуссию по ключевым вопросам. Сталин сказал, что такая дискуссия полезна и что это признак силы партии, а не слабости или разброда¹⁰. Были, конечно, свои пределы, как подчеркнул Сталин, партия являлась боевой организацией, а не дискуссионным клубом, и, как откровенно заметил Зиновьев, в решительный момент каждый революционер говорит: к черту священные принципы «чистой» демократии¹¹.

Троцкий и его сторонники были в числе самых энергичных участников дискуссии, и когда Троцкий издал манифест, призывающий к «Новому курсу», чтобы возродить революционный дух, обратить вспять окостенение партии и сплотить молодежь, его коллеги из старой гвардии в Политбюро этому не обрадовались. Зимой 1923–1924 годов эта дискуссия превратилась в своего рода избирательную кампанию, поскольку она совпала с отбо-

10. И. В. Сталин, *Сочинения* (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1947), т. 5, с. 354–355, 370 («О задачах партии», 2 декабря 1923).

11. Daniels, *Conscience*, p. 233, 29.

ром делегатов местными партийными комитетами на предстоящую XIII партийную конференцию. Оппозиция, как ее стали называть, направила своих ораторов в местные комитеты — не самого Троцкого, поскольку он болел, как это часто с ним случалось в кризисные моменты, а его сторонников, а также сторонников большей партийной демократии (отдельная фракция, не представленная в Политбюро). Оппозиция оппозиции, которая начала называть себя «большинством Центрального комитета», также имела влияние, наиболее заметным ее представителем был Зиновьев. Трудно оценить, какую поддержку имела оппозиция, поскольку ее первоначальные успехи в Москве, как правило, сводились на нет после прибытия авторитетных представителей «большинства» из числа членов Центрального комитета, чья способность убеждать подкреплялись закулисными дисциплинарными мерами, в которых Сталин был большим специалистом. И все же «большинство», вероятно, с бóльшим правом, чем большевики-ленинцы в 1903 году, могло так себя называть, и его победа была решающей. Из 128 голосующих делегатов на партийной конференции, состоявшейся в январе 1924 года, только трое были из оппозиции. В сильной речи на конференции, которая ознаменовала его появление на публике в роли лидера, Сталин высмеял недавнее превращение Троцкого в защитника демократии — сам он был сторонником жесткой дисциплины во время Гражданской войны и известным приверженцем централизации — и обвинил его во фракционности, а следовательно, в стремлении захватить власть: он противопоставил себя ЦК и возомнил себя «сверхчеловеком, стоящим над ЦК», — сказал Сталин¹².

Это было начало конца для Троцкого, хотя он оставался полноправным членом Политбюро

12. Сталин, *Сочинения*, т. 6 (1952), с. 14.

и его голос громко звучал во время политических дебатов еще несколько лет. На состоявшемся в мае XIII съезде партии его речь была очень неудачной. Пытаясь добавить ноту смирения, он сказал, что «партия всегда права», потому что она на стороне истории. Несколько лет спустя это не привлекло бы особого внимания, но в 1924 году это было чрезмерно, а в устах своевольного Троцкого — яростного критика большевиков, пока он не присоединился к ним в июне 1917 года, — это звучало просто лицемерно. Вдова Ленина Крупская насмеялась над ним по этому поводу¹³.

Если созыв XIII съезда партии в мае 1924 года был плохим моментом для Троцкого, то и для Сталина он также не был хорош. Крупская принесла письмо, которое стало известно как «Завещание Ленина», за несколько дней до открытия съезда, и лидеры партии, ни один из которых не получил от Ленина положительного отзыва, должны были быстро решить, что с ним делать. Они договорились не сообщать об этом письме съезду (хотя Ленин просил именно об этом), а разослать его избранной группе руководителей провинциальных делегаций. Сталин вызвался уйти в отставку с поста генерального секретаря, но никто не стал поднимать этот вопрос. Для него это было напряженное, несчастное время. По одной из версий, он сбежал из Москвы в середине съезда и заперся на даче, отказавшись принимать кого-либо, кроме жены Томского, Марии, которая «сидела с ним двое суток, кормила его из чайной ложечки и ухаживала за ним, как за маленьким ребенком», прежде чем стало возможно убедить его вернуться в Москву¹⁴. Он жаловался, что люди ос-

13. XIII съезд РКП(б), май 1924 г. *Стенографический отчет* (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962), с. 158 (Троцкий), 224 (Крупская).

14. Михаил Томский, *Воспоминания* (Москва: РГГУ, 2001), с. 158, 275–276.

корбляли его незаслуженно. Мария была подругой его жены Надежды, чье отсутствие в этом эпизоде примечательно. Сталин и Надежда не ладили.

В это же время появляются и другие признаки необычайной уязвимости Сталина. Несколько месяцев спустя он получил письмо от семнадцатилетнего комсомольца из северных областей, который выразил ему горячую политическую приверженность и попросил разрешения Сталина взять его фамилию, поскольку Сталин был истинным учеником Ленина. Сталин ответил лично (это было удивительно, так как обычно он поручал подобные письма секретарю), и его ответ звучит почти как крик души одинокого человека, благодарного за доброе слово: «Против присвоения фамилии Сталин никаких возражений не имею; наоборот, буду очень рад, так как это обстоятельство даст мне возможность иметь младшего брата (у меня братьев нет и не было)»¹⁵. Это письмо было написано всего через несколько недель после того, как Сталин попросил освободить его от исполнения обязанностей секретаря ЦК, объясняя это тем, что ему нужно уехать на лечение. Он попросил назначить его «в Туруханский край или в Якутскую губернию или куда-нибудь за границей на какую-нибудь маленькую должность»¹⁶. Другими словами, как можно дальше, и он также попросил Центральный комитет решить вопрос в его отсутствие — так, чтобы ему даже не пришлось видеть коллег, перед которыми он потерял лицо.

Центральный комитет, конечно же, не направил его в Туруханск. Его даже не сняли с поста генерального секретаря, и отдохнув, к осени он уже снова включился в работу. Но друзья и сподвижни-

15. «Против присвоения фамилии Сталина возражений не имею», *Источник*, 1996, № 2, с. 156–160.

16. Service, *Stalin*, p. 224. (Туруханский край был местом последней дореволюционной ссылки Сталина. — *Прим. науч. ред.*)

ки Сталина помнили, что эти годы были для него трудным временем; его самолюбию был нанесен чувствительный удар¹⁷. Обычно предполагается, что Сталин уже видел себя в качестве будущего лидера и проводил систематическую стратегию избавления от конкурентов, одного за другим. Это может быть правдой, но ведь сейчас мы уже знаем, кто победит. Сталин вспоминал об этом позже так, что это они пытались заполучить *его*, а не наоборот.

Несмотря на то что Сталин чувствовал себя уставшим, он начал собирать вокруг себя группу сторонников, так же поступили и его соперники Троцкий и Зиновьев. По сравнению с другими в команде Сталина было меньше интеллектуалов, космополитов, евреев и бывших эмигрантов, больше бывших рабочих и русских, а также значительное число выходцев с Кавказа. Пролетарский, а также русский характер команды был важен для ее легитимности. Полемизируя с Троцким, Молотов хвастался «настоящими русскими»¹⁸ пролетариями своей команды, такими как Калинин, Ворошилов и Томский, явно противопоставляя их еврейской интеллигенции оппозиции. Сталин приветствовал растущую уверенность в себе «наших пролетариев», добавив к перечисленным Молотовым Рудзутака¹⁹. Большевистская твердость, рассматриваемая как качество, естественное для рабочих, но не для интеллигенции, особенно ценилась в сталинской команде, многих членов которой связывала совместная работа на различных фрон-

17. Феликс Чуев, *Так говорил Каганович* (Москва: Отечество, 1992), с. 35.

18. XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б), 25 октября — 3 ноября 1926 г. *Стенографический отчет* (Москва — Ленинград: Государственное издательство, 1927), с. 669.

19. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), 558/11/70, лл. 56–57 (Сталин Молотову, 25 сентября 1926 года).

тах во время Гражданской войны. Но Сталин также ценил компетентность, энергию и способность к напряженной работе. Атмосфера в команде описывалась как «конспирация, дружеское общение и грубый мужской юмор»²⁰.

Вячеслав Молотов был первым заметным новобранцем в сталинской команде. Лично они не были особенно близкими друзьями, хотя и знали друг друга с 1912 года. В 1917 году возникли некоторые трения, так как возвращение Сталина и Каменева из ссылки вытеснило Молотова из руководства Петроградского комитета. У Молотова была менее выдающаяся роль в Гражданской войне, чем у Сталина, но он сумел жениться на интересной и волевой женщине, Полине Карповской, известной по партийному имени Жемчужина, дочери портного, которая, когда они встретились, была политическим комиссаром в Красной армии (респектабельная русская провинциальная семья Молотова никогда не приняла бы ее, какую-то еврейку)²¹. Молотов получил заметное повышение в 1921 году, когда Ленин перевел его на должность секретаря партии. Однако это продолжалось недолго, поскольку Ленин вскоре решил, что Молотов, будучи хорошим организатором, не был достаточно проницательным политиком для этой работы, и назначил Сталина на новую должность генерального секретаря, а Молотов оказался у него в подчинении. Молотов, возможно, был этим недоволен, и его тон в частной дискуссии со Сталиным о марксистской теории²² несколько лет спустя предполагает, что он все еще настаивал на своем равенстве с ним. Тем не менее Молотов был на двенадцать лет моложе Сталина, он с гордостью вспоминал, что был самым молодым членом

20. Service, *Stalin*, p. 225.

21. Ольга Аросева, *Без грима* (Москва, 2000), с. 30.

22. РГАСПИ, 558/11/767, лл. 15, 26–29, 31–32.

Политбюро²³, когда в 1922 году в возрасте тридцати двух лет вступил в него, тогда как Сталин был полноправным членом с момента создания этого органа в 1919 году. Молотов со своими пенсне и аккуратными усиками не очень походил на революционера даже в юности; он мог бы быть клерком в правительственном учреждении — должность, на которую он мог претендовать, имея диплом средней школы (полученный, когда он был уже профессиональным революционером). Ничем особенно не выдающийся и не слишком сообразительный²⁴, согласно его собственным воспоминаниям и воспоминаниям других, он был человеком весьма организованным и чрезвычайно трудолюбивым. Троцкий, которого он ненавидел, однажды раскритиковал его в Политбюро как одного из «бездущных партийных функционеров, которые каменными задами душат всякое проявление свободной инициативы и творчества трудящихся масс»²⁵. Поправив пенсне, с видом раздавленного человека Молотов произнес: «Не всем же быть гениями, товарищ Троцкий». За ним закрепился эпитет «каменная задница».

Клим Ворошилов, лихой кавалерист, более известный своей личной храбростью, чем блестящим интеллектом, прошел со Сталиным довольно долгий путь: они были почти ровесниками и оказались соседями по комнате на подпольной Стокгольмской партийной конференции в 1906 году, а затем работали вместе в Баку. Но именно в Царицыне во время Гражданской войны²⁶, когда Сталин был политическим комиссаром Юго-Западного фронта, а Ворошилов — командующим армией, они близко

23. Чуев, *Молотов*, с. 268.

24. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 180–181.

25. Bazhanov, *Bazhanov and the Damnation of Stalin*, p. 53.

26. Isaac Deutscher, *The Prophet Armed* (London: Oxford University Press, 1970), p. 423–425.

сошлись, отчасти в противоборстве с Троцким, чьи военные приказы Ворошилов игнорировал, пользуясь защитой Сталина. Ворошилов родился в бедной пролетарской русской семье и начал свою трудовую деятельность на шахтах Донбасса в 10 лет. К пятнадцати годам он работал на фабрике, а в семнадцать присоединился к революционному движению. Его жена, еврейка по происхождению, Голда Горбман (впоследствии она крестилась и сменила имя на Екатерину), была его соратницей по революционной работе; он женился на ней в ссылке, до революции²⁷. Несмотря на то что в дальнейшем у него была репутация военного, Ворошилов не служил в русской армии в Первой мировой войне; лишь после Февральской революции, будучи профессиональным революционером, он установил контакт с солдатами в Петрограде и был избран их делегатом в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Он создал партизанский отряд на Украине во время Гражданской войны, затем стал одним из организаторов и руководителей Первой конной армии, участвовавшей в войне с Польшей в 1920–1921 годах. После войны он продолжил заниматься военным делом и в 1925 году стал наркомом обороны (должность, которую ранее занимал Троцкий). В конце того же года он стал членом Политбюро.

Лазарь Каганович, который был более чем на десять лет моложе Сталина и на три года моложе Молотова, работал с ними обоими в ЦК партии в начале 1920-х годов, хотя и на более низком уровне в иерархии. Они были секретарями, тогда как он был простым начальником отдела, хотя, по общему мнению, это был важный отдел с точки зрения прихода к власти Сталина — кадровый. Еврей, родившийся в черте оседлости на Украине, Каганович подростком работал на обувной фабрике и вслед за сво-

27. Larissa Vasilieva, *Kremlin Wives*, ed. and trans. Cathy Porter (London: Weidenfeld & Nicolson, 1994), p. 80–81.

ими старшими братьями Михаилом и Юлием вошел в революционное движение. Во время Гражданской войны он был политическим комиссаром в Красной армии, служил в различных местах, включая Воронеж (где он впервые встретился со Сталиным) и Туркестан (где он сражался с местными повстанцами и внутривластными фракциями вместе с другим будущим членом команды Сталина, Валерианом Куйбышевым). Вероятно, по рекомендации Куйбышева, который только что переехал в Москву в качестве секретаря ЦК, Сталин в 1922 году пригласил Кагановича работать в секретариате. Один из его коллег характеризовал Кагановича как быстрого, энергичного, скромного, осознающего, что ему не хватает образования. Позже его жесткость и склонность к запугиванию подчиненных стали более заметны, чем скромность. Но, конечно, когда дело касалось Сталина, он оставался скромным; он был самым преданным из всей сталинской команды (по словам Молотова, «сталинист двухсотпроцентный»)²⁸, даже в пору неформальных товарищеских отношений в 1920-х годах никогда не мог заставить себя обращаться к Сталину на «ты», как все остальные. Они с Молотовым общались в секретариате, никогда не дружили, но могли работать вместе. Молотов говорил, что Каганович любил поплакаться: «Тебе легко, ты интеллигент, а я из рабочих»²⁹. Он стал кандидатом в члены Политбюро в 1926 году, но во второй половине 1920-х годов в основном отсутствовал в Москве, будучи человеком Сталина на Украине, где занимал должность первого секретаря партии.

Для Троцкого, Зиновьева и Каменева и, без сомнения, для партийной элиты в целом в середине 1920-х годов отличительная особенность сталинской группы была в том, что она состояла в основ-

28. Чуев, *Молотов*, с. 384–385.

29. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 78, 129.

ном из людей, которые когда-либо работали в ЦК партии. Это относится не только к Сталину, Молотову и Кагановичу, но также и к Валериану Куйбышеву, Яну Рудзутаку и Андрею Андрееву, которые все были партийными секретарями в первой половине 1920-х годов.

Куйбышев, русский, как и Молотов, и примерно того же возраста, был среди самых образованных из тех, кто в конечном счете присоединился к сталинской команде; Молотов считал его на голову выше себя в культурном и социальном отношении. Сын русского военного, который, как и отец Ленина, был дворянином, он учился в кадетском корпусе, бросил его и вступил в революционное движение. Он руководил важным советским городом на Волге в 1917–1918 годах, затем стал политическим комиссаром в Красной армии и закончил Гражданскую войну в Туркестане. Куйбышев был кандидатом в члены ЦК партии с 1921 года, его основной сферой деятельности оказались промышленность и государственное планирование, но в 1920-х годах у него было два направления партийной работы: сначала он был секретарем партии (вместе со Сталиным и Молотовым) в 1922 году, а затем в середине 1920-х годов — главой Контрольной комиссии партии, где он был полезным союзником Сталина в отношениях с троцкистами. Но Куйбышев не входил в число ближайших политических соратников Сталина или близких друзей членов команды. В 1920-х годах он предпочитал общаться с творческими людьми, и у него была довольно бурная личная жизнь: хотя он искал себе жену в среде старых большевиков, его третья и четвертая жены были из более молодого поколения³⁰.

30. Г. В. Куйбышева, *Валериан Владимирович Куйбышев* (Москва: Издательство политической литературы, 1966); Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 192–193; Н. Зенкович, *Самые секретные родственники: энциклопедия биографий* (Москва: OLMA-PRESS, 2005), с. 206–210.

Латыш Ян Рудзутак, большевик с 1905 года, в прошлом рабочий из Риги, был на девять лет моложе Сталина. Несмотря на свое пролетарское происхождение и отсутствие систематического образования, после революции он всерьез заинтересовался культурой и общался с представителями творческой интеллигенции — отчасти поэтому в 1930-е годы Молотов говорил, что он стал несколько мягкотелым³¹. После недолгой работы партийным секретарем в 1923–1924 годах его назначили ответственным за железные дороги. Хотя Сталин любил его, между ними не было дружеского общения и его не всегда считали человеком Сталина. Одно время была идея выдвинуть его в качестве нейтрального кандидата на место генерального секретаря, которое занимал Сталин. С 1923 года Рудзутак был кандидатом в члены Политбюро, а в 1926 году стал его полноправным членом, и тем не менее Молотов сомневался в его лояльности. Сталин отвечал, что не стоит беспокоиться, что Рудзутак «„комбинирует“, полагая, что в этом именно и состоит „настоящая политика“»³².

Андрей Андреев, который был на семнадцать лет моложе Сталина, также имел пролетарское происхождение. Один из младших участников команды, он был кандидатом в члены Политбюро с 1926 года. Сын русского крестьянина, он стал рабочим на военном заводе и присоединился к большевикам в юности. Андреев встретил свою жену Дору Хазан во время Первой мировой войны, когда они работали на Путиловском заводе и активно участвовали в революционном движении;

31. РГАСПИ 558/11/70, лл. 56–57.

32. *Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг.* (Москва: Россия молодая, 1995), с. 103. См. также: Г. А. Трукан, *Ян Рудзутак* (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1963), с. 58, 144–145; Чуев, *Сто со-рок бесед*, с. 412; А. И. Микоян, *Так было*, с. 268

позже она была подругой и сокурсницей жены Сталина Надежды. В 1920 году Андреев был сторонником фракции Троцкого, и ему пришлось отказаться от некоторых своих взглядов³³, но, несмотря на это, он был «нашим другом», по словам Молотова³⁴. Его отличительной чертой было абсолютное и безусловное исполнение инструкций, что должно было сделать его опасным орудием во время чисток. Коллеги в 1920-х годах немного снисходительно относились к нему: даже Ворошилов, не самый изящный и убедительный оратор команды, чувствовал, что мог давать «Андрюше» советы о том, как четко изложить вопрос на заседании ЦК в 1928 году³⁵. В 1920-е годы Андреев в свободное время проходил с репетиторами программу средней школы. Всегда скромный, в 1930-х годах он был любимым и уважаемым наставником начинающих молодых функционеров³⁶.

Из группы рабочих самым старшим и по возрасту, и по опыту был Михаил Калинин. В 1898 году он фактически стал одним из основателей Российской социал-демократической рабочей партии, в которой через пять лет возникла большевистская фракция. С небольшой бородкой, он выглядел слегка озорным, но уже в сорок лет его (с примесью снисходительности, уважения и привязанности) называли старостой революции. Крестьянин по происхождению, он юношей стал работать по найму в Санкт-Петербурге. Его последующая разнообразная деятельность, как рабочего (слесарь, железнодорожник), так и полупрофессионального революционера, при-

33. А. А. Андреев, *Воспоминания, письма* (Москва: Политиздат, 1985), с. 225, 286, 289.

34. Чуев, *Молотов*, с. 252.

35. *Как ломали НЭП: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929*, в 5 томах (Москва: Международный фонд «Демократия», 2000), т. 1, с. 190.

36. N. S. Patolichev, *Measures of Maturity* (Oxford: Pergamon Press, 1983), p. 97.

водила его в различные части империи, в том числе в Грузию, где он подружился с будущим свекром Сталина Сергеем Аллилуевым, и в Ригу, где он познакомился и женился на молодой эстонской рабочей с такими же революционными убеждениями, Екатерине Лорберг³⁷. С 1919 года до своей смерти в 1946 году он был номинальным главой Советского государства и одним из самых популярных деятелей партии; на партийных съездах только Сталину аплодировали больше, чем ему. Во время партийных мероприятий он любил играть комическую роль, притворяясь хитроватым старым крестьянином, подчеркивая свой возраст и популярность, и обычно ему все сходило с рук. В дебатах 1920-х годов он был в целом умеренным и взял на себя роль защитника крестьянских интересов, что было аномалией в «пролетарской» партии, подозревавшей крестьян в буржуазных корыстных инстинктах. В 1928 году Калинин вызвал раздражение Сталина дерзким замечанием, что он говорит как «единственный защитник сельского хозяйства»³⁸, а не как член партийного руководства. Хотя Калинин и оказался в сталинской команде, Троцкий (с которым Калинин и его жена жили в общей квартире в Кремле во время Гражданской войны) утверждал, что он вошел в нее с величайшим нежеланием, цитируя его слова: «Этот конь [то есть Сталин] завезет когда-нибудь нашу телегу в канаву»³⁹. Возможно, он действительно был таким предусмотрительным, но, скорее всего, просто не хотел присоединяться к чьей-либо фракции без лишней нужды⁴⁰.

37. Екатерина Лорберг, согласно официальной биографии, была родом из Ревеля (Таллин), а познакомилась с Калининым в Петербурге.

38. *Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), 1923–1938*, в 3 томах, под ред. К. М. Андерсона и др. (Москва: РОССПЭН, 2007), т. 1 (1923–26), с. 616, 626.

39. Троцкий, *Сталин*, с. 388–389.

40. Зенкович, *Самые секретные*, с. 170–171.

Грузин Григорий Орджоникидзе, которого все знали под его революционным псевдонимом Серго, был еще одним ветераном революционного движения, членом большевистской партии с 1903 года, давним знакомым Ленина. Он был избран в большевистский Центральный комитет в 1912 году; такой статус в руководстве 1920-х годов, кроме него, имели только Ленин и Зиновьев, даже Сталин был кооптирован туда немного позднее, а Калинин состоял кандидатом в члены. Лидер Кавказского бюро большевиков в начале 1920-х годов, он наряду с Кировым был близким союзником Сталина в кавказской политике, и у них обоих возникли большие разногласия с Лениным по национальному вопросу в 1922 году, что, вероятно, объясняет задержку с переводом Орджоникидзе в центр. Верный и щедрый Орджоникидзе имел множество друзей, в том числе Сталина, Ворошилова и Микояна. В команде его считали типичным грузином — «человек чувства и сердца»⁴¹, как выразился Молотов, он был изменчив и легко обижался. Наконец, в 1926 году Орджоникидзе был вызван в Москву, чтобы занять место Куйбышева в качестве главы Контрольной комиссии партии (ключевая позиция в боях фракций), хотя он по своему характеру не был любителем фракционной борьбы. Для Троцкого Орджоникидзе был единственным из сталинской команды, кто заслуживал отдельного комментария: соглашаясь с Молотовым насчет его лояльности, он также отмечал его силу, мужество и стойкость характера, несмотря на определенную «грубость», но в то время, с точки зрения Троцкого, вся команда Сталина была неотесанной⁴².

Армянин Анастас Микоян был самым младшим из трех друзей (два других были Орджоникидзе и Сергей Киров), приехавших с Кавказа в 1926 году,

41. Чуев, *Молотов*, с. 250.

42. Троцкий, *Сталин*, с. 348.

чтобы присоединиться к сталинской команде в центре. Как и Сталин, Микоян был исключен из семинарии, только он был на семнадцать лет моложе. Микоян известен как единственный выживший из 26 легендарных бакинских комиссаров, по-видимому, казненных британцами во время Гражданской войны. Представительный и общительный молодой человек, он подружился с Куйбышевым в Туркестане в Гражданскую войну, а несколько лет спустя сблизился с Ворошиловым и Орджоникидзе, когда они оба присматривали за его молодой женой Ашхен и их новорожденным ребенком во время его вынужденного отсутствия по партийным делам. Со Сталиным Микоян был в дружеских отношениях (и на «ты») с 1923 года. Юный Микоян представлял собой блестящего революционера, одетого, как это было принято в те годы, в полувоенном стиле: высокие сапоги, полевая куртка с поясом и фуражка. После пребывания на Волге в начале 1920-х годов, проявив себя как сторонник фракции Ленина, он вернулся на юг, работал партийным секретарем в Ростове-на-Дону, а затем в 1926 году был вызван в Москву, чтобы возглавить Наркомат торговли. Микоян не хотел этого назначения, несмотря на то что был кандидатом в члены Политбюро, потому что ему нравился юг и он хотел заниматься партийной работой, а торговлю считал буржуазным занятием. Но он настолько преуспел в ней, что оставался главным партийным специалистом по внутренней и внешней торговле в течение сорока лет; с течением времени стало казаться естественным, что он, как хитрый армянин, должен уметь торговать. Микоян оказался великим специалистом по выживанию в советской политике, хотя у него много раз были проблемы со Сталиным. Он был известен в команде своим сопротивлением убийствам и ссылкам людей — не то чтобы он выступал против этого в принципе, но на практике старался, насколько возможно, такого избегать. Обла-

дая сильным чувством семейной привязанности, он также неоднократно нарушал правила команды и продолжал оказывать помощь семьям жертв⁴³.

Последний из «кавказского» трио, Сергей Киров, на самом деле был русским, он родился в Вятской губернии на Урале и получил образование в Казани, но большую часть своей взрослой жизни провел на юге. Еще студентом был вовлечен в революционную деятельность, сидел в тюрьме (в 1909 году одним из его товарищей по заключению в Томске был Куйбышев), но в предреволюционные годы он, похоже, сделал некоторый перерыв в революционной деятельности, когда жил на Северном Кавказе. Там Киров работал журналистом и женился на Марии Маркус, которая разделяла его интерес к театру и литературе. Революция вернула его в борьбу; они с Орджоникидзе, почти ровесники, стали друзьями, когда вместе работали на Кавказском фронте во время Гражданской войны, а затем в Кавказском бюро ЦК, которое Орджоникидзе возглавил, а Киров был его заместителем. Дружба Кирова с Микояном также восходила к этому периоду. Он был союзником Орджоникидзе и Сталина в борьбе за будущий статус Грузии в начале 1920-х годов (хотя жесткая ленинская критика его не коснулась). С 1921 по 1926 год он возглавлял партийный комитет Азербайджана, продолжая тесно сотрудничать с находившимся в Грузии Орджоникидзе, а затем отправился на север — очень неохотно, так как любил Баку — возглавить Ленинградский партийный комитет после свержения Зиновьева. Из-за обстоятельств смерти Кирова, убитого в 1934 году, была

43. А. И. Микоян, *Дорогой борьбы* (Москва: Издательство политической литературы, 1971), с. 560–561; А. И. Микоян, *В начале двадцатых...* (Москва: Издательство политической литературы, 1975), с. 204, 208; А. И. Микоян, *Так было*, с. 272–73, 352; РГАСПИ 74/1/429, л. 104; Степан Анастасович Микоян, *Воспоминания военного летчика-испытателя* (Москва: Техника — молодежи, 2002), с. 2.

тенденция канонизировать его как либерала в сталинской команде. Никаких реальных доказательств этому нет, но он не был и в числе самых кровожадных. По общему мнению, Киров был привлекательным человеком. Будучи бездетным, он любил детей и был популярен среди своих сверстников. Сталин и его жена очень привязались к нему. Они были в близких дружеских отношениях друг с другом, по крайней мере с 1922 года. Киров называл Сталина его кавказским псевдонимом Коба⁴⁴.

Сталин, которого эти люди видели и воспринимали как своего лидера, совсем не был тем ничтожеством, каким его считал Троцкий. Спустя десятилетия, разговаривая с Феликсом Чуевым, Молотов вспоминал: «Много было, конечно, хороших людей, но вершиной выделялся один Сталин. <...> У Сталина был очень крепкий характер, определенность, ясность, то, чего большинству не хватало. Были очень хорошие люди, большие работники, но ясности им не хватало», «лучше его никого не было. А мы были молокососы»⁴⁵. Прежде всего он был человеком, в котором нуждалась революция после смерти Ленина: партии очень повезло, и нужно было эту удачу не упустить. «Многие революции погибли. В Германии, в Венгрии... Во Франции — Парижская коммуна. А мы удержали»⁴⁶. «Это был железный, твердый, спокойный, — говорил Каганович, — внутренне выдержанный, мобилизован-

44. *О Сергее Кирове* (Москва: Издательство политической литературы, 1985), с. 202; Matthew E. Lenoe, *The Kirov Murder and Soviet History* (New Haven: Yale University Press, 2010), p. 33; *Наш Миронич* (Ленинград: Лениздат, 1968), с. 257–258; Микоян, *Дорогой борьбы*, с. 534; РГАСПИ, 80/26/55, лл. 1–2, РГАСПИ, 80/26/56, л. 1; *Большевистское руководство* (Москва: РОССПЭН, 1996), с. 314–315; Sergo Beria, *Beria, My Father* (London: Duckworth, 2001), p. 15; РГАСПИ, 558/11/746; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 311.

45. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 260–261.

46. Чуев, *Молотов*, с. 294.

ный всегда человек. Он никогда не выпустит слова изо рта, не обдумав его... Я всегда его видел думающим. Он разговаривает с тобой, но в это время думает. И целеустремленный»⁴⁷.

Целеустремленный — подходящее определение для Сталина, но каковы были его цели? Его команда не была собрана на основании политических предпочтений. Это отличало ее от группы, сформировавшейся вокруг Троцкого (левых, как их стали называть), тех, кто хотел развивать централизованное планирование и продвигать индустриализацию. Это также отличало ее от так называемых правых, склонных к умеренной политике и осторожности в отношении крестьянства, куда входили такие члены Политбюро, как Бухарин, Рыков, Томский, Калинин, — часто к ним примыкал Ворошилов. В середине 1920-х годов правая политическая ориентация была вполне совместима с членством в сталинской команде, которую Троцкий воспринимал как политически нейтральный блок «партийных бюрократов»⁴⁸. Николай Бухарин, наиболее известный представитель умеренных, был близким другом Сталина в середине 1920-х годов, некоторое время его считали вторым человеком после Сталина, наравне с Молотовым. Когда Троцкий и его сторонники нападали на Бухарина за его «мягкость» по отношению к крестьянству, Сталин бросил свою знаменитую фразу: «Крови Бухарина требуете? Не дадим вам его крови!»⁴⁹ Другими словами, Сталин сам выглядел и говорил как правый.

После поражения Троцкого в ЦК возникла напряженность. На каждом последующем съезде пар-

47. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 154–155.

48. XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б), 25 октября — 3 ноября 1926 г. *Стенографический отчет* (Москва — Ленинград: Государственное издательство, 1927), с. 75.

49. РГАСПИ, 558/11/69; Stephen F. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (New York: Alfred A. Knopf, 1972), p. 241.

тии в Политбюро добавляли новых членов: Молотова, Ворошилова и Калинина в конце 1925 года; затем Куйбышева и Рудзутака в 1927 году; Андреев, Каганович, Киров и Микоян стали новыми кандидатами — и почти все новые члены были сторонниками Сталина. Ни один из них не был связан с Зиновьевым, вторым членом Политбюро, который мог считаться претендентом на лидерство. Это отражало доминирование Сталина в секретариате партии, а секретариат, в свою очередь, контролировал отбор делегатов на партийные съезды, которые избирали ЦК и, в конечном итоге, Политбюро. Зиновьев, который уже упустил один шанс подключиться к этому процессу, был по-прежнему недоволен контролем Сталина над партийной машиной, но ничего не предпринимал, за исключением своей ленинградской вотчины, где построил собственный партийный аппарат. Зиновьев был тщеславен и, несомненно, уверен, что его авторитет оратора и его положение руководителя возглавляемой Советским Союзом международной коммунистической организации, Коминтерна, а также ленинградской партийной организации, обеспечит ему место на вершине. Сталину и его группе Зиновьев очень не нравился: его называли Гришей, чтобы показать свое неуважение, а не дружеские чувства. Молотов говорил, что он был хвастуном и трусом; у его союзника Юрия Каменева⁵⁰, главы Моссовета и члена Центрального комитета времен подполья, характер был потверже, но Зиновьев считал себя главным в их союзе. С Каменевым Сталин был на «ты». И все же именно Каменев в конце 1925 года осудил Сталина за стремление стать вождем партии и лидером над всеми остальными.

50. Имеется в виду Лев Каменев, настоящее его имя — Лев Борисович Розенфельд, а вариантом революционного псевдонима был «Юрий Каменев». — *Прим. пер.*

Ответом на вопрос о целях Сталина, безусловно, является стремление к абсолютной личной власти, и именно этот ответ обычно подчеркивают, исключая все остальные. Но редко бывает, что чьи-либо цели настолько просты, а Сталин не был простым человеком. Он хотел, чтобы власть служила целям революции, потому что верил в особый вид социалистической модернизации под руководством партии, контролируемой государством, за которую выступал Ленин. Кроме того, Сталин и его команда в 1920-е годы считали, что они играют в обороне, хотя и в активной: их целью было победить фракции и сохранить единство партии. Нельзя сказать, что Каменев неправильно понимал личные амбиции Сталина, но проблема фракций была тогда самой насущной. Для Сталина и Молотова в 1920-х годах борьба с группировками была главной задачей, волнующей до такой степени, что другие опасения были временно отодвинуты на второй план. Лишь в конце десятилетия, после поражения левой оппозиции, вопросы управления страной привлекли к себе серьезное внимание⁵¹.

Сталин и его команда в этот период не выглядели особо озверелыми. Сталин и Молотов в публичной политике отдавали предпочтение стилю, который один историк метко называет «воинственной умеренностью», — жесткому, но совсем не такому резкому, как у их противников. Как правило, они предоставляли жесткость другим: Зиновьеву и Каменеву — бороться против Троцкого, а позднее Рыкову и Бухарину — бороться против Зиновьева и Каменева, и именно эти другие вели борьбу наиболее яростно. Без сомнения, это была продуманная тактика, и она завоевала им много по-

51. *Письма И. В. Сталина*, с. 71 (Сталин Молотову, 15 июня 1926); Чуев, *Молотов*, с. 224, 241; А. И. Микоян, *Так было*, с. 352; Daniels, *Conscience*, p. 268; РГАСПИ 558/11/766–769 (Молотов Сталину).

клонников в партии. Никита Хрущев, впервые столкнувшийся со Сталиным в качестве молодого украинского делегата на партийных съездах в Москве в середине 1920-х годов, был поражен его приверженностью партийному единству и относительно терпимым подходом к действиям оппонентов. Этот стиль выгодно отличался от пронзительного полемического стиля оппозиции; Хрущев считал, что Сталин — «демократический человек». Микоян, который тогда находился в Ростове, восхищался ловкостью Сталина в спорах: он будет ждать, пока оппозиция в споре с другими членами сталинской команды выложит все свои карты на стол, а затем выйдет на сцену, спокойно и с достоинством, не обостряя конфликт, а наоборот, приглушая его. Сталин не был высокомерным, не нервничал и всегда умел сделать так, чтобы агрессорами выглядели его противники.

Решающий момент в борьбе с Зиновьевым наступил зимой 1925–1926 годов, когда сталинская группировка, официально размежевавшаяся с Зиновьевым и Каменевым на недавнем съезде партии и получившая поддержку большинства, вытеснила Зиновьева из Ленинграда. Молотов возглавил влиятельную команду, в которую вошли Киров, Ворошилов, Калинин, Андреев и Бухарин; они прибыли в Ленинград, чтобы сломать партийную машину Зиновьева и заставить ленинградскую партийную организацию осудить Зиновьева и его людей как нарушителей партийного единства. Речь шла о том, чтобы «брать» партийные организации ключевых заводов одну за другой, как писал Сталин Молотову, умело используя военную метафору. Ворошилов вел себя как старый боевой конь, почуявший запах битвы, — он ликуяще написал своему другу Орджоникидзе: «Я буквально помолодел, так много пришлось пережить моментов, напоминающих [события 190]5–[190]7 годов». Киров, назначенный преемником Зиновьева, все еще надеялся избежать

работы в Ленинграде и горько жаловался в личных письмах на свое «очень плохое» настроение, «очень-очень сложную» ситуацию, круглосуточный рабочий день и враждебность ленинградцев. Он писал, что это была «отчаянная драка, такая как никогда», и поначалу не был уверен в победе. Но они сделали это, и он застрял в Ленинграде, который через некоторое время полюбил⁵².

Великая битва фракций происходила в столицах, Москве и Ленинграде, при относительно небольшом участии провинций, и бывших провинциалов, таких как Киров, Микоян и Орджоникидзе, пришлось убеждать принять эту борьбу всерьез. Орджоникидзе ненавидел борьбу фракций: еще в 1923–1924 годах он был настолько подавлен ссорой с Троцким, что в частном порядке сказал своему другу Ворошилову, что кто бы ни оказался на вершине, это будет поражением для партии. Резкость нападения Рыкова на Зиновьева и Каменева на одном заседании Политбюро расстроила его до такой степени, что он разрыдался и вышел. Ворошилову пришлось приложить немало усилий, чтобы Орджоникидзе увидел, что альтернативы избиению «раскольников» не было. Даже после того как он принял эту необходимость, согласившись, что «мы не позволим им создать другую пар-

52. Сталинский стиль: Robert Service, “The Way They Talked Then: The Discourse of Politics in the Soviet Party Politburo in the late 1920s,” in Paul R. Gregory and Norman Naimark, eds., *The Lost Politburo Transcripts* (New Haven: Yale University Press, 2008), p. 127; Nikita Khrushchev, *Khrushchev Remembers* (Boston: Little, Brown, 1970), p. 27 (русское издание: Н. С. Хрущев, *Время, люди, власть. Воспоминания*, в 4 книгах (Москва: Московские новости, 1999)); А. И. Микоян, *Так было*, с. 287; ленинградский конфликт: Daniels, *Conscience*, p. 269–270; *Большевицкое руководство*, с. 314–315 (письма Кирова жене), с. 320–321 (Ворошилов Орджоникидзе, 6 февраля 1926), с. 322; РГАСПИ, 558/11/766, л. 86 (Молотов Сталину, 11 января 1926); РГАСПИ, 80/26/55, лл. 1–2, РГАСПИ, 80/26/56, л. 1.

тию» и «мы отправим их к черту из нашей партии», он все еще был гораздо менее готов, чем Сталин, разорвать личные отношения с политическими противниками. Правда, у него было больше друзей, чем у Сталина, ему было кого терять⁵³.

Другим человеком, кому пришлось скорректировать свою точку зрения, переехав в Москву, был Микоян. На Северном Кавказе экономика процветала, партия была единой, и казалось, что все идет хорошо. Но в Москве он обнаружил, что люди постоянно разговаривали так, как будто был кризис⁵⁴. Каменев, которого он лично любил и чью должность министра торговли унаследовал, был ужасно пессимистичен и обескуражен, чувствуя, что революция вступила в новую и потенциально катастрофическую фазу. Без сомнения, пессимизм Каменева во многом был связан с его недавним политическим поражением, но люди Сталина также не были преисполнены оптимизма. Они и оппозиция начали обмениваться обвинениями в ответственности за «вырождение» революции и разочарование молодежи. Обе стороны соглашались, что это явление имело место, хотя и по-разному отвечали на вопрос, кто виноват. «Мы должны идти вперед в экономике, — говорил Куйбышев (который возглавлял ВСНХ) своим коллегам по Политбюро в 1928 году, — но этого не происходило, экономические показатели были просто ужасны и на самом деле это было попятное движение». Политбюро согласилось с тем, что если они хотят продолжить индустриализацию, то им нужно получить иностранные кредиты. Но готова ли какая-либо капиталистическая страна выдать их? Перспективы выглядели мрачными, особенно в связи с тем, что только что были разорваны дипломатические

53. РГАСПИ, 74/2/43, лл. 12, 15 (письма Ворошилову, 1926);
А. И. Микоян, *Так было*, с. 266–267.

54. А. И. Микоян, *Так было*, с. 268.

отношения с Великобританией, крайне подозрительно относящейся к советскому шпионажу и подрывной деятельности коммунистов⁵⁵.

После поражения Зиновьева зимой 1925–1926 годов оппозиция Зиновьева и оппозиция Троцкого объединились, но это не пошло им на пользу. Обе группы помнили те оскорбления, которые получали от бывших противников, и ни у одного из лидеров не было реальной базы. Зиновьев потерял работу в Ленинграде в начале 1926 года, а полгода спустя его исключили из Политбюро под тем предлогом, что его сторонник организовал незаконное подпольное собрание. Каменева также исключили из Политбюро и отправили возглавлять Институт Ленина. Троцкий, которого в январе 1925 года вынудили уйти с поста наркома обороны, с тех пор занимал сравнительно мелкие посты по экономическому ведомству. До октября 1926 года он оставался членом Политбюро, но через пару месяцев после Зиновьева исключили и его (как объяснял Сталин Молотову, их лучше вышвырнуть по отдельности)⁵⁶.

Бухарин однажды сказал, что в обращении с врагами Сталин был мастером «дозирования». Он имел в виду, что Сталин уничтожал их шаг за шагом, вместо того чтобы сокрушить одним ударом. Относительно членов Политбюро первым шагом было перестать приглашать их на собрания, где решались *серьезные* вопросы. Впервые эта тактика была применена в 1924–1925 годах против Троцкого. Тогда возникла так называемая «семерка», куда входили все члены Политбюро, кроме него, которая регулярно встречалась каждый вторник. Молотов, с его сознанием дисциплини-

55. Michal Reiman, *The Birth of Stalinism* (Bloomington: Indiana University Press, 1987), p. 136–137 (цитата Куйбышева).

56. *Письма И. В. Сталина*, с. 74 (Сталин Молотову, письмо от 25 июня 1926).

рованного чиновника, полагал, что это временная мера, но Сталин понимал силу исключения и думал иначе: семерка, пятерка, восьмерка или любое другое магическое число, которое существовало в то или иное время, была группой с переменным составом, она была близка по составу к Политбюро, но не идентична ему, и такая группа продолжала регулярно встречаться весь период сталинского правления. Следующим шагом было формальное исключение из Политбюро, затем из Центрального комитета и, наконец, из партии. (Это считалось максимально суровым наказанием до конца 1920-х годов, когда все стало значительно жестче.) Без сомнения, этот последовательный подход был результатом осторожности Сталина: команда, в конце концов, могла воспротивиться исключению, как это иногда случалось, или мог обнаружиться какой-либо недостаток плана. Но в то же время он имел оттенок садизма: побежденный долго оставался в подвешенном состоянии, умоляя о помиловании и восстановлении. Молотов и другие, более прямолинейные бойцы фракций, вероятно, давно бы выгнали Троцкого из Политбюро, но тактика Сталина заключалась в том, чтобы продолжать изолировать его и других оппозиционеров до тех пор, пока они не станут полными изгоями, если не потерпят крах.

Дозированный подход был нацелен на то, чтобы взять на борт команду Сталина и потопить жертв. Не все члены команды были так же увлечены изгнанием старых товарищей, как Сталин и Молотов; например, после удара по Калинину в 1930 году они могли решить, что с них довольно. Перед этим, когда Сталин хотел убрать Зиновьева и Троцкого из ЦК, он свалил эту работу на Молотова, а сам уехал в отпуск. Как сообщил Молотов, Каганович и Киров были полностью за, но Калинин, Орджоникидзе и Рудзутак были ненадежны, а Микоян уклонялся от решения, избегая встреч. Сталин вы-

казал удивительно невозмутимое отношение к колебаниям Рудзутака и Микояна, но был раздражен отсутствием активной поддержки Орджоникидзе («Где был Серго... Почему он скрывался? Позор!»). Когда выяснилось, что Ворошилов тоже колебался, Молотов сказал Сталину, что ему нужно пораньше вернуться из отпуска и подавить начавшееся восстание. Сталин согласился сделать это, но добавил, что он не слишком беспокоится об этих колеблющихся по причинам, которые «объясню, когда приеду». Увы, мы не знаем, каковы были эти причины, но звучит так, как будто он думал, что у него есть некоторые рычаги — возможно, скрытый шантаж по поводу прошлых грехов, — чтобы вернуть заблудших членов команды⁵⁷.

К 1926 году относительная вежливость в публичном общении между оппозиционерами и большинством ЦК, характерная для более ранних лет, давно исчезла. На партийных съездах над оппозиционерами теперь безжалостно насмехались. Даже на заседаниях ЦК Троцкий говорил, что его постоянно прерывают свистом, криками, угрозами и ругательствами; это напомнило ему о бурных днях в Петрограде между Февральской и Октябрьской революциями⁵⁸. В Политбюро конфронтация тоже обострилась. Троцкий не стеснялся выражать свое мнение и переходить на личности, в мае он и Молотов сорвались на крик, разъяренный Молотов назвал его «инсинуатором по природе» — странное, книжное слово, используя которое, Молотов, возможно, хотел показать Троцкому, что он тоже был образованным человеком⁵⁹. В 1926 и 1927 годах

57. Leon Trotsky, *Stalin* (New York: Universal Library, 1941), p. 416; РГАСПИ, 558/11/766, лл. 75, 144–147 (Молотов Сталину, сентябрь 1926); *Письма И. В. Сталина*, с. 71 (Сталин Молотову, 15 июня 1926).

58. Trotsky, *Stalin*, p. 413–414.

59. Письма Товстухи и Молотова Сталину, оба от 28 мая 1926, РГАСПИ, 558/11/69, лл. 2–3 и 558/11/766, лл. 102–107.

на заседаниях Политбюро было еще больше озлобления. Ворошилов сказал Зиновьеву, что не доверил бы ему ни копейки. Троцкий издевался над якобы ограниченными интеллектуальными способностями Рудзутака, которые, как он самодовольно добавил, высмеивал даже Сталин, что побудило разъяренного Рудзутака сказать Троцкому: «Вы специализировались в клевете на лиц»⁶⁰.

Сталин и Троцкий пошли друг на друга войной в сентябре 1927 года, когда Политбюро и Центральная контрольная комиссия собрались, чтобы обсудить оппозицию. Троцкий, присутствовавший по приглашению, но уже не являвшийся членом Политбюро, ответил на реплику Сталина резким упреком: «Товарищ Сталин, не мешайте, вы будете иметь предзаключительное слово, как всегда», а когда Сталин возразил, он добавил: «Вы всегда берете слово последним для того, чтобы выдвинуть новую ложь, клевету и отравлять ею партию через партийный аппарат». Затем все стало только хуже:

Сталин: Вы говорите неправду, потому что вы жалкий трус, боящийся правды.

Троцкий: Зачем же меня партия держала во главе армии?

Сталин: Жалкий вы человек, лишенный элементарного чувства правды, трус и банкрот, нахал и наглец, позволяющий себе говорить вещи, совершенно не соответствующие действительности. Вот мой ответ.

Троцкий: Вот он весь: груб и нелоялен.

Чаще всего Сталин оставался спокойным, но Троцкий оказывал такое влияние на людей, что даже Ста-

60. *Стенограммы заседаний Политбюро*, т. 2, с. 399 (Ворошилов, октябрь 1926); т. 2, с. 573–574, 586, 593–595 (Рудзутак, сентябрь 1927).

лин потерял самоконтроль. Обычно, особенно на общесоюзных партийных собраниях, Сталин умел произвести нужное впечатление. На одной из партийных конференций, позволив Рудзутaku и Бухарину выполнить грубую работу по делу Зиновьева, Сталин начал с насмешки: Зиновьев, по его словам, однажды заявил, что может приложить ухо к земле и услышать шаги истории, но теперь, поскольку он не заметил, что партия отвернулась от оппозиции, ему следует пойти к врачу проверить слух. Делегатам — практически все они к этому времени были представителями большинства в Центральном комитете — понравилась эта шутка; она вызвала не просто «бурные и продолжительные аплодисменты», после речи все встали и устроили овацию⁶¹.

Оппозиция была не единственной заботой команды в это время. Политика Коминтерна по сотрудничеству с Гоминьданом в Китае, которую отстаивали Сталин и Бухарин, а Троцкий критиковал, закончилась провалом, когда Гоминьдан расправился со своими союзниками-коммунистами в Шанхае в апреле 1927 года. В мае Великобритания разорвала дипломатические отношения, и советские лидеры задумались, не является ли это прелюдией к новой западной интервенции. ОГПУ сообщало об усилении националистического сопротивления в приграничных регионах Украины и Грузии при активной иностранной поддержке. Тревога достигла апогея, когда в июне на варшавском железнодорожном вокзале русским эмигрантом-монархистом был убит советский посланник в Польше, а также одновременно была брошена бомба в партийный клуб в Ленинграде. Об убийстве Сталин писал Молотову: «Чувствуется рука Англии... Хотят повторить Сараево» (т. е. убийство

61. *Стенограммы заседаний Политбюро*, т. 2, с. 586, 593; *XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б)*, с. 544–55, 577–604, 756.

эрцгерцога Франца Фердинанда, которое послужило поводом к Первой мировой войне). Ответом ОГПУ, явно с одобрения Сталина, стали массовые аресты подозреваемых предателей (бывших аристократов и т. п.) и казнь двадцати из них в качестве предупреждения⁶². «Агенты Лондона сидят у нас глубже, чем мы думали», — заявил Сталин руководителю ОГПУ Вячеславу Менжинскому⁶³. Необходимо усилить ОГПУ, усилить военную разведку и ввести дополнительные меры безопасности на Кавказе⁶⁴. Британская шпионская сеть должна быть искоренена, а шпионы предстать перед судом.

Советские лидеры призывали общественность готовиться к новому военному вмешательству капиталистических держав, стремящихся завершить дело, начатое ими во время Гражданской войны. Верили ли они в это сами — спорный вопрос, но, безусловно, они очень нервничали, особенно Ворошилов, нарком обороны, который неоднократно предупреждал своих коллег о том, что его ведомство недостаточно финансируется и что «нам придется дорого заплатить, если наши заграничные враги узнают» о плачевном состоянии армии⁶⁵. Сталин постоянно думал о безопасности, и его на самом деле беспокоило, что враги действительно получали сведения и утечки секретной информации из Политбюро случались постоянно. Это не было параноидальной фантазией, историки действительно обнаружили секретные документы Политбюро и ОГПУ конца 1920-х годов в немецких архивах. Документы Политбюро печатались ограниченным тиражом, правила требовали, чтобы их возвращали после прочтения, но эти правила ча-

62. РГАСПИ, 558/11/767, л. 33 (Сталин Молотову, 8 июня 1927).

63. РГАСПИ, 558/11/71, л. 29 (Сталин Менжинскому, 23 июня 1927).

64. РГАСПИ, 558/11/767, лл. 35–39 (Молотов Сталину, 10 июня 1927).

65. Цит. в: Gregory, *Lost Politburo Transcripts*, p. 24.

сто нарушались. Неудивительно, что в Политбюро постоянно возникало беспокойство по поводу ведения официальных протоколов заседаний: когда эти протоколы составлялись, они не только распространялись внутри партии, но и утекали за ее пределы. Похоже, Сталин думал, что оппозиционеры передают документы старым друзьям-меньшевикам, которые, в свою очередь, тайно пересылают их немецким социал-демократам, но более вероятно, что был другой, более прямой путь из Кремля (от кого конкретно — неизвестно) в посольство Германии в Москве⁶⁶.

В начале ноября 1927 года праздновалась десятая годовщина Октябрьской революции. Согласно информации ОГПУ, оппозиция планировала устроить во время торжеств переворот и эти планы были отменены только в последнюю минуту из-за сомнений Троцкого. В архиве Троцкого в Гарварде никакого подтверждения этому не найдено, и крайне панические сообщения Менжинского в Политбюро следует воспринимать с недоверием, тем более учитывая его утверждение, что эту серьезную угрозу можно совершенно устранить, если Политбюро разрешит ОГПУ арестовать нескольких главарей. Сталин, который, вероятно, побудил Менжинского поднять тревогу, отмежевался от своих самых крайних требований, в то же время поддержав необходимость радикальных мер против оппозиции. Некоторые оппозиционеры к тому времени уже были арестованы, хотя все их лидеры еще были на свободе — новый подход в советской политической практике, — и Менжинский предположил, что, возможно, необходимо «арестовать их всех за одну ночь»⁶⁷. Сталин не поддержал этого, но предложил исключить лидеров оппозиции из партии. Они, по его

66. Reiman, *Birth of Stalinism*, xi–xii, p. 127; Gregory, *Lost Politburo Transcripts*, p. 20–22.

67. Reiman, *Birth of Stalinism*, p. 124–126, 132–133.

мнению, подрывали советскую внешнюю политику, потому что в Лондоне и Вашингтоне «существует мнение, что наше нынешнее правительство находится на грани краха, что оппозиция собирается встать у руля и что, следовательно, бессмысленно заключать с нами какие-либо соглашения». В конце 1927 года Сталин писал в ЦК и ЦКК, что действия оппозиционеров считались бы «государственной изменой» в капиталистических государствах и, следовательно, наказывались бы смертью: «Я не вижу причин, почему мы не должны защищать диктатуру пролетариата самыми строгими мерами». Аргумент о «государственной измене» основывался на мысли, что Советский Союз по существу находился в военном положении из-за острой внешней угрозы, и сталинцы воспользовались фразой Троцкого, заявившего, что даже война не заставит его отказаться от критики сталинского режима⁶⁸. Неудивительно, что Троцкий задумался о гильотине. Во Французской революции, говорил он, якобинцы сначала использовали ее против врагов революции, как это сделали большевики, и это было нормально, это было революционной необходимостью. Но затем якобинец Робеспьер (читай: Троцкий) сам был казнен на гильотине, и это было другое дело, поскольку было сделано контрреволюционными термидорианцами (читай: Сталиным) и ознаменовало конец революции⁶⁹.

Троцкого не отправили на гильотину, по крайней мере пока, но он, возможно, чувствовал, что его собираются «линчевать» на совместном заседании ЦК и ЦКК в октябре, когда помимо постоянных перебивающих его реплик, в голову Троцкого, когда он выступал, полетели чернильницы, тяжелые тома и стакан, так что он был вынужден покинуть трибуну. Одним из метателей книг был Емельян

68. Reiman, *Birth of Stalinism*, p. 127.

69. Deutscher, *Prophet Unarmed*, p. 343-344, 349-351.

Ярославский, старый большевик, член Контрольной комиссии Орджоникидзе, который, не слишком стыдясь, писал Орджоникидзе, что Троцкий и его сторонники «держали себя так возмутительно, так оскорбляли нас, большевиков, что я, давши слово себе, что я выдержу все, не выдержал и запустил в Т[роцкого] „контрольными цифрами Госплана“». По словам Троцкого, Сталин был единственным, кто сохранял спокойствие. Члены команды воздерживались от физического насилия, но никто из них публично не возражал против осуждения Троцкого, что не означает, что они все были рады этому. Бухарин, который в телефонном разговоре сообщил Троцкому о высылке, выразив ему сочувствие («Так не должно быть. Ты должен вернуться»), не упомянул при этом, что в дискуссии сам высказался против него. Орджоникидзе, несмотря на то что возглавлял Контрольную комиссию, позволил себе отсутствовать по состоянию здоровья в течение решающего месяца, октября. Сталин, выказывая горячую заботу о его здоровье и информируя о борьбе с оппозицией, не настаивал на его скорейшем возвращении, и это наводит на мысль, что, возможно, слухи о том, будто Орджоникидзе намеренно держали подальше, потому что ему не нравилась идея исключения из партии, имели под собой основания. «Хорошо, что тебя не было», — писал ему Ярославский⁷⁰.

Формальное решение об исключении Троцкого и других лидеров оппозиции из партии было утверждено в следующем месяце послушным партийным съездом, который сделал это с энтузиаз-

70. О метании чернильниц цитируется по: Deutscher, *Prophet Unarmed*, p. 366–367; *Большевистское руководство*, с. 352 (Ярославский Орджоникидзе, 29 октября 1927); Reiman, *Birth of Stalinism*, p. 34, 161; *Большевистское руководство*, с. 347–352 (письма Сталина, Ярославского, Шкирятова к Орджоникидзе); *XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б), 25 октября — 3 ноября 1926 г. Стенографический отчет*, с. 352 (цитата Ярославского).

мом. По словам Менжинского, было решено не обвинять Троцкого в государственной измене, потому что «мы нашли гораздо более умелое решение», а именно ссылку лидеров оппозиции в отдаленные районы Советского Союза, подальше от крупных городов⁷¹. Менжинский говорил об этом явно как об альтернативе смертному приговору, который в противном случае мог бы быть вынесен. Троцкий и его семья были отправлены в Алма-Ату в январе 1928 года.

Троцкий остался непокорным и непримиримым, но Зиновьев и Каменев капитулировали. Они не отказались от своего мнения, но приняли волю большинства и обещали не раскалывать партию и не пытаться организовать что-то вне ее. Тем не менее их исключили, а попытки Каменева сохранить достоинство и примириться, не унижаясь, были встречены насмешками. Сталинская команда громила оппозицию под лозунгом, который сформулировал Рудзутак: какое значение имеет потеря группы интеллигентов для партии, они не заслуживают доверия ни у кого, кроме как у международной буржуазии. По словам Кагановича, они всего лишь нарушители спокойствия: после их исключения сотни тысяч членов партии и миллионы пролетариев вздохнули с облегчением. Их называли лицемерами и говорили, что им повезло, что к ним отнеслись так мягко (Ленин не стал бы «нянчиться» с ними, как мы, сказал Рыков, которого обычно считают умеренным). Если они выпали из повозки истории, кого это волнует, сказал Сталин, это означает лишь то, что нам не нужно спотыкаться о них, когда мы идем вперед⁷².

71. Reiman, *Birth of Stalinism*, p. 133 (меморандум Менжинского).

72. XV съезд ВКП(б): декабрь 1927 г. Стенографический отчет (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961), т. 2, с. 1596–1599, т. 1, с. 279–285; т. 1, с. 215–221 (Рудзутак), 154–155 (Каганович), 291 (Рыков), 421 (Сталин).

Оказалось, что ссылки внутри страны было недостаточно, чтобы уничтожить влияние Троцкого. Подпольная оппозиционная организация оставалась активной, хотя благодаря разгону ее лидеров и тому, что они вынуждены были переписываться между собой, ОГПУ знало о ее деятельности столько же, сколько и сам Троцкий. Команда регулярно получала большие сводки перехваченных материалов оппозиции от ОГПУ, которое, должно быть, с интересом читало переписку этих ветеранов-подпольщиков с дореволюционным стажем, тем более что объектами слежки были люди, которых они хорошо знали⁷³. ОГПУ выдвинуло Троцкому ультиматум с требованием прекратить оппозиционную деятельность, но он отказался. Сталин был за то, чтобы изгнать его из страны. Расчетливый Ленин поступал так со своими политическими оппонентами (но не со своими однопартийцами) еще в 1922 году. В команде были колебания: в решающем голосовании Куйбышев проголосовал против, как и Томский и Рыков (последний сказал, что боится убийства Троцкого контрреволюционерами). Бухарин, который раньше жестче всех нападал на Троцкого, изменил свое мнение и проголосовал против высылки, но затем, в последнюю минуту, когда Троцкий уже был под конвоем ОГПУ, перешел на сторону большинства⁷⁴.

Изгнание Троцкого оказалось не совсем простым делом: Сталин мог считать, что он предал партию, но для Европы Троцкий олицетворял угрозу коммунизма, и Германия, предполагаемое место назначения, отказалась принять его. Резервным вариантом была Турция. Троцкого перевезли через советскую границу и отправили в Стамбул 11 февраля 1929 года. Он покинул родину навсегда. Это был безжалостный способ избавиться от Троц-

73. РГАСПИ, 329/2/26 (архив Бухарина).

74. *Как ломали НЭП*, т. 4, с. 316, 405 (голосование 7 января 1929).

кого, хотя и менее экстремальный, чем вариант Менжинского, предлагавшего казнить его как предателя⁷⁵. Как спустя много лет Молотов объяснял своему почитателю, Троцкого нельзя было убивать в 1929 году, так как это могло бы испортить репутацию партии. Но, по крайней мере, он и другие оппозиционеры были изолированы. Сталин и его команда одержали победу во фракционной борьбе, которая занимала их последние пять лет. Власть принадлежала им. Вопрос — что они собирались с ней делать?⁷⁶

75. Robert Service, *Trotsky* (London: Macmillan, 2009), p. 373–375; Isaac Deutscher, *The Prophet Outcast* (London: Oxford University Press, 1970), p. 468–471.

76. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 419.

ГЛАВА 2

Великий перелом

ОТВЕТ Сталина на вопрос, что делать с властью, был на удивление прост: делать революцию. Этого от Сталина не ожидали. Вероятно, он и сам не ожидал от себя такого, пока победа во фракционной борьбе не придала ему смелости. Конечно, это была революция сверху, а не снизу, но народ довольно активно в ней участвовал. Задачей революции было «построение социализма» в кратчайшие сроки, что на практике означало форсированную модернизацию. Всю городскую экономику, включая торговлю, следовало национализировать и сделать плановой. Первый пятилетний план должен был дать старт ускоренной индустриализации. Крестьянское сельское хозяйство предполагалось национализировать и никого особенно не интересовало, будет ли это сделано добровольно. Предстояло дать решительный бой классовым врагам социализма, как внутри страны, так и за рубежом: им надо было раз и навсегда объяснить, что с советским режимом шутки плохи. Весь этот план Сталин назвал «Великий перелом»¹.

Сталина не волновало, что многое из этого напоминало программу Троцкого и левой оппозиции. Это были максимально возможные преоб-

1. И. В. Сталин, *Сочинения* (Москва, 1952), т. 12, с. 125–139 («Год великого перелома. К 12-й годовщине Октября», 7 ноября 1929).

разования, о которых говорилось в ходе дебатов 1920-х годов, и теперь, когда Сталин захватил власть, он решил быть максималистом. Возможно, в это время в голове Сталина зародилась мысль, что если он проведет вторую революцию в России, на этот раз экономическую, то займет в учебниках истории место рядом с Лениным, вождем политической революции 1917 года. Он не сомневался, что для второй революции потребуются такая же жесткость и готовность применять силу, как и для первой, и, вероятно, его это радовало. Еще до того как он взялся за дело, Сталин понял, что социалистическая модернизация будет означать насилие. Главным вопросом в связи со второй (экономической) революцией в России, как он предполагал в 1926 году, будет вопрос о том, достаточно ли у Советского Союза сил и воли, чтобы победить внутренних классовых врагов. В 1928 он решил, что воля имеется².

Предлагая в 1921 году НЭП, Ленин подчеркивал, что этот отход от максимализма времен Гражданской войны «всерьез и надолго». Таким образом он хотел убедить коммунистов, желавших продолжать революцию, что для того, чтобы молодое государство выжило, нужны реальные изменения. При этом речь шла о тактическом отступлении, а не смене цели, и если партия останется революционной, это отступление когда-нибудь закончится. «Не завтра, но через несколько лет», — так ответил Ленин на вопрос о том, когда Россия неповская станет социалистической³. Прошло шесть лет, и экономика укрепилась. Как сказал Центральному комитету Сталин в июле 1928 года, «политика перманентных уступок не есть наша политика»⁴.

2. Сталин, *Сочинения* (1948), т. 9, с. 126–127.

3. Цит. по: Е. Н. Carr, *Socialism in One Country* (London: Macmillan, 1959), Vol. 2, p. 41.

4. *Как ломали НЭП*, т. 2, с. 517.

Глядя на НЭП, наблюдатели надеялись, что период революционных потрясений закончился и Россия возвращается к нормальной жизни. Полагали, что со временем здравый смысл победит и утопические революционные идеи будут забыты. Со временем так и произошло, но это случилось позднее. Основная масса населения — обыватели, как их любили называть большевики, — хотели возвращения к нормальной жизни, но партийные активисты жаждали продолжения борьбы. Активисты партии и комсомола были недовольны социально-примирительной политикой НЭПа, которая требовала, чтобы они не командовали крестьянами, позволяли отсталым массам ходить в церковь и уважали более глубокие знания «буржуазных специалистов», то есть интеллигенции. Они хотели больше «классовой борьбы», как во время Гражданской войны, чтобы можно было показать священникам, торговцам, кулакам и буржуазии, кто теперь главный. Надежда на возвращение к нормальной жизни была тем, чего большевики боялись: они называли это Термидором и во второй половине 1920-х годов очень беспокоились о том, не появились ли признаки революционного «вырождения». Троцкий, издеваясь над Сталиным, говорил, что тот стремится стать термидорианцем, но он ошибался. Роль, к которой Сталин явно стремился, была той же, что и у Троцкого: Робеспьера русской революции.

Партия большевиков называла себя рабочей партией, но в 1920-е годы она к тому же была партией ветеранов Гражданской войны. Для значительной части членов партии, которые воевали или служили политическими комиссарами в Красной армии, Гражданская война была большим формирующим и связующим опытом. Она была источником культуры мачо в партии, которая воспринималась как братство закаленных ветеранов-мужчин, любивших совместно выпить и покурить, все еще носивших в повседневной жизни военную

форму с ремнем, гимнастеркой и высокими сапогами. Сталинская команда разделяла эту культуру и в 1920-х годах одевалась именно так. Большинство из них были на фронтах во время Гражданской войны и часто общались друг с другом, когда служили вместе.

Новая готовность применять силу против врагов, даже удовольствие от этого, стали заметны в поведении сталинской команды после поражения левой оппозиции. В первые месяцы 1928 года под удар попали две категории классовых врагов. Первыми были кулаки, которые, как предполагалось, прятали зерно, необходимое для питания городов и армии. Несмотря на хороший урожай осенью 1927 года, поступления крестьянского зерна упали намного ниже ожидаемого. Ответом со стороны руководства могло бы стать повышение цен для стимулирования крестьян, чтобы они могли поставлять свое зерно на рынок, но в то время, когда государство планировало сделать крупные инвестиции в промышленность, это было непривлекательным вариантом. Сталин придумал другое решение. В одном из редких путешествий за пределы столицы весной 1928 года Сталин посетил Сибирь и сделал вывод, что поставки упали не потому, что производители ждали лучшей цены, а потому, что плохие крестьяне (кулаки) специально прятали зерно в целях саботажа против советской власти.

Поскольку, в сущности, это было контрреволюционным поведением, ответ заключался в том, чтобы, используя силу, изъять зерно из деревень и посадить саботажников в тюрьмы. Это было началом эскалации военных действий между государством и крестьянством, что привело к общей принудительной коллективизации, которая дала государству больше рычагов заставить крестьян согласиться сдавать зерно по низким ценам. Чтобы продолжать коллективизацию, сталинисты ввели безжалостную меру устрашения (их собственное но-

вовведение, а не часть предложений левых), а именно арест и депортацию кулацких семей. Трудно было точно определить, кто является кулаком, — критериями были эксплуатация других крестьян и антисоветские настроения, а также относительное экономическое благополучие. И это название стало ловушкой для любых крестьян — нарушителей спокойствия. По оценкам, в 1930–1931 годах были выселены около пяти миллионов крестьян, причем многие из них сами бежали из своих деревень, а не были высланы государством. Оставшиеся в деревнях крестьяне были запуганы, и большинство из них, хотя и неохотно, в течение нескольких лет записались в колхозы. Поход против кулачества сочетался с жестоким походом против церквей и массовыми арестами священников. Крестьянские волнения были зарегистрированы по всему Советскому Союзу, Сталину пришлось бросить против этой серьезной силы ОГПУ и даже армию, чтобы предотвратить крупное крестьянское восстание. Кампания по коллективизации, развернувшаяся зимой 1927–1928 годов, стала началом пятилетнего сражения с крестьянством⁵, которое, как Сталин сказал Черчиллю, было самой большой проблемой, с какой когда-либо сталкивалась революция⁶. Позднее Молотов назвал победу над крестьянством более значимой победой, чем победа во Второй мировой войне⁷.

Именно Сталин возглавил эту великую битву, проявив твердость и смелость, которые вдохновили остальную команду, убедившуюся в его выдающих-

5. О. В. Хлевнюк, *Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы* (Москва: РОССПЭН, 1996), с. 18; Sheila Fitzpatrick, *Stalin's Peasants* (Oxford: Oxford University Press, 1994); Lynne Viola, *Peasant Rebels under Stalin* (New York: Oxford University Press, 1996).

6. Winston Churchill, *The Second World War*, vol. 4: *The Hinge of Fate* (Boston: Houghton-Mifflin, 1950), p. 447–48.

7. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 383.

ся лидерских качествах. Эта новая политика Сталина, не говоря уже о его склонности к принуждению, была такой отчаянной, что иногда у них перехватывало дух, но они восхищались им (через некоторое время к ним присоединились и некоторые из бывших левых оппозиционеров). Из членов команды в начале Великого перелома самым близким союзником Сталина, его неизменным сторонником в вопросе о необходимости жесткости и главным почитателем его порой удивительно коварных махинаций против противников и союзников был Молотов. В старости Молотов гордился тем, что жесткие меры, которые он использовал, чтобы отобрать у крестьян зерно во время поездки на Украину в начале 1928 года, побудили Сталина через несколько месяцев поехать в Сибирь и придумать нечто еще более жесткое — уголовное преследование укрывателей зерна⁸.

ОГПУ было незаменимо в борьбе с крестьянством, но это была не единственная сфера, на которую распространялась его деятельность. С конца 1920-х годов ОГПУ участвовало в фракционных битвах на стороне Сталина, в изгнании оппозиционеров и наблюдении за их подпольными организациями. ОГПУ арестовывало частных торговцев и спекулянтов, а их имущество конфисковывало. Основа будущей империи ГУЛАГа была заложена: были созданы лагеря для размещения крестьян и городских торговцев; вскоре ОГПУ будет поставлять осужденных рабочих на новые объекты промышленного строительства. ОГПУ и Сталин хорошо работали вместе, хотя уверенность в том, что руководители ОГПУ были людьми Сталина, для периода до 1937 года представляется преждевременной. После смерти Дзержинского, крупного самостоятельного политического деятеля, который часто выступал в качестве союзника Сталина, ОГПУ

8. Чувев, *Сто сорок бесед*, с. 377.

возглавляли люди, не имевшие статуса членов Политбюро и не известные какими-либо конкретными связями со Сталиным. Вячеслав Менжинский, возглавлявший эту организацию после Дзержинского, был образованным дворянином и интеллектуалом польского происхождения. С этим старым большевиком из бывших эмигрантов, разговаривавшим на многих языках, у Сталина было мало общего, хотя это не помешало им создать эффективную схему для работы с оппозиционерами — «добрый полицейский / злой полицейский». По мере того как здоровье Менжинского ухудшалось, на первый план выдвигался его заместитель Генрих Ягода, именно он организовал успешную депортацию кулаков. Но Ягода в очень малой степени был человеком Сталина, ходили даже слухи, что он имел правые симпатии⁹.

Быстрая индустриализация на основе государственного экономического плана была краеугольным камнем новой программы, неременным условием движения большевиков к социализму. Экономическое планирование сейчас может показаться чем-то обычным, но в 1920-х годах оно было новаторским: *человек покоряет экономику* тогда звучало столь же эмоционально, как спустя сорок лет звучали слова *человек покоряет космос*. Как будет выглядеть такой экономический план, обсуждалось с начала 1920-х годов, но в середине десятилетия дискуссия была приостановлена на несколько лет, когда теоретики и экономисты партии заспорили о том, чем это можно будет оплатить. Потребовались бы крупные инвестиции, и было непохоже, что Запад предоставит займы и кредиты. Альтернативный вариант сбора денег внутри страны казался бесперспективным: настоящих капиталистов не осталось,

9. J. Arch Getty, *Practicing Stalinism* (New Haven: Yale University Press, 2013), p. 170–181; Donald Rayfield, *Stalin and His Hangers-on* (London: Viking, 2004), p. 105–114, 204–213.

а «выдавливание» денег из крестьянства с помощью налогообложения или условий торговли считалось политически рискованным¹⁰. Различные варианты первого пятилетнего плана горячо обсуждались в 1926–1927 годах. Минималистский план был предложен Госпланом (где было сильно влияние беспартийных экономистов), а максималистский — Высшим советом народного хозяйства СССР во главе с членом команды Куйбышевым. Сам Сталин почти не участвовал в дискуссиях по планированию индустриализации, но с 1924 года высший экономический орган (ВСНХ) неизменно возглавлял один из крупных деятелей, союзник Сталина или член команды — в середине 1920-х годов Дзержинский, затем, после смерти Дзержинского, Куйбышев, а потом Орджоникидзе. В связи с этим можно предположить, что Сталин разделял общее мнение о том, что это ключевой пост. Осенью 1927 года Куйбышев считал, что советская экономика вступает в новую фазу развития, беспрецедентную в отечественной истории или в истории других стран. Налицо была готовность приступить к централизованному государственному экономическому планированию¹¹.

Когда первый пятилетний план был вынесен на утверждение XV съезда партии в декабре 1927 года (того же съезда, который ознаменовал поражение левой оппозиции), максималистская линия промышленного министерства была на подъеме, а Куйбышев говорил о значительно более амбициозных планах индустриализации, чем предполагалось до тех пор. Среди его самых восторженных сторонников был Ворошилов, глава вооруженных сил, который хотел, чтобы Красную армию поддержива-

10. Alexander Erlich, *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960).

11. E. H. Carr and R. W. Davies, *Foundations of a Planned Economy, 1926–1929*, vol. 1, pt. 2 (London: Macmillan, 1969), p. 843–897 (цитата Куйбышева, 868).

ла сильная оборонная промышленность¹². Угроза войны казалась достаточно реальной для того, чтобы дать указание плановикам подготовить запасной чрезвычайный первый пятилетний план на случай вооруженного нападения, учитывая «вероятность иностранного вмешательства»¹³. Для Сталина быстрая индустриализация была не чем иным, как вопросом выживания в неизбежной битве с капиталистическим Западом. На протяжении всей русской истории, как ее понимал Сталин, Россия подвергалась нападениям и унижениям со стороны иностранных держав, и капиталисты жаждали повторить это, как только представится возможность. Они потерпят неудачу, только если Советский Союз осуществит свой амбициозный план индустриализации. «Снижение темпа означало бы отставание... Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут»¹⁴.

Сталинская команда не нашла чисто экономического решения проблемы, где взять деньги для индустриализации. Они почти проигнорировали эту возможность, за исключением экспорта зерна независимо от запросов внутреннего потребления. Инвестиционного капитала не хватало, зато дешевая рабочая сила была в избытке — благодаря потоку крестьян, бегущих от коллективизации на работу в городах и на объекты промышленного строительства, а также рабочей силе осужденных на принудительные работы в тяжелых климатических условиях, где добровольно работать никто бы не стал. Планирование все еще было в зачаточном состоянии и заключалось в основном в определении приоритетных проектов, постановке производственных за-

12. Carr and Davies, *Foundations*, vol. 1, pt. 2, p. 873.

13. Carr and Davies, *Foundations*, vol. 1, pt. 2, p. 869 n1, 873.

14. Сталин, *Сочинения* (1951), т. 13, с. 38–39 («О задачах хозяйственников», 4 февраля 1931).

дач и наказании тех, кто не смог их выполнить. Этот подход под лозунгом «прорыв или провал» был основан в большей мере на принуждении и в меньшей — на энтузиазме со стороны активистов и молодежи. Для молодых энтузиастов это был волнующий опыт, оставивший воспоминания о дружбе, приключениях и борьбе с трудностями. Команда ощущала такое же волнение, наряду с бременем ответственности и периодическими приступами паники. Сталин оказался на высоте, он поставил четкую цель и был непоколебим, как генерал на поле боя.

На повестке дня была культурная революция, предшественница более широко известной культурной революции в Китае 1960-х годов. Советская культурная революция также предполагала борьбу радикально настроенной молодежи против классовых врагов, правых уклонистов и бюрократов. В деревне главными жертвами были кулаки и священники, а в городах — беспартийные интеллигенты и специалисты. Была поднята тревога о ненадежности и возможном предательстве «буржуазных специалистов», как называли тогда «белых воротничков». Шахтинское дело, суд по которому состоялся весной 1928 года в Москве и которое широко освещалось в прессе, подлило масла в огонь. Антисоветский заговор горных инженеров в Шахтинском районе Донбасса раскрыло (или изобрело) украинское ОГПУ, но разработка истории о предательских контактах с иностранной разведкой при попустительстве правых бюрократов была осуществлена в Москве под пристальным наблюдением Сталина. В общегосударственном масштабе это был первый спектакль в новом жанре политического театра, где антисоветских «вредителей» обвиняли в саботаже и другой подрывной деятельности по указке иностранной разведки¹⁵. Некото-

15. Sheila Fitzpatrick, "Cultural Revolution in Russia," in Sheila Fitzpatrick, *The Cultural Front* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992).

рых из сталинской команды это немного смущало: после нескольких месяцев массированного освещения в прессе Молотов в письме к Сталину предположил, что людям, вероятно, это надоело¹⁶. Но Сталин любил такие процессы, в них он мог проявить творческий аспект своей личности (в конце концов, он был когда-то поэтом). Верил ли он в буквальную правду обвинений или просто понимал их как символически верные и политически полезные, неясно, но он определенно проявил большой интерес к сочинению сценария¹⁷.

Может показаться странной идея репрессировать инженеров и одновременно начинать индустриализацию. Также можно утверждать, что нападение на другого классового врага — кулачество, было неадекватным ответом на реальную угрозу в виде падения поставок зерна. Трудно понять, как аресты инженеров могут увеличить промышленное производство. Но антиинтеллектуализм всегда пользовался популярностью в России, и враждебность к «буржуазным» инженерам была широко распространена среди фабричных рабочих, которые считали их представителями управленцев старого образца. Эти взгляды были распространены в большевистской партии, в рядовой состав которой входили многие рабочие, особенно классово сознательные. Когда в апреле 1928 года в ЦК обсуждали последствия «шахтинского дела», все были полны энтузиазма и настроены против «буржуазных» специалистов; для участия в обсуждении записалось шестьдесят ораторов. Сталин объяснил политический расклад: это было как во время Гражданской войны, когда существовали целые груп-

16. РГАСПИ, 558/11/767, лл. 85–88 (Молотов Сталину, 13 июня 1928).

17. Diane P. Koenker and Ronald D. Bachman, eds., *Revelations from the Russian Archives* (Washington, DC: Library of Congress, 1997), p. 243 (Сталин Менжинскому, 1930).

пы «военных специалистов, генералов и офицеров, сынков буржуазии и помещиков», которые всегда были готовы помочь вооруженным интервентам свергнуть советскую власть. Тогда капиталисты начали военную и политическую интервенцию, а теперь экономическую. «Они [западные капиталисты] хотят, чтобы мы отказались от нашей революционной политики, и тогда они станут нашими „друзьями“... Как вы думаете, товарищи, может быть, пойти на эту уступку?» — Общий возглас: «Нет!»¹⁸

Участники сталинской команды, однако, реагировали по-разному. Помимо провозглашения необходимости бдительности в отношении буржуазии конкретные политические выводы были довольно сложными. Не формулировалось открыто, но безошибочно угадывалось в подтексте предположение, что если в промышленности что-то пойдет не так, а такое было неизбежно, учитывая амбициозные цели пятилетнего плана, то правильным ответом будет арестовывать людей независимо от их виновности и обвинять их во вредительстве. Поскольку промышленные управленцы (некоторые из них предстали перед судом вместе с инженерами) не смогли обнаружить заговор и, как правило, обвинялись в том, что позволили буржуазным специалистам водить себя за нос, им пришлось защищаться, особенно управленцам с Украины, где находился город Шахты. Куйбышев, глава отраслевого министерства, был обеспокоен тем, что на инженеров, которые были столь необходимы для индустриализации, ложилась тень подозрений. У Кагановича не было проблем с арестом инженеров или усилением деятельности ОГПУ, но, будучи партийным руководителем на Украине, он был обеспокоен слабостью украинских партийных функционеров. Андреев охотно поддержал необходимость

18. *Как ломали НЭП*, т. 1, с. 234–235.

большей бдительности в отношении врагов, а будущий член команды Андрей Жданов, пока находившийся в Нижнем Новгороде, но уже подлизывающийся к Сталину в надежде на повышение, занял такую позицию в отношении необходимости бдительности, чтобы быть «святее римского папы», так что один из украинских делегатов угрюмо спросил: «Можно ли считать вредительством, когда дежурные спят?» Рыков хотя и был официальным докладчиком по «шахтинскому делу», явно высказывал сомнения по поводу раздувания его значимости. Один из членов команды, Томский, профсоюзный деятель, сделал откровенно скептическое замечание, сказав, что причиной, скорее всего, было плохое управление и растрата денег, а не преднамеренный саботаж и заговор¹⁹.

Команде было трудно сформулировать ответ еще и потому, что в это время шла напряженная бюрократическая борьба между промышленными наркоматами и Наркоматом просвещения за контроль над высшим техническим образованием. Этот, казалось бы, банальный вопрос имел много тонкостей, поскольку Наркомат просвещения возглавляли партийные интеллектуалы, которых подозревали в наличии буржуазно-либеральных тенденций. Хотя на пленуме ЦК в апреле 1928 года Сталин выступил на стороне Наркомата промышленности, долгая и напряженная дискуссия по этому вопросу продолжалась: в этой дискуссии Молотов, Каганович и, конечно, Куйбышев (в качестве наркома промышленности²⁰) поддержали Сталина, а Орджоникидзе

19. *Как ломали НЭП*, т. 1, с. 156–192; О. И. Горелов, *Цугцванг Михаила Томского* (Москва: РОССПЭН, 2000), с. 200.

20. В английском тексте автор, ориентируясь на американского читателя, использует одно собирательное понятие «министерство» для обозначения также наркоматов и других отраслевых руководящих органов. В описываемое время руководство экономикой осуществлял Высший совет народного хозяйства (ВСНХ СССР), в 1932 году он был заме-

и Андреев выступили против; у Томского и Рыкова не было однозначного мнения. Надежда Крупская, заместитель наркома просвещения РСФСР, жестко критиковала позицию Сталина/Молотова, ссылаясь при этом на авторитет Ленина²¹. Для решения этого вопроса потребовалось дальнейшее обсуждение на следующем заседании ЦК в июле. На этом заседании докладывал Молотов, который решительно поддержал передачу технических учебных заведений от Наркомата просвещения Наркомату промышленности. Никто из членов команды ему открыто не возражал и при окончательном голосовании только семь человек было против. При этом наркоматы просвещения России и Украины так отчаянно сопротивлялись передаче, что окончательное решение вопроса было поручено Политбюро, которое, как и ожидалось, проголосовало за передачу. Это был последний случай, когда участники команды публично демонстрировали разногласия по политическому вопросу. В будущем им случалось спорить друг с другом и со Сталиным, но это происходило только на Политбюро²².

В годы первой пятилетки члены команды работали со сверхчеловеческой энергией. Они колесили по всей стране, боролись, посылали в Москву ежедневные отчеты о коллективизации и индустриализации. Такой бурной деятельности не было со времен Гражданской войны, и участники этих событий, конечно, навсегда запомнили эти славные дни. Молотов, Каганович и Микоян несколько раз в год пересекали страну из конца в конец, особое внимание уделяя зерновым районам, они давили на мест-

нен тремя промышленными наркоматами (тяжелой, легкой и лесной промышленности). В.В. Куйбышев занимал пост председателя ВСНХ СССР. — *Прим. науч. ред.*

21. *Как ломали НЭП*, т. 1, с. 193–304; Sheila Fitzpatrick, *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1924–1932* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979), ch. 6.

22. *Как ломали НЭП*, т. 2, с. 525–578.

ные власти, чтобы те давили на крестьян. Весной они контролировали, как идет посевная, осенью — сбор и доставку урожая зерна. Только в 1928 году Молотов побывал на Украине, в Центрально-Черноземном районе России и на Волге; Каганович отправился в Центрально-Черноземный район и на Нижнюю Волгу; Микоян был на Северном Кавказе, Украине и в Центрально-Черноземном районе. Орджоникидзе также часто бывал в дороге. Калинин, признанный партийный эксперт по крестьянству, выезжал реже, видимо, потому, что считался мягкотелым по отношению к крестьянам: эта работа была для действительно жестких членов команды. Так повторялось несколько лет подряд²³. Конечно, как отметил Молотов, они мало что знали о селе, но дело было не в этом: их задача была заставить местные власти получить от крестьян максимальные поставки, привести их в революционное и «бдительное» настроение, поддержать их жесткими мерами, включая массовые аресты и высылки. Позднее Молотов утверждал, вопреки большинству современных описаний, что усилия партии вызвали большой положительный отклик: «Деревня сразу поднялась к коллективизации. Начался бурный процесс, какого мы и не предполагали. Получилось гораздо лучше, удачнее»²⁴.

Сельское хозяйство было в числе немногих крупных секторов, по которому не было конкретного ответственного члена команды, вероятно, потому, что в первые бурные годы коллективизации им так много занимались Сталин и Молотов. Им помогал Яков Яковлев, яркий моло-

23. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 377; Rayfield, *Stalin and His Hangmen*, p. 148–149; E. A. Rees, *Iron Lazar: A Political Biography of Lazar Kaganovich* (London: Anthem Press, 2012), p. 195; R. W. Davies, *The Socialist Offensive* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980), p. 71, 90, 267.

24. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 384–386.

дой протееже Сталина, еврей, нарком земледелия с 1929 по 1934 год, который, кажется, в течение нескольких лет действовал почти как член команды, но так и не стал членом Политбюро²⁵. Другие члены команды также принимали в этом активное участие. Боевым крещением Микояна как представителя ЦК был его доклад о хлебозаготовках в апреле 1928 года²⁶. Андреев, отправленный на Северный Кавказ в качестве секретаря крайкома партии в начале 1928 года, прошел аналогичное испытание в ноябре. Хотя он ничего не знал о сельском хозяйстве (я «еще не совсем ликвидировал свою агрономическую неграмотность», признался он Центральному комитету²⁷), его задачей было продемонстрировать потенциал быстрого роста сельскохозяйственного производства, несмотря на сопротивление классового врага, на основе опыта крупного зернового региона. Сам Сталин после памятной сибирской экскурсии оставался в Москве, но горячо поддерживал борьбу. «Я бы тебя расцеловал, так ты там действовал», — сказал Сталин Молотову после того, как тот вернулся из своей поездки по Украине в январе 1928 года, где он применял самые жесткие меры²⁸. Когда Микоян в ходе борьбы за хлебозаготовки показал признаки слабости, Сталин подбадривал его: «Держись и не унывай — наша должна взять»²⁹.

После принятия весной 1929 года первого пятилетнего плана, который положил начало программе ускоренного промышленного развития всего Советского Союза, команда все больше сосредотачивалась на вопросах промышленности.

25. *Сталинское Политбюро в 30-е годы: сборник документов*, сост. О. В. Хлевнюк и др. (Москва: АИРО-XX, 1995), с. 97.

26. *Как ломали НЭП*, т. 1, с. 37–58.

27. *Как ломали НЭП*, т. 3, с. 25–26.

28. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 377.

29. *Как ломали НЭП*, т. 3, с. 9.

Этим постоянно занимался не только Куйбышев — как нарком промышленности. Орджоникидзе занимался этим вопросом, поскольку его Контрольная комиссия начала интенсивное обследование состояния фабрик и промышленных предприятий и подготовила ряд крайне критических отчетов. Рыков, будучи главой правительства, в состав которого входили и государственный плановый орган, и Наркомат промышленности, также был связан с принятием решений по промышленности. Для Кирова в Ленинграде, Станислава Косиора на Украине и других республиканских и местных партийных секретарей промышленное развитие также было главной заботой. Действительно, Куйбышев, Сталин и Политбюро в целом столкнулись с неожиданным побочным эффектом экономического плана — интенсивным выбиванием промышленных инвестиций со стороны руководителей различных отраслей и регионов, причем особенно энергичной была Украина³⁰. Куйбышев начал замечать проявление этого лоббизма после XV съезда партии, когда его посетил целый ряд партийных секретарей из крупных промышленных регионов — Украины, Урала, Западной Сибири, Баку — в надежде убедить его поддержать новые большие проекты³¹. Переписка между Сталиным и Молотовым во время ежегодных сталинских каникул запестрела названиями промышленных предприятий и строительных площадок. Начиная с 1929 года Политбюро регулярно обсуждало ситуацию в отдельных отраслях тяжелой промышленности, несколько раз докладчиком был сам Сталин, и каждой такой дискуссии и по-

30. James R. Harris, *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System* (Ithaca: Cornell University Press, 1999), p. 70–104.

31. Г. В. Куйбышева, *Валерьян Владимирович Куйбышев* (Москва: Издательство политической литературы, 1966), с. 283.

следующей резолюции предшествовало активное лоббирование³².

Одновременно происходил новый раскол в руководстве, на этот раз с правой оппозицией. Неудивительно, что те, кто был наиболее тесно связан с умеренной политикой 1920-х годов, в частности, Рыков, Бухарин и Томский, были недовольны, когда Сталин перешел к радикальной политике. Они имели вес в руководстве, и их хорошо знали в стране: Рыков стоял во главе правительства, Томский возглавлял профсоюзы, Бухарин — Коминтерн (а также редакцию «Правды»); кроме того, все трое были этническими русскими, что было полезно с точки зрения общественного мнения. (Калинин, номинальный глава советского правительства, также склонялся к точке зрения умеренных, но потом перешел на позиции Сталина, а не правых.) Поскольку в Политбюро тогда еще была относительная свобода дискуссий, они, несомненно, предполагали остаться, оказывать смягчающее воздействие и ждать, пока все не уляжется, но в то же время были готовы принять и публично одобрить решения, которые шли вразрез с их мнением. Конечно, они не думали об организации оппозиционной фракции, помня о том, что случилось с последней такой фракцией, и не делали ни малейших шагов в этом направлении. Но Сталина не устраивало наличие в команде инакомыслящих, какими бы лояльными они ни были. Микоян сообщает о любопытном разговоре в начале 1928 года, когда однажды вечером, возвращаясь с дачи вместе с Кировым и Орджоникидзе, Сталин небрежно заметил, что есть несколько умеренных, которые, несомненно, потеряют свои посты в ближайшие несколько лет, а их места займут такие перспективные, жест-

32. *Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): повестка для заседаний. Каталог*, т. 1 (Москва: РОССПЭН, 2000) (Сталин как докладчик, с. 707, 739).

кие люди, как его собеседники. Все были шокированы, говорит Микоян, поскольку тогда еще ощущали себя одной командой³³. Но были и другие тревожные признаки, в частности, очень резкие нападки Молотова на Рыкова при обсуждении первого пятилетнего плана в марте 1928 года, которые Томский позднее вспоминал как начало кампании против правых³⁴.

В то время как Рыков всегда был союзником Сталина, но не членом сталинской команды, Бухарин и Томский в середине 1920-х годов были действительно лично и политически близки со Сталиным. Так, во время своего отпуска в 1925–1926 годах Сталин писал Молотову и Бухарину вместе — как исполняющим обязанности капитана команды в его отсутствие. Рыков и Томский были примерно одного возраста со Сталиным, Бухарин на десять лет моложе. Рыков и Бухарин были интеллектуалами, образованными людьми, их связи с Лениным восходили еще к 1910-м годам. Томский был рабочим, бывшим печатником, который работал с женой Ленина Крупской в Санкт-Петербурге еще в 1890-х годах и оставался дружен с ней и после смерти Ленина³⁵. Ленин в своем «Завещании» назвал Бухарина «любимцем партии», и это находит подтверждение: почти все в команде называли его на «ты». Люди часто называли его уменьшительными, производными от его фамилии — Бухарчик, Бухашка; эти прозвища были и ласковыми, и снисходительными — из-за неустойчивости его характера и склонности плакать на публике коллеги не воспринимали его всерьез, хотя он считался влиятельным оратором, теоретиком и полемистом³⁶. На XV съезде

33. А. И. Микоян, *Так было*, с. 289.

34. *Как ломали НЭП*, т. 4, с. 55.

35. Михаил Томский, *Воспоминания, статьи, документы* (Москва: РГГУ, 2001), с. 158.

36. Чуев, *Молотов*, с. 252–253.

партии его авторитет, измеренный в аплодисментах, сила которых была зафиксирована в опубликованных протоколах, был высок: он стал третьим (вместе с Ворошиловым) после Сталина и Калинина, популярного в партии «дедушки»³⁷.

Бухарин стал близким другом Сталина в середине 1920-х годов; он называл его Коба, псевдонимом Сталина из дореволюционного кавказского подполья — так к нему могли обращаться только близкие. У Бухарина и его тогдашней жены, Эсфири Гурвич, была дочь Светлана, ненамного старше Светланы, дочери Сталина, и его семья была приглашена пожить на даче Сталина в Зубалове; в 1927 году по предложению Сталина Бухарин (без Эсфири, которая была эмансипированной женщиной и занималась собственной карьерой) переехал в квартиру в Кремле, и они стали соседями. Их жены, ставшие студентками московских вузов, тоже были дружны. Томский и его жена были соседями Сталина по Кремлю, и он часто их навещал. Томские звали Сталина Кобой, как вспоминал их сын, и у Томского была его фотография с дружеским автографом: «Моему дружку — Мишке Томскому»³⁸.

Все более воинственный тон партии на апрельском и июльском пленумах 1928 года встревожил правых. Их беспокоило обострение конфронтации с крестьянством и то, что они считали нереалистичными цели, намеченные по индустриализации в первой пятилетке. Томский, как профсоюзный лидер, был встревожен разговорами о жертвах,

37. XV съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): стенографический отчет (Москва — Ленинград: Государственное издательство, 1928).

38. Paul R. Gregory, *Politics, Murder and Love in Stalin's Kremlin: The Story of Nikolai Bukharin and Anna Larina* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2010), p. 16–17; Светлана Аллилуева, *Двадцать писем к другу* (Санкт-Петербург, 1994), с. 25; Горелов, *Цугцванг Михаила Томского*, с. 275; Зенкович, *Самые секретные родственники*, с. 64–65.

требующихся от рабочего класса во имя быстрой индустриализации, и усилением власти управленцев над рабочими. В какой-то момент, в конце 1920-х годов, у Томского и Сталина произошла серьезная ссора, которая положила конец их дружбе: как гласит легенда семьи Томских, последний дружеский визит Сталина с бутылкой в руке закончился тем, что Томский вышвырнул его со словами: «Ты подлец, настоящий подлец! Убирайся со своей бутылкой ко всем чертям!»³⁹

Бухарин также, по имеющимся свидетельствам, в это время поссорился со Сталиным, после чего они не разговаривали несколько недель. Хуже всего пришлось Бухарину на пленуме ЦК в июле 1928 года. В конце пленума он покинул Кремль с Григорием Сокольниковым, старым большевистским интеллектуалом из фракции Зиновьева, с которым он дружил с детства. Что именно произошло дальше, является предметом спора. Бухарин (который имел тенденцию присочинять, когда у него были проблемы) рассказал Анне Лариной, своей будущей третьей жене, что он и Сокольников случайно наткнулись на опального оппозиционера Льва Каменева на улице и вступили в разговор, который был эмоциональным со стороны Бухарина, но никоим образом не был заговорщическим. Каменев говорил, что встретил Бухарина и Сокольникова после пленума неожиданно, но что ранее в тот же день у него была встреча с Сокольниковым, где обсуждался конфликт Бухарина со Сталиным и возможность сближения правых с зиновьевцами. Это свидетельствует о том, что со стороны Сокольникова, по крайней мере, дело имело заговорщический аспект. С точки зрения Сталина, это был явно заговор — тайная встреча, целью которой было формирование блока между старой зиновьевской оппозицией и правыми. Какими бы ни были точные обстоятельства, это был

39. Томский, *Воспоминания*, с. 159.

акт невероятной политической глупости со стороны Бухарина, как он позже признал («Какой же я был мальчишка, какой дурак!»).

Версия Сталина представляется вполне правдоподобной, учитывая то, что рассказал об этой встрече Каменев. Бухарин позднее признавал, что Каменев в целом изложил все верно. Общаясь с Каменевым, Бухарин был взволнован и говорил о Сталине с ненавистью, ему представлялось тогда, что раскол неминуем. И себя, и Томского он считал участниками блока и говорил, что они считают линию Сталина «губительной для всей революции». Более того, Сталина он описывал как «беспринципного интригана, который все подчиняет сохранению своей власти <...>. Он теперь уступил, чтобы нас зарезать». Сталин привил в ЦК «чингисхановскую культуру». Он шпионил за ними: ГПУ следило за ними и прослушивало их телефоны. Бухарин и его союзники пришли к выводу, что Зиновьев и Каменев гораздо лучше Сталина. Каменев настаивал на том, чтобы он сказал, кто конкретно эти союзники, но Бухарин подразумевал, что это бóльшая часть Политбюро, хотя не все были готовы выйти и признать это открыто. Разумеется, «тупица Молотов, который учит меня марксизму и которого мы называем „каменной задницей“», был безнадежным случаем. Но Рыков и Томский, вместе с Бухариным, абсолютно преданы оппозиции против Сталина; с ними был Андреев, а также зампред ОГПУ Ягода. Ленинградцы (то есть Киров) «вообще с нами, но испугались, когда зашла речь о возможной смене Сталина». Ворошилов и Калинин были сочувствующими, но «предали нас в последнюю минуту», очевидно, потому что Сталин имел какую-то власть над ними. Орджоникидзе был еще одним сочувствующим, который подвел их, несмотря на то, что «ходил ко мне и ругал Сталина».

Все это было должным образом отмечено Каменевым и напечатано его секретарями для переда-

чи Зиновьеву. Как и следовало ожидать Бухарину, учитывая его замечания по поводу слежки, вскоре этот отчет был в руках у Сталина, и он сразу же дал его прочитать Рыкову, который был потрясен глупостью Бухарина, — через несколько месяцев этот отчет оказался в руках запрещенной троцкистской оппозиции, которая распространила его через свое подполье. Это было вынесено на обсуждение и осуждение на совместном заседании ЦК и ЦКК партии в апреле 1929 года⁴⁰.

Сталин был в ярости, когда до него дошли новости об этом предательстве. В рукописной записке, которую он передал Бухарину на пленуме ЦК в апреле 1929 года, он сердито (все еще обращаясь на «ты») писал: «Ты меня не заставишь молчать или прятать свое мнение... Будет ли когда-либо положен конец нападкам на меня?»⁴¹ Бухарин мог выступить с аналогичной жалобой: ведь с точки зрения любого другого, кроме Сталина, преследовали именно его. Говорят, что Бухарин был шокирован, когда Сталин публично отверг их дружбу, заявив, что «личный момент есть мелочь, а на мелочах не стоит останавливаться. Мы [он и Бухарин], вчера еще личные друзья, теперь расходимся с ним в политике»⁴². Этот разрыв не должен был быть сюрпризом. Мало того что Бухарин фактически предал Сталина как лично, так и политически, но заявление Сталина о том, что личные свя-

40. Anna Larina, *This I Cannot Forget* (London: Norton, 1993), p. 112–113, 115 (русское издание: А. М. Ларина, *Незабываемое. Воспоминания о Н. И. Бухарине* (Москва: Вагриус, 2002)); *Как ломали НЭП*, т. 4, с. 152, 162–163, 188–190, 559–562; «„Прости меня, Коба“: неизвестное письмо Н. Бухарина», *Источник*, 1993, № 0, с. 24 (Бухарин Сталину, 10 декабря 1937).

41. *Советское руководство: Переписка, 1928–1941* (Москва: РОССПЭН, 1999), с. 73.

42. Дмитрий Волкогонов, *Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина* (Москва: Новости, 1989), кн. 1, пкт. 2, с. 30.

зи это «мелочь» было аксиомой для большевиков, да и вообще всех революционеров в России, еще с XIX века. Когда Сталин сказал: «У нас не семейный кружок, не артель личных друзей, а политическая партия рабочего класса», он говорил что-то совершенно очевидное и безупречное с точки зрения партии, но это не значит, что он сказал всю правду о своих чувствах по этому поводу⁴³. Эта команда действительно была «артелью личных друзей», и, между прочим, Сталин только что услышал, что один из этих друзей утверждал, что ненавидит его и считает его руководство катастрофическим, в то время как другие, включая Кирова, к которому Сталин был особенно привязан, и его старые друзья Орджоникидзе и Ворошилов, по слухам, придерживались сходного мнения.

Бухарин удивительно медленно осознал неизбежность катастрофы, которую он сам спровоцировал, но определенно заметил, что полупубличная кампания против него, организованная Молотовым, ведет к подрыву его влияния в Коминтерне, вызывая нападки на его труды по экономике и наказания его молодых учеников⁴⁴. Одним из обвинений, выдвинутых против него, было то, что он был лицемером, который публично поддерживал политику коллективизации партии, но фактически выступал против нее. Это, конечно, было правдой, но таковы правила игры: как только решение принято внутри Политбюро, все члены должны были публично поддержать его. Альтернатива состояла в том, чтобы заявить вслух о несогласии и, таким образом, начать фракционную борьбу, как это сделали левые. Но Бухарин и его союзники отчаянно пытались избежать всего, что могло бы быть истолковано как фракционная деятельность: они полагали, что Сталин пытается изобразить их

43. *Как ломали НЭП*, т. 4, с. 452.

44. РГАСПИ, 329/2/6, лл. 58–60 (Бухарин Сталину [август 1928]).

как раскольников, как он ранее сделал с левыми. «Вы новой оппозиции не получите!» — кричал Бухарин Сталину на апрельском пленуме 1929 года. «Вы ее иметь не будете! И ни один из нас никакой „новой“ или „новейшей“ оппозиции возглавлять не будет!»⁴⁵ В статье «Записки экономиста», опубликованной в «Правде»⁴⁶, Бухарин выступил с эзоповской критикой политики индустриализации, нарушив тем самым правила. Он надеялся, что это нарушение было незначительным и что его можно будет не признавать. Кстати, он также был вовлечен в публичное одобрение политики, против которой выступал в частном порядке, и, что еще более неловко, в публичное осуждение неназванных злодеев, которые пытались подорвать эту политику. Это была провальная позиция, и Сталин с Молотовым с радостью воспользовались конфузом Бухарина.

В соответствии со сталинским принципом дозирования, трое правых были сняты со своих постов постепенно и по отдельности, но задолго до их окончательного исключения команде было ясно, что это скоро произойдет. «Надо прогнать <...> Рыкова и его компанию, — писал Сталин Молотову осенью 1929 года. — *Но это пока между нами*» (курсив в оригинале)⁴⁷. Бухарин был формально отстранен от должности главного редактора «Правды» в июне 1929 года и от руководства Коминтерном месяц спустя, но фактически он чувствовал себя подавленным и не собирался работать ни в одном из этих мест с тех пор, как вернулся в том году из отпуска. Таким образом, его можно было легко обвинить в том, что он расслабился из-за задетого самолюбия⁴⁸. Точно так же Томский перестал ходить

45. *Как ломали НЭП*, т. 4, с. 151 (цитата), 187–188.

46. «Записки экономиста», *Правда*, 30 сентября 1928.

47. *Письма И. В. Сталина*, с. 220 (Сталин Молотову [до 15 сентября 1929]).

48. *Как ломали НЭП*, т. 3, с. 1; т. 4, с. 194.

на работу в свой профсоюзный кабинет после того, как в качестве сторожевого пса туда направили Кагановича, и в июне 1929 года Томского окончательно сместили. Рыков, более осторожный и ловкий, чем двое других, продолжал работать в качестве главы правительства, но сталинцы предприняли меры, чтобы он ничего не мог сделать на этом посту. В канун нового года, в декабре 1929-го, все трое предприняли последнюю попытку примирения, они неожиданно пришли к Сталину домой рано утром с бутылкой грузинского вина. Но было слишком поздно⁴⁹. Их не выгнали с позором — как левых, которые фактически не организовали ничего, даже отдаленно похожего на фракцию; а затем одного за другим исключили из Политбюро — Томского в июле 1929 года, Бухарина четыре месяца спустя и Рыкова в декабре 1930 года. После смещения с поста главы правительства в конце 1930 года Рыков получил второстепенную должность наркома связи, а Бухарин и Томский заняли третьестепенные посты в управлении экономикой⁵⁰.

На ранних этапах расставания с правыми команда или, по крайней мере, некоторые из ее членов были склонны надеяться на примирение. «Рыкова, Томского, Бухарина и даже Зиновьева и Каменева мы честно не хотели отсекаль», — вспоминает Микоян, не уточняя, кто именно «мы»⁵¹. Молотов, как обычно, решительно поддерживал Сталина и в его отсутствие следил за надежностью остальной команды. В августе 1928 года он сообщил Сталину о «наших друзьях, склонных к панике», и, похоже, ожидал, что некоторых из этих «маят-

49. Roy A. Medvedev, *Nikolai Bukharin* (New York: Norton, 1980), p. 15, 25; Gregory, *Politics, Murder, and Love*, p. 65.

50. *Письма И. В. Сталина*, с. 124, 190–191; Daniels, *Conscience*, p. 368; Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, p. 301; Daniels, *Conscience*, p. 368; *Правда*, 31 марта 1931, с. 6.

51. А. И. Микоян, *Так было*, с. 289.

ников от политики» — возможно, большую группу, чем этих троих, впавших в немилость, — из команды придется исключить⁵². Сталин боялся, что Микоян и Куйбышев могут поддаться влиянию Томского, поэтому написал Куйбышеву, что Томский «злой человек и не всегда чистоплотный», который, несмотря на дружеские отношения, «собирается обидеть тебя»⁵³. Молотов, как вспоминал позднее Каганович, говорил о Бухарине, что он «лиса хитрая; это Шуйский нашего времени» (намекая на князя Василия Шуйского, участника событий Смутного времени XVII века)⁵⁴.

Орджоникидзе, никогда не любивший порывать с друзьями, поначалу был категорически против любых дальнейших расколов в руководстве. «Я глубоко убежден, что изживем все», — сказал он Рыкову осенью 1928 года, обращаясь к нему на «ты». Он был уверен, что между группой Рыкова и остальной командой не было принципиальных разногласий, просто всех взволновала прошлогодняя проблема с хлебозаготовками. Он умолял Рыкова сделать все возможное, чтобы добиться примирения между Бухариным и Сталиным (хотя знал достаточно об их отчуждении, чтобы понять, что это будет трудно), и любой ценой избегал конфликтов по политическим вопросам. Изгнание Рыкова, Бухарина и Томского из команды было бы «смешно», «безумно»⁵⁵. Месяц спустя он с радостью писал Ворошилову, что «Миша [Томский]... вел себя весьма дипломатично», но выразил недовольство по поводу скрытой критики политики Политбюро, которую Бухарин опубликовал в «Записках экономиста»: «Это плохо со статьей Бухарина. Бедному Бухари-

52. РГАСПИ 558/11/767, 111–116 (Молотов Сталину, 20 августа 1928).

53. *Как ломали НЭП*, т. 3, с. 9.

54. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 74–75.

55. *Советское руководство*, с. 58–59 (письмо Рыкову [до 16 ноября 1928]).

ну очень тяжело на заседаниях. Он не должен был писать такую статью. Вы читали ее? Это довольно запутанно: Бухарчик не посмел выйти и открыто сказать, что он хотел сказать в этой статье, и поэтому сделал шаг как влево, так и вправо; в результате все недовольны»⁵⁶.

Но как только содержание его разговора с Каменевым стало известно команде, симпатия к бедному Бухарчику резко уменьшилась. Он запятнал или оскорбил практически всех в команде, и для тех, кто был его друзьями, это было особенно неловко. В самом деле, Бухарин едва ли мог нанести более жестокий удар по колеблющимся членам команды (если таковые были), скорее всего, после этого они прикнули обратно к Сталину. Возможно, они действительно были несколько нелояльны в частных беседах, с кем не бывает? Скорее всего, никто из них действительно не хотел изгнания правых. Их колебания, возможно, не стали неожиданностью для Сталина, если бы слежка ОГПУ за лидерами действительно была так хороша, как утверждается. Таким образом, санкционировав публикацию заметок Каменева, хотя и для ограниченного круга членов ЦК, Сталин не только нанес удар по Бухарину, но и сделал предупредительный выстрел по Орджоникидзе, Ворошилову, Андрееву, Кирову и Калинину — и они отреагировали соответственно. «К черту его [Бухарина]», — написал Орджоникидзе Ворошилову, который пожаловался ему на коварство Бухарина. «К нашему полному удивлению, он оказался не особо порядочным человеком. Он сделает все возможное, чтобы создать впечатление, что люди оскорбляют и унижают его, и в то же время сам будет поливать нас дерьмом»⁵⁷.

56. РГАСПИ, 74/2/43, лл. 38–39 (письмо Ворошилову, 28 октября 1928).

57. РГАСПИ, 74/2/43, лл. 50–51 (письмо Ворошилову, 26 июня 1929).

Ухудшение личных отношений стало очевидным на заседании ЦК в апреле 1929 года, на котором обсуждался разговор Бухарина с Каменевым. Утомленный долгим теоретическим рассуждением Бухарина об экономике, придравшись к его метафоре о закручивании гаек, Рудзутак презрительно прервал его: «Ну, мотай, мотай», на что Бухарин ответил: «Ты думаешь, это очень остроумно?» Орджоникидзе засмеялся, что еще больше разозлило Бухарина. «Вот те на, и смеяться запрещено», — заявил Орджоникидзе, чем вынудил Бухарина ответить. Ссылаясь на печально известный вспыльчивый характер Орджоникидзе, он сказал: «Я знаю, что тебе и шоферов бить по морде никто не запрещал»⁵⁸. Когда Бухарин выступил против Ворошилова на заседании Политбюро, тот совершенно потерял самообладание, назвал Бухарина лжецом и ублюдком и угрожал физическим насилием. Ворошилов сам был смущен своим поведением, но, как он сказал своему другу Орджоникидзе, Бухарин просто вывел его из себя: «Бухарин дрянь-человек и способен в глаза говорить подлеишие вымыслы, делая при этом особенно невинную и свято-подлую мину на своем всегда иезуитском лице»⁵⁹.

Ворошилов выступил с нападками на правых и на международный капитал, который их спонсировал. Сам он считал свою речь провальной («Я своим докладом замучил ленинградцев, и в другой раз они меня не позовут докладывать»), но Сталин его похвалил, сказав, что это была хорошая принципиальная речь: «Всем гуверам, чемберленам и бухариным попало по заднице»⁶⁰. Но не все получали поддержку от Сталина. Когда в одном из (ложных) признаний специалистов, обвиняемых в авариях и саботаже, полученных органами

58. *Как ломали НЭП*, т. 4, с. 170.

59. *Письма И. В. Сталина*, с. 123–124 (8 июня 1929).

60. *Советское руководство*, с. 68 (Ворошилов Сталину [март 1929]).

госбезопасности в 1930 году, было названо имя Калинина, Молотов, получив запись, предложил ее отредактировать, но Сталин быстро поправил его: «Что Калинин грешен, — в этом не может быть сомнения. Все, что сообщено о Калинине в показаниях — сущая правда. Обо всем этом надо обязательно осведомить ЦК», «чтобы Калинин впредь не по-вадно было путаться с пройдохами». Другими словами, пусть Калинин поймет, что как бы высоко его ни ценили в партии, его положение не является неуязвимым⁶¹.

Тем не менее Калинин остался в команде, возможно, потому, что большинству так и не пришло в голову его исключить. То же самое можно сказать и о других «колеблющихся», таких как Ворошилов и Орджоникидзе, хотя именно непоколебимые Молотов и Каганович стали ближайшими политическими союзниками Сталина. Будущие члены команды проходили боевые испытания в провинциях и готовились к переводу в Москву, как несколькими годами ранее Микоян, Орджоникидзе и Киров. Андрей Жданов работал в Нижнем Новгороде на Волге, на строительстве крупного нового автозавода. Молодой человек с интеллектуальными претензиями («Я всегда был лучшим учеником в школе и закончил с отличием», — писал он в автобиографии 1922 года), Жданов был более известен своей способностью приспосабливаться к изменениям в партийной линии, чем какой-либо особой эффективностью в достижении целей первой пятилетки, но Сталин любил его⁶². Лаврентий Берия находился на Кавказе, поднимаясь от главы гру-

61. РГАСПИ, 558/11/769, лл. 5–11 (Молотов Сталину, 11 августа 1930); *Письма И. В. Сталина*, с. 198 (Сталин Молотову, не ранее 23 августа 1930).

62. *Revelations from the Russian Archives*, p. 336–337; Kees Boterbloem, *The Life and Times of Andrei Zhdanov, 1896–1948* (Montreal: McGill-Queens, 2004), p. 74–79.

зинского ГПУ до главы Закавказского партийного комитета, и через своего покровителя Орджоникидзе стремился попасть в Москву, предпочтительно на партийную должность, а не в структуры госбезопасности. Он постоянно информировал Орджоникидзе и Сталина о тонкостях кавказской политики, к которой оба сохраняли живой интерес, и воспользовался регулярными поездками Сталина на юг, чтобы заслужить его благосклонность. Заслуги Берии в должности местного руководителя, как в области сельского хозяйства, так и в промышленности, похоже, превосходили успехи Жданова; он действовал эффективно и жестко, и, если верить его сыну, ему удалось обеспечить выполнение первого пятилетнего плана в Грузии, который предполагал выращивание цитрусовых и чая, что подразумевало более мягкую форму коллективизации, чем где-либо еще, а также подавил восстания против коллективизации в Азербайджане «с максимальной хитростью и минимальной огневой мощью»⁶³.

Сталин и другие первоначально ожидали, что будущие лидеры выйдут из Института красной профессуры и Коммунистического университета им. Я. Свердлова, которые были созданы в начале 1920-х годов как учебные заведения по общественным наукам для коммунистической элиты. Но эти студенты разочаровали. Сильно политизированные, они были склонны проводить время в идеологических дебатах и фракционной политике. И что еще хуже — в неправильной фракционной политике, поскольку фаворитом студентов был популярный и доступный молодой теоретик Бухарин. С началом культурной революции Сталин и его

63. Amy Knight, *Beria: Stalin's First Lieutenant* (Princeton: Princeton University Press, 1993), p. 45; РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории), 5/30/4, лл. 64–79 (В. Н. Меркулов Хрущеву, 21 июля 1953); S. Beria, *Beria, My Father*, p. 11–13; Rayfield, *Stalin and His Hangmen*, p. 336.

команда перешли на жесткую «классовую» политику в наборе элиты, отдавая предпочтение пролетариям и членам партии, и были крайне враждебно настроены по отношению к студентам из бывших господствующих классов: «Гоните их в шею из Москвы, — писал Сталин Молотову, — и ставьте вместо них молодых ребят, наших людей, коммунистов»⁶⁴.

Наряду с этой политикой создания преимуществ для пролетариев произошел резкий сдвиг в ориентации высшего образования в сторону инженерного дела (теперь под началом сталинских промышленных ведомств, а не правых интеллигентов из сферы образования), диплом инженера в тридцатые годы стал наиболее желательным как для политической, так и для профессиональной карьеры. Заглядывая в будущее, заметим, что почти все члены команды Брежнева — Косыгина, находившиеся у власти с середины 1960-х до 1980-х годов, имели инженерные специальности, но и в команде Сталина в середине 1930-х годов уже появились два таких человека — Георгий Маленков и Никита Хрущев. Маленков, из дворянской русской семьи, был женат на родственнице Глеба Кржижановского, старого большевика, друга Ленина. В начале 1920-х годов, вернувшись с Гражданской войны, он учился в самой престижной из всех инженерных школ России, Высшем техническом училище им. Баумана. Как рассказывал его сын, он учился хорошо, так что профессор электротехники поощрял его продолжать учебу в аспирантуре, но вместо этого он решил пойти работать в аппарат Центрального комитета и продвигался там под покровительством Сталина⁶⁵.

64. Fitzpatrick, "Stalin and the Making of a New Elite," in Fitzpatrick, *Cultural Front; Письма И. В. Сталина*, с. 156 (Сталин Молотову, 28 августа 1929).

65. А. Г. Маленков, *О моем отце Георгии Маленкове* (Москва: НТЦ «Технозкос», 1992), с. 8–20; Зенкович, *Самые секретные родственники*, с. 249.

Хрущев, этнический русский, хотя и провел молодость на Украине, был сыном крестьянина, который сезонно работал в промышленности; сам Хрущев стал фабричным рабочим с пятнадцатилетнего возраста. Он вступил в партию в 1918 году, был мобилизован в Красную армию во время Гражданской войны, в 1920-х годах начал работать в местной партийной организации на Украине и был протеже Кагановича. Хрущев переехал в Москву в 1930 году, воспользовавшись привилегиями, которые предоставлялись людям с пролетарским происхождением. Он стал студентом в зрелом возрасте, имея уже значительный политический опыт. Его местом учебы была Промышленная академия, менее выдающаяся, чем училище им. Баумана, но специализировавшаяся на предоставлении высшего образования коммунистам из рабочего класса, таким как Хрущев, которые не имели возможности получить его раньше. Среди его сокурсников были Дора Хазан (жена Андреева) и Надежда Аллилуева, чья дружба с Хрущевым, возможно, впервые привлекла к нему внимание Сталина. В тридцать пять лет Хрущев был, вероятно, слишком стар и слишком занят политикой, чтобы изучать инженерное дело, но он оставил свой след в качестве партийного секретаря академии, возглавив кампанию против правых. Он был быстро вознагражден за это назначением вторым секретарем Кагановича в Московском комитете партии⁶⁶.

В дополнение к новым людям на флангах были и некоторые старые, отказавшиеся от прошлых ошибок и возвращенные, хотя и на уровне ниже Политбюро. Для некоторых из бывших левых оппозиционеров сталинское движение индустриализации имело большой интерес не только потому, что эта политика исходила от левых, но и пото-

66. William Taubman, *Khrushchev: The Man and His Era* (New York: Norton, 2003), p. 30–71; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 38–42.

му, что ее реализация в период первой пятилетки была необыкновенно захватывающей задачей. С 1930 года сталинская команда достигла высокого уровня; победив оппозицию и получив решительную поддержку рядовых членов партии, она приступила к осуществлению смелой, агрессивной программы социальных преобразований, казавшейся естественной для революционной партии. Первым среди бывших левых, успешно восстановившихся в партии, был Юрий Пятаков, когда-то близкий соратник Троцкого, который вскоре стал главным заместителем Орджоникидзе в Наркомате тяжелой промышленности⁶⁷.

Наступил «героический период нашего социалистического строительства», — восхищался Пятаков⁶⁸. Это чувство, разделяемое командой, было с энтузиазмом воспринято молодыми коммунистами, ставшими «ударной силой» коллективизации, индустриализации и культурной революции. Каганович, один из самых ярких ораторов команды, сказал делегатам комсомольского съезда в 1931 году, что будущее за ними. Первая пятилетка начала «гигантский прорыв, который покажет всему миру, что недалек тот час, когда мы догоним и перегоним самую передовую страну — Соединенные Штаты Северной Америки [так]... Социализм победит... Вы будете хозяевами всего мира»⁶⁹.

67. О. В. Хлевнюк, *Сталин и Орджоникидзе* (Москва: Россия молодая, 1993), с. 67.

68. Davies, *Socialist Offensive*, p. 148.

69. Robert W. Davies, *Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–33* (London: Macmillan, 1996), p. 10.

ГЛАВА 3

У власти

«**КАКОЕ** это было замечательное время, — писала в 1950-х годах Екатерина Ворошилова, ностальгически вспоминая общественную жизнь команды, когда еще была жива Надежда Аллилуева, молодая вторая жена Сталина. — Какие простые, искренне добрые, товарищеские отношения. И почти до боли трудно понять, как со временем жизнь в партии усложнялась, и наши взаимоотношения тоже»¹. Каганович также с удовольствием вспоминал начало 1920-х годов, когда он впервые познакомился со Сталиным. Он и другие до полуночи работали в своих кабинетах в здании ЦК на Старой площади, а затем вместе отправлялись домой в Кремль. Каганович вспоминал, как однажды зимним вечером шел домой вместе со Сталиным, Молотовым и Куйбышевым — веселая группа молодых революционеров, все еще худых и голодных, с густыми шевелюрами и усами. Каганович особенно помнил усы, Киров был единственным в команде без них, пока в 1930-е годы не появились Хрущев и Берия, лысые и без усов. Тогда у них не было никакой особой охраны. Сталин в меховой шапке с опущенными ушами смеялся и разговаривал с остальными, шутил. По словам Кагановича, они были похожи на «вольницу» (это старинное русское выражение могло означать братство воль-

1. РГАСПИ, 74/1/429 (Екатерина Ворошилова, «Нечто вроде дневника», запись от августа-сентября 1955).

ных людей, но также и банду преступников). Хотя они жили в Кремле, как цари, они не считали себя наследниками царей, и им было трудно даже осознавать себя правителями².

«Старые большевики» — термин, обозначавший ветеранов, вступивших в партию до 1917 года. Они были связаны воспоминаниями об общей подпольной организации, ссылках, тюрьмах, эмиграции и, прежде всего, борьбе. В сталинской команде в 1920-х годах отношения были товарищескими, часто дружескими. Форма обращения «ты» часто использовалась даже в официальной переписке. Это был разрыв с традицией ленинской команды, где на «ты» обращались значительно реже, особенно в отношении Ленина: ни один из его товарищей, кажется, не обращался к нему на «ты» в деловой переписке, ни он к ним. Но Ленин был старше и принадлежал к более высокому социальному классу, чем сталинская команда, и, кроме того, в 1920-х годах Сталин не был Лениным для своего круга. Многие из его команды на письме обращались к нему «ты», как и друг к другу, и продолжали так делать в 1930-х годах. По словам Микояна, на «ты» со Сталиным был он, а также Орджоникидзе, Калинин, Молотов, Ворошилов, Бухарин, Каменев. Молотов и Ворошилов часто называли Сталина в письмах Коба, Микоян — Сосо, грузинским уменьшительным вариантом имени Иосиф³.

К началу 30-х годов некоторые из членов команды располнели, другие облысели, но военный стиль одежды оставался в моде еще несколько лет, как и неформальные привычки внутри команды. Для подчиненных команда предпочитала квазиво-

2. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 90–91, 190–191.

3. Обращение на «ты»: А. И. Микоян, *Так было*, с. 352; примеры употребления прозвищ Коба и Сосо: РГАСПИ, 558/11/766–769; *Советское руководство*, с. 190–191, 280–281; РГАСПИ, 558/11/765, лл. 48–49, 57–58, 68а.

енный тон командования, грубый и императивный, иногда оскорбительный (Каганович в прошлом был мастером этого); с простыми людьми предпочитали простой, добрый и доступный стиль, установленный «дедушкой» Калининим; а друг с другом они вели себя как товарищи, а во многих случаях и как друзья. Отказ Сталина от дружбы в политике (в связи с его борьбой с Бухариным) не следует воспринимать слишком серьезно. Дружба очень много значила для него (хотя он мог быть неверным), и вначале команду сплачивала именно дружба. Все изменилось после смерти Кирова (в 1934 году) и Орджоникидзе (в 1936 году), а также под воздействием Большого террора, испортившего личные отношения внутри коллектива. Тем не менее даже после чисток Сталин продолжал неформально общаться именно с членами команды, и так было до конца его жизни. Как и у большей части команды (Рудзук и Куйбышев, предпочитавшие художественную среду, были исключениями), его собственные дружеские и социальные контакты, помимо семьи, ограничивались в основном другими старыми большевиками, и после смерти жены в конце 1932 года он еще больше стал полагаться на членов команды.

Ядром команды в социальном плане были «кавказцы», состоящие из двоих грузин (Сталина и Орджоникидзе) и одного армянина (Микоян), а также Ворошилова и Кирова, которые воевали на Южном фронте и в Гражданскую войну обзавелись связями с этническими кавказцами. Эти пятеро были лично значительно более близки между собой, чем с Молотовым, язвительным человеком, к которому мужское товарищество никак не подходило, хотя семьи Сталина и Молотова хорошо ладили, когда жили в одной квартире в Кремле в начале 1920-х годов. В конце 1920-х семейство Сталина ближе всего дружило с семьями Орджоникидзе, Бухариным и его тогдашней супругой Эсфирью Гурвич и грузином Авелем Енукидзе (крестным отцом Надежды Алли-

луевой), а также с Кировым, который работал в Ленинграде и приезжал не так часто.

Орджоникидзе, душевный человек с даром дружбы, был главным любимцем. Почти все в команде были с ним на «ты», а особенно близкие друзья, такие как Каганович и Микоян, часто называли его уменьшительным именем. Он никогда не забывал спросить о здоровье жен и детей и посылал им поздравления. Другими общими любимцами были Киров, Микоян и, до самого разрыва, Бухарин. Киров дружил с Куйбышевым (которого он знал по тюрьме в Томске в 1909 году), Бухариным и Томским, а также с Орджоникидзе и четой Сталиных (он знал Надежду с детства, так как был старым другом ее отца). Ворошиловы дружили с Кагановичами и Андреевыми, а также с Микоянами, а Бухарин и Ворошилов были близкими друзьями. Холостяк Рудзутак дружил с Рыковым и Томским, иногда ездил на охоту с Ворошиловым. Куйбышев дружил с Микояном и Кировым со времен Гражданской войны; он также был в хороших отношениях с Андреевыми, особенно после того, как их дочь вышла замуж за его сына. Андреев был близок к Калинин (который также был любимцем Микояна) и был в добрых отношениях с Орджоникидзе и Ворошиловым⁴.

4. Рудзутак и Куйбышев: *Восстановленные имена*, кн. 2 (Москва: Новости, 1989), с. 144–145; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 412 (Рудзутак); М. Гронский, *Из прошлого. Воспоминания* (Москва: Известия, 1991), с. 255–263 (Куйбышев); Молотов: А. И. Микоян, *Так было*, с. 536; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 52–53, 61; друзья семьи Сталина: Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 25–26, 89, 107–109; Орджоникидзе: Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 62; Чуев, *Молотов*, с. 250–251; Киров: *Наш Мироньч*, с. 202; РГАСПИ, 329/2/6, лл. 10–13 (Бухарин Ворошилову [1936]); Miklós Kun, *Stalin* (Budapest: Central European University Press, 2003), p. 193; Ворошилов: *Источник*, 1994, № 3, с. 72; Рудзутак: Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 413; РГАСПИ, 74/2/43, л. 38 (Орджоникидзе Ворошилову, октябрь 1928); Куйбышев: А. И. Микоян, *Дорогой*

В начале 1920-х годов бóльшая часть общения команды происходила в Кремле, где бывшие революционеры, их жены и дети запросто заходили в скромные квартиры друг друга, как и в старые времена на общие квартиры, когда для ночлега годилось любое помещение, где была кровать или пол. Молотовы были исключением из этого правила; другие жены иногда довольно резко высказывались о буржуазных наклонностях Полины⁵. Позже местом, где проходило общение команды, стали дачи, особенно сталинская дача в Зубалове, недалеко от дач Микоянов, Ворошиловых и Сванидзе (Алеша Сванидзе был братом первой жены Сталина). Сталин любил компанию как своих друзей, так и друзей своих маленьких детей, Василия (Васи) и Светланы. Орджоникидзе часто были на даче Сталина вместе с Микоянами (со своими пятью сыновьями они сразу были заметны в компании), Ворошиловыми, Кагановичами, Андреевыми и Молотовыми. Бухарин часто бывал там после того, как в середине 1920-х годов стал близким другом Сталина и другом Надежды. Таким же близким другом был и Авель Енукидзе, крестный отец Надежды и старый друг Сталина по дореволюционному подполью на Кавказе, знавший его еще во времена учебы в семинарии. Киров приезжал, когда бывал в городе. Также приезжал Павел Постышев с женой Татьяной, героиней Гражданской войны на Дальнем Востоке, работавший со Сталиным в качестве секретаря ЦК в начале 1930-х годов.

Сталины и их гости играли в теннис, бильярд, городки и шахматы, катались на лыжах и на лошадях, танцевали под граммофон, пели, пили гру-

борьбы, с. 560–561; Андреев: Андреев, *Воспоминания* (Москва: Политиздат, 1985), с. 300–304; Калинин: А. И. Микоян, *В начале двадцатых*, с. 319–322.

5. А. И. Микоян, *Так было*, с. 198–199.

зинское вино и играли со своими и чужими детьми. Киров и Молотов танцевали русские танцы со своими женами; Ворошилов танцевал украинский гопак. Спортивный Микоян исполнял кавказскую лезгинку, выбрасывая ноги перед Надеждой Аллилуевой и зазывая ее присоединиться к танцу, а она «застенчиво закрывала лицо рукой», как того требует танец (но она на самом деле была скромной и застенчивой). Сталин не был большим танцором, но ему нравилось играть роль хозяина и ставить пластинки.

Вокруг было много грузин, родственников со стороны обеих сталинских жен: Сванидзе по линии первой жены (Екатерина Сванидзе умерла через год после свадьбы в 1907 году), Аллилуевы — по линии второй жены. Брат Екатерины Алеша Сванидзе, заместитель председателя Госбанка, был особым другом Сталина; в тридцатые годы он часто ночевал со Сталиным на даче, чтобы составить ему компанию. У Сванидзе был сын по имени Джон-Рид (названный в честь известного американского левого публициста, автора книги «Десять дней, которые потрясли мир»), а его жена Мария, бывшая актриса, относившаяся к Сталину с почтением и восторгом, тщательно записывала в своем дневнике, кто был у него на даче. Например, в ноябре 1934 года это были Каганович, Молотов, Орджоникидзе и новый член команды Андрей Жданов, а также дети: Вася и Светлана Сталины, Томик Сергеев (приемный сын Сталина и товарищ Васи) и Джон-Рид (Джонни) Сванидзе. В следующем месяце на даче отмечали пятьдесят пятый день рождения Сталина со всеми его близкими друзьями, то есть людьми, с которыми он не только работал, но и неформально встречался, включая Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Андреева, Енукидзе, Микояна, украинца Власа Чубаря и его жену, Беррию (приехавшего с Кавказа) и Калинина. Там же была куча родственников Сталина: Мария с мужем

и сыном; сестра Надежды Анна Аллилуева с мужем Станиславом Реденсом, главой Управления НКВД по Московской области; брат Надежды Павел Аллилуев, военный, с женой Женей. Микоян был тамадой в первой половине вечера, Орджоникидзе — во второй; голоса кавказцев гармонично сочетались в некоторых грустных песнях, где партию тенора исполнял хозяин⁶.

Жены и дети были важной частью этой оживленной компании. Большинство жен сами были старыми большевичками, у них была своя работа и свои профессиональные интересы. Некоторые из них (Полина Жемчужина-Молотова, Мария Каганович, Екатерина Ворошилова, Дора Хазан-Андреева, Евгения Коган-Куйбышева, Мария Маркус-Кирова) были еврейками, хотя все они, кроме жены Кагановича, были замужем за славянами. У некоторых была собственная карьера. Полина Молотова, которую обычно называли ее партийным псевдонимом Жемчужина, работала на парфюмерной фабрике в 1920-х годах, выросла от партийного секретаря до директора, в 1930-х годах построила целую косметическую индустрию, а затем работала заместителем наркома легкой промышленности и наркомом рыбной промышленности⁷. Микоян гордилась своими способностями, и Сталин тоже ценил ее: она была единственной женой, которой разрешалось присутствовать на официаль-

6. *Иосиф Сталин в объятиях семьи* (Москва: Родина, 1993), с. 161, 169–170 («Дневник Марии Анисимовны Сванидзе»); С. Микоян, *Воспоминания*, с. 28–29; РГАСПИ, 74/1/429 (Ворошилова, запись от августа-сентября 1955); Simon Sebag Montefiore, *Young Stalin* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2007), p. 61, 283.

7. Зенкович, *Самые секретные*, с. 274–277; Кун, *Stalin*, p. 270–279; Васильева, *Кремлевские жены*, с. 124–149; *Сталинское Политбюро*, с. 276; А. И. Микоян, *Так было*, с. 298–299; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Last Testament* (Boston: Little, Brown, 1974), p. 493.

ных приемах, когда в предвоенные годы на такие вещи начали обращать внимание. Мария Каганович возглавляла профсоюз работников швейной промышленности⁸.

Жена Калинина Екатерина Лорберг была руководителем текстильной промышленности в 1920-х годах, а затем работала в Верховном суде РСФСР. Работать в области управления промышленностью по окончании Промышленной академии также собирались Дора Хазан и Надежда Аллилуева. Надежда не дожила до выпуска, а Дора сделала карьеру и возглавила отрасль шерстяной промышленности, став, как Полина Жемчужина, заместителем наркома легкой промышленности. Жена Бухарина в 1920-е годы Эсфирь Гурвич окончила Институт красной профессуры, а затем стала доктором экономических наук. Вторая жена Куйбышева, Евгения Коган, занимала руководящие должности в Московском комитете партии; его четвертая жена (Ольга Лежава) стала заместителем директора научно-исследовательского института в сфере промышленности. В младшей когорте, присоединившейся к команде в середине 30-х годов, две из жен сделали серьезную профессиональную карьеру. Жена Маленкова Валерия Голубцова после получения диплома инженера-механика стала директором Московского энергетического института, а жена Берии Нина была химиком и после переезда в Москву в конце 1930-х годов занимала должность научного сотрудника в Тимирязевской сельскохозяйственной академии⁹.

8. Зенкович, *Самые секретные*, с. 166.

9. Екатерина Лорберг: *Исторический архив*, 2000, № 6, с. 212–213; Васильева, *Кремлевские жены*, с. 113–126; Дора Хазан: Зенкович, *Самые секретные*, с. 8; Эсфирь Гурвич: Gregory, *Politics, Murder and Love*, p. 58; жены Куйбышева: Зенкович, *Самые секретные*, с. 206, 210; Валерия Голубцова: Маленков, *О моем отце, Георгии Маленкове*, с. 14; Нина Берия: S. Beria, *Beria, My Father*, p. 159.

Несколько жен большевистских лидеров работали в Наркомате просвещения РСФСР, но самые старшие из них — заместители наркома Надежда Крупская и Варвара Яковлева вместе с первой женой Зиновьева Златой Лилиной, возглавлявшей ленинградский отдел образования, — были зиновьевцами, а не членами сталинской команды. Первая жена Каменева, Ольга Каменева, также имела более высокий статус в управлении культуры, чем любая из жен членов сталинской команды, — она была главой ВОКСа (общества культурных связей с зарубежными странами)¹⁰. Но некоторые из жен занимали более скромные должности в «мягких» секторах, таких как управление культурой, пропаганда и история партии, женские отделы и музеи, где обычно работали женщины. Екатерина Ворошилова много лет проработала в Высшей партийной школе (дочь Сталина Светлана вспоминала, что в послевоенный период, когда там работала и Зинаида Жданова, молодые люди шутили, что они там были «наглядными пособиями по истории КПСС»)¹¹. Но работа была важна для Ворошиловой: как она писала в конце жизни, она работала ради морального удовлетворения, чтобы не казаться просто домохозяйкой¹². До революции многие жены — старые большевички были учительницами. Две из них в 1920-е годы стали домохозяйками — Зинаида Орджоникидзе и Ашхен Микоян. Нина Кучарчук

10. Sheila Fitzpatrick, *The Commissariat of Enlightenment* (London: Cambridge University Press, 1970), p. 305, 308, 326; Michael David-Fox, *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941* (Oxford: Oxford University Press, 2012), p. 35–46.

11. Svetlana Alliluyeva, *Only One Year* (New York: Harper & Row, 1969), p. 403 (русское издание: Светлана Аллилуева, *Только один год* (Москва: Книга, 1990)).

12. В. Кардашов, *Ворошилов* (Москва: Молодая гвардия, 1976), с. 217; РГАСПИ, 74/1/429 (Ворошилова, письмо Раисе Самойловне, 23 июля 1954).

Хрущева, также бывшая учительница, после переезда Хрущевых в Москву пошла на партийную работу на фабрику, но бросила ее, когда в 1935 году родился ее младший сын Сергей¹³.

У жен был свой собственный круг общения, частично он пересекался с кругом общения мужей, частично нет. Зинаида Орджоникидзе и Ашхен Микоян, которая была младше, как и их мужья, были душой компании и всеобщими любимицами. Известно, что Надежда Аллилуева особенно дружила с Полиной Жемчужиной, Зинаидой Орджоникидзе, Ашхен Микоян и Дорой Хазан, но, видимо, это было обусловлено статусом жены Сталина и тем, что центром общения была сталинская дача, сама Надежда не была особо теплой и дружелюбной. Она писала своей невестке Марии Сванидзе в 1926 году, что за все эти годы, как ни странно, не нашла в Москве хороших друзей, добавив, что в отношении женщин предпочитает общаться с теми, кто не были членами партии. Властная и элегантная Полина Жемчужина не пользовалась особой популярностью у других жен, и Нина Берия тоже не очень хорошо вписывалась в их компанию: она была молодой и красивой, и все остальные жены членов Политбюро ненавидели ее. С другой стороны, Сталину она очень нравилась, как и его дочери Светлане, когда та выросла, несмотря на то что к мужу Нины она испытывала отвращение¹⁴.

Жены членов команды не были ханжами или, по крайней мере, раньше не были, поскольку они происходили из революционного поколения, которое рассматривало брак как буржуазно-патри-

13. Vasilieva, *Kremlin Wives*, p. 173–189; Сергей Хрущев, *Никита Хрущев: рождение сверхдержавы* (Москва: Время, 2010), с. 20.

14. Vasilieva, *Kremlin Wives*, p. 128; Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 108; А. И. Микоян, *Так было*, с. 360; Андреев, *Воспоминания*, с. 298, 303–304; письмо к Марии Сванидзе, цит. по: Kun, *Stalin*, p. 202; S. Beria, *Beria, My Father*, p. 150, 246; Аллилуева, *Только один год*, с. 354.

архальный пережиток. Браки не обязательно регистрировались: Микояны, эта образцовая пара, так и не зарегистрировали свой брак, несмотря на пятерых детей, так же жили Бухарин и его вторая, и, вероятно, третья жена. Сталин и Надежда жили вместе несколько лет, прежде чем зарегистрировали свой брак; Хрущев и его жена Нина были вместе с начала 1920-х, но не регистрировались до 1960-х годов¹⁵. Полина Жемчужина была в числе наиболее эмансипированных женщин сталинской команды: они с Молотовым, вероятно, состояли в открытом браке (хотя и были преданы друг другу много лет), и у нее была дочь от другого мужчины¹⁶. Даже у тех жен, которые впоследствии стали чрезвычайно уважаемыми «советскими дамами», как Екатерина Ворошилова и Зинаида Жданова, раньше были свои сексуальные приключения и другие браки¹⁷. Но по мере устроения нравов в 1930-х годах подобные приключения со стороны жен — хотя и не обязательно мужей — стали более редкими. Даже в сравнительно свободных 1920-х годах считалось не вполне приемлемым, когда старый большевик оставлял жену — старую большевичку ради более молодой женщины, как это сделали Куйбышев, Бухарин и Каменев. В случае Куйбышева

15. Зенкович, *Самые секретные*, с. 64; Alliluyeva, *Only One Year*, p. 45–46; Kun, *Stalin*, p. 275; Taubman, *Khrushchev*, p. 58.

16. Обычно пишут, что Светлана Вячеславовна Молотова, родившаяся в 1928 году, была единственной дочерью, но, согласно переписи 1939 года, в семье Молотовых была еще одна дочь, Рита Ароновна Жемчужина, родившаяся в 1927 году (*Revelations from the Russian Archives*, p. 340). Это подтверждается письмом Полины Жемчужиной Марджори Дэвис, жене бывшего посла США, от 17 августа 1948 года, в котором она пишет, что две ее дочери, Светлана и Соня (*sic*), обе студентки, вышли замуж в один и тот же месяц: РГАСПИ, 82/2/1595.

17. Васильева, *Кремлевские жены*, с. 80; Юрий Жданов, *Взгляд в прошлое* (Ростов: Феникс, 2004), с. 308; Зенкович, *Самые секретные*, с. 275.

первая из младших женщин, его вторая жена, Галина Трояновская, была дочерью старого друга Сталина Александра Трояновского, и Сталин был в ярости, когда узнал, что Куйбышев бросил ее, после того как она заболела¹⁸.

Многие из детей в семьях команды родились после революции, и, как это было принято в СССР в этот период потрясений, в их семьях также были приемные дети. Зачастую это были дети погибших товарищей, например, Артем (Томик) Сергеев, взятый в дом Сталина, чтобы составить компанию его сыну Василию, или сыновья расстрелянного бакинского комиссара Степана Шаумяна, которых усыновили Микояны, или сын и дочь командира Михаила Фрунзе, Тимур и Татьяна, которых после смерти их родителей в середине 1920-х годов Политбюро передало на попечение Ворошиловых. Дочь Орджоникидзе Этери, сын Ворошиловых Петр и сын Томского Юрий также были усыновлены, а Юрия Кагановича, как говорили, выбрала в приюте его дочь-подросток Майя¹⁹.

«Кремлевские дети» росли вместе, хотя и не всегда ладили друг с другом. Говорили, что Полина Жемчужина опасалась плохого влияния буйных ребят Микояна на ее деликатную Светлану, одну из лучших учениц в классе²⁰. Сыновья Микояна, а также сын и дочь Андреева пошли в школу № 32 (которая была под особой опекой Крупской и славилась прогрессивным подходом), там они общались с детьми светил интеллигенции и иностранных коммунистов. Светлана Сталина и Светлана Молотова, пошли в столь же знаменитую школу № 25, где среди

18. Зенкович, *Самые секретные*, с. 177, 206–207, 210; Олег Трояновский, *Через годы и расстояния* (Москва: Вагриус, 1997), с. 162.

19. Montefiore, *Stalin*, p. 12; С. Микоян, *Воспоминания*, с. 24, 29, 163; Зенкович, *Самые секретные*, с. 167; Кардашов, *Ворошилов*, с. 227; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 95–96.

20. А. И. Микоян, *Так было*, с. 198–199.

их одноклассников был сын американского певца Пола Робсона. Василий тоже пошел в эту школу, что вызвало беспокойство у его учителей, которых Сталин призывал забыть, что это сын Сталина, и спрашивать с него по всей строгости²¹. Для «кремлевских детей» члены команды были «дядями» и часто между ними была взаимная любовь: у Серго Берии с юности были самые теплые воспоминания о Сталине и Кирове. Светлана Сталина, чьи воспоминания после ее отъезда были менее позитивными, тем не менее признавала, что Каганович, Молотов и Орджоникидзе были ей «дядями» в детстве, Микоян и Хрущев также любили ее и пытались поддерживать в дальнейшей жизни²². В детстве Светлана и ее отец играли в игру, в которой он называл ее «хозяйка» и исполнял роль ее «секретаря». Каганович также играл в эту игру со Светланой («Сегодня рапортовал нашей хозяйке — Светлане о нашей деятельности, — писал он Сталину в Крым, когда Светлане, оставшейся в Москве, было девять лет, — как будто признала удовлетворительной. Чувствует она себя хорошо. Завтра уже идет в школу»)²³.

В реальном мире, где секретарь партии Каганович докладывал Сталину, а не Светлане, в течение нескольких лет после исключения правых, несмотря на трудности, возникшие в результате Великого перелома, команда сохраняла стабильность. Политбюро, избранное в июле 1930 года, состояло из следующих членов: Сталина, Молотова, Кагановича, Кирова, Калинина, Куйбышева, Ста-

21. С. Микоян *Воспоминания*, с. 29–31; Андреев, *Воспоминания*, с. 297; Larry Holmes, *Stalin's School* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999), p. 71–72, 165–168; *Revelations from the Russian Archives*, p. 341 (данные переписи о семье Сталина).

22. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 114–118.

23. *Сталин и Каганович: переписка, 1931–1936* (Москва: РОССПЭН, 2001), с. 544 (Каганович Сталину, 31 августа 1935).

нислава Косиора (первый секретарь Компартии Украины) и Рудзутака. Орджоникидзе временно покинул Политбюро, потому что стал главой Контрольной комиссии партии, а две эти должности совмещать было нельзя, но он вернулся, как только в конце 1930 года начал работать в промышленности, после чего ЦКК несколько лет возглавлял Андреев. В таких случаях выход из Политбюро был формальным требованием: человек мог продолжать участвовать в его заседаниях, хотя и без права голоса. Андреев, наряду с Микояном и украинцами Григорием Петровским и Чубарем, были кандидатами в члены Политбюро; им же был новый молодой любимец Сталина из Сибири Сергей Сырцов, который, впрочем, пробыл в этом качестве совсем недолго. Никто из украинцев, работавших на Украине, не был постоянным участником заседаний Политбюро в Москве. Не присутствовал там постоянно и Киров, работавший в Ленинграде, но его статус члена команды был гораздо прочнее, чем у украинцев, чьи позиции были слабее. Павел Постышев, секретарь ЦК в начале 1930-х годов, был постоянным участником официальных заседаний Политбюро, а также неформальных встреч в сталинском кабинете, когда он бывал в Москве, и, таким образом, в этот период он также был членом команды. Яков Яковлев, нарком земледелия, также был постоянным участником заседаний Политбюро и встреч в кабинете Сталина.

Как всегда при Сталине, членство в Политбюро и членство в команде были тесно связаны, но не идентичны. Сталин придерживался старых привычек собирать свой ближний круг — «пятерку», «семерку» и т. д., в который входила только избранная группа членов Политбюро. Это оскорбило вновь прибывшего Сырцова, и он жаловался, что Куйбышева, Рудзутака, Калинина и его самого не приглашали на совещания в этом узком

кругу²⁴. Он назвал подобное «фракционностью», но это, вероятно, не самое удачное определение: состав этой фракции ближнего круга мог измениться, так что это был в основном способ Сталина осуществлять контроль над своими коллегами, пользуясь правом включения/исключения. В то время Куйбышев был довольно частым гостем в кабинете Сталина, примерно наравне с Орджоникидзе и Микояном, поэтому неясно, соответствовали ли действительности слова Сырцова. Ближайшими соратниками Сталина, судя по тому, как часто они бывали в его кабинете, были Молотов и Каганович, на третьем месте — Ворошилов. Молотов был незаменимым помощником капитана команды в эти годы. Сталин забеспокоился, когда Молотов захотел уйти в отпуск в то же время, когда и он сам планировал отсутствовать, летом 1933 года: очевидно, он думал, что Каганович, который должен был оставаться в Москве, один не справится, а Куйбышев «мог уйти в запой»²⁵.

Сталин ценил свою команду, как и все ее члены. Это было не из-за приверженности демократическим принципам, хотя демократизм в какой-то форме тоже присутствовал. Эти люди были профессиональными революционерами, часто с юного возраста, политика была их жизнью. Они были связаны друг с другом, как футболисты в команде: когда случалась победа, они обнимались, после поражения обменивались болезненными упреками и терпели ругань от играющего тренера. Хотя Сталин был в состоянии одолеть любого из членов команды и настроить их друг против друга, он тем не менее ценил команду и не хотел, чтобы ее дух разрушался. Когда (в то время как Сталин был в отпуске на юге) у Орджоникидзе возникли особенно силь-

24. Стенограммы заседаний Политбюро, т. 3, с. 176.

25. Письма И. В. Сталина, с. 247 (Сталин Молотову, 1 сентября 1933).

ные разногласия в Политбюро с Молотовым и Куйбышевым, Сталин решительно осудил его поведение: команда (он назвал это «нашей руководящей группой») могла из-за этого развалиться. «Неужели он не понимает, что на этом пути он не найдет никакой поддержки с нашей стороны? — писал он Кагановичу, используя еще больше подчеркиваний в тексте, чем обычно. — Какая глупость!»²⁶

В 1920-е годы товарищи Сталина, как и он сам, обычно работали в ЦК партии. Правительство, напротив, после смерти Ленина возглавил не являвшийся членом команды Алексей Рыков, который в конце 1920-х годов входил в правый блок с Бухариным и Томским. К осени 1929 года Сталин стал заметно недоволен этой ситуацией, особенно потому, что по традиции заседания Политбюро проходили под председательством главы правительства. Сталин, находившийся в отпуске на юге, гневно вопрошал Молотова, почему он допускает «эту комедию», когда заметил, что Рыков все еще председательствует на заседаниях по понедельникам и четвергам. Тем не менее, верный своему принципу дозирования, он позволил ситуации затянуться еще на год. Лишь осенью 1930 года Сталин указал на очевидное: Рыков политически опозорен, и возглавляемое им правительство «парализовано». Сталин утверждал, что оно парализовано безобразными и по сути антипартийными выступлениями Рыкова, но на самом деле такой паралич был судьбой каждого учреждения, возглавляемого кем-то, кто находится в немилости. Однако очевидно, что ситуация стала неприемлемой, независимо от того, соответствовало ли истине утверждение Сталина о том, что правительство становится штаб-квартирой правых фракций, «противопоставляющих себя Центральному комитету». Правительство включало хозяйственные наркоматы,

26. *Сталин и Каганович*, с. 51 (Сталин Кагановичу, 17 августа 1931).

которые были ключевыми в реализации первой пятилетки. «Ясно, что так дальше продолжаться не может», — сказал Сталин Молотову. И действительно, через несколько месяцев Рыков был официально снят²⁷.

Но если Рыков должен был уйти, то кто же тогда возглавит правительство? Некоторым членам, возможно, большинству, сталинской команды казалось очевидным, что это место должен занять Сталин. Микоян и Ворошилов оба писали Сталину, убеждая его сделать это и говоря, что Молотов, Каганович и (с некоторыми оговорками) Куйбышев согласны. Ленин возглавлял правительство, а также руководил партией и Коминтерном, утверждали они, и Сталин тоже должен: «Все равно это руководство находится в твоих руках»²⁸. Но у Сталина были другие идеи. Он хотел, чтобы эту работу взял на себя Молотов. Если Молотов будет руководить правительством, а Сталин — партией, то в тандеме они смогут достичь полного единства советского и партийного руководства, что, «несомненно, удвоит нашу силу». Молотов был немного озадачен этим, он сомневался, хватит ли ему авторитета. На самом деле он, как и Ворошилов, считал, что эта должность для Сталина, потому что от него этого ожидают, потому что «так было при Ленине», который совмещал руководство партией и государством. Но Орджоникидзе, с которым, по-видимому, консультировался Сталин, сказал, что разговоры о том, что команда якобы не примет назначение Молотова, ерунда, «мы все его поддержим», и Молотов, таким образом, занял этот пост, на котором успешно проработал десять

27. *Письма И. В. Сталина*, с. 217 (Сталин Молотову, 30 сентября 1929, 13 сентября 1930).

28. РГАСПИ, 558/11/765, л. 68а (Микоян Сталину [сентябрь 1930]); *Советское руководство*, с. 144–145 (Ворошилов Сталину, 8 октября 1930).

лет. Молотов никогда до конца не понимал, почему Сталин отказался тогда принять ленинскую мантию: возможно, он хотел сохранить видимость разделения партии и правительства или, возможно, он думал, что правительство должен возглавлять русский. В любом случае это было хорошее решение со стороны Сталина, не только потому, что Молотов был отличным организатором, тружеником и умел разбираться в деталях, но и потому, что Сталин был лишен необходимого для такой работы терпения²⁹.

Молотов стал руководить правительством, Орджоникидзе перешел из партийного контроля в Наркомат тяжелой промышленности, таким образом, два самых высокопоставленных члена сталинской команды перенесли свою сферу деятельности из партии в правительство. Это был важный сдвиг, подтвердивший тенденцию, которая началась четыремя годами ранее с назначения Микояна, Рудзутака и Куйбышева на основные правительственные должности. Отныне главные сферы управления — промышленность, экономическое планирование, железные дороги, армия — будут возглавляться членами Политбюро, и, наоборот, большинство членов Политбюро теперь занимают правительственные должности. Орджоникидзе руководил тяжелой промышленностью, Микоян — пищевой промышленностью, Куйбышев — экономическим планированием, а Ворошилов — обороной. Железные дороги подчинялись Рудзутaku, потом Андрееву, а потом Кагановичу³⁰.

29. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 276; *Письма И. В. Сталина*, с. 222–223, РГАСПИ, 558/11/769, лл. 55–62 (переписка между Сталиным и Молотовым, сентябрь–октябрь 1930); О. В. Хлевнюк, «Сталин и Молотов», *Сталин, сталинизм, советское общество*, под ред. Г. Ш. Сагателяна и др. (Москва: Институт российской истории РАН, 2000), с. 275 (цитата Орджоникидзе).

30. Хлевнюк, *Политбюро*, с. 79; *Сталинское Политбюро*, с. 93.

Наличие конкретных правительственных обязанностей изменило политическое поведение членов Политбюро. Как разработчики законопроектов в своих областях, они приобрели значительную, хоть и ограниченную, власть в государственной политике. Более того, в рамках дискуссий по бюджету и множества других дискуссий они стали сторонниками интересов тех ведомств, которые представляли. Орджоникидзе взял на себя инициативу, став почти мгновенно страстным и эффективным защитником потребностей тяжелой промышленности. Но и остальные вели себя точно так же: Микоян представлял интересы снабжения и защищал Наркомат пищевой промышленности, когда он подвергался нападкам, а Каганович делал то же самое для железных дорог. Сталин и Молотов стали называть это промышленное лобби в Политбюро и ЦК словом *хозяйственники*. Слово *военные* имело схожий смысл: Ворошилов был преданным защитником интересов военных в Политбюро, периодически угрожая уйти в отставку, если его бюджет будет сокращен. Существовали и другие виды институциональной лояльности, поскольку ряд членов команды возглавляли ключевые регионы и города, а не наркоматы (Косиор — Украину, Киров — Ленинград, Каганович, а затем Хрущев — Москву) и представляли свои интересы в Политбюро с той же энергичностью, как хозяйственники и военные. Иногда города и регионы конкурировали друг с другом, но они также могли выступить единым фронтом, например, требуя больше денег для городских служб. Когда члены Политбюро меняли свои должности в правительстве — как, например, это несколько раз делал Каганович, — они плавно переходили от лоббирования одних интересов к другим³¹.

31. Сталин и Каганович, с. 420–421, также см. примечание 3 в предисловии.

Только три члена сталинской команды оставались вне этой схемы ведомственного представительства. Молотов и Калинин, соответственно, возглавляли правительство (Совет народных комиссаров, позже Совет министров) и Центральный исполнительный комитет, советский аналог парламента (позже названный Верховным Советом). Сталин был генеральным секретарем партии. Быть выше ведомственных интересов, выносить решения по конфликтным ситуациям и задавать общее направление — вот центральные компоненты сталинского руководства в Политбюро. В начале 1930-х годов, когда его собственное внимание и внимание его команды было в значительной мере сосредоточено на быстром экономическом развитии, требующем крупных инвестиций, Сталин взял на себя дополнительную роль контроля за бюджетом. Когда он уезжал из Москвы, то непрерывно посылал Кагановичу инструкции, требуя, чтобы он придерживался бюджета и сопротивлялся давлению «особых интересов» со стороны других членов команды: «Вы пересдали ВСНХ [высшему экономическому совету] валюту... Если вы так будете поступать, рвачеству ВСНХ не будет конца»; в любом случае, хозяйственники найдут выход из положения сами³². И не только промышленность чувствовала руку Сталина. Он велел Кагановичу ограничить военный бюджет на 1933 год, сказав, что запросы Ворошилова по развитию армии были сильно завышены.

Бюрократия, по мнению Сталина, всегда была готова просить больше, чем требовалось. Наркомат промышленности хотел опустошить государственную казну, вместо того чтобы заставить свою бюрократию работать лучше. Наркомат земледелия был не лучше: целью местных функционеров было, естественно, «выжать из правительства как можно

32. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 103–104; *Сталин и Каганович*, с. 57, 186, 224.

больше денег», и наркомат поддался им. Бюрократические претензии Наркомата снабжения Микояна были безграничны. Сталину часто приходилось напоминать Кагановичу о необходимости игнорировать «вой и истерику» со стороны членов команды, когда затрагивались их ведомственные интересы. Вот увидите, говорил он, если мы им откажем, они все равно найдут способы и возможности удовлетворить свои потребности³³.

Сталин считал естественным, что его коллеги отстаивают интересы организации или отрасли экономики, которую они возглавляют; действительно, если бы они не вели себя таким образом, он потерял бы часть своего преимущества в качестве лидера команды, стоящего выше ведомственных интересов. Он полагал также естественным, что бюрократия будет предоставлять ложную информацию, дабы защитить себя (хотя считал обязанностью коммунистов во главе ведомств разбираться с этим до того, как эта информация достигнет Политбюро); для чиновников было частью должностной инструкции «лгать и играть в игры» и требовать все больших уступок. Если их требованиям однажды уступили, это станет прецедентом, и они будут использовать его как средство давления на Москву. Сталин гордился своим умением предугадывать хитрости бюрократии и местных деятелей. Он считал себя главным аналитиком, способным видеть сквозь дымовую завесу тщательно замаскированный реальный интерес.

Когда низший функционер или даже член его собственной команды из ведомственных интересов говорил Сталину, что что-то невозможно, он немедленно начинал подозревать говорящего в попытке облегчить работу для своего ведомства. Он считал, что бюрократия естественно склонна к беспорядку, что она инертна, а если за ней постоянно не следят и не подталкивают, то она всегда будет отступать

33. Сталин и Каганович, с. 72, 232, 52, 57.

от радикальной политики в сторону умеренной, «оппортунистической». Используя большевистскую лексику периода коллективизации, можно сказать, что главная опасность заключалась не в том, чтобы «не перегнуть палку», а в том, что ее не сгибали достаточно сильно. Примером последнего было предложение вернуть кулакам гражданские права. Услышав это, Сталин вздохнул и сказал: «Я так и знал, что в эту мышиную щель обязательно хотят пролезть ослы из мещан и обывателей»³⁴. Он имел в виду, что, если чиновников и политиков не подталкивать к радикальной политике, такой как раскулачивание, через некоторое время они неизбежно попытаются ее ослабить.

Защита ведомственных интересов всегда считалась злом, но на деле это была обычная практика в Политбюро и советском правительстве. Сталин с подозрением относился к разногласиям в руководстве, проистекающим из идеологии, и не одобрял конфликтов, основанных на личных или семейных интересах, но считал само собой разумеющимся, что члены команды будут защищать интересы возглавляемых ими учреждений. Он мог бы упрекнуть членов команды в том, что они защищали интересы своих ведомств слишком рьяно, но, по его мнению, это был простительный грех — на самом деле даже не грех, а поведение, являвшееся необходимой составляющей их работы. Сталин даже мог пошутить по этому поводу. Например, когда в 1934 году, находясь на даче и будучи в хорошем настроении, захотел уговорить своего друга Кирова приехать к нему из Ленинграда, то позвонил ему и сказал, что тому лучше приехать немедленно, чтобы защитить интересы Ленинграда от возможного повышения цен на хлеб как следствия недавней отмены карточек³⁵.

34. Сталин и Каганович, с. 68, 72, 479.

35. Иосиф Сталин в объятиях семьи, с. 158–159 (дневник Марии Сванидзе, запись от 4 ноября 1934).

Начало 1930-х годов было временем, когда в промышленности господствовала советская версия предпринимательского духа — умелого, рискованного, яркого стиля, который воплощал Орджоникидзе. Лидерство такого рода включало в себя способность к энергичной и эффективной защите своих ведомственных интересов (фабрика, отрасль промышленности, промышленный наркомат), способность включать их в бесконечно оспариваемые списки приоритетов, которые имели в Советском Союзе решающее значение при распределении товаров. Орджоникидзе олицетворял это качество, и во многом благодаря его динамичному руководству советская промышленность так бурно развивалась в первой половине 1930-х годов. Из членов команды он лучше всех умел настоять на своем и упрекать других, если у него это не получилось. Молотов и Сталин часто напоминали друг другу, что с ним нужно действовать осторожно из-за его взрывного темперамента и ранимого самолюбия. После того как Молотов стал главой правительства, у него часто возникали проблемы с Орджоникидзе из-за того, что он любил действовать так, как будто его наркомат было полностью независимым институтом, «государством в государстве». Когда в отсутствие Сталина эти конфликты привели к открытым столкновениям между Орджоникидзе и Молотовым в Политбюро, Сталин был возмущен «хулиганством» Орджоникидзе: что он возомнил о себе, что игнорирует директивные указания правительства и ЦК? И почему Молотов и Каганович не могут его остановить?³⁶

Терпение Сталина по отношению к чрезмерной настойчивости отдельных членов команды, конечно, имело свои границы, и Орджоникидзе

36. *Письма И. В. Сталина*, с. 82–83, 247; РГАСПИ, 558/11/766, лл. 139–142; РГАСПИ, 558/11/769, лл. 68–71; *Сталин и Каганович*, с. 379.

приблизился к этим границам вплотную. Вероятно, сам его успех стал раздражать Сталина: к середине 1930-х годов Орджоникидзе поклонялись «его люди» в промышленности, а промышленные предприятия и стройки в его ведомстве просились быть названными в его честь. Отношения со Сталиным испортились в последние годы жизни Орджоникидзе, и его самоубийство в 1937 году произошло сразу после серьезного разногласия со Сталиным. Эти разногласия были связаны с ведомственными интересами, а также с тем, на что Сталин обращал особое внимание: с кадрами. Орджоникидзе издавна раздражал Сталина своей привычкой энергично защищать любого из своих подчиненных, попавших под подозрение НКВД, а в 1936 году это происходило все чаще, особенно с арестом его незаменимого заместителя, бывшего оппозиционера Юрия Пятакова. Хуже всего, с точки зрения Сталина, было то, что Орджоникидзе не принимал негласного правила, что члены команды не должны защищать своих родственников. Когда брат Орджоникидзе попал под подозрение НКВД, он страстно защищал его и был в ярости, когда Сталин отказался его спасти³⁷.

Сталин был подозрителен. Он подозревал даже членов своей команды, особенно тех, кто в данный момент не составлял ядро его ближнего круга. Он следил за ними, поощрял доносы, любил держать их на равном удалении и иногда ставил ловушки. Он часто говорил им (особенно Молотову и Кагановичу), какие политические интриги он замышлял, но на это нельзя было положиться. Когда ему этого хотелось, Сталин был мастером откровенной лжи. Например, во время коллективизации он обвинил низовых партийных деятелей в чрезмерном рвении («головокружение от успе-

37. Сталин и Орджоникидзе, с. 81–82; Хлевнюк, Сталин и Орджоникидзе, с. 37–38, 76–82.

хов»), хотя их побуждали к этому из центра, а примерно через год, в разгар беспрецедентного оттока из деревень населения, спасавшегося от коллективизации, он мог спокойно объявить, что при советской власти крестьянин больше не чувствует необходимости бежать из деревни³⁸. Разумеется, эта ложь предназначалась для общественного потребления, хотя члены команды, лучше осведомленные о жизни в деревне, не решались затрагивать этот вопрос: а вдруг Сталин действительно верит своим собственным публичным заявлениям. Он мог использовать «конспирацию» — концепцию и набор практик, которые были дороги большевикам, — не только в отношении внешнего мира, но даже и в отношении членов команды. «В целях конспирации» в 1930 году Сталин поручил своему секретарю Александру Поскребышеву сказать людям, что он не вернется из отпуска до конца октября, хотя на самом деле собирался вернуться несколькими неделями ранее. Это вызвало проблемы с Надеждой, которая, основываясь на сведениях, полученных ею от своего крестного отца Авеля Енукидзе, считала, что именно ее таким образом ввели в заблуждение. Сталину, чтобы успокоить ее, пришлось объяснить ей свою стратегию. «Я пустил слух через Поскребышева... Апель, видимо, стал жертвой такого слуха». Некоторым из внутреннего круга, однако, было оказано доверие: «О сроке моего приезда знают Татка (так Сталин называл жену), Молотов и, кажется, Серго»³⁹.

Между Сталиным и его женой были моменты любви и доверия, но их становилось все меньше. Их отношения долгое время были неустойчивыми из-за его занятости и ее ревности. Она редко сопровождала его в ежегодных поездках на юг, и их переписка, когда он отсутствовал, была скудной, а со стороны

38. Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, p. 62–63, 91.

39. *Иосиф Сталин в объятиях семьи*, с. 33 (24 сентября 1930).

Надежды холодной и враждебной. В 1926 году она была беременна вторым ребенком и в письме к своей невестке ясно дала понять, что меньше всего тогда хотела еще одного ребенка, связывающего ее со Сталиным и домашними обязанностями⁴⁰. После рождения Светланы Надежда, по-видимому, пыталась уйти от Сталина: взяв с собой двух маленьких детей, она отправилась в Ленинград (где жили ее родители), надеясь найти там работу и начать новую жизнь, но ее убедили вернуться. Этому частично способствовала жена Томского Мария, действовавшая по просьбе Сталина. В последние годы жизни у Надежды было слабое здоровье, как психическое, так и физическое. Учеба в Промышленной академии должна была открыть для нее новые возможности, но на деле она увеличивала психологическое напряжение, так как это были годы сельскохозяйственного кризиса — академия была полна правых, которые не одобряли политику Сталина. То, что она узнавала от своих сокурсников об оппозиции, арестах и ситуации в деревне, а также преследование Бухарина, который был ей другом, несомненно, усилило ее критическое отношение к мужу, хотя она держала это все при себе, и поэтому трудно найти достоверные сведения о ее политических взглядах. Ее дочь Светлана позже вспомнила, как няня говорила ей, что Надежду раздражали визиты ее матери и сестры Анны, «они были чрезвычайно открытые, откровенные — что на уме, то и на языке», и ждали и от нее открытости⁴¹.

Последней каплей стала вечеринка в квартире Ворошиловых в Кремле. Сталин начал флирто-

40. Kun, *Stalin*, p. 202.

41. Vasilieva, *Kremlin Wives*, p. 64; Томский, *Воспоминания*, с. 158; Kun, *Stalin*, p. 214; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 36–40; Васильева, *Кремлевские жены*, с. 65–66; Ольга Трифонова, *Единственная: жена Сталина* (Москва: Астрель, 2010) (художественное произведение, но на документальной основе); Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 85.

вать с кем-то — по воспоминаниям Молотова, это была нарядная жена генерала Егорова, — и Надежда в ярости ушла. Полина Жемчужина пошла за ней, они обошли Кремль, пока она, казалось, не успокоилась и не пошла домой спать. Но когда она оказалась дома, одна, ее страдания, очевидно, вспыхнули с новой силой, и она застрелилась из небольшого пистолета, который брат Павел привез ей в качестве сувенира из Берлина. Это случилось 9 ноября 1932 года. Ее мотивы и даже тот факт, что это было самоубийство, ничем не подтверждаются; известно, что никакой записки она не оставила. Хотя сразу пошли слухи о том, что ее убил Сталин, тем не менее никаких доказательств этому нет, и поведение семьи и соратников после того, как ее тело было обнаружено на следующее утро, позволяет предположить, что все они полагали, что это самоубийство. Шестилетняя Светлана не знала, что произошло, но вспомнила, как дядя Клим (Ворошилов) вывел ее и Васю на прогулку в то утро, а дома все было очень странно и все плакали⁴².

О реакции Сталина сообщают по-разному, но, очевидно, что там было и горе, и чувство вины и предательства⁴³. Спустя долгое время Молотов сообщил, что слышал, как Сталин бормотал у могилы: «Я не уберег ее», — нехарактерная для Сталина сентиментальность, но и для Молотова это также было нехарактерно, так что, возможно, он, действительно, так сказал⁴⁴. Светлана вспоминала, что долгое время отец был выведен из равновесия, не хотел говорить о матери и, казалось, воспринимал ее смерть как враждебный акт (последнее, возможно, она поняла задним числом, так как о том, что это было самоубийство, узнала, уже

42. Чуев, *Молотов*, с. 307–308; Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 88.

43. Kup, *Stalin*, p. 209–210.

44. Чуев, *Молотов*, с. 309.

когда была почти взрослой)⁴⁵. Сам Сталин признавал: «После кончины Нади, конечно, тяжела моя личная жизнь. Но ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным»⁴⁶. Поскольку он написал это спустя более года в письме к своей матери, с которой не поддерживал близких отношений, это мало что говорит нам о его подлинных чувствах.

В политической культуре, где не принято было публично обсуждать частную жизнь лидеров, не было прецедентов публичных объявлений о такой смерти, все прошло с удивительной открытостью. В уведомлении Центрального комитета о ее смерти в «Правде» сказано, что Надежда Аллилуева была «активным и преданным членом партии» и студенткой Индустриальной академии, которая умерла «неожиданно». Это могло означать внезапную болезнь, несчастный случай или самоубийство, но высокопоставленные партийные чиновники, по крайней мере, в Москве, официально сообщили, что это самоубийство. Слухи распространялись, несмотря ни на что: в Промышленной академии сокурсники Надежды говорили, что Сталин застрелил ее из ревности или из-за политических разногласий⁴⁷. Похороны в 11:00 утра 11 ноября на Новодевичьем кладбище были открыты для публики, и кадры документальной съемки показывают невыразительного Сталина и дерзкого Ворошилова, стоящих у открытого гроба, а мимо проходят обычные люди, в основном молодые женщины. Крестный отец Надежды Енукидзе возгла-

45. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 250–251; Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 89.

46. *Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи*, под ред. М. Лобанова (Москва: ЭКСМО, 2002), с. 234 (письмо от 24 марта 1934).

47. А. Г. Соловьев, «Тетради красного профессора», *Неизвестная Россия* (Москва: Мосгорархив, 1993), т. 4, с. 172 (запись от 9 ноября 1932).

вил похоронную комиссию, в которую вошла Дора Хазан, жена члена Политбюро, которая была подругой и сокурсницей Надежды; речь произнес Каганович⁴⁸. Это был беспрецедентный шаг, который никогда больше не повторился: некролог был подписан членами Политбюро и их женами, хотя, поскольку не все жены использовали фамилии своих мужей, общественность не воспринимала их именно как жен. Из жен некролог подписали Екатерина Ворошилова, Полина Жемчужина (Молотова), Зинаида Орджоникидзе, Дора Хазан (Андреева), Мария Каганович, Ашхен Микоян и Татьяна Постышева; подпись последней — своего рода аномалия, поскольку муж Татьяны Павел (также подписавший) был секретарем ЦК, но не членом Политбюро. Некролог был единственным местом, где Надю называли «женой, близким другом и верным помощником товарища Сталина»⁴⁹.

Смерть Надежды Аллилуевой ознаменовала для команды конец хороших времен, о которых так жалела жена Ворошилова. Следующий год был ужасным и для партии, и для страны. Ежегодная борьба с крестьянами за заготовки зерна, которая шла с начала коллективизации, осенью 1932 года достигла особого напряжения. Массовые аресты и высылки, неумение многих новых колхозов организовать дело, бегство недовольных крестьян — все это привело к тому, что урожай, который по погодным условиям обещал быть хорошим, оказался посредственным. Во время поездки по Северному Кавказу и Украине Ворошилов был поражен, когда увидел,

48. *Правда*, 10 ноября 1932; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 73.

49. *Правда* 10 ноября 1932, с. 3 (обратите внимание, что хотя Куйбышев, Киров и Калинин подписали некролог, как члены Политбюро, их жены этого не сделали; Енукидзе, не являвшийся членом Политбюро, подписал, но четыре члена Политбюро — холостяк Рудзутак и три украинских представителя, Петровский, Чубарь и Станислав Косиор, — в списке отсутствовали).

что поля заросли сорняками, а крестьяне работали без всякого энтузиазма. «Не знаю, что предпринять, чтобы заставить народ по-другому, но-нашему, по-социалистическому относиться к делу», — писал он Сталину, с грустью признаваясь, что у него «болит душа» от того, что он увидел⁵⁰.

У Сталина была своя версия происходящего. Крестьяне, как он считал, устраивали итальянскую забастовку, тем самым бросая политический вызов режиму. Этот вызов был тем более опасным, что избегал открытого восстания. После смерти жены в его комментариях о ситуации на селе в течение нескольких недель отчетливо усиливается нотка паранойи. Что касается Украины, то неспособность крестьян сдавать хлеб, предполагаемый голод и бегство голодающих из пострадавшей сельской местности были работой польских шпионов, проникающих через границу. Сталин был вне себя от того, что коммунисты на Украине смотрели на это иначе, чем он (хотя на самом деле мало кто осмеливался открыто выражать свое несогласие), и злился на украинских лидеров Косиора и Чубаря⁵¹.

«Дела на Украине из рук вон плохи», — писал он Кагановичу, но имел в виду не голодающих крестьян. Плохи были партийные начальники: районные комитеты говорили, что задания по сбору зерна были нереалистичными (очевидно, корыстная ложь), плохи были советские органы, плохо ГПУ. Польские агенты проникли в украинскую компартию, а также отправляли своих агентов в украинскую деревню: «Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дрем-

50. *Советское руководство*, с. 181–184 (Ворошилов Сталину, 26 июля 1932).

51. Koenker and Bachman, *Revelations from the Russian Archives*, p. 398 (Сталин Михаилу Шолохову, 3 мая 1933); *История СССР*, 1989, № 3, с. 46.

лет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс [начальник украинской милиции] или Косиор»⁵². Летом 1932 года Сталин заявил Кагановичу и Молотову, что Украине требуется новое руководство. Однако он, как обычно, подошел к делу осторожно, возможно, опасаясь противодействовать полумиллионной украинской партийной организации. В 1934 году Чубарь был переведен в Москву в качестве одного из заместителей Молотова во главе правительства, но хотя для Косиора и предусматривалось подобное почетное изгнание в столицу, он фактически оставался первым секретарем Компартии Украины до Большого террора (что не означает, что Сталин забыл о своем недовольстве его работой). Для наведения порядка в республике Сталин послал Павла Постышева, чтобы тот был его глазами и ушами на Украине. Формально Постышев был подчиненным Косиора — вторым секретарем украинской партии, но чаще действовал там в качестве руководителя⁵³.

Не лучше были новости, приходившие из Казахстана, другого крупного сельскохозяйственного региона, где попытки насильственно загнать кочевых казахов в колхозы привели к голоду среди людей и крупного рогатого скота, а также к массовому бегству в соседние регионы и через границу в Китай. Команда знала об этой тяжелой ситуации, так как большинство ее участников получили подробный отчет от храброго местного коллеги, но это мало повлияло на них⁵⁴. Казахстан был далеко. Его ближайший сосед, хаотичный и децентрализованный Китай, не представлял такой же угрозы, как Польша.

52. *Сталин и Каганович*, с. 210, 273–274 (Сталин Кагановичу, 11 августа 1932).

53. Terry Martin, *The Affirmative Action Empire* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001), p. 297–298; *Сталин и Каганович*, с. 738, 749, 760.

54. *Советское руководство*, с. 204–225.

ша — орудие западных капиталистов. Бегущих и голодающих казахов не было видно из Кремля, тогда как украинцы иногда даже добирались до Москвы, несмотря на приказ наркома путей сообщения Андреева, чтобы никому из украинской деревни без специального разрешения не продавали билеты на поезда и чтобы ОГПУ проверяло все поезда с Украины у российской границы и искало безбилетников⁵⁵.

Официальные лица на Украине и в других пострадавших районах пытались донести до сведения Москвы, что нельзя заставить крестьян сдавать больше зерна, потому что у них больше ничего не осталось и они уже съедают то, что запасено на зиму, и то зерно, которое оставлено для весеннего сева. Но Сталин ничего не желал знать. Он гордился своей проницательностью и тем, что никогда не позволял местным деятелям облегчать себе жизнь, принуждая Москву снизить требования. Они все притворяются, настаивал он, они прячут зерно, чтобы морить голодом советские города и деморализовать армию. Это представление о притворстве было подхвачено прессой, которая рассказывала необычные истории о том, как крестьяне нарочно «устраивают» голод, притворяясь жертвами, и даже заставляют свои семьи голодать «для пропаганды»⁵⁶. Если крестьяне, по мнению Сталина, просто имитировали голод, то их антисоветские намерения были реальны. Это «война на измор», которую крестьянство ведет против режима, сказал он писателю Михаилу Шолохову, который написал ему о страшной ситуации на его родине в казачьей области Дона; эти крестьяне, как он считал, не были невинными, страдающими жертвами. Другими словами, не Сталин вел войну против крестьян, а наоборот⁵⁷.

55. Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, p. 95.

56. *Ibid.*, p. 74–75.

57. Koenker and Bachman, *Revelations from the Russian Archives*, p. 398
(Сталин Шолохову, 3 мая 1933).

В январе 1933 года, в разгар голода, Сталин говорил ЦК, что коллективизация спасла бедных крестьян от эксплуатации, дала им тракторы и комбайны, создала колхозы в качестве «прочного фундамента» для их жизни и спасла их от постоянной угрозы разорения. В его речи не было упоминания о голоде⁵⁸. Действительно, слово «голод» было табу в советской прессе и, очевидно, в команде тоже. Конечно, на местах чиновники наблюдали не столь радужную картину, не говоря уже о крестьянах, которые засыпали лидеров партии письмами о своем положении. Одна украинская местная партийная организация, которая еще не была под полным сталинским контролем, в феврале 1933 года издала отчаянный приказ, в котором требовала от местных партийных комитетов «срочно ликвидировать крайнее истощение среди колхозников и крестьян-единоличников в результате серьезного недоедания и поставить на ноги к 5 марта всех, кто полностью потерял трудоспособность от истощения». Это чудо должно было быть достигнуто путем кормления их, хотя к этому времени все города находились на строгом нормировании и не было дано ни намека на то, где можно получить дополнительное продовольствие⁵⁹.

Команда знала о положении в деревне, хотя степень информированности была разной. Подобно Сталину, Молотов и Каганович, по-видимому, воспринимали ситуацию как борьбу за слом антисоветского духа крестьянства и просчитывали, насколько жестко они могут действовать, не приводя к экономически нежелательным последствиям в виде массовой смерти. Молотова и Кагановича раз за разом отправляли в проблемные районы, чтобы выбить

58. Сталин, *Сочинения*, т. 13, с. 198 (речь 7 января 1933).

59. Koenker and Bachman, *Revelations from the Russian Archives*, р. 417–418 (инструкция киевского обкома, 22 февраля 1933).

зерно, что привело к их посмертному осуждению киевским судом в постсоветское время, наряду со Сталиным, за геноцид на Украине (голодомор). Молотов же спустя десятилетия продолжал отрицать тяжесть голода. Он дважды посещал Украину в разгар кризиса, сказал он интервьюеру, и не видел там ничего подобного. Но другие участники команды, вероятно, колебались. Калинин, известный как друг крестьян, получал больше всего отчаянных писем от крестьян, и, как глава Верховного Совета, он и его заместитель Енукидзе были завалены информацией о жертвах Великого перелома и ходатайствами от них. В мае 1932 года он проголосовал против еще одной высылки кулаков и, таким образом, на несколько недель предвосхитил смену политики Сталина. После своего ежегодного путешествия на юг в августе 1933 года Ворошилов еще раз заявил о том, как ужаснуло его то, что он увидел. Пустая, голая степь, писал он Енукидзе, выглядела так, будто там прошел Чингисхан или белый генерал Колчак во время Гражданской войны⁶⁰.

Из всех великих и ужасных событий, в которых команда участвовала более чем за тридцать лет, голод был тем, о чем члены команды говорили меньше всего, и в то время, и позже. Похоже, что никто из них палец о палец не ударил, чтобы помочь голодающим крестьянам. Даже в 1970-е годы этот вопрос был столь болезненным для Молотова, что когда симпатизирующий ему журналист стал цитировать критические высказывания о том, как Москва решала проблему голода, он стал кричать, что все это «говорят враги комму-

60. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 453–454; <http://rt.com/politics/holodomor-famine-stalin-ukraine/>; *Советское руководство*, с. 249–250; Golfo Alexopoulos, *Stalin's Outcasts* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003); Khlevniuk, *Master of the House* (New Haven: Yale University Press, 2009), p. 62–63.

низма! <...> Подавляющее большинство теперешних коммунистов пришли на готовое, и только давай все, чтобы у нас хорошо было все». В одной из следующих бесед он добавил, уже спокойнее: «Я понимаю крестьянских писателей: им жаль мужика. Но что поделаешь? Без жертв тут было не обойтись»⁶¹. Хрущев, который довольно подробно писал о голоде на Украине 1946–1947 годов, с которым ему пришлось непосредственно иметь дело, мало что рассказал о голоде 1933–1934 годов, когда он был далеко, в Москве. Он знал, что был голод, но он в это время отвечал за Москву и московские городские проблемы; он думал, как «накормить рабочий класс»⁶².

После своей знаменитой поездки 1930 года Сталин больше не ездил с инспекциями на места, а совершал ежегодные поездки на юг, и его путь проходил через охваченные голодом территории на Северном Кавказе. Он, как и Ворошилов, мог видеть опустошение из окна поезда, но если и видел, то никак не комментировал. В течение нескольких лет его позиция состояла в том, что проблема — в непослушании и враждебности к режиму, поэтому ответом были массовые репрессии. В дополнение к огромному количеству крестьян, арестованных и депортированных в 1930–1931 годах, печально известный закон от 7 августа 1932 года, который, как говорили, разрабатывал сам Сталин, объявлял собственность колхоза «священной и неприкосновенной» собственностью государства и предусматривал смертную казнь для любого крестьянина, не важно, голодного или нет, который пытался украсть зерно с полей. Большое количество партийных и государственных работников в сельской

61. Чуев, *Молотов*, с. 453, 461.

62. А. И. Микоян, *Так было*, с. 294–297; N. Krushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 61; Сергей Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор* (Москва: Время, 2010), с. 30.

местности, а также председателей колхозов также были арестованы за то, что не сумели получить от крестьян зерно; арестованных было так много, что село фактически осталось без кадров, что вынудило власти в 1935 году аннулировать эти приговоры. Сталин и Молотов, как обычно, сделали хорошую мину (тактика Сталина с «головокружением от успехов» в 1930 году повторялась потом много раз): прежнюю политику отбрасывали без признания вины или извинений, а всю вину за «перегибы» возлагали на местных деятелей. Так, 8 мая 1933 года была выпущена секретная инструкция, не обсуждавшаяся заранее на Политбюро, которая внезапно отменила массовые репрессии и высылки в сельской местности. Несмотря на то что под инструкцией, наряду со сталинской, была также подпись Молотова в качестве главы правительства, она написана с характерной именно для Сталина наглостью⁶³.

Поскольку максималистская политика Сталина привела к голоду на селе и напряженной ситуации в городах, которые теперь были переполнены и снабжались по карточной системе, неудивительно, что начала циркулировать подпольная критика лидеров. Особенно доставалось Калинину — как «другу крестьян», который их предал, но главной мишенью критических комментариев и сатирических песен, которые широко распространялись в сельской местности, стал Сталин. Именно Сталина считали ответственным за жесткую коллективизацию, и его правление часто не в лучшую сторону сравнивали с ленинским. В одной популярной антисталинской песне говорилось, что когда жил Ленин, нас кормили, а когда пришел Сталин — мучили голодом. «Все было бы иначе, если бы был жив Ленин,

63. Arch Getty and Oleg V. Naumov, *The Road to Terror* (New Haven: Yale University Press, 1999), p. 114–118; Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, p. 78–79.

человек с высшим образованием и большим жизненным опытом, но у Сталина, к сожалению, этого нет», — было одно из высказываний, зафиксированных шпионившим по деревням ОГПУ. Если бы этот комментарий дошел до Сталина, он был бы особенно раздражен: отсталые крестьяне не должны были называть великого социалистического модернизатора некультурным⁶⁴.

Антисталинские настроения проявлялись и в партийных кругах. Самым печально известным примером был подпольный манифест, написанный Мартемьяном Рютиным, коммунистическим функционером второго эшелона, который был исключен из партии за правый уклон в 1930 году. Суть критики Рютина заключалась в том, что Сталин совершил бонапартистский переворот и сделал себя диктатором. Его политика привела режим к столкновению с крестьянами, и пришло время избавиться от него. Сталин был явно очень раздражен этой критикой, хотя слухи о том, что он потребовал смертный приговор для Рютина (который получил десять лет тюрьмы), однако это требование было отклонено Политбюро, не подтвердились архивными исследованиями⁶⁵. Чувствительность Сталина к критике была очевидна уже в конце 1930-х годов, когда обсуждалась критика руководства бывшими сталинскими протеже Сергеем Сырцовым и Бесо Ломинадзе, давним другом Орджоникидзе. Сталин горько жаловался на то, что Сырцов и Ломинадзе сочли необходимым оскорбить и опорочить его. «Ну, это их дело, пусть они ругают меня. Я привык к этому», — заключил он, но ясно, что это было бравадой; ему не было все равно. Его также раздражал Орджоникидзе. Когда Постышев мимоходом заметил, что Сырцов должен был рассказать Орджоникидзе о своих опасениях, поскольку Орджоники-

64. Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, p. 289–290.

65. Khlevniuk, *Master*, p. 64–66; Getty, *Road to Terror*, p. 52–64.

дзе, как известно, был доступен, Сталин добавил: «Он только и делает, что с людьми говорит», — замечание, которое он позже удалил из протокола⁶⁶.

Вопрос о критике со стороны правых вновь возник месяц спустя, когда Политбюро и ЦКК собрались, чтобы разобраться с «контрреволюционной группой» Александра Смирнова, старого большевика из крестьян и бывшего наркома земледелия РСФСР, который в 1930 году был понижен в должности, вероятно, из-за правого уклона и переведен на работу в лесном хозяйстве, и Николая Эйсмонта, работавшего у Микояна, в сфере торговли и снабжения. ОГПУ утверждало, что имел место заговор, но представленные доказательства вызывают сомнения. Видимо, Смирнов, Эйсмонт и другие близкие к ним люди выражали недовольство, которое становилось типичным: смесь умеренно правой критики политики партии с враждебностью по отношению к Сталину и его руководству. Сталин снова пожаловался, что оппозиционеры сваливают все на него, но при этом сказал, что им это не сойдет с рук, поскольку они действительно критиковали партийную линию. Андреев поддержал его, заявив, что цель этой группы, как и других, состоит в том, чтобы избавиться от товарища Сталина, и это совершенно неприемлемо.

Команда, естественно, поддерживала Сталина. Тем не менее было ясно, что многие из них были не готовы выдвинуть обвинения в контрреволюционной деятельности, и вполне может быть, что отсутствие энтузиазма с их стороны привело к тому, что Сталин убавил свой карательный пыл, по крайней мере временно. Некоторые члены команды были расстроены и выражали сочувствие своему старому товарищу Смирнову, что было необычно в таких случаях. Куйбышев назвал Смирнова его прозвищем Фома и сказал, что он знает его как преданного

66. *Стенограммы заседаний Политбюро*, т. 3, с. 125, 176.

коммуниста еще по дореволюционной нарымской ссылке и что, очевидно, произошло нечто необычное, что сделало старого Фому «совершенно неузнаваемым». Рудзутак, обращаясь к Смирнову на «ты», сказал, что его речь «очень трудно слушать». Обе эти формулировки были глубоко двусмысленными. Микоян, бывший начальник Эйсмонта и, следовательно, тоже потенциальная жертва, до позднего вечера молчал, а затем не смог выдвинуть ни четкого обвинения, ни оправдания; в коротком разговоре со Смирновым он тоже обращался к нему на «ты». Сталин сочувствия не выразил, хотя тоже вспомнил о совместном пребывании в нарымской ссылке со Смирновым, он перебивал его (хотя позже вычеркнул это из протокола) и обращался к нему на «вы». На встрече присутствовали бывшие правые лидеры Рыков и Томский, не в качестве обвиняемых, но в обороне. (Бухарин уехал на охоту на Памир, его отсутствие вызвало несколько злых реплик.) Томскому досталось больше всех, но команда, казалось, разделилась по вопросу о том, считать ли его заблуждающимся другом или уже врагом. Томский все еще был в дружеских отношениях с Орджоникидзе, Куйбышевым и Кировым, чья критика в отношении него была особенно добродушной и почти шутливой по тону, но не с Молотовым и Кагановичем⁶⁷. Вскоре на заседании ЦК Ворошилов говорил о своей дружбе с Томским в прошедшем времени — он, похоже, чувствовал, что дело Томского и Рыкова было безнадежно. Однако он был гораздо более оптимистичен в отношении Бухарина, заявив, что в последнее время тот делал «хорошую честную работу», и он даже надеялся, что заблудший Смирнов в конечном итоге вернется в стадо⁶⁸.

Рудзутак громогласно одобрил руководство Сталина на январском (1933) пленуме. «Мы, члены ЦК,

67. *Стенограммы заседаний Политбюро*, т. 3, с. 581, 590, 631, 635, 638.

68. Getty, *Road to Terror*, p. 99–101 (текст речи Ворошилова на заседании Центрального комитета, январь 1933).

голосуем за Сталина, потому что он наш», — сказал он. «Вы не найдете ни одного случая, когда Сталин не был в первых рядах во время самой активной, самой ожесточенной битвы за социализм и против классового врага. Вы не найдете ни одного случая, когда товарищ Сталин колебался или отступал. Вот почему мы с ним. Да, он энергично отрубает то, что прогнило... Он является лидером самой революционной, самой боевой партии в мире... И он не был бы лидером партии, если бы не знал, как отрубить и ликвидировать то, что нужно ликвидировать»⁶⁹. Еще более красноречиво высказался Ворошилов, который высоко оценил великодушные Сталина, о чем свидетельствует его личная забота о здоровье Рудзутака. Станным в комплиментах Ворошилова было то, что все это было написано в частном письме к Енукидзе и в таких продуманных выражениях, что возникает вопрос, действительно ли он обращался к Енукидзе или (через перлюстрацию ОГПУ) к Сталину. Как позже сокрушалась его жена, команда прекрасно проводила время вместе, пока жизнь в партии не стала более сложной, и их взаимоотношения тоже. Письмо Ворошилова косвенно показывает изменение в отношениях в команде, в то время как Сталин пытался делать вид, что ничего не замечает. «Замечательный человек, наш Коба, — заверял Ворошилов Енукидзе, еще более старого друга Сталина, чем он сам, которому не нужно было рассказывать о достоинствах Сталина. — Просто непостижимо, как он может сочетать в себе и великий ум пролетарского стратега, и такую же волю государственного и революционного деятеля, и душу совсем обыкновенного, простого, доброго товарища, помнящего всякую мелочь, обо всем заботящегося, что касается людей, которых он знает, любит, ценит. Хорошо, что у нас есть Коба!»⁷⁰

69. Getty, *Road to Terror*, p. 93.

70. *Советское руководство*, с. 241 (письмо от 29 июня 1933).

Команда на публике

ХVII СЪЕЗД партии, получивший название «съезд победителей», открылся в Москве в конце января 1934 года. Атмосферу съезда можно описать как «уверенная солидарность» — Сталин, которого с восторгом приветствовали делегаты, и остальная часть команды были все время на виду, иногда обмениваясь шутливыми дружескими репликами. Им было важно передать ощущение торжества как местной общественности, так и наблюдателям за пределами Советского Союза, к чьей реакции, в зависимости от обстоятельств, враждебной или сочувственной, Сталин был особенно чувствителен. Сталин выступил с политическим докладом от имени Центрального комитета. Это было государственное выступление, в котором рост советской промышленной мощи в рамках первой пятилетки противопоставлялся депрессии в остальном мире¹. Молотов, Куйбышев, Каганович и Рудзутак также выступили с докладами. Калинин тоже там был и иногда вставлял реплики как человек из народа. Микоян, Андреев, Ворошилов, Орджоникидзе и Киров присоединились к обсуждению доклада Сталина с точки зрения их ведомств (снабжения, транспорта, обороны, тяжелой промышленности и дел Ленинграда), как от них и ожидалось. Некоторые будущие члены команды делали то же самое: Берия участвовал в обсуждении

1. Сталин, *Сочинения*, т. 13, с. 282–379.

вопросов по Грузии, Хрущев — по Москве, а Жданов — по Горькому (бывший Нижний Новгород, недавно переименованный в честь писателя Максима Горького)². Никакие препирательства между фракциями не омрачали спокойствие. Как и положено на съезде победителей, произошло примирение со старыми оппонентами: Зиновьев и Каменев, недавно вернувшиеся в партию, хотя и не на высокие должности, выступили в качестве раскаявшихся и уверовавших в сталинскую программу, то же самое сделали и бывшие правые. Даже Бухарину разрешили вернуться, и, помимо одобрения сталинского руководства, он выступил с анализом международного положения³.

У них действительно было что праздновать. Возможно, лучшее, что можно было честно заявить о коллективизации, это то, что они ее провели и теперь, когда голод закончился, появилась надежда, что настроение и производительность в колхозах улучшатся. А что касается тяжелой промышленности, то по всему Советскому Союзу появились новые сталелитейные и тракторные заводы, доменные печи и электростанции. Символом этих достижений стал гигантский металлургический комплекс в Магнитогорске, «социалистическом городе», который возник из ниоткуда в уральской степи. Несмотря на весь этот праздничный дух, никто не мог забыть, насколько тяжелой была битва за коллективизацию и индустриализацию. Свидетельством тому был тот факт, что этот общесоюзный съезд партии так долго откладывали, он прошел почти через четыре года после предыдущего. Несмотря на щедрую публичную похвалу смелого и мудрого руководства Сталина, расходы на последние четы-

2. XVII съезд ВКП 30 января—10 февраля 1934 г. Стенографический отчет (Москва: Партиздат, 1934), с. 129—132, 145—147, 150—152, 167—179, 179—188, 201—209, 224—235, 251—259, 584.

3. Cohen, *Bukharin*, p. 355; Хлевнюк, *Политбюро*, с. 102.

ре года внутренней войны были настолько высоки, что у некоторых делегатов, хотя их тщательно отбирали, несомненно, были возражения.

На выборах нового Центрального комитета под конец съезда было некоторое количество голосов против Сталина, и, похоже, некоторые из этих диссидентских бюллетеней Каганович приказал выбросить. Количество голосов против было невелико⁴, и в этом не было ничего особенно примечательного: даже против лидеров партии часто голосовали, и, по словам Кагановича, который, как партийный секретарь, отвечающий за организацию, должен был это знать, голоса им обычно добавляли, чтобы члены команды выглядели более популярными, чем они были на самом деле⁵. Но этот конкретный случай вызвал большой интерес, поскольку он связан с историей — неподтвержденной, но прочно встроенной в советский миф, — о том, что в кулуарах съезда был предпринят шаг, чтобы снять Сталина с должности генерального секретаря и поставить на его место Кирова.

Из множества противоречивых показаний и путаных воспоминаний кажется, что в кулуарах действительно высказывались некоторые критические мнения о сталинском руководстве, хотя они, возможно, были изначально инициированы самим Сталиным, который захотел провести опрос среди делегаций. Конечно, было намерение перевести Кирова из Ленинграда в Москву в качестве партийного секретаря, но первоначально это пред-

4. Lenoë, *Kirov Murder*, p. 128, 757; А. Г. Соловьев, «Тетради красного профессора», *Неизвестная Россия*, т. 4, с. 175 (6 марта 1934, с. 222; Козлов, ред. примечание); N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 49; А. И. Микоян, *Так было*, с. 592–593 (по оценкам, число голосов против Сталина больше 3 при 166 недостающих бюллетенях (Козлов), или 6 (Хрущев) до 287 (Микоян цитирует Шатуновскую), из общего количества 1225 делегатов с правом голоса).

5. *Так говорил Каганович*, с. 71.

ложил Сталин, а Киров решительно сопротивлялся, поскольку теперь он был так же полон желания остаться в Ленинграде, как раньше хотел остаться в Баку. Орджоникидзе поддержал Кирова, заявив, что его присутствие в Ленинграде, одном из индустриальных центров страны, по-прежнему необходимо для успеха индустриализации. Это привело к компромиссному решению о том, что Киров должен стать одним из секретарей партии, но при этом пока не отказываться от своей ленинградской должности и не переезжать в Москву. Те, кто критиковал сталинское руководство, могли рассматривать Кирова как возможную замену, хотя нет никаких признаков того, чтобы сам Киров поддерживал это. Молотов позже высмеял мысль о том, что Кирова можно было бы рассматривать как возможную замену Сталину — он просто был не из этой лиги, утверждал Молотов, его бы не приняли в качестве лидера, особенно в высшем руководстве⁶.

Киров действительно был избран одним из секретарей ЦК, но сохранил свою ленинградскую должность и остался в Ленинграде. Его соратниками были Каганович и новый назначенец, восходящая звезда Андрей Жданов, который должен был переехать с Волги в Москву, по-видимому, для того, чтобы взять на себя часть рабочей нагрузки, которая легла бы на Кирова, если бы он захотел переехать. Что касается Сталина, он потихоньку перестал использовать звание «генеральный секретарь» и стал подписываться просто как «секретарь ЦК»⁷.

Но теперь, возможно, это звание уже не имело значения, поскольку статус Сталина как вождя был непоколебим. Он больше не был закулисным игроком, умевшим ловко решать кадровые вопро-

6. Чуев, *Молотов*, с. 376–377; Хлевнюк, *Политбюро*, с. 112–113.

7. Хлевнюк, *Политбюро*, с. 112–113; Волкогон, *Триумф и трагедия*, кн. 2, пкт. 1, с. 78.

сы. Начало культа Сталина, который сам Сталин публично отвергал, но которым, вероятно, втайне наслаждался, восходит к празднованию его пятидесятилетия в декабре 1929 года. 21 декабря «Правда» посвятила почти весь свой восьмистраничный выпуск беспрецедентному празднованию его достижений («Сталин и индустриализация», «Сталин и Красная армия») и поздравлениям с днем рождения. Читая «восторженные статьи» Калинина, Куйбышева, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Микояна и других, молодой московский коммунист критически прокомментировал в своем дневнике: «Конечно, т. Сталин великий человек. Но не слишком ли чрезмерны похвалы?»⁸ Такое ворчание продолжалось в партийных кругах в течение нескольких лет, но перспективный молодой коммунистический экономист Николай Вознесенский (который в 1940-х годах, перед своим впечатляющим падением, поднимется до должности члена Политбюро) считал, что критики были просто скрытыми консерваторами, не признававшими гения Сталина как пропагандиста.

Много лет спустя особую вину за разжигание культа Микоян возлагал на Кагановича, который, выступая в качестве московского партийного секретаря, переполнял свои речи преувеличенной похвалой Сталина, но другие считали, что сам Микоян с его армянским красноречием внес в это немалый вклад. Впервые огромный портрет Сталина в военном плаще, в окружении меньших портретов других членов Политбюро, водрузили перед Мавзолеем Ленина во время первого большого парада физкультурников в 1933 году. Когда реальный Сталин и его команда смотрели парад поверх этих массивных изображений, по сравнению с ними они казались ничтожными. Он стоял «в ряду своих

8. Соловьев, «Тетради», *Неизвестная Россия*, т. 4, с. 156–157 (запись от 22 декабря).

лучших соратников — Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина и Орджоникидзе, — писал Карл Радек, раскаявшийся оппозиционер, который, вероятно, намеренно льстил. — Его спокойные глаза задумчиво смотрели на сотни тысяч пролетариев, марширующих мимо могилы Ленина твердым шагом ударного отряда будущих завоевателей капиталистического мира. Он знал, что выполнил клятву, взятую десять лет назад над гробом Ленина». В годовщину смерти Ленина несколько недель спустя «Правда» с гордостью провозгласила, что ленинизм одержал «великую всемирно-историческую победу»: под руководством Сталина большевики добились того, что «социализм в нашей стране победил»⁹.

Новый ритуал — аплодисменты с их градациями (от «Аплодисменты» до «Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают») стал теперь частью всевозможных праздничных собраний, а не только партийных съездов. Советский репортер, очарованный этим, опубликовал почти антропологический отчет о встрече, посвященной достижениям стахановцев (выдающихся рабочих), на которой присутствовали Сталин, Орджоникидзе и другие лидеры. «Разразились аплодисменты, то затухающие, то возобновляющиеся с новой силой, в честь вождя народа товарища Сталина. Когда все успокоилось, взволнованный голос из глубины зала вдруг выкрикнул приветствие в честь Сталина на казахском языке. Стахановцы поднялись на ноги; Сталин вместе с руководителями партии и правительства тоже поднялся; и долго, молча, они страстно аплодировали друг другу»¹⁰.

9. Соловьев, «Тетради», *Неизвестная Россия*, т. 4, с. 156–157, 173–74, 182 (записи от 22 декабря 1929, 12 июня 1933, 7 ноября 1935); А. И. Микоян, *Так было*, с. 318; Tucker, *Stalin in Power*, p. 246 (Радек), 248 (*Правда*, 21 января 1934).

10. *Крестьянская правда* (Ленинград), 16 ноября 1935, с. 3.

Сталин был центром этих новых ритуалов празднования, но он был не одинок. Слово «вождь», для обозначения особого типа высшего или харизматического лидера, использовалось в 1930-х годах не только в единственном числе для Сталина, но и во множественном числе (вожди) для членов команды. Чествование вождей было особенно впечатляющим в середине 1930-х годов на больших общесоюзных собраниях жен руководителей промышленности и командиров армии, на которых присутствовали Сталин и команда. В них не участвовали собственные жены членов команды (они были вообще совершенно невидимы в советских СМИ); все это происходило в экстатическом взаимодействии между женами руководителей второго уровня и членами команды — Ворошиловым, Орджоникидзе и Кагановичем — вместе со Сталиным; особенно усердствовали «их» женщины, то есть жены начальников их ведомств: армии, тяжелой промышленности и транспорта соответственно. Валентина Штанге, жена высокопоставленного железнодорожника, впервые увидев Кагановича вблизи, заметила: «Он довольно красивый, а его глаза просто замечательные, такие выразительные! Прежде всего огромное спокойствие и ум, затем целеустремленность и непреклонная воля, но когда он улыбается, то просвечивает его внутренняя доброта»¹¹.

Появился новый жанр советского фольклора — песни и стихи народных сказителей, традиционные по форме и современные по содержанию. В них не только иносказательно воспевался Сталин, но появилось и новое название для его приближен-

11. Sarah Davies, *Popular Opinion in Stalin's Russia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), p. 149–150; Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism* (New York: Oxford University Press, 2000), p. 156–162; Garros et al., *Intimacy and Terror* (New York: New Press, 1995), p. 184 (дневник Штанге, 25 декабря 1936).

ных — они стали теперь его соратниками¹². Самым популярным среди соратников был Ворошилов — как любила называть его народная сказительница Мария Крюкова, Клим да Свет Ефремович. Эта популярность была, без сомнения, результатом того, что он часто появлялся на публике в театрально выразительном виде: например, на параде, посвященном годовщине революции в 1935 году, который он принимал в новой маршальской форме, на великолепном коне. Это было временем возвращения военной формы и орденов, которые в первые пуританские послереволюционные годы были отменены. Войска на параде, который принимал Ворошилов, тоже были в новых формах с погонами, которых не видали с царских времен¹³. В своих стихах о Ворошилове казахский народный поэт Джамбул говорит о подвигах Ворошилова в «дыму и огне» Гражданской войны, а также прославляет его как главу армии («Батыр Ворошилов на рыжем коне / Он скачет по площади ветра смелее»¹⁴). Особая любовь народа к Ворошилову проявилась в появившемся примечательном виде корреспонденции: письмах от людей, которые утверждали, что они его родственники¹⁵. Подобные письма писали только Ворошилову.

Другим соратником Сталина в народном эпосе, посвященном Гражданской войне, был Орджоникидзе. «Сильный и могущественный воин Сталин быстро встает, прохаживается, гладит свои черные кудри, подкручивает усы и закуривает трубку. Он зна-

12. Davies, *Popular Opinion*, p. 151.

13. Frank J. Miller, *Folklore for Stalin* (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1990), p. 36.

14. Джамбул и С. Ставский, *Стихи и песни* (Новосибирск, 1938), с. 30.

15. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации), 5446/54 (дела 24, 33, 44, 57, 68, 81, 101, и 127 озаглавлены «Письма людей, заявляющих, что они родственники К. Е. Ворошилова»).

ет, что делать. Его план одобрен, и Ленин велит ему повести героев Семена Буденного (командира кавалерии) и Орджоникидзе на бой против белых»¹⁶. У Калинина в фольклоре другой образ; он не рыцарь, а крестьянский староста, который, оказавшись у власти, принимает в Кремле гостей, кормит и поит их. Огромное число людей писали письма Калинину или приезжали в его кабинет в Верховном Совете. «Вы моя единственная радость», — писал один из его корреспондентов¹⁷. Киров, пока был жив, пользовался популярностью в Ленинграде, но не в общенародном масштабе, и даже получал критические комментарии (говорили, что если прочитать его фамилию задом наперед, получится *ворик*, то есть маленький вор). Однако после своей безвременной кончины он стал темой народных плачей¹⁸.

Конечно, у народа были и иные средства выражения своих чувств, и тут уже мнения о руководстве высказывались совсем в другом тоне. Популярным жанром были анонимные письма вождям, хотя НКВД делало все возможное, чтобы выявить их авторов. В этих письмах некоторые жаловались, что власть захватили евреи, а неевреи, такие как Сталин и Киров, им продались¹⁹. Поскольку в составе команды было меньше евреев, чем у оппозиции, вероятно, авторы анонимок просто бездумно повторяли старые сплетни про революционеров, но, похоже, было известно, что жена Молотова — еврейка, а также циркулировали ложные слухи, что Сталин женился на дочери или на сестре еврея Кагановича²⁰. Некоторые анонимы сосредото-

16. Miller, *Folklore for Stalin*, p. 118.

17. Miller, *Folklore for Stalin*, p. 134; Davies, *Popular Opinion*, p. 166–167.

18. Davies, *Popular Opinion*, p. 178; Fitzpatrick, *Everyday Stalinism*, p. 185; Miller, *Folklore for Stalin*, p. 68, 90, 136.

19. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism*, p. 186–187.

20. ГА РФ, 5446/82/56, лл. 261–263; <http://www.revolutionarydemocracy.org/rdvin2/kaganfam.htm>; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 19.

точились на другом национальном аспекте: их волновало засилье кавказцев. Один анонимный автор писал, что страной управляет кавказский князь Сталин и его верный слуга, крестьянский староста Калинин. Также его волновало, почему строительство тюрем не включили в пятилетний план²¹.

Нехаризматичный Молотов не заслужил внимания народных сказителей, но к концу 1930-х годов и он получил признание. В 1940 году к его 50-летию вышел ряд хвалебных публикаций²², а в 1939–1941 годах он обогнал всех членов команды (включая Сталина) по числу городов, колхозов, заводов и институтов, названных в его честь, в том числе уральский город Пермь, который в 1940 году переименовали в Молотов. Безусловно, переименования в его честь начались сравнительно поздно. До него, в 1920-е годы, в честь Сталина был назван волжский город Царицын (Сталинград), поскольку Сталин воевал там во время Гражданской войны, а также украинский промышленный город Юзовка (Сталино). Тверь, старинный город к северу от Москвы, в 1931 году получила имя Калинина. Вятка на Урале и Самара на Волге были переименованы соответственно в Киров и Куйбышев, после того как они оба скончались в середине 1930-х годов, а Ворошилов вскоре после этого «получил» Луганск и Ставрополь. Городу Владикавказу на Северном Кавказе в 1931 году было присвоено имя Орджоникидзе, а четыре года спустя в честь него назвали также промышленный украинский город Енакиево. Но тут следует вспомнить о том, как быстротечна слава, ведь в течение предыдущих шести лет Енакиево называлось Рыково, в честь правого уклониста Алексея Рыкова²³.

21. ГАРФ, 3316/16а/1446, л. 100 (июль 1930).

22. Davies, *Popular Opinion*, p. 152.

23. ГАРФ, 7523/65/516 (Решения Верховного Совета, 1939–1941); Пospelов, *Имена городов*.

Если внутри страны Сталин изображался в окружении своих соратников, то для внешнего мира он обычно представлял один. Не потому, что остальная часть команды была отстранена от решения внешнеполитических вопросов: наоборот, довольно удивительно, что Сталин энергично стремился привлечь их, как в рамках официальных заседаний Политбюро, так и вне их. Это относится не только к Молотову, который был главным доверенным лицом Сталина по международным делам, но и к другим. Однако существовало ограничение для общения членов команды с иностранными журналистами, что является одной из причин, по которой в довоенных иностранных отчетах они остаются своего рода невидимками. Сам Сталин тоже редко разговаривал с иностранцами, но когда он это делал, это было большое событие. Кстати, в отличие от других своих деловых встреч он давал эти интервью с глазу на глаз, не считая переводчиков, без присутствия членов команды. В частности, в беседах с корреспондентом *New York Times* Уолтером Дюранти, писателями Гербертом Уэллсом и Лионом Фейхтвангером, а также послом США Джозефом Дэвисом он проявил себя очень успешно — как прямой, разумный и скромный человек, осуждающий публичные восхваления своей персоны, но принимающий это как необходимую уступку отсталой публике — скорее реальный политик, нежели пламенный революционер²⁴.

«Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного», — сказал о нем Герберт

24. Интервью Дюранти (25 декабря 1933): Сталин, *Сочинения*, т. 13, с. 276–281; интервью Уэллса (23 июля 1934): И. В. Сталин, *Сочинения*, vol. 1(14), ed. Robert H. McNeal (Stanford, CA: Hoover Institution, 1967), p. 11–36; H. G. Wells, *Experiment in Autobiography* (London: Faber, 1984), p. 800–806; интервью Фейхтвангера (8 января 1937): Lion Feuchtwanger, *Moscow 1937: A Visit Described for My Friends*, trans. Irene Josephy (New York: Viking, 1937).

Уэллс (он ожидал «своего рода Синей Бороды»). Пока Сталин не разговорился, он казался Уэллсу почти застенчивым. «В нем нет ничего темного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России. До того как я увидел его, я думал, что он, вероятно, занял это место, потому что люди боялись его, но я понимаю, что он обязан своим положением тому, что никто его не боится, и все ему доверяют... У него совершенно отсутствует типичная для грузин хитрость и коварство». Удивительно, но это было расценено как лишь частичный триумф в сфере связей с общественностью, поскольку Уэллс по-прежнему критиковал применение в Советском Союзе насилия и ограничение свободы слова: «Нам не удалось соблазнить девушку», — прокомментировал циничный Радек, когда переводил комментарии Уэллса на русский для Сталина²⁵. Но не могло быть никаких сомнений в полноте успеха Сталина с послем Дэвисом, в данном случае еще подкрепленным личным обаянием Полины Жемчужиной, которая смогла завоевать симпатии жены посла, чрезвычайно богатой Марджори Мерриуэзер Пост. Сталин «острый, пронизательный и, прежде всего, мудрый, с „лукавым юмором“, — писал Дэвис своей дочери. — Ребенок с удовольствием садился к нему на колени, а собака ложилась у его ног»²⁶.

Этот успех был тем более примечательным, если вспомнить то чувство неполноценности, которое Сталин и остальная часть команды испытывали в первые годы, когда имели дело с иностранцами. Разговаривая в 1931 году с немецким писателем Эмилем Людвигом, Сталин наилучшим образом высказался об этом, признав, что «те из нас, которые не жили долго за границей [до револю-

25. Комментарий Радека цит. по: David-Fox, *Showcasing*, p. 237.

26. Joseph E. Davies, *Mission to Moscow* (London: Victor Gollancz, 1943), p. 83–84, 227, 230–231.

ции], кое-что потеряли», но, с другой стороны, они «имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты»²⁷. По сравнению со своими политическими противниками-космополитами 1920-х годов сталинская команда состояла из провинциалов, которые никогда не жили в Европе и не знали иностранных языков. Сталин совершил короткие поездки в Стокгольм и Лондон на партийные съезды в 1906 и 1907 годах (они проводились за границей из-за того, что партия была в подполье), к последней поездке он добавил неделю в Париже; а в 1912 году провел десять дней в Кракове с Лениным и Крупской, а также ненадолго посетил Вену, где останавливался у Трояновских. Он пытался, хотя и без особого успеха, выучить немецкий, французский и английский, не говоря уже об эсперанто, находясь в тюрьме и в ссылке до 1917 года, но его немецкий, как и немецкий Молотова, был недостаточно хорош, чтобы говорить или понимать без переводчика²⁸. Молотов до революции никогда не был за границей, и его единственной поездкой в Европу до конца 1930-х годов был короткий визит в Италию, когда его жена проходила там курс лечения. Он был потрясен, когда в конце 1920-х годов Сталин настоял, чтобы он взял на себя руководство Коминтерном, которым ранее руководили космополиты Зиновьев и Бухарин. Он всегда чувствовал себя неловко, даже после того, как в течение 1940-х и 1950-х годов был министром иностранных дел СССР²⁹. «Какой я дипломат? — говорил он своему интервьюеру Феликсу Чуеву в 1970-х го-

27. Интервью Людвиг (13 декабря 1931): Сталин, *Сочинения*, т. 13, с. 120–121.

28. Kun, *Stalin*, p. 146–147.

29. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 257; Wells, *Experiment*, p. 803; РГАСПИ, 558/11/768, лл. 146–147 (Молотов Сталину, 31 декабря 1929); Чуев, *Молотов*, с. 284.

дах. — Я не владею ни одним языком иностранным. <...> Прочитать по-немецки, по-французски и кое-что понять в разговоре я мог, но самому отвечать уже трудно <...>. Это был мой главный недостаток для дипломатии»³⁰.

Точно так же и Каганович не имел опыта работы за границей и не знал иностранных языков, за исключением, возможно, небольшого знакомства с польским языком в юности, когда он жил в многонациональной черте оседлости. Микоян никогда не бывал за границей с конца 1920-х годов и не говорил на иностранных языках. То же самое относится и к Ворошилову, Кирову и Куйбышеву, хотя у Куйбышева, возможно, были некоторые школьные знания немецкого. Орджоникидзе провел пару месяцев в Париже в 1912 году, но не говорил по-французски, хотя, возможно, знал немного персидский после года революции в Иране в 1909–1910 годах. Рабочий Рудзутак, не имевший опыта жизни в Европе, был исключением среди членов команды, так как очень усердно работал над изучением французского языка в тюрьме и пытался переводить с листа (но свободно владевший несколькими языками Троцкий смеялся над его ошибками)³¹.

В отношении команды к Западу в 1920-х годах главными мотивами были страх и подозрение. Это было основано на опыте иностранного вмешательства в годы Гражданской войны, сознании «капиталистического окружения» и возобновившихся опасениях иностранного военного вторжения в конце 1920-х годов. Опасения шпионажа

30. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 107.

31. Каганович, *Памятные записки*, с. 13–48; Sabine Dullin, *Men of Influence* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008), p. 14; Куйбышева, *Валериан Владимирович Куйбышев*, с. 215; Ф. Г. Сейранян, *Г. К. Орджоникидзе в годы социалистического строительства* (Тбилиси: Sabchota Sakar tvelo, 1986); Trotsky, *Stalin*, p. 395.

были постоянными, возможно, из-за повсеместного присутствия иностранных шпионов в Петрограде и Москве в первые годы после революции, хотя к концу десятилетия их число значительно сократилось. Шпионские страхи накалялись до предела — как в случае паники по поводу польского шпионажа на Украине во время голода — всякий раз, когда политическая напряженность была высокой³². Серия показательных судебных процессов над «буржуазными специалистами» в конце 1920-х и 1930-х годов драматизировала представления о вражде капитализма, при этом указывали конкретно на Великобританию (которую всегда подозревали в том, что она находится в центре паутины международного заговора против Советского Союза) и на Францию³³. Опасения надвигающегося иностранного вторжения, возможно, были преувеличены для внутреннего потребления в конце 1920-х годов, но когда в 1931 году японцы вторглись в Маньчжурию, а в 1933 году Гитлер пришел к власти в Германии, они приобрели реальное содержание.

При Сталине Советский Союз закрыл свои границы, чтобы не допускать шпионов и не выпускать местных жителей. Взаимодействие с Западом и поездки туда стали прерогативой касты дипломатов, которая вплоть до репрессий конца 1930-х годов в основном состояла из бывших эмигрантов — старых большевиков (многие из них также бывшие оппозиционеры), хорошо владевших иностранными языками. Поездки на немецкие или швейцарские курорты для лечения стали очень важной привилегией политической и культурной элиты, но такие поездки должны были быть одобрены специаль-

32. Robert Service, *Spies and Commissars* (London: Macmillan, 2011); Rayfield, *Stalin's Hangmen*, p. 140–146.

33. *Политбюро ЦК РКП(б) и Европа* (Москва: РОССПЭН, 2001), с. 211.

ной комиссией ЦК. Интересно, что сами члены Политбюро, хотя они часто болели, редко выезжали за границу для лечения или по любой другой причине, хотя иногда это делали их жены (в том числе жена Сталина, инкогнито). Микоян был единственным членом Политбюро, совершившим длительную командировку за границу в 1930-х годах³⁴.

Одной из опасностей Европы было эмигрантское сообщество, его социалистическое крыло было хорошо осведомлено о слухах, касающихся происходившего в верхах советского общества, и это не могло не раздражать. Меншевик Борис Николаевский, который был женат на родственнице Рыкова и издавал в Берлине журнал «Социалистический вестник», был настроен очень агрессивно. В 1936 году он опубликовал «Письмо старого большевика», это была его собственная работа, но она основывалась на беседах с Бухариным и другими, хотя прямо собеседники Николаевского там не упоминались³⁵. Другой большой угрозой в глазах Сталина, его команды и секретных служб был высланный Троцкий и его последователи. Хотя сам Троцкий находился в Стамбуле, а не в Западной Европе, куда он хотел бы попасть, у него были небольшие, но активные группы последователей во всех крупных европейских странах, они были постоянным раздражающим фактором для всех местных коммунистических партий. Но что особенно возмущало Сталина и Коминтерн, Троцкий создал конкурирующую организацию — IV Интернационал.

Когда члены команды думали о европейской политике, в том числе о политике в области культуры, они никогда не забывали о Троцком. Каганович в 1934 году со знанием дела писал Сталину по по-

34. РГАНИ, 3/22/70, особ. лл. 48, 65, 68.

35. Boris I. Nicolaevsky, *Power and the Soviet Elite* (London: Pall Mall Press, 1965), p. 26–65 («Письмо старого большевика»); Зенкович, *Самые секретные*, с. 338–339.

воду планировавшейся международной конференции против фашизма и войны, что, возможно, в ней будут участвовать троцкисты. В тот раз Сталина это не особенно взволновало, он ответил, что это не проблема, надо просто их не пускать на конференцию. Но в целом Сталина, который читал все, что Троцкий писал в эмиграции, всю критику своего правления, больше всего беспокоил именно Троцкий. После высылки Троцкого в 1929 году советская иностранная разведка следила за его семьей, включая его сына Льва Седова, который жил в Париже и помогал отцу заниматься европейскими делами до своей загадочной смерти в 1938 году, но только во время Гражданской войны в Испании, когда советская разведка и троцкисты вступили в прямое противостояние, дело дошло до кровавой развязки. Считается, что в 1939 году Сталин сказал Берии, что «Троцкий должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению». Сталин добавил, что «в троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, то угроза Коминтерну будет устранена». В следующем году этот смертный приговор был приведен в исполнение³⁶.

Подозрительность по отношению к иностранцам распространялась и на тех, кто жил в Советском Союзе, несмотря на то что большинство

36. Сталин и Каганович, с. 489, 493; Волкогонов, *Триумф и трагедия*, кн. 1, пкт. 2, 167, 174; кн. 2, пкт. 1, 90, 96; Deutscher, *Prophet Outcast*, p. 390–397; Pavel Sudoplatov, *Special Tasks* (Boston: Little, Brown, 1994), p. 30–31, 67. Цитата по русскому изданию: Павел Судоплатов, *Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля* (Москва: Гая, 1996), с. 77.

из них были социалистами и симпатизировали советской власти. Среди них было много беженцев, которые прибыли в середине 1930-х годов из нацистской Германии. Сталин напоминал членам своей команды, что все буржуазные специалисты шпионы или могут ими быть. Аналогично его отношение к западным журналистам состояло в том, что хотя некоторыми из них можно с пользой манипулировать, их настоящая функция — дискредитировать Советский Союз, что фактически делало их шпионами. Сталин был взбешен, когда некоторым корреспондентам в 1933 году удалось попасть в области, охваченные голодом («Надо положить этому конец и воспретить этим господам разъезжать по СССР. Шпионов и так много в СССР»). Кажется, что Сталин относился к иностранным корреспондентам жестче, чем другие члены команды. В 1932 году он писал, что это «идиотизм», не выгнать журналиста, который писал для немецкой прессы на запрещенные темы, такие как принудительный труд. («Мы молчим, как идиоты, и терпим клевету этого щенка капиталистических лавочников. Боль-ше-ви-ки, хе-хе...») Каганович тогда согласился принять «надлежащие меры», но прошло целых пять лет, прежде чем этого человека действительно выслали³⁷.

Наблюдение за иностранцами, в том числе симпатизирующими советской власти, усиливалось. Среди более миллиона поляков, живших в Советском Союзе, в 1933 году были проведены массовые аресты беженцев-крестьян, а затем внимание НКВД переключилось на политических эмигрантов. Были арестованы работники франкоязычного журнала. Не помогли даже протесты советского Министерства иностранных дел и попытка вмешательства покровителя искусств Ворошилова, которого, вероятно, попросил кто-то из художни-

37. Сталин и Каганович, с. 146, 225, 269, 307.

ков³⁸. В то же время под подозрение НКВД попали немецкие и венгерские коммунисты из Института мировой экономики Евгения Варги, хотя у Варги были хорошие отношения со Сталиным, в результате был арестован личный учитель Молотова по немецкому языку³⁹. Началась переписка политических иммигрантов: по состоянию на начало июля всего оказалось 811 иммигрантов из Германии. На более чем половину из них уже имелся компромат⁴⁰.

Хотя Сталин и члены его команды относились к иностранцам с подозрением, им очень хотелось их поразить. Примером этого была Парижская выставка 1935 года, где советский павильон демонстративно находился напротив немецкого. Команда была так заинтересована в участии Советского Союза в международных соревнованиях, где был хороший шанс победить, что на заседаниях Политбюро в 1930-е годы постоянно обсуждались вопросы отправки шахматистов, футболистов, музыкантов на международные соревнования, также отправляли на гастроли по Европе Московский художественный театр и Ансамбль песни и пляски Красной армии. В 1937 году Политбюро занималось вопросом включения в список советских участников международного конкурса скрипачей в Брюсселе талантливой девочки Буси Голдштейн. Когда Давид Ойстрах получил первый приз, об этом сообщили на первой полосе «Правды».

38. *Сталин и Каганович*, с. 361, 364; *Сталинское Политбюро*, с. 146; РГАСПИ, 558/11/769, л. 114; Marc Jansen and Nikita Petrov, *Stalin's Loyal Executioner* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2001), p. 40–42 (русское издание: Н. Петров, М. Янсен, «Сталинский питомец» — Николай Ежов (Москва: РОССПЭН, 2008)); *Journal de Moscou, Сталин и Каганович*, p. 530, 543.

39. Соловьев, «Тетради», *Неизвестная Россия*, т. 4, с. 178; РГАСПИ, 82/2/1454.

40. Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 42.

Беспокойство о воздействии на общественное мнение Запада не исчерпывалось попытками поразить его культурными достижениями. Советские лидеры, похоже, всегда думали о реакции Запада, когда обсуждали советские достижения и неудачи. Каганович выражал беспокойство, что то, как «Правда» собирается написать о бюджете профсоюзов, может запутать читателя, особенно иностранного, который не сможет оценить уровень затрат советской власти на строительство жилья для рабочих. Когда Каганович докладывал Сталину о первом московском показательном процессе над бывшими лидерами оппозиции в 1936 году, он подчеркивал, что признание вины подсудимыми поразило иностранных корреспондентов, присутствующих в зале суда. Когда в 1937 и 1939 годах перепись показала, что численность населения была сильно ниже ожидаемой, сразу же возникли опасения, что враждебно настроенные западные обозреватели ухватятся за это как за доказательство катастрофических последствий голода 1932–1933 годов⁴¹.

Сталин, который когда-то обозначил свою профессию как *писатель (публицист)*⁴², больше других членов команды заботился о том, какой образ Советского Союза создает советская пресса и обращал на это внимание Молотова и Кагановича. Напомнив им, что ввиду японских притязаний на Китай «наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам

41. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), с. 862, 884, 897, 924, 936; РГАСПИ, 17/3/983 (протоколы Политбюро, февраль 1937); *Правда*, 2 апреля 1937, с. 1; *Сталин и Каганович*, с. 414, 635; РГАСПИ, 82/2/537, лл. 81, 155 (Яковлев Сталину и Молотову, 21 марта 1937).

42. Евгений С. Громов, *Сталин: власть и искусства* (Москва: Республика, 1998), с. 64.

выгодно, чтобы они рассорились», он перешел к инструкциям относительно прессы. Партийная газета «Правда» и советская газета «Известия» должны были освещать события по-разному, вероятно, для того, чтобы иностранные кремлянологи подумали, что в советских правящих кругах нет единства. «Пусть „Правда“ ругает всю японских оккупантов <...> пусть кричит „Правда“ всю, что империалистические пацифисты Европы, Америки и Азии делят и поработывают Китай. „Известия“ должны вести ту же линию, но в умеренном и архиосторожном тоне. Умеренный тон для „Известий“ абсолютно необходим»⁴³.

Хотя арест учителя расстроил Молотова, в 1930-е годы он продолжал заниматься английским и немецким; Сталин, Микоян, Куйбышев и другие члены команды также занимались языками. Это может показаться странным, поскольку их идеология провозглашала Советский Союз первым в мире пролетарским социалистическим государством, которое неминуемо победит загнивающий капиталистический Запад. Однако эта неизбежная победа ожидалась в будущем, а пока, несмотря на депрессию, Запад еще не погиб, раздавленный собственными противоречиями; и хотя команда Сталина внушала народу чувство превосходства над Западом, в этом был и оттенок низкопоклонства. Или, как говорили они сами, культурный человек должен знать основные европейские языки, и члены команды не только рекомендовали это народу, но и к себе предъявляли такие же требования⁴⁴.

Если какое-то низкопоклонство и присутствовало, Сталин старался этого не показывать. К 1930-м годам он уже считал себя специалистом по международным делам и инструктировал своих

43. Сталин и Каганович, с. 116.

44. Куп, Stalin, p. 146–147; С. Микоян, *Воспоминания*, с. 27; Куйбышева, Валериан Владимирович Куйбышев, с. 215.

ближайших сподвижников, Молотова и Кагановича, что им следует делать. Сталин сформулировал несколько максим о том, как обращаться с представителями капиталистического Запада: никогда не доверять им, распознавать их коварство и стараться их перехитрить, пользоваться их разногласиями. Никогда не забывать, что они хотят уничтожить Советский Союз и только ждут повода, чтобы напасть. Понимать, что все они, скорее всего, шпионы, хотя могут представляться как журналисты, дипломаты или ученые, и не верить тому, что они публично заявляют о своем отношении к Советскому Союзу. Обычно эти рекомендации Сталина объясняют его паранойей, но в них был и здравый смысл, а также они отражают тот факт, что Сталина очень беспокоило то, что он недостаточно знал об иностранцах и не мог определить, является ли человек тем, за кого себя выдает.

Следовало поощрять конфликты между капиталистическими странами. Осенью 1935 года Сталин преподавал Кагановичу и Молотову урок на эту тему. Поводом послужило сомнение Наркомата иностранных дел, надо ли ввиду конфликта в Абиссинии экспортировать в Италию советское зерно. Сталин объяснил, что это в действительности конфликт между двумя блоками: с одной стороны — Италия и Франция, а с другой — Англия и Германия. «Чем сильнее будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем и другим, чтобы они могли драться. Нам вовсе не выгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой»⁴⁵. Было принципиально важно не дать Западу себя запугать, а для этого часто надо было разговаривать с ним жестко. «Жулики» — один из эпитетов, которые Сталин

45. Сталин и Каганович, с. 569, 545.

использовал в отношении западных лидеров, это касалось как внутренних обсуждений, так и публичных выступлений. Им «ответили в самый нос — щелчком»⁴⁶, с удовлетворением говорил Молотов в 1929 году. Через несколько лет Сталин поздравил Молотова с тем, что он нашел правильный тон в своей речи о международном положении: «Вышло хорошо. Уверенно-пренебрежительный тон в отношении „великих“ держав, вера в свои силы, деликатно-простой плевков в котел хорохорящихся „держав“ — очень хорошо. Пусть „кушают“»⁴⁷.

И для команды, и для самого Сталина начало 1930-х годов было временем интенсивного изучения иностранных дел. Абсолютно всем членам команды пришлось в эти годы выполнять поручения, связанные с международными вопросами. Основной груз лег на Сталина и Молотова, а Ворошилов, Орджоникидзе и Микоян помогали в своих областях (армия, промышленность, международная торговля)⁴⁸. Роль дипломатов в формировании советской внешней политики была ограниченной, как позднее вспоминал Молотов, «потому что все было в кулаке сжато у Сталина, у меня — иначе мы не могли в тот период»⁴⁹.

Роль Максима Литвинова, наркома иностранных дел с 1930 по 1939 год, явно была недооценена, и сам Молотов, который в 1939 году сменил Литвинова на этом посту, никогда его особо не любил. Молотов признавал, что тот был умным человеком и хорошим дипломатом, имевшим опыт в иностранных делах, но душой он не был с ними

46. РГАСПИ, 558/11/768, лл. 138–142.

47. *Письма И. В. Сталина*, с. 245.

48. *Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа* (привлечение членов команды к решению международных дел в 1930–1933, по частоте: Сталин — 14 раз, Молотов — 11, Ворошилов — 8, Орджоникидзе — 7, Микоян — 5, Каганович — 4, Куйбышев — 2, и по одному разу Киров, Косиор, Рудзутак и Калинин).

49. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 97–98.

и внутренне не всегда соглашался с решениями, которые он принимал, поэтому «он не мог пользоваться нашим полным доверием»⁵⁰. Тем не менее Литвинов был старым большевиком, у него были большие революционные заслуги и он не был связан с оппозицией, что было нетипично для еврейского интеллектуала и бывшего эмигранта, хорошо владевшего иностранными языками. Молотов утверждал, что Литвинов хорошо относился к Сталину, пока занимал свою должность, но позже высказывал весьма желчные мнения о членах команды. (Его эксцентричная образованная жена-англичанка Айви была не столь сдержанной в своих комментариях, даже когда он был наркомом иностранных дел.) В 1930-е годы Литвинов, когда бывал в Москве, часто присутствовал и на официальных заседаниях Политбюро, и на неформальных встречах со Сталиным и главными членами Политбюро, но его статус был ниже, он не был даже членом Центрального комитета, не говоря уже о Политбюро, и никогда не принадлежал к ближнему кругу.

Имя Литвинова связано со вступлением Советского Союза в Лигу Наций и с попытками создать в 1930-х годах антигерманский альянс. Конечно, это была в 1930-е годы политика Сталина, но, без сомнения, Литвинов и советский посол в Великобритании Иван Майский внесли свой вклад в то, чтобы Советский Союз предпочел западные демократии, в то время как Сталин и Молотов просто стремились отсрочить начало войны при невозможности не остаться с вероятным агрессором (Германией) один на один. Сталин и другие члены команды, действительно, в переписке позволяли себе много презрительных комментариев в отношении Литвинова, часто на том основании, что раз он на регулярной основе общается с иностранцами, то они, вероятно, водят его за нос. Но антифашизм

50. Чувь, *Сто сорок бесед*, с. 97–98.

был не просто политической линией Министерства иностранных дел, с середины 1930-х годов это был также и принцип Коминтерна — единственная политическая линия Коминтерна, которая когда-либо имела широкую привлекательность для левых в международном масштабе⁵¹.

Команда в целом не общалась с иностранцами, и даже близкие контакты с людьми, профессионально занимающимися иностранцами, были весьма ограничены. Конечно, были исключения, но гораздо меньше, чем в случае с оппозиционерами-космополитами. Сталин использовал Евгения Варгу, венгра, в качестве советника по международной экономике; и он, и Молотов консультировались с финном Отто Куусиненом⁵². У Молотова был близкий друг детства Александр Аросев, который заменил Ольгу Каменеву в качестве главы Общества культурных связей с зарубежными странами и в 1930-х годах проводил большую часть времени в Европе, женившись вторым браком на чешке⁵³. Два родственника Сталина, Александр Сванидзе и Павел Аллилуев, оба близкие друзья его семьи, в 1920-х годах много времени проводили в Берлине в качестве торговых представителей. Когда болгарский герой дела о поджоге Рейхстага Георгий Димитров поселился в 1934 году в Москве и вскоре после этого стал главой Коминтерна, он был допущен в более широкий круг общения членов команды. В этом качестве у него было много возможностей

51. Соловьев, «Тетради», *Неизвестная Россия*, т. 4, с. 202–204; *Письма И. В. Сталина*, с. 155, 161, 167; РГАСПИ, 558/11/768, лл. 87–89; РГАСПИ, 558/11/769, лл. 132–34; *Сталин и Каганович*, с. 71, 94, 107, 189, 563–564.

52. РГАСПИ, 558/11/766, лл. 125–126 (Молотов Сталину, 25 августа 1926); Arvo Tuominen, *The Bells of the Kremlin* (Hanover: University Press of New England, 1983), p. 92, 93, 96.

53. David-Fox, *Showcasing the Soviet Experiment*, p. 223–226; Вячеслав Никонов, *Молотов: молодость* (Москва: Вагриус, 2005), с. 45.

увидеть достаточно пренебрежительное отношение Сталина и его сподвижников к Коминтерну и европейским коммунистам⁵⁴. Несмотря на то что Запад был озабочен Коминтерном как символом международного заговора, Сталин, Молотов и остальные относились к нему настолько пренебрежительно, что это поражало в коммунистах, на словах заявлявших о своем интернационализме.

У Соединенных Штатов в глазах членов команды был другой, более позитивный, образ, чем у старой Европы. Хотя США и были капиталистическими, но не были упадочническими и кастовыми, как Европа, и с точки зрения технологического прогресса это был мировой лидер. Сталин мог с некоторой теплотой говорить об американском ноу-хау и предпринимательском духе, рекомендуя их как образец для подражания⁵⁵. Конечно, он знал это лишь из вторых рук, даже на личных встречах с американскими дипломатами, журналистами и бизнесменами он использовал снисходительный тон. Но несколько крупных советских проектов индустриализации опирались на опыт американских консультантов.

Соответственно именно в Америку летом 1936 года отправили Микояна в беспрецедентную двухмесячную поездку для изучения пищевой промышленности и ее новых технологий. Это была идея Сталина — по-видимому, спонтанная, поскольку она означала отмену в последнюю минуту запланированного отпуска семьи Микоян в Крыму и включение (в качестве компенсации) его жены Ашхен в группу вместе с разными специалистами в области промышленности. Любопытна «домашняя», неформальная помощь от Сталина: он снаб-

54. *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949*, intro. and ed. Ivo Banac (New Haven: Yale University Press, 2003), p. 69–70.

55. Сталин, *Сочинения*, т. 13, с. 114–15 (беседа с Эмилом Людвигом, 1931).

дил группу переводчиком в виде племянника гувернантки своей дочери Светланы, англоязычного немца с Кавказа, который, по словам Микояна, проделал хорошую работу не только как переводчик, но и консультант (на основании каких знаний — неясно) по поводу местных нравов. Запад был совершенно новым для Анастаса и Ашхен, и они прекрасно провели время; Микоян так много узнал из поездки, что позже назвал ее своим «университетом». Микояну, по характеру не склонному к сильным подозрениям и бдительности, свойственной Сталину и другим членам команды, американцы казались приветливыми, дружелюбными и полезными. Они показали ему заводы по производству мороженого, фабрики упаковочных материалов и чикагские скотобойни. Они отвезли его в Детройт, где он увидел, как строятся машины, и встретился с Генри Фордом, с удивлением обнаружив, что Форд вегетарианец. Микоян не мог говорить с американцами напрямую из-за незнания английского, но это, похоже, не имело значения. По настоянию посла Трояновского он встретился с государственным секретарем Корнеллом Халлом и нашел его таким же приятным, как и остальные американцы. Он вернулся не только с обширными знаниями о холодильном оборудовании, американских промышленных процессах и универмагах, но и с намерением познакомиться советских людей с мороженым и сосисками⁵⁶.

Еще одна инициатива в области международной политики, которая нашла отклик у советских людей, была поддержка республиканской стороны в Гражданской войне в Испании. Без сомнения, в подходе Сталина и Молотова к этому вопросу была большая доля расчета, но советские люди проявили искреннее сочувствие, они охотно участвовали в митингах в поддержку испанских республиканцев и жертв

56. А. И. Микоян, *Так было*, с. 300–315; Kun, Stalin, p. 296–297.

вовали деньги для испанских сирот. Этот эмоциональный отклик явно затронул некоторых членов команды, судя по воодушевленному тону Кагановича в частном письме к Орджоникидзе, где он пишет, что хотя военные действия в Испании идут не слишком успешно, «разворачивающаяся в стране кампания показывает, какие у нас замечательные, прекрасные люди и сколько у них интернационального чувства и сознания». Каганович, чей приемный сын Юрий считался сиротой из Испании, был в восторге от сталинской дипломатической стратегии в отношении Испании (направить туда прямую советскую военную помощь, формально соблюдая принципы коллективной безопасности и невмешательства): «Брат, это действительно великая диалектика, — писал он Орджоникидзе, — которую наш великий друг и отец освоил в энной степени»⁵⁷.

Испанская кампания была неотъемлемой частью сближения с иностранными левыми интеллектуалами, особенно европейскими, и интенсивно поддерживалась с середины 1930-х годов как дополнение к официальной дипломатии. До этого времени в Коминтерне и советских органах считалось, что Советский Союз должен обхаживать и поддерживать коммунистических и крайне левых интеллектуалов, презирая более умеренных (и часто более известных и более выдающихся) представителей с той же энергией, с которой партии Коминтерна презирали и боролись против социалистов. Стимул для новой политики в области культуры, которая, по сути, предвосхитила создание Народного фронта, пришел от писателя Ильи Эренбурга, европейского космополита с широкими связями, который написал Сталину в 1934 году, предлагая отойти от ориентации на узкий круг сектантов. По мысли Эренбурга, была нужна «широкая антифашистская организация», которая при-

57. Сталин и Каганович, с. 681; Сталинское Политбюро, с. 149, 151.

влекла бы писателей-некоммунистов, известных и обладавших высокой международной репутацией. Эта организация должна была иметь двойную цель: «борьба с фашизмом» и «активная защита СССР». Сталин поддержал эту идею и велел Жданову и Кагановичу обеспечить ее реализацию⁵⁸.

Результатом стал Конгресс в защиту культуры, состоявшийся в Париже в июне 1935 года. На нем присутствовали такие знаменитости, как Андре Мальро, Э.М. Фостер, Андре Жид, Олдос Хаксли, Бертольд Брехт и Вальтер Беньямин, а также некоторые из наиболее известных советских писателей, в том числе Эренбург, Исаак Бабель и беспартийный поэт Борис Пастернак⁵⁹. Параллельно с этим европейских интеллектуалов горячо приглашали в Советский Союз, чтобы они сами могли увидеть «советский эксперимент» и наладить контакты с художниками и учеными в своих областях под эгидой организации Аросева. Приехали многие, в том числе Бернард Шоу и Уэббы (Сидни и Беатрис) из Великобритании, Андре Жид из Франции, Лион Фейхтвангер из Германии и Пол Робсон из США, и результаты в целом с советской точки зрения были удовлетворительными. Уэббы написали большой том под названием «Советский коммунизм: новая цивилизация?» (во втором издании они сняли вопросительный знак)⁶⁰. Лион Фейхтвангер получил возможность взять интервью у Сталина и опубликовал свое положительное мнение о нем, несмотря на то что был в Москве во время первых показательных процессов над старыми большевиками. Разочаровал только Жид — он опу-

58. *Сталин и Каганович*, с. 493, 718–719.

59. Katerina Clark, *Moscow the Fourth Rome* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011), p. 177–179; <http://www.giselle-freund.com/international-congress-for-the-defense-of-culture-hall-of-the-mutualite-paris-21th-of-june-1935/>

60. David-Fox, *Showcasing*, p. 215–219; *Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): повестки*, т. 2, с. 303, 718, 772.

ликовал критическое послесловие к своим мемуарам «Возвращение из СССР», и после этого к нему стали относиться как к отступнику⁶¹. На Фейхтвангера, как и на Уэббов сильное впечатление произвел Сталин, а остальные члены команды остались в тени, с ними они почти не контактировали. Этот аспект советских международных отношений определенно был личной территорией Сталина.

В своей стране Сталин и его команда относились к русской интеллигенции с таким же неуважением, как и к иностранцам. У русской интеллигенции с царских времен сохранялась традиция критики правящего режима, в период культурной революции она испытала на себе действие кнута, после чего ее поманили пряником в виде различных привилегий. Она только-только начинала соглашаться с коммунистами, но процесс советизации шел в 1930-х годах быстрыми темпами. Как и с иностранцами, Сталин и члены его команды изначально чувствовали себя не в своей тарелке с интеллигенцией, их пугали гораздо более тесные связи интеллигенции с оппозицией и ее культурный авторитет, хотя Ворошилов быстро подружился с художниками, рисовавшими его портреты. В 1920-х годах Сталин все еще не обращал внимания на свой авторитет в сфере культуры. Кто-нибудь вроде Троцкого, с его знанием языков, начитанностью и сообразительностью, мог легко посмеяться над ним как над невеждой. Смеяться, однако, явно не стоило. Сталин был неутомимым читателем, его ежедневной нормой было примерно пятьсот страниц; круг его чтения охватывал историю, социологию, экономику и русскую литературу — классическую и современную, а также современные дела. Он следил за периодической печатью на русском языке (как за местной, так и за эмигрантской) и получал переводы важных публикаций на европей-

61. David-Fox, *Showcasing*, p. 262–268.

ских языках. Он часто ходил в оперу и в драматический театр. Хотя после смерти Кирова службы безопасности потребовали, чтобы он ограничился посещением только Большого, Малого и Московского художественного театров, ранее он позволял себе приключения, например, посетил концерт Персимфанс — первого оркестра без дирижера (идея ему не очень понравилась: оркестрам, как политическим командам, нужен лидер).

Сталин совершил пробную атаку на искусство во второй половине 1920-х годов, когда начал поощрять молодых активистов из Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) и аспирантов Коммунистической академии общественных наук, которые собирались бросить вызов «буржуазным» культурным и академическим институтам. Это кончилось плохо. Лидер РАПП Леопольд Авербах, молодой еврейский (непролетарский) коммунист, женатый на родственнице руководителя органов госбезопасности Ягоды, раздражал Сталина тем, что играл в политику и не сумел стать его личным учеником⁶². Молодой индийский деятель Коминтерна М.Н. Рой, которого Сталин избрал в качестве участника своей личной группы экспертов по внешней политике, потерпев крах, покинул Москву и в конечном счете Коминтерн на фоне взаимного разочарования⁶³. Что касается аспирантов Института красной профессуры и Коммунистической академии, то Сталин принял неудачное решение послать туда неинтеллигентного Кагановича, который проигрывал своему оппоненту (Бухарину)⁶⁴.

62. Fitzpatrick, *Cultural Front*, p. 104–106; Михаил Ильинский, *Нарком Ягода* (Москва: Вече, 2005), с. 450; «Счастье литературы». *Государство и писатели, 1925–1938 (Документы)*, (Москва: РОССПЭН, 1997), с. 130–132 (резолюция Политбюро от 23 апреля 1932).

63. M. N. Roy, *M. N. Roy's Memoirs* (Bombay: Allied Publishers, 1964), p. 538.

64. Евгений Евсеев, *Каганович* (Москва: Яуза, 2005), с. 97, 101–102.

В апреле 1932 года Политбюро закрыло РАПП и другие пролетарские культурные организации, что вызвало вздох облегчения в мире культуры, над которым они безжалостно издевались. Это было началом новой эры в отношениях партии с интеллигенцией. Нападки на Большой театр (оплот художественного консерватизма, но также и национальная икона) были прекращены. Привилегии «специалистам» были восстановлены и расширены. В Переделкине под Москвой построили новый дачный поселок для писателей, причем не только для коммунистов, дачу дали и Борису Пастернаку.

К середине 1930-х годов Сталина в команде по праву считали самым эрудированным, культурным и умным ее членом. Его особый интерес к вопросам культуры отразился в том, за что он взялся отвечать в Политбюро в середине 1930-х годов: другим он предоставил следить за сельским хозяйством, финансами, промышленностью, железными дорогами и т. д., но под своим непосредственным контролем оставил такие сферы, как государственная безопасность и культура. Однако он все еще нащупывал свой путь в культурной сфере. Попытка утвердить теоретическое превосходство в науке, организованная Кагановичем в 1931 году, оставила кислую ноту: на молодых коммунистических интеллектуалов сталинское «Письмо к редактору „Пролетарской революции“» не произвело впечатления, а другие ученые, которых заставили проводить официальные обсуждения этого бессмысленного (для них) документа, отнеслись к нему с насмешкой⁶⁵.

Каганович, несмотря на свою непригодность для этой задачи, по-прежнему был на переднем плане и в следующем культурном предприя-

65. Katerina Clark and Evgeny Dobrenko, *Soviet Culture and Power* (New Haven: Yale University Press, 2007), p. 141; Tucker, *Stalin in Power*, p. 151–159.

тии Сталина: организации шумихи по поводу возвращения известного русского писателя Максима Горького в Советский Союз в конце 1920-х годов. Горький хотя был близок к Ленину и другим большевистским лидерам с 1910-х годов и происходил из простого народа, был энергичным защитником старой интеллигенции от преследований ЧК в годы Гражданской войны, и это, наряду с его слабым здоровьем по причине туберкулеза, привело к тому, что он уехал и в течение большей части 1920-х годов проживал на Капри, в неоднозначном, не совсем эмигрантском статусе. Но Горький всегда хотел вернуться, при условии, что ему дадут определенные гарантии. И вот в конце 1920-х годов Сталин сумел заставить его сделать это. Горький получил огромные привилегии и льготы, в том числе отдельный дом в центре Москвы (бывший особняк Рябушинского в стиле модерн, выбранный лично Сталиным), дачи в Крыму и в Подмосковье, но самым лестным предложением была дружба Сталина и неограниченный доступ к нему. В 1932 году Сталин и его команда были озабочены многим, в том числе надвигающимся голодом, проблемами промышленного строительства, массовым бегством из сельской местности и острой нехваткой продовольствия в городах. Однако в разгар всех этих кризисов Сталин, Каганович и Ворошилов много дней и часов проводили с Горьким, они знакомились друг с другом и беседовали о том, как организовать новый объединенный Союз писателей.

С благословения Сталина Горький стал представителем Советского Союза по культурным вопросам на международной арене, а внутри страны — представителем интеллигенции, особенно ее некоммунистической части. Он был де-факто защитником деятелей культуры, подпадавших под политические обвинения, а также, к раздражению Сталина, поддерживал контакты со старыми друзьями-коммунистами, которые оказались в оппозиции. Все

более критично относясь к сталинскому режиму и не имея возможности выехать за границу, Горький начал чувствовать себя узником, хотя и весьма привилегированным. Дружба со Сталиным, Кагановичем и Ворошиловым, похоже, длилась недолго: что касается Сталина и Горького, разочарование было взаимным⁶⁶. Дополнительный раздражитель, с точки зрения Сталина, заключался в том, что человек, которому было поручено присматривать за Горьким на самом высоком уровне — глава органов безопасности Ягода, знавший Горького с юности и бывший ему почти родственником, — влюбился в невестку Горького Тимошу, которая вместе с сыном и внучкой Горького Марфой Пешковой была частью большой семьи писателя⁶⁷. Маленькая Марфа, единственная из семьи Горьких, оказалась ближе всего к Сталину благодаря тому, что стала подругой детства дочери Сталина Светланы. Горького возвышали и чествовали до его смерти в 1936 году, а затем в Советском Союзе он был канонизирован, но во время Большого террора последовал ужасный постскрипtum, когда Ягodu, которого теперь называли преступником, обвинили в убийстве сына Горького (и мужа Тимоши) Максима Пешкова, распушенного человека, умершего в мае 1934 года, вероятно, в результате запоя⁶⁸.

С Горьким Сталин в некотором смысле заключил субконтракт, передав ему функцию покровителя культуры, сам же в 1930-х годах предпочитал оставаться в стороне, быть человеком-загадкой, о встрече с которым писатели буквально мечтали⁶⁹, инициатором неожиданных телефонных звонков

66. Ilinskii, *Narkom Iagoda*, p. 83; Gromov, *Stalin*, p. 151–154.

67. Ильинский, *Нарком Ягода*, с. 366–373, 385–388; Виталий Шенталинский, *Рабы свободы* (Москва: Парус, 1995), с. 339–346.

68. Шенталинский, *Рабы*, с. 355–358.

69. *Власть и художественная интеллигенция*, сравн. Андрей Артизов и Олег Наумов (Москва: Международный фонд «Демократия», 1999), с. 529; Шенталинский, *Рабы*, с. 120.

писателям, имевшим репутацию среди интеллигенции, таким как Михаил Булгаков и Борис Пастернак. Эти звонки быстро становились легендой. НКВД, которое следило за тем, как народ воспринимал эти телефонные звонки, сообщало, что это работало прекрасно: после того как Сталин позвонил Булгакову, драматургу, чье творчество было подвергнуто политической критике и который сам был под подозрением, по Москве сразу же распространилась новость, что Сталин «дал пощечину» негодьям, которые преследовали Булгакова, а в кругах интеллигенции теперь говорили о Сталине «тепло и с любовью». Звонок Пастернаку несколько лет спустя имел такой же успех с точки зрения Сталина, но не с точки зрения Пастернака: когда Сталин спросил его, действительно ли Осип Мандельштам, который подвергался преследованиям из-за его политических взглядов, включая резкое сатирическое стихотворение о Сталине, действительно ли он великий поэт, Пастернак, который не любил признавать величие кого-либо кроме себя, замешкался с ответом, Сталин упрекнул его в том, что он не заступился за товарища⁷⁰.

Хотя Сталин считал ниже своего достоинства оказывать покровительство отдельным писателям и художникам, остальная часть команды активно занималась покровительством, этим же увлекались различные военные и огэпэушные начальники рангом пониже. Патрон-клиентские отношения, включавшие личные и зачастую общественные связи, приносили покровителю культурный престиж. Клиенту это обеспечивало защиту от ОГПУ, цензуры и других несчастий, помощь в организации публикаций, выставок или выступлений и получение льгот, таких как дачи, квартиры и, если очень

70. Шенталинский, *Рабы свободы*, с. 124, 239; Nadezhda Mandelstam, *Hope against Hope* (New York: Modern Library, 1999), p. 147.

повезет, автомобили с шофером и поездки за границу. К середине 1930-х годов было трудно найти члена команды, за исключением Сталина, который не был бы покровителем, к которому определенные писатели, художники, театральные деятели, музыканты и ученые при необходимости могли обратиться, и одновременно трудно было найти члена культурного истеблишмента (коммунистического или некоммунистического), у которого не было связей на самом высоком уровне (хотя они могли быть не прямыми, а через Горького или другого посредника). Ворошилов, начавший меценатствовать раньше других, проявлял искренний энтузиазм, у него была когорта своих деятелей искусства, особенно художников, некоторые из них стали не только его клиентами, но и друзьями. Он также был покровителем музыкального мира, особенно артистов Большого театра, а также начинающего молодого композитора Шостаковича, который познакомился с ним в начале своей карьеры. Молотов считал, что Ворошилов слишком дружит со своими художниками, и утверждал, что и Сталин тоже так думал. Но и сам Молотов оказывал покровительство, хотя обычно без личных привязанностей, как у Ворошилова или Рудзутака: его правительственный почтовый ящик был полон запросов о помощи от писателей, художников, ученых, и он делал все возможное, чтобы ответить на их просьбы.

Калинин, Андреев, Жданов, Хрущев, Киров, Берия и Маленков имели свою клиентелу в художественном, литературном и научном мире. Ворошилов, Рудзук и Куйбышев любили общаться со своими подопечными. Даже Каганович, который был загружен больше других членов команды и меньше всего интересовался искусством, пошел на спектакль театрального режиссера-авангардиста Всеволода Мейерхольда по билету, который Мейерхольд послал ему. У Кагановича были свои подопечные среди интеллигенции, к тому же он был

покровителем Союза архитекторов. Два щедрых и доступных кавказца, Микоян и Орджоникидзе, были покровителями для многих; Микоян, естественно, для армян, Орджоникидзе для грузин, а также для инженеров. Когда молодой Николай Ежов начал быстрое восхождение, которое сделало его главой органов госбезопасности и организатором Большого террора в 1937 году, он и его жена, которая любила литературу, с большим успехом выступили в роли покровителей: среди их подопечных был писатель Исаак Бабель, а вот поэт Мандельштам в 1930 году отказался от помощи Евгении Ежовой, приняв политически ошибочное решение остаться в окружении Бухарина⁷¹.

71. Sheila Fitzpatrick, "Intelligentsia and Power: Client-Patron Relations in Stalin's Russia", in Manfred Hildermeier, ed., *Stalinismus vor dem zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung / Stalinism before the Second World War; New Avenues of Research* (Munich: Oldenbourg, 1998), p. 35–53, and in Fitzpatrick, *Tear Off the Masks!*; Дмитрий Шостакович, *Письма И. И. Солертинскому* (СПб, 2006), с. 155–156; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 314–315; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Last Testament*, p. 74 (Ворошилов); *Счастье литературы*, с. 273–275; РГАСПИ, 85/28/77 (Калинин); «Литературный фронт»: история политической цензуры (Москва: Энциклопедия российских деревень, 1994), с. 27 (Андреев); ЦГАИПД (Центральный государственный архив историко-политической документации Санкт-Петербурга), 24/2v/2679, лл. 28–30; Алексей Волынец, *Жданов* (Москва: Молодая гвардия, 2013), с. 101, 167, 433, 528–529 (Жданов); Taubman, *Khrushchev*, p. 128–132 (Хрущев); *Наш Мироньч*, с. 394–396; *Были индустриальные: очерки и воспоминания*, 2-е изд. (Москва: Издательство политической литературы, 1973), с. 35 (Жиров); Серго Берия, *Мой отец: Лаврентий Берия* (Москва: Современник, 1994), с. 36, 343 (Берия); А. Г. Маленков, *О моем отце*, с. 25 (Маленков); Ю. Елагин, *Укрощение искусств* (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952), с. 217 (Рудзутак); Гронский, *Из прошлого. Воспоминания*, с. 259–260 (Куйбышев); Виктор Фрадкин, *Дело Кольцова* (Москва: Вагриус, 2002), с. 245; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 105–106; Rees, *Iron Lazar*, p. 138 (Каганович); Fitzpatrick, "Intelligentsia and Power," p. 39–43 (Молотов); Elena Bonner, *Mothers and Daughters* (New York: Vintage Books, 1993), p. 123–124; «Литературный фронт», с. 15–16; А. И. Ми-

Сближение советских политических лидеров и сливок интеллигенции в 1930-х годах только начиналось, в 1940-х, когда подросшие дети членов команды стали разделять интересы интеллигенции, а во многих случаях сделали творческий труд своей профессией, это сближение пошло еще быстрее. Пока же границы этой близости только обозначались, испытательным полем стали литературные и художественные салоны. Такой салон создала журналистка Евгения Ежова; среди его постоянных посетителей были ее бывший любовник Исаак Бабель и король джаза Леонид Утесов (но не ее муж Николай Ежов, глава НКВД). Другой салон принадлежал Ольге Михайловой, оперной певице из Большого театра, которая была второй женой героя Гражданской войны маршала Семена Буденного. Ольга Бубнова, жена старого большевика Андрея Бубнова, давнего друга Ворошилова и Куйбышева, была одной из двух хозяек салона, в котором в середине 1930-х годов проводились регулярные встречи по средам и пятницам. Там высокопоставленные партийцы и военные общались со знаменитостями из мира искусств. Второй хозяйкой была Галина Егорова, кинозвезда, жена маршала Егорова, с которой Сталин якобы флиртовал в вечер смерти своей жены. Несмотря на эту связь, маловероятно, чтобы Сталин там бывал: ни он, ни члены команды литературные салоны не любили⁷². Во время Большого террора основная часть завсегдатаев салона, как политиков, так и художников, были арестованы, в том числе Ольга Михайлова (хотя ее муж, Буденный, оставался на свободе), а также Бубновы и Егоровы. Ежова покончила жизнь самоубийством в 1938 году,

коян, *Так было*, с. 631–634 (Микоян); РГАСПИ, ф. 85, письма грузин; *Были индустриальные*, с. 12, 17, 189–195 (Орджоникидзе); Надежда Мандельштам, *Воспоминания* (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970), с. 119–120 (Ежов).

72. Шенталинский, *Рабы*, с. 59–50, 62–63, 66–67; Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, 17, p. 121; Васильева, *Кремлевские жены*, с. 97–112.

поскольку судьба ее мужа оказалась под угрозой и стало ясно, что ей самой грозит арест⁷³.

«Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее». Этот новый лозунг середины 1930-х годов объявлял, что страдания и трудности периода первой пятилетки остались в прошлом⁷⁴. Символом будущей хорошей жизни стал московский метрополитен, первые линии которого были построены под руководством Кагановича и Хрущева и торжественно открыты в 1935 году. Это было редкое исключение — обычно все имеющиеся ресурсы члены команды использовали для тяжелой промышленности и обороны. Сталин и несколько членов его семьи вместе с Кагановичем и Молотовым однажды ночью за несколько недель до официального открытия спонтанно поехали покататься на метро⁷⁵. Новогодние елки, ранее запрещенные как буржуазный пережиток, благодаря инициативе Павла Постышева вернулись⁷⁶. Растущая парфюмерная промышленность Полины Жемчужиной предлагала женщинам новые марки: «Красная Москва», «Красная Звезда» и «Новая Заря»⁷⁷. Мужчины тоже принарядились. Вернувшись из поездки по Америке, Микоян снял форму времен Гражданской войны и начал носить костюмы в западном стиле. Сталин, по об-

73. Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 166–171 (русское издание: Н. Петров, М. Янсен, «Сталинский питомец» — Николай Ежов, с. 186–190); *Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «СМЕРШ»* (Москва: Международный фонд «Демократия», 2006), с. 71.

74. Сталин, *Сочинения*, ed. McNeal, vol. 1 (14), p. 106 (речь от 1 декабря 1935).

75. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 64–70; *Иосиф Сталин в объятиях семьи*, с. 173–175.

76. *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes* (Boston: Little, Brown, 1990), p. 31–32; <http://atz-box.ru/stati/aznaete-li-vy/1428-istoriia-novogodnei-elki.html>

77. Jukka Gronow, *Caviar with Champagne: Common Luxury and the Ideals of the Good Life in Stalin's Russia* (Oxford: Berg, 2003), p. 56–60; А. И. Микоян, *Так было*, с. 298–299.

щему признанию, был неисправим, до конца жизни он предпочитал носить свой военный китель и сапоги. Тем не менее и он присоединился к остальным, когда все позировали для фотографии, появившейся на первой странице московской газеты в июле 1935 года, там члены команды были в шикарных новых белых летних куртках⁷⁸. Лучше всего было то, что после многих лет нехватки продовольствия, благодаря Микояну и его поездке в Америку, сосиски, мороженое и даже шампанское стали доступны советским потребителям. Заново открылся бывший продуктовый магазин купца Елисеева на улице Горького в Москве, в нем был волшебный ассортимент деликатесов, по общему признанию дорогих, в том числе тридцать восемь сортов колбас, пятьдесят видов хлеба и свежие карп, лещ и щука, плавающие в аквариумах⁷⁹.

Этот новый культурный сдвиг, который такие критики, как находившийся в эмиграции Троцкий, называли обуржуазиванием и «советским термидором»⁸⁰, нравился и элите, и простым гражданам. Но надежда на то, что жизнь действительно станет лучше с наступлением изобилия и прекращением террора, оказалась миражом. В то время как советские средства массовой информации готовились к кампании «радостной жизни» и отмене карточек на хлеб, действовавших в городах с конца 1920-х годов, произошла катастрофа. Дата отмены нормирования была 1 января 1935 года⁸¹. Всего месяцем

78. С. Микоян, *Воспоминания*, с. 25; *Труд*, 2 июля 1935, с. 1.

79. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism*, p. 90–91 (русское издание: Ш. Фицпатрик, *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город* (Москва: РОССПЭН, 2001)).

80. Leon Trotsky, *The Revolution Betrayed* (London: New Park Publications, 1967), p. 86–114.

81. Khlevniuk, *Master*, p. 111 (русское издание: О. Хлевнюк, *Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры* (Москва: РОССПЭН, 2010)).

ранее, 1 декабря 1934 года, в штабе ленинградской партийной организации террористом-одиночкой был убит Киров. Мотивом, вероятно, была личная обида, но после этого убийства надежда на скорое прекращение террора исчезла.

Убийство Кирова, как и убийство Кеннеди в Соединенных Штатах тридцать лет спустя, породило бесконечные теории заговора, несмотря на тот факт, что настоящим убийцей был одиночка, которого сразу задержали. Хотя многие хотели бы верить в то, что за этим стоял Сталин, никаких убедительных доказательств его причастности найдено не было, притом что найти исчерпывающее доказательство его невмешательства также, естественно, невозможно. Слухи о причастности Сталина возникли сразу же, как это всегда бывает, когда неожиданно умирает выдающийся человек. Команда, судя по более поздним свидетельствам, в то время не верила слухам, хотя в дальнейшем некоторые из ее членов изменили свое мнение. Дочь Сталина Светлана, хотя впоследствии была враждебно настроена по отношению к отцу, никогда не относилась к этим слухам всерьез: и она, и Молотов понимали, что Сталин был привязан к Кирову, который ему ничем не угрожал, и его смерть, последовавшая всего через несколько лет после смерти Надежды Аллилуевой, была для Сталина тяжелым ударом. Услышав эту новость, Сталин кинулся в Ленинград вместе с Молотовым и Ворошиловым, оставив Кагановича присматривать за хозяйством в Москве, и лично участвовал в допросе убийцы — Леонида Николаева⁸².

Какой бы ни была первоначальная роль Сталина, нет сомнений в том, что он быстро воспользовал-

82. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 108; Чуев, *Сто сорок бесед*, 310; Lenoe, *Kirov Murder*, p. 251–262; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 24; А. И. Микоян, *Так было*, с. 589–596.

ся возможностью свести счеты со своими противниками. По словам Молотова, Николаев признался, что был последователем Зиновьева и был зол на свое исключение из партии, но Молотов считал его просто «озлобленным человеком», а не «настоящим зиновьевцем»⁸³. (На самом деле любой ленинградский член партии в середине 1920-х годов был в некотором смысле зиновьевцем, поскольку Зиновьев руководил ленинградской партийной организацией.) Но Сталин принял пас и двинулся вперед, приказав местному НКВД искать сообщников убийцы среди зиновьевцев⁸⁴. Поначалу в НКВД были не в восторге от этого поручения, но за десять дней тем не менее получили на допросах показания, подтверждавшие существование террористического «московского центра» во главе с Зиновьевым и Каменевым. Зиновьев и множество оппозиционеров, которые не имели никакого отношения к убийце, но были признаны виновными в том, что отравляли воздух своим существованием, были арестованы за терроризм. По тому же принципу более десяти тысяч бывших дворян и других «классовых врагов» были арестованы или поспешно высла- ны из Ленинграда. Молодой Николай Ежов из ЦК, уже заслуживший доверие Сталина, поехал с ним в Ленинград и организовал от имени Сталина атаку на оппозицию; в течение месяца он составил список из примерно 2500 бывших зиновьевцев в Ленинграде, 238 из которых были немедленно арестованы⁸⁵. На закрытом судебном заседании Николаев признал себя виновным и в конце декабря был казнен⁸⁶. В Москве были арестованы Зиновьев, Каменев и другие, связанные с ними лица, и следователи

83. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 310.

84. Lenoë, *The Kirov Murder*, p. 281.

85. Khlevniuk, *Master*, p. 130; J. Arch Getty and Oleg V. Naumov, *Yezhov* (New Haven: Yale University Press, 2008), p. 139, 143.

86. Lenoë, *Kirov Murder*, p. 358, 370.

сделали все возможное, чтобы найти доказательства их непосредственной причастности, но оба лидера признали только то, что их оппозиционная деятельность могла создать атмосферу, побуждающую других действовать. На суде в середине января 1935 года Зиновьев был приговорен к десяти годам лишения свободы, а Каменев — к шести⁸⁷.

Во время своих поездок в Москву Киров часто останавливался у Сталина, он провел в Сочи со Сталиным и Светланой часть своего последнего лета⁸⁸. После смерти Надежды Аллилуевой, по словам сентиментальной невестки Сталина, Киров больше всех его утешал: «сумел подойти к И[осифу] сердечно, просто и дать ему недостающее тепло и уют». После смерти Кирова, разговаривая со своим зятем Павлом Аллилуевым, Сталин сказал: «Осиротел я совсем»⁸⁹. В свой день рождения, который отмечался несколько недель спустя и на котором присутствовали члены команды, первый тост (от Орджоникидзе) был в память о Кирове, и позже, когда Сталин предложил тост за Надежду, «у него было лицо, полное страдания». Но после скорбного молчания каждый раз вечеринка возобновлялась и даже становилась довольно шумной⁹⁰.

Не все оплакивали Кирова. В провинции гулял маленький противный стишок со словами: «Убили Кирова — убьем и Сталина»⁹¹. У Сталина были причины нервничать, хотя его подозрения приобретали параноидальный характер. Он чувствовал, что вокруг были враги, что особенно опасно —

87. Lenoe, *Kirov Murder*, p. 377–379; Getty and Naumov, *Yezhov*, p. 159.

88. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 108; Service, *Stalin*, p. 294.

89. *Иосиф Сталин в объятиях семьи*, с. 168 (дневник Марии Сванидзе, запись от 5 декабря 1934).

90. Там же, с. 169–170 (дневник Марии Сванидзе, запись от 23 декабря 1934).

91. Fitzpatrick, *Stalin's Peasants*, p. 290–293.

скрытые. Вскоре после смерти Кирова слышали, как Сталин говорил: «Заметили, сколько их [дежурных от НКВД] там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если вот этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо. Вот так идешь мимо них по коридору и думаешь»⁹².

92. *Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи*, с. 361 (цит. адмирал И. С. Исаков).

ГЛАВА 5

Большой террор

В ПОЛИТИЧЕСКОЙ идее генеральной чистки «было что-то великое и дерзкое», это была «всемирно-историческая миссия», в которой индивидуальная вина и невиновность были несущественны. Этот комментарий исходил не от кого-нибудь, а от Бухарина, который вскоре сам стал одной из жертв репрессий¹. Возможно, на самом деле он так не думал, в конце концов, он написал одно из своих многочисленных обращений к Сталину, но он полагал, что Сталин и его команда воспринимают это именно так, что само по себе важно. Бухарин не был уверен, судя по его письму, состояла ли цель (по крайней мере, по мысли Сталина) в том, чтобы нанести упреждающий удар в свете неизбежности войны, или это была «демократическая» инициатива с целью помочь простым людям избавиться от недостойных функционеров разных уровней. Позже Молотов выбрал аргумент о «неизбежности войны», который с тех пор стали повторять историки, несмотря на то что он был чем-то вроде отговорки. Молотов также утверждал, что без больших чисток Советский Союз проиграл бы Вторую мировую войну. Ему был известен противоположный аргумент, что именно из-за варварских репрессий среди военных Советский Союз поначалу так плохо воевал, но Молотов имел в виду нечто дру-

1. «Прости меня, Коба», *Источник*, 1993, № 0, с. 23–24 (Бухарин Сталину, 10 декабря 1937 года).

гое, а именно, что вследствие политических репрессий «во время войны у нас не было пятой колонны». Кто составлял эту потенциальную пятую колонну? Молотов, как можно было бы ожидать, не стал указывать на недовольных и пострадавших граждан, которых было много в результате коллективизации и политического террора. Вместо этого он сосредоточился на кажущихся лояльными членах партии: «Ведь даже среди большевиков были и есть такие, которые хороши и преданны, когда все хорошо, когда стране и партии не грозит опасность. Но если начнется что-нибудь, они дрогнут, переметнутся»².

У нас никогда не будет однозначного ответа на вопрос, для чего предназначался Большой террор. С некоторой уверенностью можно сказать, что в той степени, в которой существовало твердое политическое намерение, это было намерение Сталина. Команда пошла за ним, по крайней мере, Молотов был искренне убежден в необходимости этого, но члены команды были лишь исполнителями (и потенциальными жертвами), а не инициаторами. Они были напуганы, как и вся остальная советская политическая элита. Но, как и в случае с коллективизацией, в команде была определенная степень восхищения смелостью Сталина. Кто бы еще мог подумать о создании чего-то такого огромного, драматичного и рискованного? Как справедливо говорил впоследствии Молотов, такое мог предложить только Сталин³.

Для команды Большой террор был последним эпизодом в истории партийной борьбы, которая началась с революции и Гражданской войны и продолжилась в годы коллективизации. Они были членами революционной партии, а революционеры должны бороться с врагами. На этот раз вра-

2. Чуев, *Молотов*, с. 464.

3. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 395.

ги были как внутри партии, так и за ее пределами, и это также создало значительный прецедент: команда Сталина провела почти десятилетие, сражаясь с фракциями. Каганович совершил нехарактерный для него экскурс в историю, чтобы объяснить интервьюеру в начале 1990-х годов, почему было необходимо столь радикально очистить партию: существовала опасность Термидора, жертвами которого в годы Французской революции стали Робеспьер и якобинцы. Фракционным врагом якобинцев были жирондисты, от них избавились с помощью террора, французского революционного эквивалента больших чисток. Но им не удалось разобраться с «болотом», то есть с колеблющимся большинством делегатов революционного конвента. «„Болото“, которое вчера аплодировало Робеспьеру, сегодня его предало. Уроки истории нельзя забывать», и даже те, кто когда-то были настоящими революционерами, «связаны с „болотом“ многими нитями, как семейными, так и не семейными». Большой террор, другими словами, был радикальным способом осушить «болото»⁴.

Вопрос о том, могли ли в репрессиях пострадать невинные люди, не интересовал Молотова и Кагановича. Сорок или пятьдесят лет спустя они говорили: конечно, такое случалось; иначе и быть не может («нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца»). Когда Молотов вспоминал отдельные случаи, например, дело его бывшего соратника по команде Рудзутака, он признавал, что, хотя они, возможно, и не были виноваты в том, в чем их обвиняли, то есть не были шпионами и диверсантами, у них в груди больше не было революционного огня. Выражаясь языком 1920-х годов, они «переродились».

Светлана Аллилуева вспоминала, что ее отец все это время был дома в плохом, раздраженном на-

4. Г. А. Куманев, *Рядом со Сталиным* (Москва: Былина, 1999), с. 78 (интервью 1991 года).

строении⁵. Наверняка, так и было. Тем не менее когда читаешь архивные записи о том, как он работал в своем кабинете — неустанно изучая материалы о «врагах», сохраняя некоторые дела в категории «ожидających решения», быстро отклоняя просьбы, подписывая смертные приговоры, — испытываешь волнение, даже восторг, видя его твердую подпись, быстрые и четкие решения, отсутствие каких-либо колебаний или сомнений. Он был на войне и наконец сразился с врагами в открытом бою. Остальные члены команды не могли с этим справиться, хотя Молотов и Каганович сделали все возможное. Во время Большого террора страх испытывал каждый, но были разные виды страха. Внутри политической элиты, но ниже уровня членов команды, это был прежде всего страх стать жертвой новой волны репрессий. Что касается Сталина, его главный страх должен был состоять в том, что все это развалится или обратится против него. В остальной части команды, одновременно преступников и потенциальных жертв, присутствовали оба вида страха.

Насколько можно судить, убийство Кирова послужило спусковым крючком. Именно оно дало Сталину возможность свести счеты со старой левой оппозицией, и миссия человека, который выполнял эту задачу, заключалась в том, чтобы стать великим палачом, пока он сам не будет казнен. Николай Ежов, молодой человек, из-за своего очень низкого роста чем-то похожий на мальчишку, работал в аппарате ЦК с конца 1920-х годов, был протеже Кагановича, а затем стал любимцем Сталина⁶. У него было очень слабое здоровье — врачи диагностировали туберкулез, миастению, неврастению, анемию, недоедание, стенокардию, псориаз и иши-

5. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 149.

6. Соловьев, «Тетради», *Неизвестная Россия*, т. 4, с. 178; *Сталин и Каганович*, с. 702; *Сталинское Политбюро*, с. 148, 152.

ас — так что удивительно, что он вообще мог справиться со своей рабочей нагрузкой еще до того, как стал палачом. Изначально все в команде любили его; никто не чувствовал угрозы. «Отзывчивый, гуманный, мягкий и тактичный», — так говорили бывшие коллеги из провинции; в глазах Молотова он был хорошим работником, хотя, возможно, «слишком старался», потому что находился под сильным давлением со стороны Сталина. Бухарин считал его «честным», и даже жена поэта Надежда Мандельштам находила его «скромным и довольно покладистым человеком»⁷.

Стремительный взлет Ежова начался, когда Сталин поручил ему найти (или изобрести) связь Зиновьева и Каменева с убийством Кирова. Назначенный секретарем ЦК в начале 1935 года, он бывал в кабинете Сталина и почти так же часто говорил о вопросах государственной безопасности, как Ягода, на чью территорию он, по воле Сталина, посягал задолго до того, как сменил его на посту наркома внутренних дел в сентябре 1936 года. Его задача состояла в том, чтобы разобраться с «троцкистско-зиновьевским блоком», чего Ягода не смог сделать эффективно. Судебный процесс над Зиновьевым и Каменевым в 1935 году не привел к полному признанию или максимальному наказанию, и одна из первых задач Ежова состояла в том, чтобы исправить это на повторном процессе 1936 года, первом из трех крупных публичных действий, известных как московские показательные процессы. На важность работы Ежова указывает то, что 12 октября 1937 года он стал кандидатом в члены Политбюро. В 1937 году он был вторым после Молотова по ча-

7. Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 19–20 (Н. Петров, М. Янсен. «Сталинский питомец» — Николай Ежов, с. 31); Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 438; Анна Ларина-Бухарина, *Незабываемое* (Москва: АПН, 1989), с. 269–270; Мандельштам, *Воспоминания*, с. 119–120.

стоте посещений кабинета Сталина⁸. Казахский бард Джамбул посвятил ему оду: «огонь, опаливший змеиные гнезда»⁹.

После убийства Кирова следующим потрясением стало дело против Авеля Енукидзе, старого друга и товарища многих членов команды, включая Сталина, которого он называл Сосо. На похоронах Надежды Аллилуевой Енукидзе успокаивал шестилетнюю Светлану, качая ее на коленях; впоследствии он в числе группы близких друзей отмечал пятидесятипятiletний юбилей Сталина. Возможно, он также пытался защитить Зиновьева и Каменева и спасти их от ареста после убийства Кирова.

Енукидзе работал под непосредственным руководством Калинина в Верховном Совете, который находился в Кремле. Его обвинили в потере бдительности за то, что он позволил «классовым врагам» работать в своей организации, иногда даже лично защищал их. Он, действительно, был замечательным покровителем: без излишнего шума делал все, что мог, с негласного одобрения Калинина, чтобы защитить людей, имевших дворянское происхождение, подвергавшихся преследованиям во время культурной революции. Енукидзе пользовался репутацией мягкого человека. Но, вероятно, главным фактором было не это, а то, что в свете случившегося в штабе Кирова в Ленинграде он не проявил достаточно бдительности в Кремле. В беседе с французским писателем Роменом Ролланом Сталин в ярких красках описал грозящую опасность: «наши враги» нанимали библиотечарш сомнительного социального происхождения, чтобы они отравили членов команды. Говоря о борь-

8. Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 25, 54; Getty, *Yezhov*, p. 204; Сталин и Каганович, с. 682–683; Сталинское Политбюро, с. 159.

9. Джамбул, «Нарком Ежов», *Правда*, 3 декабря 1927, с. 2.

бе против Термидора, которую он вел совместно с Молотовым и Кагановичем, приводил Енукидзе в качестве примера члена партии, который считает, что теперь «можно расслабиться: поскольку мы одержали великую победу и наша страна движется вперед, они теперь позволяют себе передохнуть, подремать»¹⁰. Никто не должен думать, что можно расслабиться.

Очень кстати оказалось, что несколько родственников Каменева, включая зятя и бывшую жену его брата, были сотрудниками Енукидзе в Кремле¹¹. Всего в рамках так называемого кремлевского дела было арестовано 110 сотрудников кремлевской администрации (включая родственников Каменева); их обвинили в том, что они организовали группу, которая ставила целью совершить покушения на государственных служащих и получала «террористические инструкции» от Зиновьева и Каменева. Позднее в эту группу включили и первую жену Каменева Ольгу, которая была сестрой Троцкого¹².

Сталин, похоже, не мог решить, что делать с Енукидзе, хотя, может быть, за этой нерешительностью скрывалась его обычная осторожность: Енукидзе был популярен, и команде нужно было время, чтобы осознать, что он полностью дискредитирован. Спустя месяцы после начала обвинений Калинин все еще пытался найти какой-то компромисс, а Орджоникидзе, к раздражению Сталина, продолжал относиться к Енукидзе как к другу. Посланный в Кисловодск в качестве представителя

10. Рой А. Медведев, *Что читал Сталин?* (Москва: Права человека, 2005), с. 144; Getty and Naumov, *Yezhov*, p. 163.

11. Зенкович, *Самые секретные*, с. 178.

12. РГАСПИ, 558/11/728, лл. 52–66 (переписка со Сталиным); Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 88; Edvard Radzinsky, *Stalin* (New York: Doubleday, 1996), p. 331; Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 33–34; Getty and Naumov, *Yezhov*, p. 159, 161–162; РГАСПИ, 17/2/542, лл. 81, 83 (список арестованных).

Верховного Совета, Енукидзе раздражал местных деятелей тем, что изображал из себя великого человека и рассказывал о своем скором восстановлении и возвращении в Москву. Сталин решил, что его нужно перевести куда-нибудь в менее заметное место, и 11 сентября Политбюро отправило его в Харьков — возглавлять автотранспортное управление. Новое назначение явно не нравилось Енукидзе, и потребовалось несколько недель, чтобы убедить его покинуть Кисловодск. Тем не менее это было политическим концом Енукидзе, несмотря на то что в июне 1936 года Сталин и Молотов без особого энтузиазма предложили восстановить его в партии¹³. Он был арестован спустя несколько месяцев и казнен в 1937 году, а в 1938 году по-смертно назван в третьем московском показательном процессе правым уклонистом и соучастником Бухарина и Ягоды¹⁴.

Летом 1936 года Каменев и Зиновьев были привлечены к суду во второй раз и признались в причастности к убийству Кирова и множестве других террористических планов, все с подробными и драматическими сценариями. Все это широко освещалось в прессе. Они были приговорены к смертной казни и казнены. Это, конечно, был Рубикон. До этого момента существовало табу на убийство побежденных противников из числа членов партии; теперь это табу было нарушено. Действительно, через несколько месяцев его нарушили еще раз — ради того, кто был намного ближе к команде, чем любой оппозиционер, — Енукидзе. В мемуарах члены команды ничего не рассказа-

13. *Сталин и Каганович*, с. 557–558, 580, 583; РГАСПИ, 558/11/89; *Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): повестки*, с. 695; Getty, *Yezhov*, p. 164–165.

14. Khlevniuk, *Master*, p. 145, 148; Robert Conquest, *The Great Terror* (Harmondsworth: Penguin, 1971), p. 514, 549; Gregory, *Politics, Murder*, p. 127–128.

ли о своей реакции, но трудно поверить, чтобы Молотов, по крайней мере, был рад. В это время по причинам, которые остаются неясными, Молотов был в немилости у Сталина и страдал от унижения, поскольку его не называли целью убийства в предполагаемых заговорах Зиновьева и Каменева, хотя остальные члены команды были в списке. Эта несправедливость была исправлена на втором московском процессе через шесть месяцев, когда Молотов оказался на своем месте в качестве главной мишени, что указывает на то, что прежний разлад был преодолен. На самом деле это предполагаемое отчуждение не могло длиться дольше, чем шестинедельный отпуск, который Сталин и Молотов взяли летом 1936 года, так как и до и после отпуска Молотов был, как обычно, самым частым посетителем Сталина. Это был один из тех маленьких пинков, которые Сталин любил раздавать членами команды, чтобы держать их в напряжении. Когда такой пинок доставался Молотову, то он, со своим бесстрастным выражением лица, редко давал Сталину удовольствие увидеть, что растерялся¹⁵.

Московские показательные процессы были необычным спектаклем, там излагались фантастические истории заговора, нити которых в конечном итоге вели к изгнанному Троцкому, действовавшему рука об руку с иностранными разведками. Сценарии, составленные на основе признаний, полученных в ходе допросов и часто под пытками, координировал Лев Шейнин, высокопоставленный сотрудник НКВД, ответственный за следственный отдел, который, как оказалось, заодно был драматургом: на сцене настоящего советского театра, в отличие от политического показательного процесса, его «Очная ставка» была одним из хи-

15. Khlevniuk, *Master*, p. 148; Alexander Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes* (London: Jarrolds, 1954), p. 162–166.

тов 1937 года¹⁶. Сталину нравилось читать протоколы допросов, регулярно присылаемые ему Ягодой. «Вы читали признания Дрейцера и Пикеля? — писал он Кагановичу. — Как вам нравятся буржуазные шавки из лагеря Троцкого — Мрачковского — Зиновьева — Каменева? Эти дураки, мягко выражаясь, хотели „убрать“ всех членов Политбюро! Разве это не абсурд! До чего могут дойти люди!»¹⁷

Во время суда над Зиновьевым и Каменевым в 1936 году, первого московского показательного процесса (который мог закончиться провалом), Сталин благоразумно уехал из Москвы в отпуск, возможно, для того, чтобы скрыть свою ключевую роль в организации этого процесса. Но он вел постоянную переписку с Кагановичем и Ежовым о том, как это лучше всего организовать, с особым вниманием к реакции на Западе. «Роль гестапо [как вдохновителя заговорщиков] должна быть раскрыта в полной мере», — заявили государственный обвинитель Андрей Вышинский и судья Василий Ульрих, когда начался процесс. Крайне важно, чтобы Троцкий занимал видное место не только в обвинении, но и в заключительной речи судьи, чтобы иностранные читатели знали, что судья был в этом убежден. Должно быть ясно, что целью заговорщиков было свержение советского режима. Когда в Москве проходил показательный процесс, Каганович держал Сталина в курсе тех моментов в сценарии, которые иностранцы сочли особенно сенсационными, а НКВД регулярно предоставлял зарубежные обзоры этого спектакля — не только вырезки из прессы, но и стенограммы перехвачен-

16. *Очная ставка: пьеса в четырех действиях с прологом*. Авторы — братья Тур и Л. Шейнин (Москва — Ленинград 1938); John Scott, *Behind the Urals* (Bloomington: Indiana University Press, 1989), p. 197–203; Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism* (New York: Oxford University Press, 1999), p. 203.

17. РГАСПИ, 558/11/96, лл. 16, 31, 37, 41; РГАСПИ, 74/2/38, л. 82.

ных телефонных разговоров и телеграммы корреспондентов¹⁸.

Как и любой хороший детектив, сценарий первого московского показательного процесса намекал на возможность продолжения. Были предположения о связях с правыми, и в протоколах допросов появлялся многообещающий «резервный центр» террористического заговора с участием бывших левых, в том числе Карла Радека и Юрия Пятакова. Пятаков был проблемой: раскаялся и снова принят в партию, он был бесценным заместителем Орджоникидзе в Наркомате промышленности, и Орджоникидзе не сдавался без боя. Каганович 17 августа все еще не был уверен, можно ли будет публично назвать его в суде. В последний день судебного разбирательства прокурор Вышинский сделал поразительное заявление о том, что в результате компрометирующих показаний, представленных в только что завершившемся процессе, начнутся расследования по Томскому, Рыкову, Бухарину, Радеку, а также Пятакову¹⁹.

Под следствием, но благодаря Орджоникидзе все еще на работе, Пятаков отчаянно пытался спасти свою шкуру во время суда, требуя смертной казни для группы Зиновьева — Каменева («эти люди... должны быть уничтожены как падаль») и, что совсем удивительно, вызываясь лично расстрелять всех приговоренных к смертной казни по этому делу, включая свою бывшую жену²⁰. Его предложение с насмешкой было отклонено Ежовым,

18. *Сталин и Каганович*, с. 631, 638, 642–643, 666; РГАСПИ, 558/11/96, л. 52 (перлюстрированные материалы, октябрь 1936).

19. *Сталин и Каганович*, с. 631, 638; Conquest, *Great Terror*, p. 166.

20. Хлевнюк, *Сталин и Орджоникидзе*, с. 68–69; Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 48 (жена, о которой идет речь, это или его вторая жена Зинаида Васильева или третья жена Людмила Дитяева, обе они — бывшие оппозиционерки, арестованные в 1936 году. Я благодарна за эту информацию Андреа Грациози).

и отчаянные усилия Орджоникидзе также потерпели неудачу. Пятаков был снова исключен из партии 11 сентября и арестован на следующий день. Он стал главным обвиняемым во втором показательном процессе, который начался в Москве 23 января 1937 года²¹.

Орджоникидзе также был взбешен и расстроен арестом своего старшего брата на Кавказе, истолковав отказ Сталина вмешаться как отказ в доверии к себе. Молотов считал, что именно арест брата послужил последней каплей²², но давление на Орджоникидзе началось давно. Его друг Енукидзе был арестован 11 февраля 1937 года, и повестка дня предстоящего пленума ЦК включала обвинения в «развале» в Наркомате тяжелой промышленности, который Орджоникидзе возглавлял. По словам Микояна, Орджоникидзе почувствовал, что Сталин его предал («Сталин плохое дело начал. Я всегда был близким другом Сталину, доверял ему, и он мне доверял»), угрожал ему. Он сказал, что больше не сможет работать со Сталиным и скорее убьет себя. Орджоникидзе был вспыльчивым человеком, и Микояну казалось, что он сумел его успокоить²³. Но затем 18 февраля, накануне пленума ЦК, после особенно бурной беседы со Сталиным Орджоникидзе ушел домой и застрелился²⁴.

Его смерть стала ударом для многочисленных друзей по команде, включая Сталина, который наверняка воспринял это как очередное предательство. Орджоникидзе был похоронен с государственными почестями, соответствующими его

21. Хлевнюк, *Сталин и Орджоникидзе*, с. 67, 69, 71; *Сталин и Каганович*, с. 631, 673.

22. Чуев, *Молотов*, с. 250–251.

23. А. И. Микоян, *Так было*, с. 328–330.

24. Хлевнюк, *Сталин и Орджоникидзе*, с. 118–129; *Сталинское Политбюро*, с. 153–155.

статусу; его смерть не была объявлена самоубийством, и Хрущев утверждал, что сам узнал об этом только годы спустя²⁵. Но для тех, кто мог читать между строк, было достаточно признаков того, что Орджоникидзе умер после того, как попал в беду. Второй московский показательный процесс, начавшийся несколько дней спустя, был еще одним знаком, поскольку среди подсудимых, которые получили смертный приговор, фигурировал Пятаков. На заседании Центрального комитета в феврале Сталин неоднократно упоминал о слабости Серго, которая проявлялась в его привязанности к подчиненным, не заслуживавшим доверия, и разоблачение сетей заговорщиков в промышленной империи Орджоникидзе было центральной темой доклада Молотова по тому же поводу. Этот пленум, инициировавший волну обвинений, доносов и арестов правительственных функционеров и партийных секретарей по всей стране, обычно считается началом Большого террора²⁶.

Дальше пошло еще хуже. В конце мая группа военнослужащих, в том числе маршалы Михаил Тухачевский, Иона Якир и Иероним Уборевич, были арестованы по обвинению в заговоре в сотрудничестве с троцкистами, правыми и немецкой разведкой. Их пытали до тех пор, пока они не признались, а Ежов лично следил за допросом. Через несколько дней их расстреляли²⁷. В объявлении об этом «Правда» от 12 июня называла их «иудами», которые продались фашистам.

Это был еще один шок для команды, многие из членов которой были близки к военачальникам. Каганович и Хрущев дружили с Якиром, и его арест представлял угрозу лично для них. Мико-

25. *Khrushchev Remembers*, p. 84–85.

26. *Большевик*, 1937, № 8, с. 12–45.

27. Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 69–70 (Н. Петров, М. Янсен. «Сталинский питомец» — Николай Ежов, с. 83–84).

ян был другом Уборевича и позже сказал, что выступал в Политбюро в июне 1937 года против его ареста. Он также был другом Яна Гамарника, еще одного из группы военных, избежавшего участи остальных лишь потому, что совершил самоубийство, возможно, после того, как его предупредил Микоян²⁸. Ворошилов служил со всеми обвиняемыми и был в хороших отношениях с большинством из них (за исключением Тухачевского, который был его соперником в военном деле); он должен был признаться, что «не только не заметил этих подлых предателей, но даже когда начали разоблачать некоторых из них <...>, не хотел в это верить»²⁹. Еще больше угнетало то, что его использовали для их поимки: именно по вызову Ворошилова его друг Якир приехал в Москву из Киева и в поезде был арестован НКВД³⁰.

Немецкая разведка подбросила Советам ложную информацию о том, что Тухачевский планировал государственный переворот, но это не фигурировало ни на его судебном процессе, ни на предварительном заседании в начале июня 1937 года, когда Сталин в нехарактерной для него дикой, бессвязной речи выдвинул необоснованные обвинения против Тухачевского, Якира и остальных. По словам одного историка, он «просто выразил желание избавиться от них»³¹. Идея, которая должна была вызвать дрожь в сердцах всех, кто его слышал, состояла в том, что опасность грозила не только быв-

28. Vitaly Rapoport and Yuri Alexeev, *High Treason* (Durham, NC: Duke University Press, 1985), p. 274; Rees, *Iron Lazar*, p. 80, 194; *Молотов, Маленков, Каганович, 1957* (Москва, 1998), с. 69; Khlevniuk, *Master*, p. 218; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 27–29; С. Микоян, *Воспоминания*, с. 33, 35; А. И. Микоян, *Так было*, с. 553.

29. Radzinsky, *Stalin*, p. 371; *Источник*, 1994, № 3, с. 72.

30. Conquest, *Great Terror*, p. 303.

31. Roy A. Medvedev, *Let History Judge* (New York: Alfred A. Knopf, 1971), p. 301.

шим оппозиционерам: врагом мог оказаться любой. Особую тревогу у команды вызвало то, что был схвачен один из ее членов — Рудзутак, арестованный 24 мая. По словам Сталина, он отказывался признать свою вину, но было доказано, что в Берлине он дал информацию красивой немецкой шпионке (которая также якобы соблазнила Енукидзе). Кроме того, еще один член команды, Андреев, получил тревожный сигнал, когда ему напомнили, что в 1921 году он был активным троцкистом, хотя и в контексте заявления Сталина о том, что не все бывшие троцкисты враги³².

Много лет спустя Молотов признал, что Тухачевский и остальные на самом деле не были шпионами, но они были связаны с разведками и в решающий момент на них нельзя было положиться³³. Возможно, в то время Молотов действительно так думал, учитывая его близость к Сталину и ту центральную роль, которую он играл. Хрущев, менее привилегированный по части получения информации, говорил, что он поверил обвинениям, несмотря на свою дружбу с Якиром. На самом деле в своих мемуарах он старался изо всех сил отрицать, что в то время чувствовал симпатию к Якиру и другим. Напротив, он писал: «Я был зол на них и возмущен, потому что тогда мы были убеждены, что Сталин не мог ошибаться»³⁴.

Лидеры правых, конечно, тоже были под прицелом. Томский, находившийся под следствием во время процесса Зиновьева — Каменева в августе 1936 года, застрелился, оставив Сталину записку, в которой утверждал, что невиновен. В русском революционном движении существовала традиция относиться к самоубийству, совершенному по принципиальным причинам, с уважением, даже как к ге-

32. «Речь Сталина 2 июня 1937 г.», *Источник*, 1994, № 3, с. 72–88.

33. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 392.

34. Цит. по: Taubman, *Khrushchev*, p. 103.

роическому действию, но Сталину и Молотову это было чуждо. Самоубийство Томского было объявлено трусливым и антисоветским, и Молотов даже предположил, что оно было частью заговора, организованного Томским и другими, чтобы, убив себя, дискредитировать режим³⁵. Тем не менее у Бухарина был бы более достойный конец, последуй он примеру Томского, но он позволил Сталину долгие годы держать себя на привязи, все это время сочиняя отвратительные письма Кобе, все еще обращаясь к нему на «ты» и уверяя в своей преданности. Он даже послал Сталину стихотворение, которое написал в его честь («Взглядом орла, холодно и спокойно / Капитан смотрит сверху»³⁶), и прокомментировал смерть Зиновьева и Каменева так: «Прекрасно, что расстреляли негодяев. Воздух сразу стал чище»³⁷. В начале 1936 года он отправился за границу, чтобы договориться о покупке архива Маркса — Энгельса во Франции с посредником, меньшевиком Борисом Николаевским; причем ему разрешили, против всех правил, взять с собой молодую беременную новую жену Анну Ларину. Он проигнорировал намек на то, что ему следовало бы остаться за границей, и при этом, с нетипичным для него отсутствием здравого смысла, сделал Николаевскому исчерпывающее и крайне критическое изложение советской высокой политики, сказал другому эмигранту-меньшевику, что Сталин «не человек, [а] дьявол». В довершение ко всему сообщил французскому левому писателю Андре Мальро, что Сталин собирается его убить. Эти комментарии, по-видимому, недолго оставались неизвестными Сталину³⁸.

35. *Сталин и Каганович*, с. 639–640; О. В. Хлевнюк, *1937-й* (Москва: Республика, 1992), с. 199, 201.

36. Стихи Бухарина: РГАСПИ, 329/2/6, л. 93 (перевод опубликован в: Gregory, *Politics, Murder*, p. 90–91).

37. Цит. по: Gregory, *Politics, Murder*, p. 89.

38. Gregory, *Politics, Murder*, p. 83–84.

С такой заманчивой целью, как Бухарин, Сталин дал волю своим садистским наклонностям, и команда тоже присоединилась, как банда школьных хулиганов. Это публичное издевательство сопровождалось слезами, криком, истериками и приступами депрессии у Бухарина. В какой-то момент Бухарин заперся в маленькой комнате в своей кремлевской квартире, бывшей сталинской («Надя умерла здесь. Я тоже здесь умру»), объявив голодовку и отказавшись приехать на февральско-мартовский пленум, чтобы ответить на выдвинутые против него обвинения, но потом передумал и дал Сталину и Молотову, как комикам, возможность развлекать делегатов диалогом:

Сталин. Сколько дней Бухарин голодает?

Молотов. Он сказал, что в первый день он голодал 40 дней и 40 ночей, во второй день — 40 дней и 40 ночей, а затем каждый день после этого — 40 дней и 40 ночей.

Сталин. Почему он начал голодовку в полночь?

Молотов. Я думаю, потому что люди не едят ночью; врачи им это не рекомендуют³⁹.

Бухарин написал отчаянное письмо своему старому другу Ворошилову с вопросом: «Вы верите всему этому? Правда?» Заканчивалось письмо словами: «Обнимаю тебя, потому что я чист». Но Ворошилов написал ему жесткий ответ, вызвав у Бухарина крик боли по поводу «твоего ужасного письма». Более того, Ворошилов направил письмо Бухарина и свой ответ Сталину, и строчка о чистоте вызывала насмешку у всех членов команды, которым Сталин давал читать это письмо. Бухарин даже написал Хрущеву, которого знал мало, с пафосной просьбой объяснить, почему на банкете для строителей Московского метрополитена он назвал его

39. Цит. по: Gregory, *Politics, Murder*, p. 99, 107.

«классовым врагом». Молотову, который меньше всего был склонен реагировать на эмоциональные обращения, он писал (обращаясь, как ни удивительно, на «ты»), пытаясь объяснить свои мучения, что окружен «морально невыносимым» подозрением, «боится любого косога взгляда, каждого недружественного жеста». В постскриптуме он вопрошал: «Разве этот кошмар не может быть рассеян? Разве вы не можете мне сказать, какие у вас есть сомнения, чтобы я мог спокойно на них ответить?» Молотову был симпатичен Бухарин, но, конечно, ответ был «нет», а точнее — молчание⁴⁰.

Бухарин был арестован 27 февраля 1937 года, но даже тогда агония ожидания не закончилась. В ЦК было некоторое беспокойство по поводу смертного приговора, за который выступал Ежов⁴¹. Бухарин, все еще надеясь, продолжал писать Сталину из тюрьмы, предлагая 10 декабря 1937 года, чтобы Сталин отправил его в Америку для пропаганды показательных процессов и агитации против Троцкого. «Моя совесть чиста перед тобой, Коба», — завершил он письмо⁴². Неудивительно, что Сталин проигнорировал его письмо. Бухарин вместе с Ягодой и другими стали обвиняемыми на последнем московском процессе, состоявшемся в марте 1938 года.

Почему Бухарин и другие обвиняемые на показательных процессах каялись в своей вине, было предметом большого количества спекуляций. Очевидно, что пытки — это один из ответов, наряду с угрозами семьям (чаще каялись те, у кого, как у Бухарина и Каменева, были дети, совсем маленькие или подростки). Но это также был способ получить возможность весь день быть в суде, отку-

40. РГАСПИ, 329/2/6, лл. 10–15; 558/11/96, лл. 22, 26 (Ворошилов); 329/2/6, л. 119 (Хрущев); там же, лл. 41–44 (Молотов).

41. Gregory, *Politics, Murder*, p. 120.

42. «Прости меня, Коба», *Источники*, 1993, № 0, с. 24–25.

да мировая печать передавала каждое слово. Ягода использовал свое последнее слово, чтобы указать на абсурдность обвинения в шпионаже против него («Если бы я был шпионом, то десятки стран могли бы закрыть свои разведки») ⁴³. Бухарин предпринял аналогичную попытку противопоставить себя Шейнину в качестве, так сказать, контрсценариста: его план заключался в том, чтобы преувеличивать все до абсурда, так, чтобы в его тексте и голосе был слышен сарказм. Он признавал свое участие в чудовищных заговорах, но затем подрывал это признание, отмечая, что заговорщицкая группа, к которой он принадлежал, фактически не существовала. По словам Молотова, дикие и неправдоподобные преувеличения (обычно приписываемые НКВД) были стандартной уловкой бывших оппозиционеров-обвиняемых на показательных процессах ⁴⁴. Но если это так, то, похоже, эта тактика была не очень успешной, поскольку публика все-таки все это проглотила, хотя иностранная аудитория была несколько озадачена.

Что касается самоговора Бухарина, Сталин положил конец этой тактике, по крайней мере, в том, что касалось опубликованного протокола, просто удалив самые важные слова («я был с Троцким в несуществующем блоке» превратилось в «я был с Троцким в блоке») и тем самым оставив только простое признание. Присутствующие в зале, похоже, не поняли подрывную тактику Бухарина, по крайней мере иностранцы с несовершенным русским языком. Они приняли это за настоящее признание, хотя удивлялись, почему он это сделал. Ответ для многих заключался в почти мисти-

43. Судебный отчет по делу антисоветского право-троцкистского блока, рассмотренного Военной коллегией Верховного суда СССР, Москва, 2–13 марта, 1938 (Москва: Наркомат юстиции СССР, 1938), с. 786.

44. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 404–405.

ческой революционной вере, выраженной в конце последнего слова Бухарина, которое впоследствии было увековечено в романе Артура Кестлера «Слепящая тьма». Кестлер несколько перефразировал эту речь, а в оригинале Бухарин сказал: «В тюрьме я переоценил все свое прошлое. Ибо когда спрашиваешь себя: если ты умрешь, во имя чего ты умрешь? И тогда представляется вдруг с поразительной яркостью абсолютно черная пустота. Нет ничего, во имя чего нужно было бы умирать, если бы захотел умереть, не раскаявшись... И когда спрашиваешь себя: ну, хорошо, ты не умрешь; если ты каким-нибудь чудом останешься жить, то опять-таки для чего? Изолированный от всех, враг народа, в положении нечеловеческом, в полной изоляции от всего, что составляет суть жизни...»⁴⁵

«Расстрелять как бешеных собак!» — кричал Андрей Вышинский, государственный обвинитель на показательных процессах. Почти всех подсудимых расстреляли, а многие их коллеги, друзья и родственники были отправлены в ГУЛАГ как «враги народа». Как объяснил Чуеву Молотов спустя годы, очевидно, что семьи нужно было изолировать, иначе, чувствуя себя обиженными, они создавали бы проблемы⁴⁶. Жены высокопоставленных коммунистов, в том числе подсудимых на показательных процессах, как правило, арестовывались и отправлялись в специальный лагерь для жен врагов народа в Казахстане. Сейчас на месте этого лагеря недалеко от Астаны стоит памятник, на котором начертано много выдающихся имен, в том числе имя молодой вдовы Бухарина, Анны Лариной. Бывших жен также могли схватить, но иногда им могло и повезти: вторая жена Бухарина была

45. *Отчет о судебных слушаниях*, с. 777; Gregory, *Politics, Murder*, p. 138–40; Arthur Koestler, *Darkness at Noon*, trans. Daphne Hardy (London: Jonathan Cape, 1940), p. 240.

46. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 415.

арестована, а первая, Эсфирь, осталась на свободе, как и их дочь-подросток Светлана, давняя подруга Светланы Сталиной⁴⁷. Взрослых сыновей часто расстреливали⁴⁸, а дочерей и сыновей-подростков обычно отправляли в ГУЛАГ или ссылку⁴⁹. Маленькие дети, такие как малыш Анны Лариной Юрий, оказывались в детских домах, под другими именами, если ни один член семьи или преданный домоходец не был готов взять их⁵⁰.

В это время предполагаемый главный враг, Лев Троцкий, продолжал жить в своем мексиканском изгнании, читая обвинения против себя и лихорадочно указывая на несоответствия и неточности в сценариях в надежде дискредитировать эти показательные процессы и очистить свое имя перед международной аудиторией. Советские агенты следили за всеми его перемещениями и перемещениями его сына Льва Седова, прослушивали их телефоны, читали их переписку и регулярно отправляли информацию Сталину⁵¹. Преследуемый советскими спецслужбами, куда бы он ни пошел, Троцкий в конце концов был в 1940 году убит советским агентом. Его жена Наталья и маленький внук Сева, которые были с ним в Мексике, выжили, но почти все остальные, кто был связан с Троцким, были уничтожены, как в Советском Союзе, так и за его пределами, в том числе его первая жена Александра и их сын Сергей, который был инженером и не занимался политикой⁵².

47. Зенкович, *Самые секретные*, с. 61–66; Gregory, *Politics, Murder*, p. 131.

48. Зенкович, *Самые секретные*, с. 176–177, 420 (Александр и Юрий Каменевы, Михаил и Виктор Томские).

49. Зенкович, *Самые секретные*, с. 337, 320–321, 420, 177 (Наталья Рыкова, Леонид и Владимир Постышевы, Юрий Томский, Владимир Каменев).

50. Gregory, *Politics, Murder*, p. 131.

51. РГАСПИ, 558/11/96, лл. 39, 46, 50.

52. Service, *Trotsky*, p. 500; Зенкович, *Самые секретные*, с. 429–432; Deutscher, *Prophet Outcast*, p. 281–282.

Если Сталин был главным инициатором Большого террора, то всю его команду, которая поддерживала его усилия и иногда добавляла свои собственные инициативы, следует также считать преступниками. Любой член Политбюро, который в тот момент оказался рядом, вместе со Сталиным подписывал списки выявленных врагов, для которых НКВД предлагал смертный приговор. Молотов, Каганович, Ворошилов и Жданов чаще всех, после Сталина, подписывали эти списки, но это отражает только частоту контактов со Сталиным в эти годы. Микоян подписывал и бывал у Сталина несколько реже. Эта коллективная подпись может быть понята как форма шантажа, которая делала всех членов команды, а не только Сталина, соучастниками, но одновременно это была стандартная рабочая процедура⁵³. Сталин почти всегда привлекал команду к своим инициативам, что не означает, что он позволял им самостоятельно принимать важные решения. Иногда он провоцировал их. Когда апелляция Якира на смертный приговор была вынесена на рассмотрение Политбюро, Сталин, отказывая в помиловании, якобы написал «негодяй и проститутка» рядом со своей подписью, после чего Каганович почувствовал себя обязанным пойти дальше и добавить, в отношении своего бывшего друга: «Для предателя, мрази и [непристойное слово] одно наказание — смертный приговор»⁵⁴.

На протяжении всего террора Сталин не покидал Москву; он даже не поехал летом в отпуск на юг ни в 1937 году, ни в последующие годы до окончания войны. Молотов также редко покидал Москву в этот период. Но большая часть членов команды отправилась в путешествия. Они ездили по провинциям, председательствовали там

53. Чуев, *Молотов*, с. 514

54. Цит. по: Rees, *Iron Lazar*, p. 194.

на партийных собраниях, результатом которых, как правило, был арест местного первого секретаря и близких к нему людей. Весьма неожиданно, что молчаливый Андрей Андреев, как правило, не входивший в состав команды, стал в это время рабочей лошадкой: в течение года он съездил в Воронеж, Челябинск, Свердловск, Курск, Саратов, Куйбышев (ранее Самара), Ростов, Краснодар, Узбекистан, Таджикистан и Республику немцев Поволжья. Поскольку он так часто бывал в отъезде, ему редко приходилось подписывать смертные приговоры в Москве. Но «куда бы он ни ездил, — как сказал позднее Хрущев, — везде погибало много людей»⁵⁵. Беспощадные донесения Андреева Сталину сохранились; когда он заканчивал чистку, то иногда проверял, как идут дела в местной промышленности или (отголосок начала 1930-х) как идет посевная. Члены команды много путешествовали по железной дороге, в специальных вагонах, которыми пользовались только они и военачальники, в таких поездках Андреев, ценитель музыки, любил слушать Бетховена⁵⁶.

Каганович отправился в Челябинск, Ярославль, Иваново, на Донбасс и в Смоленск для чистки местных партийных комитетов. Он всегда проявлял агрессию, кричал и издевался и делал эту работу с большей энергией и более устрашающими драматическими эффектами, чем Андреев. По словам очевидца из НКВД, 7 августа 1937 года Каганович приехал в Иваново на поезде с вооруженной охраной из тридцати пяти человек и сразу же вселил ужас в сердца местных партийных начальников, отказавшись по соображениям безопасности

55. *Вопросы истории* 1990, № 4, с. 78.

56. *Вестник АПРФ*, дополнительно к *Источник*, 1995, № 1, с. 127; *Советское руководство*, с. 371–375; РГАСПИ, 558/11/65, л. 33 (доклады Сталину); Андреев, *Воспоминания*, с. 218–220, 236, 301.

ехать на дачу, которую они подготовили к его приезду. Он организовывал доносы на этих начальников со стороны их коллег, лично контролировал аресты, требовал, чтобы следователи добивались скорых признаний и все это время по нескольку раз в день консультировался со Сталиным, оставшимся в Москве⁵⁷. Жданов выполнял свой долг в Казани, Оренбурге и Уфе — его подход был менее запугивающим и более решительным, чем у Кагановича. Вычистив старых коррумпированных руководителей, мы сняли «моральное давление», сказал Жданов на одном из местных партийных собраний, но свою работу он сделал⁵⁸. Маленков отправился в Белоруссию, Армению, Ярославль, Тулу, Саратов, Омск, Тамбов и Казань. Двадцать лет спустя, уже при Хрущеве, когда он был окончательно политически дискредитирован, коллеги упрекали его в гибели партийных секретарей, арестованных в провинциальных городах, в которых он побывал, но его сын объяснял эти поездки иначе. Он утверждал, что Маленков только собирал данные для отчета об эксцессах, допущенных на местах в ходе чисток. Такой доклад он действительно сделал для ЦК в январе 1938 года. Возможно, обе версии верны⁵⁹. Микояна, похоже, отправили в поездку только один раз — в сентябре 1937 года в Армению, в сопровождении Берии и Маленкова, и, по мнению Сталина, он справился плохо. В присутствии такого большого количества друзей и поклонников он чувствовал себя неловко, на пар-

57. Rees, *Iron Lazar*, p. 195; Михаил Шрейдер, *НКВД изнутри* (Москва: Возвращение, 1995), с. 64–71.

58. Н. Карякин, «„Ждановская жидкость“, или Против очернительства», *Иного не дано*, под ред. Ю. Н. Афанасьева (Москва: Прогресс, 1988); С. А. Кислицын, *Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым* (Москва: URSS, 2013), с. 23.

59. Rees, *Iron Lazar*, p. 195; *Молотов, Маленков, Каганович, 1957*, с. 45; Маленков, *О моем отце*, с. 33.

тийном пленуме держался на втором плане и предоставил говорить Маленкову⁶⁰.

Все были вовлечены в чистки подведомственных им учреждений, иначе их бы обвинили в защите своих подчиненных — именно в этом посмертно упрекали Орджоникидзе. Каганович, которому приходилось чистить железные дороги, без сомнения, говорил от имени всей команды, когда в старости обижался на историков, извлекших из архивов «десятки писем Кагановича, где он согласен или предлагает арестовать», и объявивших это доказательством его вины⁶¹. Конечно, были такие письма, сказал Каганович, это была одна из условностей процесса: когда в твоём ведомстве происходили аресты, ты должен был подписать. «Ну, что было делать?» Ворошилову пришлось следить за репрессиями военных, хотя он был этим недоволен⁶². Жданов, Хрущев и Берия (последние два еще не стали членами Политбюро) занимались тем же самым в регионах, которые они возглавляли (Ленинград, Москва, а затем Украина и Закавказье соответственно), хотя делали это под руководством местного НКВД и без особого энтузиазма, поскольку чистили «своих» людей⁶³.

Еще в начале 1930-х годов, во время коллективизации, члены команды объезжали области и контролировали аресты, но сейчас это не было простым повторением. Теперь арестовывали не безвестных крестьян и функционеров местного уровня. Отныне это были высокопоставленные работ-

60. М. Ю. Павлов, *Анастас Микоян* (Москва: Международные отношения, 2010), с. 92–93.

61. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 80.

62. Vadim Rogovin, *Stalin's Terror of 1937–1938* (Oak Park, MI: Mehring Books, 2009), p. 151.

63. Voterbloem, *Zhdanov*, p. 161, 165; Волынец, Жданов, с. 214; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 82, 105–116; Жорес Медведев и Рой Медведев, *Никита Хрущев* (Москва: Время, 2012), с. 124, 127; Knight, *Beria*, p. 78–86.

ники, люди, которых зачастую члены команды знали лично, среди них были их доверенные подчиненные, для которых в обычное время они выступали бы в роли покровителей. Так происходило не только в провинциях и на уровне республик, но и в Москве, где НКВД занимался чисткой всего правительства и партийного аппарата. Уровень потерь во втором эшелоне политической иерархии, чуть ниже команды, был необыкновенным: согласно широко цитируемой цифре, две трети членов ЦК, избранных в 1934 году (в основном это были высокопоставленные лица из правительства, партии, военных), и членов местных комитетов — погибли во время Большого террора, и если мы посмотрим на книгу назначений Сталина за середину 1930-х годов, то, за исключением команды и некоторых иностранных гостей, мы увидим практически список будущих жертв чисток, которые на тот момент управляли ключевыми секторами экономики под общим руководством членов команды (Политбюро). Из двадцати пяти наркомов в правительстве, которое возглавлял Молотов, двадцать стали жертвами чисток. Единственными выжившими были члены команды — Молотов, Микоян, Ворошилов и Каганович, а также министр иностранных дел Максим Литвинов⁶⁴.

Молотов, как тогда, так и впоследствии, производил впечатление человека, который был stoически верен идее чисток, но у него не было того элемента восторга, который чувствовался у Сталина. В 1980-х годах он прямо заявил Феликсу Чуеву: «37-й был необходим». Сталинская команда, действительно, выиграла битвы 1920-х и начала 1930-х годов, но у них осталось много «врагов разных оттенков», которые «перед лицом угрозы фашистской агрессии могли объединиться». Когда

64. *Khrushchev Remembers*, p. 572; Рой Медведев, *Они охраняли Сталина* (Benson, VT: Chalidze Publications, 1984), p. 26.

Чуев сказал, что его волнуют судьбы отдельных жертв, Молотов возразил, что это «обывательский» подход, упрямо повторяя: «Это было необходимо». В изложении Чуева «Молотов рассматривал репрессии не как произвол руководства, а как продолжение революции в сложной международной обстановке»⁶⁵. Каганович, почти с благоговением относившийся к Сталину, считая себя «учеником» этого человека, который «сформировал его как политика», никогда не высказывал настоящего сожаления по поводу политических репрессий⁶⁶.

Хрущев, который позже раскрыл многие из ужасов репрессий, сказал в своих мемуарах, что в то время он был просто верным исполнителем, притом убежденным: «Я видел все глазами Центрального комитета, то есть глазами Сталина. Я также говорил его устами, я повторял то, что слышал от него»⁶⁷. Андреев, по словам его дочери, «полагал, что вредители и пятая колонна разрушают наше государство и должны быть уничтожены»; его жена Дора также была «полностью убеждена»⁶⁸. С другой стороны, Андреева говорила, что ее родители не обсуждали аресты в присутствии своих детей, так же осторожно вели себя Микояны⁶⁹ и, вероятно, все остальные члены команды, поэтому вопрос о том, что мужья — члены команды говорили своим женам наедине, остается спорным. Известно, что Чубарь, одна из жертв из числа членов Политбюро, говорил своим друзьям, «как глубоко <...> возмущался фактами незаконных репрессий, как отказывался он верить, что его лучшие друзья <...> могли оказаться шпионами и предателями»⁷⁰. При этом

65. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 390.

66. *Сталин и Каганович*, с. 284.

67. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 31.

68. Montefiore, *Stalin*, p. 258.

69. С. Микоян, *Воспоминания*, с. 30–31.

70. В. Дробижев, Н. Дубова, В. Я. Чубарь (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1963), с. 71.

неясно, отличает ли это его от выживших членов команды, таких как Микоян и Калинин; возможно, единственное отличие было в том, что он был менее осторожен.

Частью механизма террора было получение под пытками признаний арестованных и обнародование их в качестве доказательства их вины. Такая система действовала по всей стране, если же дело касалось члена команды, то к этому добавлялся особый механизм — их приглашали на личные встречи с бывшими коллегами, которые теперь находились под арестом, и они должны были принять участие в их допросах либо в Политбюро, либо на Лубянке⁷¹. В январе 1937 года Орджоникидзе, который сам был в очень шатком положении, вместе с опальным Бухариным пришлось допрашивать избитого Пятакова. Он настойчиво расспрашивал его, было ли его признание сделано под давлением, но Пятаков уверял, что это не так. Во время другого допроса, в котором участвовали Сталин и большая часть Политбюро, а также Бухарин, Бухарин пытался заставить Радека признать, что тот вынужден был дать ложные показания против него, но получил очень твердый отпор, который, должно быть, смутил аудиторию Радека так же, как и современных читателей: «Никто не заставлял меня говорить то, что я сказал. Никто не угрожал мне прежде, чем я дал показания. Мне не говорили, что меня расстреляют, если я откажусь. Кроме того, я достаточно взрослый, чтобы не верить никаким обещаниям, данным в тюрьме»⁷². Молотов был вызван на допрос своего арестованного заместителя Николая Антипова, который выдвинул обвинения в отношении других людей, работавших у Молотова. Я «чувствовал, что он, может наговорить», вспо-

71. РГАСПИ, 558/11/96, лл. 41, 43; Larina, *This I Cannot Forget*, p. 31, 313.

72. Gregory, *Politics, Murder*, p. 113–114.

минал Молотов, но затем следует оборот в духе «а что было делать?»⁷³. Эти встречи, должно быть, были мучительными, тем более что нельзя было быть уверенным, что арестованный не скажет бог знает что и про тебя.

Арестованные не всегда придерживались линии Радека и Пятакова. Рудзутак отказался признать свою вину во время очной ставки с Молотовым, Микояном и другими членами команды и сказал им, что его пытали. Поскольку он был заместителем Молотова, арест был сигналом опасности и для Молотова, хотя тот и утверждал, что они не были лично близки. Молотов считал Рудзутака расходным материалом, потому что он не особо усердно работал, хотел главным образом хорошо жить и проводил время с художниками и актерами: «настоящей борьбы, как революционер, уже не вел»⁷⁴. Московские слухи были в том же духе, ходила история о том, что его арестовали «за ужином с некоторыми артистами. Говорят, что на Лубянке несколько недель спустя на дамах все еще оставались лохмотья бальных платьев»⁷⁵. Рудзутак по-прежнему был крепким орешком, и хотя он рассказал своим коллегам о пытках (новость не произвела на них заметного впечатления), все же, несмотря на эти пытки, он отказался признать вину. По крайней мере, много лет спустя Молотов не думал, что Рудзутак был буквально виновен в том, в чем его обвиняли; он просто стал немного «либеральным», как правые. Действительно, Молотов сказал, что на очной ставке с членами команды он более или менее поверил в невиновность Рудзутака, но молчал из осторожности (по-видимому, понимая, что Сталин не собирается снимать Рудзутака с крючка).

73. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 413, 486–487.

74. Чуев, *Молотов*, с. 483–486.

75. Montefiore, *Stalin*, p. 223.

Рудзутак был первым из пяти членов или кандидатов в члены Политбюро, которые были арестованы. Как и остальные в той группе — Роберт Эйхе, Косиор, Чубарь и Павел Постышев, — в середине 1930-х годов он был относительно маргинальным членом команды (все они, кроме Косиора, были кандидатами в Политбюро, а не полноправными членами). Одной из общих для всей этой группы черт было слабое здоровье. Рудзутак и Чубарь незадолго до этого были отправлены за границу для дорогостоящего лечения — обычное явление для политической элиты в целом, но необычное для членов Политбюро. Именно во время этой поездки Рудзутака якобы соблазнила прекрасная шпионка. Роберт Эйхе хотя и был относительно молодым человеком (родился в 1890 году), тоже имел серьезные проблемы со здоровьем. Латыш, как и Рудзутак, Эйхе вряд ли был настоящим членом команды, потому что очень недолго был в Политбюро и большую часть времени находился далеко от Москвы. Эйхе много лет был партийным руководителем в Сибири, в 1935 году стал кандидатом в члены Политбюро, но редко посещал сталинский кабинет и почти никогда не бывал на заседаниях Политбюро до своего назначения наркомом земледелия и переезда в Москву в октябре 1937 года. Вероятно, это перемещение само по себе было знаком того, что его звезда угасает. Он был арестован в апреле 1938 года, и, несмотря на письма Сталину из тюрьмы, в которых настаивал на своей невинности, 4 февраля 1940 года был расстрелян⁷⁶.

Остальные три жертвы из числа членов Политбюро были из украинской партийной организации. Это было почти полное уничтожение украинского руководства: первый и второй партийные секретари и глава украинского правительства были

76. Khlevniuk, *Master*, p. 212–213, 215; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 579–581.

в 1938 году арестованы, а президент республики — старый большевик Григорий Петровский, депутат от большевиков в Думе в 1912 году, снят с должности — как сказал Сталин, ему повезло остаться в живых⁷⁷.

Станислав Косиор был старшим из четырех братьев-революционеров, украинцев польского происхождения. Трое из них были большевиками, хотя один, Владислав, вступил в левую оппозицию в 1920-х годах и был отправлен в ссылку; Станислав, очевидно, раздражал Сталина тем, что в 1936 году пытался заступиться за жену Владислава. Другой брат, Казимир, был еще более дискредитирован, потому что в 1916 году ненадолго вступил не в ту партию — Польскую социалистическую. Хотя впоследствии он перешел на сторону Советов, этого давнего проступка было достаточно, чтобы в апреле 1938 года арестовать его как польского шпиона. На этот раз Косиор не пытался защитить брата: он написал раболопное письмо Сталину, в котором отрекся от него («он никогда не был мне близок»), но Сталин проигнорировал это. Сам Станислав был у Сталина на заметке с начала 1930-х годов, когда разозлил его тем, что не проявил достаточную жесткость во время голода. Тем не менее рассказывали, что они были в достаточно хороших отношениях со Сталиным. Косиор заехал к Сталину в Москву по дороге на юг в свой обычный отпуск, и Сталин тепло проводил его со словами: «Хорошо отдохни, используй весь отпуск», и тут же в поезде Косиора арестовали. Каганович, его старый друг, сказал, что протестовал против ареста Косиора, но Сталин остался непоколебимым. Петровский позднее вспоминал, что Косиору устроили очную ставку со Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и с ним. Но даже когда Петровский сказал, что не верит ему, Косиор продолжал

77. Medvedev, *Let History Judge*, p. 295–296.

твердить: «Мне нечего больше сказать. Ты знаешь, я польский шпион». Вероятно, он был деморализован или устал от сталинских игр⁷⁸.

Чубаря в 1934 году вызвали в Москву и назначили одним из заместителей Молотова. После этого он стал регулярно посещать заседания Политбюро и несколько раз в месяц бывал в кабинете Сталина. Наряду с Молотовым он был среди тех, кого вызвали на допрос арестованного Николая Антипова, другого заместителя Молотова (и, как оказалось, соседа по даче как Чубаря, так и Молотова). Во время очной ставки Антипов обвинил своего бывшего друга Чубаря в предательстве, а он, в свою очередь, назвал его провокатором и возмущенно воскликнул: «Я такую змею на своей груди держал!» Вскоре Молотов снова участвовал в очной ставке, на этот раз с Чубарем. В конце жизни его спросили, верил ли он в вину Чубаря, и Молотов уклонился: возможно, Антипов все придумал, но он также не был уверен, что Чубарь говорит всю правду. Как бы то ни было, он уверял, что «Сталин не мог на Чубаря положиться, никто из нас не мог». Вероятно, он имел в виду их конфликты во время коллективизации⁷⁹.

Это был типичный прием Сталина — перевести выдающегося человека перед арестом на новую работу, по-видимому, для того, чтобы поместить его в новый коллектив, в незнакомую обстановку. Новым назначением Чубаря, причем с резким пони-

78. Khlevniuk, *Master*, p. 217–218; www.alexanderyakovlev.org/fond/issues (документы А. Н. Яковлева, док. 322: Ежов Сталину, 16.04.1938 об аресте Казимира); РГАСПИ, 558/11/754, лл. 112–113 (С. Косиор Сталину, 20 апреля 1938); *О Сталине Косиоре* (Москва: Политиздат, 1989), с. 218–219 (цитата из А. Г. Снегова); Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 107 (интервью с Кагановичем); Medvedev, *Let History Judge*, p. 295–296.

79. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 413–414; *Сталинское Политбюро*, с. 167; Хлевнюк, *Политбюро*, с. 229.

жением в должности, был пост начальника строительства целлюлозного комбината на Урале, оттуда он в слезах звонил Сталину и уверял в своей полной невинности. Хрущев, который оказался в это время в кабинете Сталина и хорошо относился к Чубарю, был рад услышать, что Сталин разговаривает с ним тепло и сочувственно. Он подумал, что Чубарь, должно быть, сорвался с крючка, но на следующий день Чубарь был арестован⁸⁰.

Наиболее захватывающую игру в кошки-мышки Сталин вел с Павлом Постышевым, своим бывшим любимцем и личным представителем на Украине. Первоначально работа Постышева состояла в том, чтобы в качестве постороннего рубить головы украинским функционерам, но через некоторое время он, кажется, в какой-то степени стал там своим, установил связи с местной политической и культурной элитой и стал активно участвовать в культурной жизни. На Украине он запомнился тем, что открыл сеть кафе-мороженых и организовал в Киеве бесплатные летние концерты под открытым небом. Почему Сталин отвернулся от Постышева, неясно; возможно, его враждебность была частично направлена против жены Постышева Татьяны — она принадлежала к категории «подружек Надежды» (куда входили также жены Молотова и Андреева), и все они в конце 1930-х годов пережили плохие времена. Татьяна сделалась влиятельной фигурой на украинской культурной сцене (под своим собственным именем — Постолюкская), и, как любая влиятельная и заметная фигура, особенно женщина, состоящая в браке с еще более влиятельным мужчиной, она была уязвима для доносов. Один из таких доносов, через посредство Кагановича, привлек к себе внимание Сталина, и он публично оценил его как пример целительного воздействия простых людей, которые не дают

80. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 35.

высшим чиновникам сбиться с пути. Сам Постышев был подвергнут критике за недостаточную бдительность против врагов на Украине и отправлен на новую работу в Куйбышев, где он перегнул палку в другом направлении, санкционировав арест всех, кто попадал в его поле зрения. Однако ничего не помогло. В начале января Маленков отправился в Куйбышев с инспекционной поездкой и обнаружил, что Постышев переборщил, распустив целых тридцать районных комитетов и арестовав их председателей как «врагов народа». В январе 1938 года, вскоре после того как Сталин и Каганович заверили его, что к нему больше нет претензий и его собираются вернуть на службу в Москву, на него неожиданно ополчилась вся команда. Они издевались над ним, как группа хулиганов на школьном дворе, — тактика, которая ранее уже применялась к Бухарину. Это была, конечно, прелюдия к аресту, и после года тюрьмы Постышев был казнен. Его расстреляли вместе с Чубарем и Косиором 26 февраля 1939 года⁸¹.

Заседание ЦК в январе 1938 года, на котором клеймили позором Постышева⁸², было двусмысленным, поскольку на нем также был сделан отчет Маленкова (преемника Ежова в ЦК в качестве специалиста по высшим партийным кадрам), вероятно, действовавшего от имени Сталина, который, по-видимому, предвещал прекращение террора. В докладе Маленков критиковал чрезмерные чистки на местном уровне, но когда в качестве примера такого перегиба он привел работу Постышева и присоединился к его травле, это произвело не-

81. Valentin M. Berezkhov, *At Stalin's Side* (New York: Birch Lane Press, 1994), p. 229; Леонид Постышев, «Из уходящего прошлого», *Факел* (Москва, 1989), с. 202–203; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 34–35; *Правда*, 29 мая 1937, с. 2; Khlevniuk, *Master*, p. 210; Хлевнюк, *Политбюро*, с. 216–223.

82. *Сталинское Политбюро*, с. 156–167 (текст речи 14 января 1938).

однозначное впечатление. Другие члены команды подхватили критику эксцессов, Молотов предостерегал от огульных обвинений во «вредительстве», когда что-то шло не так, Жданов также критиковал необоснованные обвинения. Калинин, у которого было слабое здоровье, хотя формально все еще являлся главой государства, теперь редко участвовал в заседаниях. Но на этот раз он пришел, возможно, чтобы добавить свою лепту в обсуждение вопроса об арестах. По его словам, важно иметь доказательства вины, а не просто решать вопрос о чьей-то виновности, основываясь на чувствах или «посмотрев человеку в глаза и увидев там врага». Но если доклад Маленкова и был сигналом торможения, он, похоже, не сработал, по крайней мере это плохо согласуется с тем фактом, что в марте начался третий показательный процесс в Москве с участием Бухарина и Ягоды. Было еще много арестов, в том числе вскоре после пленума, например, Постышева, а затем Косиора и Чубаря⁸³.

Дела были заведены на всех, включая членов команды; все были под подозрением. «Против меня тоже собирают улики», — сказал Сталин Хрущеву, пожав плечами, и, действительно, после ареста Ежова у него в сейфе нашли дело на Сталина⁸⁴. Но многое из этого было просто рутиной: поступали доносы от общественности или коллег, их подшивали в дело, но совсем не обязательно им давали ход. Другое дело, когда на допросах арестованных вынуждали давать правдивую или выдуманную информацию о ком-либо. Екатерина Лорберг, жена Калинина (хотя они больше не жили вместе), была арестована осенью 1938 года по обвинению в том,

83. Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 126; Г. А. Чигринов, «Почему Сталин, а не другие?», *Вопросы истории КПСС*, 1960, № 6, с. 92.

84. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 108; Маленков, *О моем отце*, с. 34.

что в ее квартире содержался антисоветский салон. Из ее допроса Берией стало ясно, что от нее хотели получить компромат на Калинина. Ей дали пятнадцать лет лагерей⁸⁵.

Арест Лорберг примечателен тем, что это был первый, но не последний арест и ссылка жены человека, который остался, хотя бы формально, в команде. «Калинин был с другой женщиной, не с женой, это было известно»⁸⁶, — сказал Молотов Чуеву, как будто это как-то объясняло ее арест. Но можно было жить со своей женой и любить ее, и все равно ее могли арестовать, как это случилось через несколько лет с самим Молотовым. Калинин знал, что просить за члена семьи бессмысленно, и выжидал: прошло шесть лет, в преддверии победного конца войны и накануне операции, которую, как ему казалось, он может не пережить, он написал короткое письмо Сталину с просьбой, без объяснений и оправданий, выпустить его жену⁸⁷.

Никто в команде не мог чувствовать себя в безопасности. Им всем периодически напоминали о том, что им не гарантирована неприкосновенность при охоте на врагов. Молотову сигнал был дан, когда его исключили из списка намеченных жертв покушений на процессе Зиновьева-Каменева. Маленков попал под прицел во время чистки московской партийной организации в мае 1937 года, когда его обвинили в контактах с белыми во время Гражданской войны в Оренбурге. Он также знал, что у Сталина есть какая-то таинственная компрометирующая информация о его «личной жизни», которую тот может использовать, если захочет. Очевидно, в июле 1938 года Ежов уже был готов

85. Васильева, *Кремлевские жены*, с. 291–293; *Исторический архив*, 2000, № 6, с. 212–213; *Политбюро и дело Берия* (Москва: Кучково поле, 2012), с. 536–539.

86. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 315.

87. *Исторический архив*, 2000, № 6, с. 212–213.

арестовать Берия, но тот был вовремя предупрежден и прилетел в Москву, где смог успешно защитить себя перед Сталиным и через несколько месяцев получил должность Ежова. Андрееву Сталин публично напомнил, что он когда-то поддержал Троцкого. По словам Хрущева, в случайном разговоре Сталин мимоходом, но со скрытой угрозой ссылаясь на компрометирующий материал о нем, в том числе предположение, что он на самом деле поляк, а не русский. О подобных намеках вспоминал и Микоян, ему намекали на возможность обвинить его в предательстве 26 бакинских комиссаров, расстрелянных, по-видимому, англичанами во время Гражданской войны⁸⁸.

Как бы активно ни участвовали члены команды в проведении репрессий, это не могло защитить близких им людей. Каждый из членов команды потерял коллег по работе, друзей, многие потеряли родственников. Всякий раз, когда это происходило, это угрожало их собственной безопасности, поскольку жертвы могли под пытками дать показания против них. Ярким примером может служить преданный стоик Молотов. За арестом его учителя по немецкому языку последовал арест няни его дочери. Его ближайшего друга Александра Аросева арестовали в июле 1937 года и через шесть месяцев казнили⁸⁹. Из четырех его заместителей к середине 1937 года были арестованы Рудзутак и Антипов, Валерий Межлаук — в декабре, а Чубарь — в середине 1938 года. Это представляло непосредственную угрозу для самого Молотова, поскольку такое якобы вероломство со стороны близких соратни-

88. РГАСПИ, 558/11/762, л. 2 (Маленков Сталину, 22 сентября 1938); Маленков, *О моем отце*, с. 32; Knight, *Beria*, p. 78–79; *Вопросы истории*, 1990, № 4, с. 78; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 37–38; Медведев, *Они окружали Сталина*, с. 149 (Микоян).

89. РГАСПИ, 82/2/1439, л. 48 (учитель); Montefiore, *Stalin*, p. 188 (няня); David-Fox, *Showcasing*, p. 301 (Аросев).

ков обычно приводило к аресту руководителя, тем более если (как, очевидно, было в данном случае) он сам не инициировал эти аресты в ходе чистки своей организации. У помощников Молотова дела были не лучше. Начальник его кабинета А. М. Могильный был арестован в августе 1937 года, его заставляли дать показания против Молотова, но, «видимо, на него очень нажимали, а он не хотел ничего говорить и бросился в лифт в НКВД». Молотов знал, что НКВД собирает на него досье, хотя ему это досье никогда не показывали. Когда в 1970-е годы интервьюер наивно спросил: «Но Сталин это не принимал?» Молотов резко ответил: «Как это не принимал? Моего первого помощника арестовали. <...> И вот весь мой аппарат...»⁹⁰. Тот факт, что он остался на свободе, не означал, что его сочли невиновным.

Обычно те, кто находился у власти, имели возможность вмешиваться для защиты подчиненных, коллег и клиентов, попавших в руки НКВД, но во время Большого террора эта практика была приостановлена. По словам Микояна, «было даже специальное решение Политбюро, запрещавшее членам Политбюро вмешиваться в работу НКВД»⁹¹. В 1935 году Молотов пытался, хотя и безуспешно, защитить своего учителя, но когда он на следующий год попытался заступиться за няню, Ежов предупредил его, чтобы он не вмешивался в дела следствия⁹². Ко времени, когда арест Аросева стал неминуем, Молотов даже не пытался его спасти, хотя очень любил его и считал честным человеком. «Позаботься о детях», — вот единственный совет, который он мог дать своему другу. Его жена Полина сделала больше, она помогла первой жене Аро-

90. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 414–415.

91. А. И. Микоян, *Так было*, с. 583.

92. РГАСПИ, 82/2/1439, л. 52; Montefiore, *Stalin*, p. 188; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 420, 422; David-Fox, *Showcasing*, p. 301.

сева не только с едой и одеждой, но и дала ей работу в своем ведомстве⁹³. Молотов следовал той же схеме невмешательства в отношении своих заместителей и помощников, за одним известным исключением. Когда дочь-школьница его основного секретаря, покончившего с собой после ареста, чтобы не давать показания, написала Молотову, что после ареста родителей их квартиру опечатали и она осталась без зимней одежды, Молотов в тот же день переслал это письмо Ежову с запиской: «Лоре Могильной нужно выдать теплую одежду»⁹⁴.

Кагановича часто упрекали в том, что он не заступился за своего брата Михаила (строго говоря, это случилось уже после Большого террора, в середине 1941 года — Михаил подпал под подозрение и покончил с собой, чтобы избежать ареста) или за друга Якира. Позднее Каганович защищал свою позицию, но упреки заставили его задуматься над вопросом, почему заступиться было так трудно. По его словам, Сталин использовал признания арестованного как щит против заступничества членов команды. Если член команды поднимал вопрос о чьей-то невинности, ему предъявляли признательные показания, которые можно было оспорить только в том маловероятном случае, если у вас есть определенные доказательства того, что это неправда. Сталин предъявлял Кагановичу признательные показания, когда тот пытался спасти Косиора, своего друга и бывшего наставника, арест которого глубоко огорчил его. Каганович также протестовал против ареста Чубаря, он заявил Сталину, что «Чубарь — честный человек», и даже если совершил небольшую ошибку, он уверен, что ему можно доверять. «Сталин говорит: „Да? Ну, на, почитай“. И дает мне тетрадку. Рукой Чубаря (я его руку знал) написано, как он был в Германии, как он пе-

93. Аросева, *Без грима*, с. 30.

94. РГАСПИ, 82/2/1453.

реговоры вел и проч., и проч. Я прочитал, думаю, ах ты, боже мой»⁹⁵.

Из всей команды Микоян был самым активным, даже безрассудным, когда пытался помочь пострадавшим. Изредка ему удавалось вытащить кого-то из тюрьмы, например, когда его армянский школьный друг Наполеон Андреасян был арестован по обвинению в том, что он является замаскировавшимся французом, а следовательно, шпионом. Он рассказал эту историю Сталину как анекдот, Сталин засмеялся и велел ему позвонить в НКВД и сказать им от его имени, чтобы Наполеона освободили. Когда арестовали мать Елены Боннэр, она дала Елене, тогда подростку, записку, чтобы отнести ее на дачу Микояну, старому другу отчима Елены, который был армянином. Микоян сказал, что ничем не может помочь ее родителям, не может даже узнать, где они находятся, но он и его жена готовы принять Елену и ее брата в свою семью. Боннэр гневно отвергла это исключительно щедрое предложение и ушла, но Микоян не забыл о ней. Летом 1945 года он вызвал ее, чтобы рассказать о судьбе родителей (отчим погиб, мать еще жива). Иногда, так же как поступали Молотовы, жертвам помогала жена Микояна, так что он лично мог оставаться в стороне. Как вспоминает его сын, когда вдова одного из военных «заговорщиков» Гамарника после его самоубийства была отправлена в ссылку, Ашхен по указанию Микояна отправилась на станцию, чтобы передать ей деньги на дорогу⁹⁶.

Надо сказать, что Ворошилов, который в иных случаях вел себя менее благородно, чем Микоян, когда были арестованы родители жены его прием-

95. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 79–80; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 107 (интервью с Кагановичем).

96. ГАРФ, 120/580/680; А. И. Микоян, *Так было*, с. 582–583; Bonner, *Mothers and Daughters*, p. 323–324; С. Микоян, *Воспоминания*, с. 33, 35

ного сына Петра, оставил невестку, которая вместе с Петром была членом их семьи, жить у себя. Она продолжала жить у Ворошиловых даже после того, как ее исключили из института за отказ отречься от своих родителей. Он регулярно отправлял ее родителям посылки, и более того, когда примерно через год ее мать освободили по состоянию здоровья, Ворошиловы приняли ее тоже⁹⁷.

Самая таинственная фигура во всем этом, конечно, Сталин. Его позиция перед членами команды, когда они жаловались или пытались заступаться, заключалась в том, что все они были в одной лодке и зависели от НКВД. Когда Георгий Димитров, глава Коминтерна, задавал ему такие вопросы, он отвечал: «Что я могу для них сделать, Георгий? Все мои родственники тоже в тюрьме»⁹⁸. В некотором смысле это была словесная эквилибристика: ни Георгий, ни даже члены команды не могли вытащить своих родственников из рук НКВД, но Сталин, если бы хотел, мог. Тем не менее правда, что у Сталина были родственники, а также друзья, коллеги и даже помощники, которые были арестованы. Масштаб бойни в его ближайшем окружении был таким же, если не бóльшим, чем в окружении других членов команды⁹⁹.

У Сталина было мало кровных родственников, но он был близок со многими родственниками своих обеих жен. Жертвами чисток со стороны Сванидзе были Марико и Алеша, брат и сестра его первой жены, а также жена Алеши, Мария (которая вела дневник и боготворила Сталина), и их сын Джон-

97. Васильева, *Кремлевские жены*, с. 84–85.

98. Montefiore, *Stalin*, p. 290.

99. Kun, *Stalin*, p. 285–288; Montefiore, *Stalin*, p. 266; Зенкович, *Самые секретные*, с. 430–431 (трое из семи сталинских бывших и действующих секретарей стали жертвами чисток [Брезановский, Каннер, Назарьян], а жена его секретаря Поскребышева, которую считали сталинской фавориткой, была арестована в 1939 году и расстреляна в 1941-м).

ни. Со стороны Аллилуевых жертвой чистки стал зять Надежды Станислав Реденс, высокопоставленный чин НКВД, который был близок со всей семьей Сталина, при этом его жена Анна Аллилуева оставалась на свободе, хотя была выселена из своей кремлевской квартиры. Брат Надежды Павел, военный, внезапно умер, возможно, в результате самоубийства, когда в 1938 году вернулся из отпуска и увидел, что идут массовые аресты офицеров, служивших под его руководством. Уничтожены, конечно, были не все: некоторые родственники по обеим линиям оставались на свободе, по крайней мере пока, и Сталин, возможно, даже пытался привлечь вдову Павла, Женю, в качестве жены/экономки/матери для своих детей. Но семейный круг был разрушен. Светлана вспоминает, что оставшихся на свободе родственников Аллилуевых больше не допускали в квартиру Сталина в Кремле, за исключением ее бабушки и дедушки. Но отношения с Сергеем Аллилуевым и его женой, несомненно, были напряженными из-за арестов и того факта, что Аллилуев усыновил своих внуков после того, как их отца, Реденса, забрали. (Никто из членов семьи не пришел забрать любимого, хотя и несносного, десятилетнего мальчика Джонни Сванидзе, которого спасла от детского дома только бывшая няня.)¹⁰⁰

Наиболее тяжелой потерей был Алеша Сванидзе, которого арестовали в декабре 1937 года. Микоян считал, что Алеша и Сталин были близки как братья, он не мог понять, как Сталин мог это допустить, даже если Берия (который был в плохих отношениях со Сванидзе) хотел его погубить: «Они дружили до последних дней, и я не слышал, чтобы они поссорились, чтобы Сталин был недоволен им или выражал ему недоверие». Мало того, Алеша был самым близким человеком, оставшимся

100. *Иосиф Сталин в объятиях семьи*, с. 193; Kun, *Stalin*, p. 392, 409, 380, 411–415; Шрейдер, *НКВД изнутри*, с. 101.

у Сталина после того, как умер Киров. Он обычно ночевал у Сталина на даче, потому что Сталину после смерти Надежды не нравилось оставаться там одному. «Позже, когда Сванидзе не стало, у Сталина никто ночевать уже не оставался, и он не предлагал этого никому»¹⁰¹.

Когда Микоян, с которым Алеша работал во внешней торговле, стал уверять, что он, конечно, не шпион, Сталин согласился, что он не шпион в обычном смысле, но сказал, что в ходе своей работы он, очевидно, дал немцам информацию о происходящем в советском руководстве. Нетипичный случай: Сталин дал Сванидзе шанс избежать смерти, признав вину и попросив прощения у ЦК, но Сванидзе плюнул в лицо человеку из НКВД, который принес это предложение: «Вот мой ответ [Сталину]». Приговор был приведен в исполнение. «Вот это аристократическая гордость!» — невольно восхитился Сталин¹⁰². Очень мало сообщений о случаях, когда Сталин вмешивался, чтобы спасти кого-то лично знакомого или вычеркнуть его имя из списков подлежащих аресту. Редким исключением был его старый друг из Грузии, Серго Кавтарадзе¹⁰³. Кроме того, Сталин попросил не казнить участников предполагаемого заговора с целью убийства Сталина в 1936 году. Светлана пишет, что в 1939 году он очень неохотно заступился за ее няню, и то только потому, что дочь устроила большой скандал¹⁰⁴. После того как по семье прошлись чистки, и Сталин и Светлана жили очень одиноко.

Предполагается, что аресты в непосредственном окружении Сталина осуществлялись по его личной инициативе из-за его враждебности к тем

101. А. И. Микоян, *Так было*, с. 356–359.

102. А. И. Микоян, *Так было*, с. 356–359; *Иосиф Сталин в объятиях семьи*, с. 193–194.

103. Montefiore, *Young Stalin*, p. 320.

104. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 97.

или иным лицам. Возможно, это правда, но также возможно, что он просто отказался проявлять к ним особое отношение. Ежов, конечно, не стал бы самостоятельно принимать меры против родственников Сталина. Но когда в их делах накапливалась компрометирующая информация, а ее не могло не быть, особенно, если человек служил за границей, как Реденс и Алеша Сванидзе, — благоразумно было бы направить эти дела Сталину и получить от него добро. Это одна из тех ситуаций, которая выглядит иначе, когда мы думаем о Сталине как о члене команды, а не как о всемогущем диктаторе. Если бы команда видела, что он спасает своих людей, позволяя их людям погибнуть, это нанесло бы большой ущерб его авторитету. С политической точки зрения он должен был дать им понять, что они все в одной лодке.

Рассказывали истории о цинизме Сталина по поводу обвинений, выдвинутых НКВД. В 1940 году, например, он сказал Кавтарадзе, с которым ужинал в ночь его освобождения из тюрьмы: «Подумать только, что ты хотел меня убить». Еще в Грузии рассказывали, что после войны, встречаясь со старыми грузинскими друзьями, Сталин упомянул общих знакомых, ставших жертвами Большого террора, «со спокойствием историка, который не выражает ни печали, ни ярости, но говорит без злобы, просто с легким юмором»¹⁰⁵. Эта нотка безразличия была недоступна остальным членам команды. С их точки зрения, хотя террор был отчасти героическим подвигом, огромной азартной игрой, которая более или менее удалась, он также был очень болезненным воспоминанием. В отличие от Гражданской войны или даже коллективизации, у них не хватало духа спустя годы обмениваться воспоминаниями о том, через какое трудное

105. Medvedev, *Let History Judge*, p. 311; Montefiore, *Young Stalin*, p. 309.

испытание они прошли. А испытание действительно было трудным. Как снежный ком, этот процесс мог легко выйти из-под контроля и уничтожить своих создателей (как это произошло с якобинцами, развязавшими террор во время Французской революции). У команды были причины не только благодарить судьбу за то, что им повезло выжить, но и Сталина за то, что он сохранил самообладание и сумел затормозить летящий под откос поезд.

В соответствии с «дозирующей» практикой Сталина смещение Ежова было многоступенчатым и сравнительно длительным процессом, хотя фактически Ежов не сопротивлялся, а лишь погружался в отчаяние, болел и пил, а его дела шли все хуже. В апреле 1938 года он был назначен министром водного транспорта, сохранив за собой должность главы НКВД. В августе его враг и преемник Лаврентий Берия был переведен из Грузии и назначен его первым заместителем по НКВД, а к ноябрю распространился слух, что он сменит Ежова на посту главы НКВД. В ноябре, после двух напряженных встреч со Сталиным и командой, Политбюро уволило Ежова с должности в НКВД по состоянию здоровья и в связи с переутомлением. Его заменил Берия, который быстро начал вычищать людей Ежова. Жена Ежова, Евгения, попавшая в больницу из-за депрессии, покончила с собой десятью днями раньше, вероятно, с помощью своего мужа, который достал ей яд, а вдова члена команды Зинаида Орджоникидзе этот яд передала. Частота визитов Ежова к Сталину, которая оставалась высокой даже после появления Берии, после 23 ноября сразу упала до нуля¹⁰⁶. Конечно, террор продолжался и после отставки Ежова. Общее количество арестов и казней за контрреволюционные преступления в 1938 году было не намного ниже, чем в 1937 году. Более того, трех из пяти арестованных членов По-

106. Jansen, *Stalin's Loyal Executioner*, p. 140, 149–150, 161–165, 168–171.

литбюро (Косиора, Чубаря и Постышева) казнили в начале 1939 года уже при Берии. Однако было ощущение, что террор идет на спад, что впоследствии подтвердилось¹⁰⁷.

Хотя члены команды последние годы жили в постоянном страхе за свою жизнь, в целом команда прошла через чистки без больших потерь. На самом деле, если взглянуть на служебные журналы Сталина за 1939 год, то, что касается команды, все было почти как в старые времена: она собиралась у него регулярно, иногда по два раза в день, утром и вечером, причем Молотов был самым частым посетителем, как это было в течение многих лет, а Берия (только что избранный кандидатом в члены Политбюро) и Маленков (ныне секретарь ЦК) стали новыми постоянными участниками. По сравнению с тем, что было до чисток, Каганович опустился на шестое место по частоте посещений, а Микоян — на третье. Хрущев, кандидат в члены Политбюро с 14 января 1938 года, избранный полномочным членом на XVIII съезде, руководил Украиной и редко появлялся в Москве. Жданов по-прежнему руководил Ленинградом. Андреев и Калинин, оба со слабым здоровьем, реже всех посещали кабинет Сталина и присутствовали на заседаниях Политбюро, но в работе Политбюро они все еще принимали участие. Пока что было неясно, как этот опыт повлияет на дальнейшую работу членов команды, как коллективную, так и каждого члена в отдельности. По состоянию на первое полугодие 1939 года все они работали сверхурочно, пытаясь найти новых сотрудников для своих ведомств и восстановить их работу¹⁰⁸.

107. Getty, *Road to Terror*, p. 527–528 (в 1938 году примерно полмиллиона арестовано, 300 000 казнено).

108. Graeme Gill, *The Origins of the Stalinist Political System* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), p. 278; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 572–573.

XVIII съезд партии был созван в марте 1939 года, через пять лет после предыдущего. Его делегатами были значительно более молодые и менее опытные люди, чем на съезде в 1934 году, только пятая часть участников вступила в партию во время или до Гражданской войны, тогда как на предыдущем съезде таких было четыре пятых. Количество делегатов, которые побывали на обоих съездах, было необычайно низким: всего 3 процента. Тем более радостно собравшиеся представители коммунистической элиты приветствовали своих вождей: как написано в протоколе, «появление на трибуне товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Калинина, Андреева, Микояна, Жданова и Хрущева было встречено громом аплодисментов»¹⁰⁹. Съезд заслушал доклад Сталина, в котором он сосредоточился на международной ситуации и экономическом росте страны, попутно опровергнув ошибочное мнение иностранных болтунов о том, что «если бы оставили на воле шпионов, убийц и вредителей и не мешали им вредить, убивать и шпионить, то советские организации были бы куда более прочными и устойчивыми»¹¹⁰. (Эта шутка была встречена смехом.) Андреев упомянул «глубокое чувство морального удовлетворения» в партии результатами недавних чисток. Микоян, чье активное участие в репрессиях было на удивление скромным, тем не менее предложил в качестве оправдания медицинскую метафору, отметив, что в период после последнего съезда «нам удалось обнаружить и уничтожить очаги контрреволюции, ликвидировать зараженные места на теле нашей партии, в результате чего партия стала еще сильнее, здоровее, могущественнее и сплотилась во-

109. XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б): 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет (Москва: ОГИЗ, 1939), с. 3, 104, 211, 169.

110. Сталин, *Сочинения*, ed. McNeal, vol. 1 (14), p. 369.

круг своего ЦК, вокруг товарища Сталина крепче, чем когда-либо прежде» (это было встречено «бурными аплодисментами»). Из выступавших членов команды самым яростным был Хрущев, он говорил почти как в 1937 году: украинский народ «ненавидит и проклинает врагов», которые будут «уничтожены как бешеные собаки» (его речь удостоилась «шумных аплодисментов» — необычная формулировка, предполагающая определенное отступление от норм). Молотов, который не делал каких-либо общих комментариев по поводу недавней истории партии, выступил с официальным отчетом об экономике и неожиданно столкнулся с резкой критикой. Предположительно, это был инсценированный эпизод мелкого унижения, поскольку его доклад, совершенно стандартный, накануне был одобрен в Политбюро¹¹¹.

Жданову, секретарю ЦК, отвечающему за кадры, было поручено сделать единственный доклад на тему, которая, безусловно, занимала главное место в сознании людей, — о терроре, который они все только что пережили. Событие было все еще безымянным — только позже оно стало называться «1937» в русском дискурсе и «большими чистками» (the Great Purges) на Западе, — так что Жданову пришлось прибегать к косвенным наименованиям, но даже при этом его подход был крайне невнятным. Он говорил не о терроре, а о регулярных партийных чистках, связанных с исключением из партии, но не с арестами — их можно было бы для удобства назвать мелкими чистками, — которые были частью партийной жизни с 1920-х годов. Под руководством Ежова на посту секретаря ЦК в 1935–1936 годах процесс регулярных партийных чисток был увязан с процессом разоблачения «врагов народа», но тем не менее это были разные вещи, концептуально и на практике. Пока остальные чле-

111. Khlevniuk, *Master*, p. 221.

ны команды молчали, делегаты из регионов вставляли один за другим и говорили о судебных ошибках на местах, когда были арестованы хорошие люди, члены партии. Часто говорили, что это результат «ложных доносов», аккуратно перекладывая ответственность с руководства партии на народ. Аресты многих людей, не состоящих в партии, — маргиналов, представителей некоторых нерусских этнических групп и т. д. — не упоминались, поскольку Жданов не касался этого в своем докладе, и, возможно, отчасти по этой причине эти репрессии оставались незамеченными западными наблюдателями на протяжении десятилетий¹¹².

Делегаты XVIII съезда партии были молодыми людьми, половина из них была моложе тридцати пяти лет, полными энтузиазма¹¹³. По словам одного из участников, адмирала Кузнецова, они отбивали себе ладони, аплодируя Сталину. Он не видел никаких признаков того, что ужасная бойня последних нескольких лет нанесла ущерб репутации Сталина в глазах партии. «Как ни странно, — комментировал он, — но его преступные ошибки с репрессиями создали ему еще больший авторитет»¹¹⁴.

112. XVIII съезд, с. 519–524; J. Arch Getty, *Origins of the Great Purges* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), p. 38–57, 202.

113. Волынец, Жданов, с. 222.

114. Н. Г. Кузнецов, *Крутые повороты: из записок адмирала* (Москва: Молодая гвардия, 1995), с. 57.

ГЛАВА 6

На войну

ЗМАЯ 1939 года Литвинова вызвали в Кремль и раскритиковали за то, что его политика коллективной безопасности не дала результатов. Дискуссия была жаркой. Молотов якобы кричал на Литвинова: «Вы думаете, что мы все дураки!» Жданов и Берия были также крайне критичны в отношении политики Литвинова. Результатом стала ночная телеграмма всем послам, информирующая их об отстранении Литвинова от должности и замене его Молотовым, который будет совмещать этот пост с должностью главы правительства. Это означало очень важный сдвиг в международной позиции Кремля. Потеряв надежду на англо-французский альянс против Германии, к которому стремился Литвинов, Сталин и его команда были готовы попробовать альтернативу.

В телеграмме послам увольнение Литвинова объясняется «серьезным конфликтом с Молотовым и правительством»¹. Это беспрецедентное и ничем не обоснованное упоминание личного конфликта, как представляется, должно было затушевать участие Сталина. Конечно, отношения между Молотовым и Литвиновым были плохими. Литвинов считал Молотова дураком и не скрывал своего презрения. Молотов, со своей стороны, «был раздражен резким и зачастую жалящим остроумием Лит-

1. Dullin, *Men of Influence*, p. 232; Derek Watson, *Molotov: A Biography* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005), p. 154.

винова». По мнению белорусско-американского журналиста Мориса Хиндуса, Молотов задевало, что Литвинов бегло говорил на французском, немецком и английском языках, а его свободная манера общения с иностранцами вызывала у Молотова подозрения. «Никогда не живший за границей Молотов всегда подозревал, что в широком кругозоре Литвинова и в его признании западной цивилизации было что-то нечистое и греховное»².

Передача Наркоминдела была драматичной. Войска НКВД окружили здание, и Молотов немедленно начал чистку сотрудников наркомата (вероятно, это был его первый практический опыт такого рода, поскольку он не участвовал в поездках для проведения чисток в 1937–1938 годах). Говорили, что Молотов был в состоянии яростного возбуждения и кричал: «Хватит литвиновского либерализма! Я собираюсь с корнем вырвать осиное гнездо этого жида [Литвинова]!»³ Это было настолько нетипично для обычно невозмутимого Молотова, который, в отличие от Кагановича и некоторых других членов команды, не позволял себе ругаться и кричать, что можно было бы усомниться в точности этого рассказа, если бы это был единственный случай. Однако, по крайней мере еще один раз, Молотов сорвался на крик в присутствии дипломатического корпуса (дело было весной 1940 года, и поводом был финский ультиматум), и его помощникам пришлось вывести его из зала. Его переводчик думал, что он, должно быть, был пьян, и весьма удивился на следующий день, когда Молотов выглядел несколько не смущенным и не как с похмелья, а был вполне доволен собой. Из вопросов Молотова о реакции дипломатов он понял, что все это было инсценировкой, возможно, по предваритель-

2. Watson, *Molotov*, p. 152; Maurice Hindus, *Crisis in the Kremlin* (New York: Doubleday, 1953), p. 48; Berezkhov, *At Stalin's Side*, p. 317.

3. Watson, *Molotov*, p. 155; Berezkhov, *At Stalin's Side*, p. 225–226.

ному соглашению со Сталиным, чтобы как можно более драматично выразить советское недовольство. Если предположить, что это была еще одна инсценировка в соавторстве со Сталиным, то антисемитизм должен был быть сигналом для нацистской Германии. После отставки еврея Литвинова и назначения русского Молотова одно препятствие на пути советско-германских переговоров исчезло.

Наркомат иностранных дел долгое время был пристанищем для партийных интеллектуалов, бывших эмигрантов и оппозиционеров, многие из которых были евреями. Его чистка, кажется, является первым случаем явного антисемитизма со стороны Сталина и Молотова⁴. Вот как рассказывал эту историю Молотов в беседе с интервьюером (русским националистом) в 1970-х годах: «Сталин сказал мне: „Убери из наркомата евреев“. Слава богу, что сказал! Дело в том, что евреи составляли там абсолютное большинство в руководстве и среди послов. Это, конечно, неправильно. Латыши и евреи... И каждый за собой целый хвост тащил. Причем свысока смотрели, когда я пришел, издевались над теми мерами, которые я начал проводить»⁵. Кажется, что Молотов, который сам не был антисемитом и у которого была жена-еврейка, мысленно вернулся в начало 1920-х годов, когда он возмущался тем, что такие уверенные в себе космополиты, как Троцкий и Зиновьев, одергивали и опекали его.

Но еврейская жена Молотова, Полина Жемчужина, весной 1939 года создала ему много проблем. У Полины была собственная карьера, в то время она была наркомом рыбной промышленности и хотела отправиться в командировку на Дальний Восток, на Сахалин для изучения рыбных промыслов. Местный НКВД возражал, видимо, по соображе-

4. Arkady Vaksberg, *Stalin against the Jews* (New York: Alfred A. Knopf, 1994), p. 84–86; Hindus, *Crisis*, p. 48.

5. Чув, *Молотов*, с. 332–333.

ниям безопасности, но Сталин резко их одернул⁶, и Жемчужина отправилась в путешествие. Очевидно, это была еще одна из сталинских игр в кошки-мышки: пока она отсутствовала, ряд ее коллег и протеже (как в Наркомате рыбной промышленности, так и в Наркомате пищевой промышленности, где она работала ранее) были арестованы. Жемчужина прервала поездку и поспешила домой, но не смогла добиться освобождения своих сотрудников. На допросах некоторые из них дали показания против нее, поэтому ей самой грозила опасность ареста. Однако на этот раз ее просто уволили с поста наркома рыбной промышленности. Странным образом это увольнение заняло много времени, осенью 1939 года эта проблема несколько раз обсуждалась на Политбюро. Затем ее назначили главой советского производства галантерейных изделий, что было существенным понижением в должности⁷. Даже тогда ее проблемы не закончились, они продолжались на фоне громкой деятельности Молотова на посту наркома иностранных дел. Когда Политбюро через год или около того проголосовало за ее исключение из Центрального комитета партии, Молотов воздержался, чем вызвал раздражение Сталина⁸.

Международная обстановка была зловещей. Возникла напряженность с японцами, которые оккупировали Маньчжурию, где основали марионеточное государство. В 1939 году начались боевые действия на границе с Монголией в районе реки Халхин-Гол. Там произошло крупное танковое сражение, в котором прославился будущий маршал Георгий Жуков. Едва ли можно было сомневаться в намере-

6. РГАСПИ, 558/11/58, л. 99 (Сталин владивостокскому руководству, 9 мая 1939).

7. РГАНИ, 3/32/13, лл. 29–32; *Сталинское Политбюро*, с. 171–172; Хлевнюк, *Политбюро*, с. 242.

8. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 474–475.

нии Гитлера двинуться на восток. Англия, Франция и Советский Союз в 1938 году были глубоко встревожены признаками, выдававшими намерение Германии оккупировать Чехословакию, но так ничего и не предприняли. Осенью 1939 года настала очередь Польши. Сталин надеялся, что сможет маневрировать таким образом, чтобы западные державы вступили в войну с Германией, в то время как Советский Союз оставался бы в стороне; у западных держав была похожая надежда на то, что удастся столкнуть Советский Союз с Германией и те перегрызут друг другу горло.

Между тем усилия Литвинова на протяжении всего времени, пока он был наркомом иностранных дел, были направлены на альянс с Западом (Великобританией и Францией) против немецкой угрозы, эту линию поддержал и возглавляемый Советским Союзом Коминтерн, который в 1935 году перешел к политике Народного фронта против фашизма (имелся в виду прежде всего германский нацизм). Советский Союз вложил значительные средства в антигерманское противостояние, рассчитывая при этом на европейское общественное мнение. Тем не менее когда Британия в августе 1939 года отправила своего переговорщика в Ленинград на тихом судне, у Сталина и Молотова кончилось терпение. Молотова обидело, что англичане отправили на переговоры чиновника Министерства иностранных дел «второго ранга» Уильяма Странга, а Странг, как и другие западные дипломаты, с которыми Молотов сталкивался в первые месяцы своего пребывания на посту наркома иностранных дел, был поражен отсутствием у него дипломатических навыков, а также чувства такта⁹. Как вспоминал позднее посол Великобритании, у Молотова не было никакого умения вести переговоры, он только «упорно,

9. Richard Overy, *Russia's War* (New York: Penguin, 1998), p. 44–45; Watson, *Molotov*, p. 160.

деревянным голосом... повторял свою точку зрения и... задавал своим собеседникам неисчислимое количество вопросов». Дипломаты пришли к выводу, что он неспособен «проявлять гибкость и быть приветливым на официальных мероприятиях», и отметили, что при новом режиме «космополитический стиль» эпохи Литвинова сменился «подлинно большевистским» подходом. Молотов, несомненно, был бы польщен, услышав это, но тем не менее его огорчало отсутствие у него необходимых на новой должности навыков общения¹⁰.

Теперь наиболее вероятным стал союз с Германией. Очевидно, именно к этому Молотов и стремился, поскольку испытывал острую неприязнь к Англии и Франции, а также к их «союзнику» на внутренней арене, Литвинову. Сталин, похоже, питал более или менее равную враждебность по отношению к обеим сторонам и, наоборот, был одинаково готов работать с любой из них, если это было в интересах Советского Союза. Представление о том, что он и Гитлер чувствовали взаимную близость как соратники-диктаторы, является мифом: каждый из них рассматривал другого как великого врага и идеологического антипода, и для обеих сторон это был брак по расчету. Гитлер был заинтересован в нейтрализации потенциального советского противодействия притязаниям Германии в Восточной Европе и хотел выиграть время, чтобы сначала расправиться с Западной Европой, а Сталин хотел выиграть время, чтобы укрепить свои вооруженные силы и привести их в боевую готовность. 23 августа немецкий коллега Молотова Иоахим фон Риббентроп вылетел в Москву. Были проведены переговоры с Молотовым и Сталиным (к их разочарованию, ни один из них не мог понять его немецкий — репетитор Молотова по немецкому языку был, увы,

10. Комментарий британского посла сэра Вильяма Сидса, цит. по: Watson, *Molotov*, p. 163, 157; Watson, *Molotov*, p. 149–152.

арестован!), и пакт о ненападении между двумя державами был подписан в тот же день. Согласно условиям пакта, Германия и Советский Союз обязались не нападать друг на друга и не поддерживать военное нападение третьей стороны.

Пакт произвел шоковое впечатление на команду, учитывая популярность в Советском Союзе идеи Народного фронта против фашизма с середины 1930-х годов. Кроме того, большинство членов команды ни о чем заранее не предупредили¹¹. Но они поняли объяснение Сталина — он, по-видимому, беседовал с ними как по одному, так и коллективно, — что необходимо выиграть время перед почти неизбежной войной. Микоян считал это «неизбежным, вынужденным, а потому правильным» в свете англо-французского «отказа от серьезных переговоров об антигитлеровской коалиции»¹². Берия, возможно, лично был от этого не в восторге, так, по крайней мере, уверял его сын¹³. Каганович, как еврей, испытывал особую неловкость из-за яростного антисемитизма Гитлера, но успокоился, когда на приеме в Москве после подписания пакта Сталин решил немного подразнить Риббентропа и предложил тост за Кагановича. Он обошел вокруг стола, чтобы чокнуться с ним. «Сталин дал понять, что договор мы подписали, но идеологию не изменяем», — объяснил позже Каганович. «А когда мы выходили из зала, в дверях он мне сказал: „Нам нужно выиграть время“»¹⁴. Молотов процитировал еще один из сталинских тостов, который озадачил Риббентропа: «Выпьем за нового антикоммуниста Сталина!» Немцам не понять марксистское чувство юмора, прокомментировал он¹⁵.

11. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 128, 135, 139.

12. А. И. Микоян, *Так было*, с. 376–377.

13. S. Beria, *Beria, My Father*, p. 51–52.

14. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 89–90.

15. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 19.

Для советской общественности объявление о пакте стало сенсацией, но было не настолько болезненным, как для коммунистов и сторонников Народного фронта на Западе. Многие советские граждане испытали облегчение, понимая это как отсрочку опасности войны, но некоторые, как и советские лидеры, по-прежнему с подозрением относились к добрым намерениям Германии. Советская пресса прекратила яростные антинацистские выступления, но не перешла на пронацистскую позицию. Хрущев позже утверждал, что в московских театрах специально продолжали показывать пьесу «Ключи от Берлина», действие которой происходит в 1760 году, в конце Семилетней войны, чтобы напомнить, что русские в прошлом победили немцев и захватили их столицу.

Неопубликованные секретные протоколы к пакту (формально не ратифицированные Политбюро, но известные, по крайней мере, в общих чертах большинству членов команды) признавали германские и советские сферы интересов в Восточной Европе. Советская примерно соответствовала историческим границам Российской империи, включавшим Восточную Польшу и страны Балтии. Реальные последствия этого не заставили себя долго ждать: 1 сентября Германия вторглась в Польшу с Запада, в течение недели захватив большую часть страны, включая ее столицу Варшаву. Вторжение в Польшу, несмотря на предупреждения союзников, заставило Великобританию и Францию объявить войну Германии. Советский Союз, нейтральный по условиям пакта с Германией и искренне надеющийся, что война на Западе займет Гитлера надолго, через несколько недель, при поддержке Германии, оккупировал Восточную Польшу. Для западного общественного мнения такой поворот событий был шокирующим, но для большей части советской общественности это представлялось вполне оправданным. Как позже заметил один

иностранный корреспондент, «в стране широко распространено мнение о том, что „нейтралитет“ оправдывает себя: в результате советско-германского пакта Советский Союз стал больше и почти без кровопролития укрепил свою безопасность»¹⁶.

Результатом оккупации стало включение бывших польских земель в состав Советского Союза, за счет чего его территория увеличилась. За несколько месяцев жители бывшей Восточной Польши, хотели они того или нет, стали советскими гражданами, а именно жителями Украинской и Белорусской советских республик. Членом команды, который руководил этим процессом на месте, был украинский партийный лидер Хрущев. Он делал это энергично и с энтузиазмом, попутно заводя новых друзей среди польских левых¹⁷. Одной из них была писательница Ванда Василевская, которая вскоре вышла замуж за известного украинского драматурга, коммуниста Александра Корнейчука. Когда Хрущев представил их Сталину, она ему очень понравилась и на протяжении всех военных лет была одним из очень немногих иностранных друзей Сталина, а возможно, и его любовницей¹⁸. Тогда надеялись, что эти вновь занятые территории создадут буферную зону, защищающую от врагов с Запада. Однако вскоре возникли новые проблемы: включение новых территорий означало, что границы Советского Союза отодвигаются на запад, а это повлекло за собой долгий процесс демонтажа старых рубежей и укрепления новых границ.

16. Timothy Johnson, *Being Soviet* (Oxford: Oxford University Press, 2011), p. 21–22; Alexander Werth, *Russia at War* (London: Pan Books, 1964), p. 60–73, 83.

17. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 143–149.

18. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 145; Marci Shore, *Caviar and Ashes: A Warsaw Generation's Life and Death in Marxism, 1918–1968* (New Haven: Yale University Press, 2006), p. 172–174, 200–202, 237–240.

Сергей Киров
и Серго
Орджоникидзе,
1920 год. ИТАР-ТАСС

Каганович (в центре) с секретарем Компартии
Украины А. В. Медведевым (слева) и Постышевым (справа),
1927 год. РГАКФД

Сталин, его жена Надежда, Ворошилов с женой и Енукидзе
в Сочи, 1932 год. РИА «Новости»

Сталин и его коллега
(Так фотография называется в архиве: «коллега» —
вероятно, Бухарин, а время — конец 1920-х годов.) РГАСПИ

Набросок портрета Сталина, сделанный Бухариным, 20 февраля 1928 года. РГАСПИ

Набросок портрета Рудзутака, сделанный Валерием Межлауком, без даты (конец 1920-х годов (?)). Подписано художником. РГАСПИ

Вожди на трибуне Мавзолея, 1933–1934 годы.
Передний ряд слева направо: Валерий Межлаук (Госплан),
Молотов, Каганович, Сталин, Ворошилов, Калинин,
Андреев и Чубарь. РГАКФД

Вожди на XVII партийном съезде, 1934 год. Второй ряд слева
направо: Енукидзе, Ворошилов, Каганович и Куйбышев;
передний ряд: Орджоникидзе, Сталин, Молотов
и Киров. РГАКФД

Пятидесятипятiletний юбилей Сталина в Кунцеве, 1934 год
(снимал телохранитель Сталина, генерал Власик).

Дальний ряд слева направо: Анна Аллилуева-Реденс,
Дора Хазан и Зинаида Орджоникидзе; средний ряд:
Мария Сванидзе, Мария Каганович, Сашико Сванидзе,
Сталин и Полина Жемчужина (Молотова), Ворошилов;
передний ряд: неизвестная, Евгения Аллилуева,
Бронислава Поскребышева, неизвестный. РГАСПИ

Групповое фото, 1934 год:
Киров, Сталин,
Куйбышев,
Орджоникидзе —
на переднем плане;
позади них —
Каганович, Калинин
и Микоян (заслонен).
РГАСПИ

Сталин и Ворошилов на приеме в Кремле,
1936 год. РГАСПИ

Встреча команды с руководителем Коминтерна, героем
дела о поджоге Рейхстага Георгием Димитровым, 1934 год.
Орджоникидзе на переднем плане слева,
Димитров и Сталин сидят на диване,
Молотов и Куйбышев облокотились на диван слева,
Ворошилов — справа. РГАСПИ

Сталин, Ворошилов, Микоян и Молотов на трибуне Мавзолея на праздновании восемнадцатой годовщины революции, 7 ноября 1935 года. РИА «Новости»

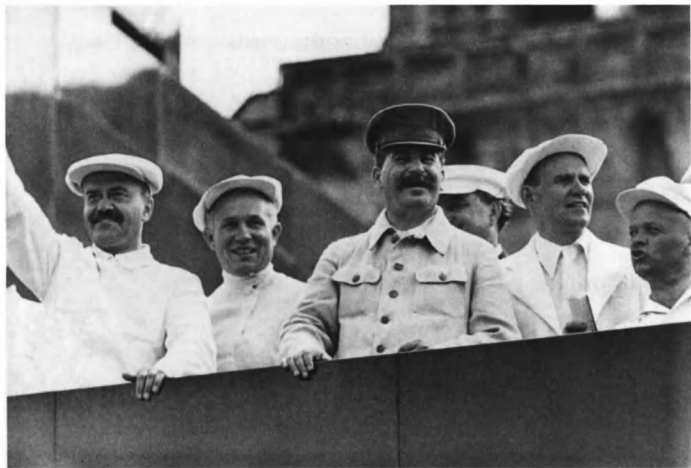
Берия со Светланой Сталиной, середина 1930-х годов. РИА «Новости»

Семья Микоян, середина 1930-х годов. В заднем ряду: Степан и Владимир; средний ряд: Алексей, Анастас и Ашхен; в переднем ряду Иван и Серго. РГАСПИ

Сталин в восточном одеянии (вероятно, это подарок от делегатов из Средней Азии) на встрече с крестьянами, 1935 год. РГАСПИ

Молотов, Хрущев и Сталин в летних костюмах с трибуны Мавзолея смотрят парад физкультурников, 1936 год. Совфото

Ворошилов, Молотов, Сталин и Ежов на канале Москва — Волга, 1937 год. РГАКФД

Сталин с детьми: Василием (слева), Светланой (стоит) и Яковом (справа), рядом с Василием — Жданов, 1 июля 1938 года. РГАСПИ

Руководители партии на встрече с народом Западной Украины, 4 октября 1939 года. В переднем ряду слева направо: неизвестный, Шверник, Андреев, Молотов, Ворошилов, Сталин, Калинин, академик Цицинов, неизвестный, Каганович, Жданов, Маленков и Хрущев. РГАСПИ

Черчилль
и Сталин
в Кремле,
1942 год. РГАСПИ

Молотов подписывает советско-чешский договор,
1 декабря 1943 года. На заднем плане: Ворошилов,
Калинин и Сталин. РГАСПИ

Жуков на белом коне на Параде Победы на Красной площади в Москве, 24 июня 1945 года. Совфото

Сталин на Потсдамской конференции, 1945 год. РИА «Новости»

Команда на похоронах Калинина, 1946 год:
Берия, Маленков, Сталин и Молотов (впереди),
Вознесенский (в следующем ряду, между
Маленковым и Сталиным), Кузнецов (виден
за плечом Вознесенского), Каганович (позади,
между Сталиным и Молотовым)
и Жданов (сзади, крайний справа).

На кунцевской даче, 1 октября 1947 года.
В переднем ряду, слева направо: Каганович, Маленков,
Сталин и Жданов; в заднем ряду: неизвестный, дети
Сталина Василий и Светлана, рядом со Светланой
Поскребышев. РИА «Новости»

Гроб Сталина, март 1953 года. Молотов, Ворошилов, Берия и Маленков (слева); Булганин, Хрущев, Каганович и Микоян (справа). РГАСПИ

Вынос гроба на похоронах Сталина, март 1953 года.
Маленков слева, Берия справа, чуть позади него Ворошилов.
Сзади справа — Микоян и Хрущев. РГАСПИ

Семья Молотовых, 20 апреля 1953 года. Стоят: зять Алексей
Никонов и Полина Жемчужина (фотография, вероятно,
сделана через несколько недель после ее возвращения
из казахстанской ссылки); сидят: дочь Светлана,
ее трехлетняя дочка Лариса и Молотов. РГАКФД

Члены «коллективного руководства» в Китае, 1954 год.
Передний ряд: Микоян, Екатерина Фурцева (первый секретарь московской партийной организации), Хрущев, Булганин и Шверник. РИА «Новости»

Прибалтийские страны также были оккупированы и включены в состав Советского Союза, но это произошло позднее, а сразу после подписания пакта их только вынудили согласиться принять защиту Советского Союза. В октябре подобное предложение было сделано и Финляндии, маленькой стране с сильным антисоветским правительством, но финны отказались. Действия Советского Союза все больше не нравились всем малым странам, которых они касались, большинство из них были независимыми всего несколько десятилетий после развала Российской империи в 1917 году, но только Финляндия оказала серьезное сопротивление. Финляндия призвала барона Карла Густава Маннергейма, который участвовал в Гражданской войне в России на стороне белых, чтобы он возглавил военное сопротивление; и не только объявила войну Советскому Союзу, но и, несмотря на значительное превосходство Советского Союза в военной мощи, прекрасно проявила себя в так называемой Зимней войне 1939–1940 годов, доказав слабость советской армии.

Советы просчитались. Как вспоминал Хрущев, они думали, что «достаточно громко сказать им, если же не услышат, то разок выстрелить из пушки, и финны поднимут руки вверх, согласятся с требованиями». Вместо этого они послали отряды лыжников и выставили русских дураками. Сталин был в гневе, особенно он был зол на наркома обороны Ворошилова, его жестко критиковали на заседаниях ЦК и заменили на настоящего военного профессионала, маршала Семена Тимошенко. По словам Хрущева, сталинские упреки так подействовали на Ворошилова, что однажды на приеме он заявил: «Ты виноват в этом. Ты истребил военные кадры», и разбил стоявшее на столе блюдо с жареным поросенком¹⁹. Война закончилась перемирием, по кото-

19. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 152, 154–155.

рому Советский Союз получал военную базу на полуострове Ханко и дополнительно 15 километров между Ленинградом и границей, но при этом потери советской стороны составили до миллиона убитыми и ранеными, и в глазах мировой общественности репутации страны был нанесен большой ущерб. Сталину пришлось заплатить такую большую цену, чтобы понять, что военный опыт Гражданской войны уже в значительной мере не актуален. Это фиаско нанесло непоправимый ущерб репутации Ворошилова как полководца и лидера, его политическое влияние также пошло на убыль²⁰.

В мае 1940 года Германия напала на Францию и нанесла ей поражение так быстро, что это потрясло не только ее союзника, Англию, но и Советский Союз, который был союзником Германии. В июне 1940 года под предлогом «провокаций» со стороны Прибалтийских государств Советский Союз отправил полумиллионную армию, чтобы оккупировать эти три маленькие страны и включить их в состав Советского Союза. Финляндия (которая до революции также входила в состав Российской империи) благодаря своей неуступчивости и военной доблести избежала этой участи. Ответственным за советизацию Эстонии был назначен Жданов, а два заместителя Молотова на посту наркома иностранных дел, Владимир Деканозов и Андрей Вышинский (прокурор на московских показательных процессах), отвечали за Литву и Латвию.

На западе Гитлеру оставалось еще расправиться с Великобританией. В ноябре 1940 года Молотов с большой помпой совершил поездку в Берлин, чтобы обсудить предложение Риббентропа о присоединении Советского Союза к Трехстороннему пакту, который незадолго до этого подписали Германия, Япония и Италия. Сталин отверг это предложение как уловку с целью втянуть Советский Союз в войну

20. Overy, *Russia's War*, p. 57.

с Великобританией, а этого он хотел меньше всего, но Молотов, возможно, был немного более открыт для этой идеи²¹. Он стал осваиваться в дипломатии, по крайней мере, в его версии дипломатии. Позже он не без удовлетворения описал свои разговоры с Риббентропом: «Он — свое, я — свое. Начал нервничать. Я — настойчиво, в общем, я его допек»²². Одной из причин нервозности Риббентропа могло быть то, что они в это время укрывались в подвале от британской бомбардировки. Как гласит история, на заверения Риббентропа, что англичане уже почти побеждены, Молотов холодно спросил, почему в таком случае они находятся в убежище и чьи это бомбы падают²³. У Молотова была встреча с Гитлером, и он с интересом заметил, что Гитлер пытался его «сагитировать» (то есть Гитлер, в отличие от самого Молотова, не вел себя как упрямый реалист), что он явно был «однобокий очень, националист крайний, шовинист, который ослеплен идеями»²⁴. Этот прямой контакт с Гитлером и растущий апломб в отношениях с немцами повысили статус Молотова в глазах Сталина и команды и завоевали уважение Сталина. По крайней мере, в этот период Сталин оценил Молотова как эксперта по внешней политике²⁵.

Для Запада Вторая мировая война началась в сентябре 1939 года, когда Великобритания и Франция после оккупации Польши объявили Германии войну. Советский Союз еще не воевал, но международная обстановка была главной заботой его лидеров. В результате пакта Молотова — Риббентропа у страны появились новые границы для демарка-

21. Watson, *Molotov*, p. 183–186.

22. Чуев, *Молотов*, с. 33.

23. Berezhkov, *At Stalin's Side*, p. 46–47

24. Чуев, *Молотов*, с. 35.

25. Константин Симонов, *Глазами человека моего поколения* (Москва: Новости, 1988), с. 348.

ции и пограничные зоны для мониторинга, новые территории, где надо было ввести советские учреждения, разместить беженцев из Западной Польши, переселить крестьян для укрепления пограничных зон, где нужно было перевести промышленность на военное производство и организовать воинский призыв. Это больше не походило на задачи мирного времени.

Одной из проблемных сфер, занимавших Сталина, была авиационная промышленность, ключевой сектор советского военного производства, где производственные показатели отставали. Наркомом авиационной промышленности был Михаил Каганович, старший брат Лазаря, и Сталину стало ясно, что он не справляется с этой работой. Он насмеялся над Михаилом за то, что тот называл нос истребителя «мордочкой»: «Что он понимает в авиации? — издевкой говорил Сталин. — Сколько лет живет в России, а по-русски как следует говорить не научился!»²⁶ Берия, который дружил с Михаилом, хотя Лазаря терпеть не мог, утверждал, что защищал Михаила в Политбюро, когда его критиковали за низкие показатели авиационной промышленности, но это не помешало его ведомству внутренних дел возбудить против Михаила дело — как против вредителя и немецкого шпиона. Михаил покончил с собой в середине 1941 года, после встречи, на которой эти обвинения были выдвинуты. (После смерти Сталина в 1953 году Михаил Каганович был одним из первых, кого Берия посмертно реабилитировал, — примерно за месяц до того, как сам Берия был арестован своими коллегами, в том числе Лазарем Кагановичем, и расстрелян.)²⁷

26. А. С. Яковлев, *Цель жизни* (Москва: Политиздат, 1972), с. 198.

27. Г. А. Куманев, *Говорят сталинские наркомы* (Смоленск: Русич, 2005), с. 105–106, 556–557; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 47–48; S. Beria, *Beria, My Father*, 165; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 78–79; Лаврентий Берия: *Сте-*

Падение Михаила происходило на глазах у его преемника, авиаконструктора Александра Яковлева, представителя новой когорты, которая после репрессий заполняла освободившиеся места в правительстве, на партийной, военной и дипломатической работе. Это было редкое явление (как правило, в 1937 или 1938 году старый начальник становился жертвой чистки до того, как появлялся его окончательный преемник), еще более редким случаем было то, что Яковлев оставил воспоминания об этом. Он и его молодые коллеги, в основном в возрасте около тридцати лет, разделяли презрение Сталина к пятидесятилетнему Михаилу Кагановичу, считая его грубым, невежественным, составившимся революционером с идишским акцентом, который не должен отвечать за техническое министерство. В коротком промежутке между Большим террором и войной все члены команды были заняты отбором лучших молодых людей, часто взятых непосредственно из инженерной школы или аспирантуры, для обучения в качестве руководителей управлений и заместителей наркомов. Их взлеты бывали головокружительными: Алексей Косыгин стал советским наркомом через четыре года после окончания инженерной школы, в возрасте тридцати пяти лет, а затем во время войны был членом Государственного комитета обороны²⁸; Андрею Громыко было тридцать три года, и он окончил экономический факультет только за три года до того, как стал главой американской коллегии в Наркомате иностранных дел; через год или около того, когда он немного подучил английский, его отправили в Вашингтон в качестве второго лица

нограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие материалы (Москва: Международный фонд «Демократия», 1999), с. 42–43 (реабилитация 1953).

28. Jerry Hough and Merle Fainsod, *How the Soviet Union Is Governed* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982), p. 242–244.

в советском посольстве, а в тридцать четыре года он стал послом²⁹. Появление новой когорты было источником гордости, особенно для Сталина и Молотова; и Сталин, который, казалось, всегда находил время для своих протеже, таких как Яковлев, завоевал их благоговейную любовь и уважение. С этими молодыми людьми он проявлял себя с лучшей стороны — мудрый, доброжелательный, готовый пошутить или сказать пару дружеских слов, чтобы ободрить их, и впечатляюще хорошо информированный об их сфере деятельности³⁰.

Согласно сталинскому сценарию, у Советского Союза должно было быть в запасе как минимум несколько лет, чтобы восстановить полную боевую готовность, но Гитлер решил иначе. Операция «Барбаросса» была подготовлена, и 22 июня 1941 года, нарушив договор, Германия предприняла массированный удар по западной границе Советского Союза.

Сказать, что Сталин, Молотов и команда были застигнуты врасплох этим нападением, было бы не совсем точно, поскольку весь смысл советской политики в течение последних двух лет состоял в подготовке к войне на западе. Но абсолютно верно, что Сталин просчитался, отказываясь верить сообщениям разведки о неминуемом нападении и отчаянно пытаясь избежать провокации, которую, по его мнению, немцы могли использовать в качестве предлога. Сталин и Молотов были убеждены, что Гитлер не рискнет напасть на Советский Союз до того, как справится с Британией³¹. Нет никаких сведений о каких-либо разногласиях в команде, хотя впоследствии Микоян утверждал, что лично у него был ме-

29. А. А. Громыко, *Памятное* (Москва: Издательство политической литературы, 1988), т. 1.

30. Sheila Fitzpatrick, "Stalin and the Making of a New Elite," in Fitzpatrick, *The Cultural Front* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992), p. 149–182; Яковлев, *Цель жизни*, с. 196–197, 490–492.

31. Чуев, *Молотов*, с. 42.

нее оптимистичный взгляд на намерения Германии³². В записке, написанной в начале июня, Берия, казалось, стремился подчеркнуть, что именно Сталин мудро определил, что в этом году нападения не будет, несмотря на многочисленные настойчивые предупреждения, которые Берия получал и передавал³³. По словам генерала Жукова, Молотов и Каганович были полностью согласны со Сталиным в этом вопросе, но Жданов выразил сомнение: «Он неизменно говорил о немцах очень резко и утверждал, что Гитлеру нельзя верить ни в чем»³⁴. Жданову не повезло, война застала его в Сочи, куда он только что прибыл на отдых с семьей, и ему пришлось развернуться и возвращаться обратно³⁵.

Когда 22 июня началась операция «Барбаросса», настойчивое требование Сталина не реагировать на провокации сильно затруднило советские ответные действия и привело к уничтожению большей части военно-воздушных сил на земле и хаотическому отступлению сухопутных войск и населения в первые недели войны. Новые границы еще не были полностью укреплены, а укрепления на старой границе были в основном заброшены или демонтированы³⁶. Это нападение очень разозлило Сталина, он обвинял всех, даже самого себя: «Ленин оставил нам великое наследие, мы — его наследники — все это просрали»³⁷. После первой катастрофической недели (29–30 июня) Сталин скрыл-

32. Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 56.

33. Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin, *The Sword and the Shield* (New York: Basic Books, 1999), p. 94.

34. Симонов, *Глазами*, с. 355.

35. Волынец, *Жданов*, с. 328–329; Симонов, *Глазами*, с. 348 (обратите внимание на противоположное, но неубедительное свидетельство в: S. Beria, *Beria, My Father*, p. 52, что Жданов был германофилом, с энтузиазмом поддерживавшим союз с Германией).

36. Overy, *Russia's War*, p. 64–65.

37. Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 62.

ся на своей даче, говорили, что он «в прострации, что он ничем не интересуется, потерял инициативу... на звонки не отвечает»³⁸. Кажется правдоподобным, что, допустив серьезный и весьма заметный просчет, он счел целесообразным последовать примеру Ивана Грозного и уйти в уединение в ожидании, чтобы дворяне пришли и пригласили его обратно и тем самым подтвердили свою лояльность. Они так и сделали, и это подтверждает ту важную роль, которую команда всегда играла в советском управлении. В отсутствие Сталина и без связи с внешним миром основные члены команды — Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия, Микоян и Николай Вознесенский (новый кандидат в члены Политбюро, отвечавший за экономическое планирование) — встретились на экстренном заседании в Кремле. Берия предложил создать новый орган для руководства в условиях войны — Государственный комитет обороны (ГКО), который возглавил бы Сталин. Было решено, что они должны отправиться на дачу как группа, без приглашения, чтобы сообщить Сталину об этом решении. Молотов, по общему согласию, считался руководителем группы в отсутствие Сталина, а значит, и руководителем делегации³⁹.

По воспоминаниям Микояна, когда они приехали на дачу, Сталин вел себя так, будто думал, что они собираются его арестовать, но, возможно, Микоян домыслил это уже позднее. В любом случае Сталин явно считал себя частью команды и был необычайно скромным. Он согласился на предложение сформировать ГКО с ним во главе⁴⁰. Но по его на-

38. Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 63 (Микоян со ссылкой на Молотова).

39. Radzinsky, *Stalin*, p. 469–472; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 330; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 88.

40. А. И. Микоян, *Так было*, с. 391; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 63–64; *Политбюро и дела Берии*, с. 20 (обратите внимание на отсутствие на встрече, созванной Берией, Хрущева, Жданова, Кагановича, Андреева и Калини-

стоянию с первым, после нападения Германии, обращением к народу по радио должен был выступить именно Молотов. Сталин сказал, что сам он не в силах это сделать. Текст сочиняли все вместе, а само выступление Молотова, по мнению неблагодарного Сталина, было неудачным, он снова начал запинаясь. Однако заключительные слова речи тронули сердца людей: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами»⁴¹. Только неделю спустя Сталин выступил по радио с речью, в которой людей поразило обращение, начинающееся со слов: слов «Братья и сестры!» — это приветствие принято в русской православной церкви. Основная мысль речи состояла в том, что это будет война ради защиты Отечества, с тех пор ее стали называть Великая Отечественная война. Предполагалось, что Гитлер — это новый Наполеон, вторгшийся в Россию с запада полтора столетия назад. Но Сталин, как и Молотов, был очень взволнован, можно было слышать, как он прерывается, чтобы сделать глоток воды⁴².

Несмотря на июньский провал, в дальнейшем влияние Сталина не уменьшилось, наоборот, его роль возросла еще больше. В мае 1941 года Молотов официально передал ему должность председателя Совнаркома (для Молотова это было понижением, он стал теперь одним из пятнадцати заместителей, но продолжал выполнять бóльшую часть повседневной работы, а также сохранил пост наркома ино-

на; первые двое, вероятно, отсутствовали потому, что их не было в Москве. Андреев примчался с дачи, как только услышал о нападении Германии [Андреев, *Воспоминания*, с. 323], но, очевидно, его присутствие не требовалось. Что касается совместного визита к Сталину, то существуют разные указания о том, в котором часу это произошло и где именно, а также, как долго продолжалось уединение Сталина, но несколько участников подтверждают, что это имело место).

41. Watson, *Molotov*, p. 189–190; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 58, 481.

42. Service, *Stalin*, p. 449–450.

странных дел)⁴³. В июле Сталин занял пост наркома обороны (раньше эту должность занимал Ворошилов, которого сняли после провала финской кампании). 8 августа Сталин сделал рискованный ход — он принял должность Верховного главнокомандующего вооруженными силами и таким образом стал непосредственным участником войны. Функция принятия наиболее важных решений перешла от Политбюро к Государственному комитету обороны, членами которого были ключевые участники команды. Председателем был Сталин, заместителями Маленков, Берия, Каганович, Микоян, Ворошилов и новый участник — Вознесенский. (В феврале 1941 года Маленков и Вознесенский стали кандидатами в члены Политбюро.) Начиная с декабря 1943 года у ГКО появилось Оперативное бюро, куда входили Молотов, Маленков, Берия и Микоян.

Начальный этап войны был провальным, сопровождался крупными отступлениями, потерей территорий, разрушением промышленной инфраструктуры, поспешной и хаотичной эвакуацией миллионов людей из западных частей страны. Немцы окружали и брали в плен буквально миллионы советских солдат и даже целые армии. В конце июня немецкие войска подошли к Ленинграду, и к сентябрю город оказался в блокаде. Советское отступление продолжалось полтора года, немецкие войска дошли до Волги и захватили территории, на которых раньше проживали 85 миллионов человек (45 процентов населения страны) и где производилось 63 процента всего добывавшегося в стране угля и 58 процентов стали⁴⁴. В то время, что при-

43. Хлевнюк, *Политбюро*, с. 254 (резолюция от 4 мая 1941); Watson, *Molotov*, p. 188.

44. Michael K. Roof and Frederick A. Leedy, "Population Redistribution in the Soviet Union, 1939–1956," *Geographical Review* (April 1979), p. 210; Alec Nove, *An Economic History of the USSR* (Harmondsworth: Penguin, 1972), p. 27.

мечательно, не было никаких серьезных угроз советскому режиму и сталинскому руководству изнутри — разительный контраст с опытом Первой мировой войны, когда поражения России и огромные потери привели к свержению царского режима. Но были моменты, когда военное поражение казалось почти неминуемым. Реакция Сталина была предсказуемо резкой: осенью он разработал печально известный приказ о том, чтобы считать всех солдат, которые сдались или попали в плен, предателями и наказывать за это их семьи⁴⁵. В первые месяцы войны у него бывали моменты паники: один из генералов на шатком Западном фронте сообщал о почти истеричном телефонном звонке, когда Сталин, говоря о себе в третьем лице, сказал: «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек... товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить сложившееся положение»⁴⁶.

В начале октября, когда быстрое наступление Германии создало угрозу Москве, ГКО приказал правительству и дипломатическому корпусу эвакуироваться в Куйбышев на Волге. 16 октября, когда немцы находились на севере Москвы в пригороде Химки и в основном им оказывали сопротивление ополченцы, Сталин приказал членам Политбюро тоже эвакуироваться. Но все основные члены команды — Микоян, Молотов, Маленков и Берия — отказались выполнять этот приказ и остались в Москве. Вознесенский отправился в Куйбышев в качестве исполняющего обязанности главы правительства, надеясь, по словам язвivi-

45. Dmitri Volkogonov, *Stalin: Triumph and Tragedy* (Rocklin, CA: Prima, 1991), p. 427 (русское издание: Д. Волкогонов, *Триумф и трагедия: политический портрет Сталина* (Москва, 1989)).

46. Симонов, *Глазами*, с. 398 (со слов генерала, позднее маршала Ивана Конева).

тельного Микояна, что это прибавит ему власти и статуса, но, как только он туда приехал, оказался вне игры. Андреев, Калинин и Каганович тоже отправились в Куйбышев вместе со своими женами и детьми, а также с семьями других членов команды, но Андреев и Каганович вскоре вернулись в Москву. Собственные намерения и передвижения Сталина в течение нескольких дней оставались неясными, но в действительности он остался в Москве, отправив Светлану и домочадцев в Куйбышев⁴⁷. Это были отчаянные дни: на улицах хозяйничали мародеры, а простые москвичи в последнюю минуту принимали решение о том, остаться или убежать. Немецкая бомба убила писателя Александра Афиногенова, когда он выходил из здания ЦК в самом центре Москвы⁴⁸. 7 ноября, чтобы показать, что Советский Союз еще не вышел из игры, Сталин, Берия, Каганович, Молотов, Маленков, Микоян и Александр Щербаков (кандидат в члены Политбюро с февраля 1941 года, заменивший Хрущева на посту первого секретаря Московского городского комитета партии) присутствовали на урезанной версии обычного парада в годовщину революции на Красной площади. Герой Гражданской войны маршал Буденный принимал парад верхом на коне, его пышные усы были в снегу. В заранее записанном обращении Сталин приводил в пример героев из прошлого России, от Александра Невского, сражавшегося с тевтонскими рыцарями в XIII веке, до царских военачальников Суворова и Михаила Кутузова, противостоявших Наполеону⁴⁹.

47. Watson, *Molotov*, p. 192–193; А. И. Микоян, *Так было*, с. 417, 421; Чуев, *Молотов*, с. 68; Маленков, *О моем отце*, с. 42; Андреев, *Воспоминания*, с. 325.

48. Jochen Hellbeck, *Revolution on My Mind* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006), p. 341.

49. *Правда*, 8 ноября 1941, с. 1; Overy, *Russia's War*, p. 115.

Другой катастрофой был Ленинград. Ворошилов, отвечавший за вооруженные силы в этом районе, оказался не в состоянии справиться с наступлением немцев и был отстранен представителями ГКО Молотовым и Маленковым, которые прилетели туда с проверкой⁵⁰. Партийный руководитель Ленинграда Жданов также был в смятении, он был в плохой физической и психологической форме (в сентябре у него случился сердечный приступ, и он страдал от астмы). Сын Маленкова утверждает, что его отец застал Жданова в состоянии шока «в роскошном бункере — опустившегося, небритого, пьяного»⁵¹, а Молотов, менее красочно, писал, что Жданов был «очень растерян»⁵². По словам Микояна, Жданов позже рассказал Сталину, что у него был панический страх погибнуть под обстрелом или под бомбами, поэтому ему пришлось оставить большую часть повседневной работы в городе своему заместителю Алексею Кузнецову⁵³. Поначалу падение города казалось лишь вопросом времени, но в ноябре 1941 года фронт, которым теперь руководил Жуков, стабилизировался. Поскольку для ленинградского населения, составлявшего несколько миллионов человек, продовольствия осталось меньше чем на неделю, по льду Ладожского озера была проложена дорога, а в январе 1943 года добавился и узкий наземный коридор. Тем не менее в осажденном Ленинграде погибло более миллиона человек, и блокада была снята только 27 января 1944 года⁵⁴.

Учитывая то, через что прошла команда во время больших чисток, удивительно, что они вообще в последующие годы были в состоянии действо-

50. Чуев, *Сто сопок бесед*, с. 63; Watson, *Molotov*, p. 192.

51. Маленков, *О моем отце*, с. 44.

52. Чуев, *Молотов*, с. 63–64.

53. Волынец, *Жданов*, с. 333, 347; А. И. Микоян, *Так было*, с. 562.

54. Overy, *Russia's War*, p. 105

вать, не говоря уже о том, чтобы проявлять какую-либо инициативу. Тем не менее по большей части во время войны им это удавалось; они эффективно работали под огромным давлением, и часто им приходилось принимать решения самостоятельно. Члены ГКО, как и большинство их подчиненных, прошли без отдыха всю войну. В годы войны произошло возвращение к модели начала 1930-х годов — «коллективное руководство», сосуществующее со сталинской диктатурой де-факто, где каждый член команды имел свою зону ответственности. В этих областях им не только позволено было проявить инициативу, от них это требовалось. Как позже вспоминал Микоян, в первые годы войны команда, как единое целое, была на пике, все работало на полную мощность в обстановке взаимного доверия, важные вопросы решались по телефону без волокиты, и команда трудилась в «отличной товарищеской атмосфере»⁵⁵. Когда основная группа из пяти членов ГКО (Сталин, Молотов, Маленков, Берия и Микоян) собиралась, как это обычно бывало, поздно вечером, без заранее запланированной повестки и без протокола, у каждого была возможность высказаться и отстаивать свое мнение, а отношение Сталина было здравым и терпеливым, даже если ему не нравилось это выслушивать. Нередко Сталин под воздействием аргументов со товарищей менял свое первоначальное мнение⁵⁶.

Каждый советский гражданский или военный руководитель, посетивший Сталина в Кремле в то время, вспоминал, что его обычно окружали Молотов и другие члены команды, чаще всего Берия и Маленков, хотя говорили они редко⁵⁷. Некоторые из посетителей считали, что они там про-

55. Watson, *Molotov*, p. 195; Олег Хлевнюк, «Сталин на войне», *Cahiers de monde russe*, 52: 2–3 (2011), p. 211.

56. А. И. Микоян, *Так было*, с. 465.

57. Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 67–68.

сто, чтобы поддакивать, и были раздражены их присутствием, но маршал Жуков, который бывал у Сталина чаще, чем кто-либо еще, помимо членов команды, видел это по-другому: «Участвуя много раз при обсуждении ряда вопросов у Сталина в присутствии его ближайшего окружения, я имел возможность видеть споры и препирательства, видеть упрямство, проявляемое в некоторых вопросах, в особенности Молотовым; порой дело доходило до того, что Сталин повышал голос и даже выходил из себя, а Молотов, улыбаясь, вставал из-за стола и оставался при своей точке зрения. Многие предложения Сталина, касавшиеся укрепления обороны и вооружения армии, встречали сопротивление и возражения. После этого создавались комиссии, в которых шли споры, и некоторые вопросы тонули в этих спорах. Это тоже была форма сопротивления»⁵⁸.

Молотов, несмотря на проблемы 1939 года и понижение в должности в мае 1941 года, почти постоянно находился рядом со Сталиным в Кремле и других местах встреч в Москве и Подмосковье, включая бомбоубежище на станции метро «Кировская». Позже Микоян выражал недовольство этим и утверждал, что то, что Молотов обязан был присутствовать на этих встречах, отвлекало его от полезной деятельности, что Молотов служил «украшением», но это могло быть вызвано ревностью. Сам Микоян также часто бывал в сталинском кабинете в Кремле, хотя и не так часто, как он утверждал (в годы войны он не был вторым после Молотова по частоте посещений Сталина, а был четвертым в списке, пропустив вперед Берию и Маленкова). Сталин и Молотов были двумя членами команды, которые постоянно находились в Москве, в то время как другие ездили по фронтам. За исключением Тегеранской конференции с союзниками в конце

58. Симонов, *Глазами*, с. 347–348.

1943 года, Сталин практически не покидал столицу во время войны. В первые годы войны Молотов совершил две-три поездки по стране, чтобы устроить выволочку какому-нибудь старшему военачальнику от имени Сталина, но в остальном его поездки в качестве наркома иностранных дел были международными: важная (и опасная) поездка на самолете в Великобританию и США в 1942 году, а затем в Тегеран в 1943 году⁵⁹.

В отчасти формализованном разделении работы в ГКО Сталин отвечал за военную сферу, а остальные — за экономику (успехи в экономике, по мнению историков, были на удивление хорошими, лучше, чем у военных). Маленков, Берия и Микоян вместе с Молотовым сформировали оперативное руководство ГКО. Микоян, как обычно, занимался снабжением, в том числе Красной армии, а затем и производством вооружений; он также по-прежнему возглавлял Наркомат внешней торговли и, таким образом, руководил ленд-лизомскими поставками из США и Великобритании. Это был один из самых ярких моментов его карьеры, как с точки зрения эффективности, так и по той роли, которую он играл во власти. Производство танков, авиастроение и атомная промышленность в разное время находились под контролем Молотова, Маленкова и Берии, причем Берия на протяжении войны брал на себя все больше обязанностей⁶⁰. Планированием занимался новый фаворит Сталина Николай Вознесенский, который быстро шел в гору.

Это был этнический русский 1903 года рождения, компетентный, энергичный и (как говорили

59. А. И. Микоян, *Так было*, с. 463; Чуев, *Молотов*, с. 63; Симонов, *Глазами*, с. 398; Watson, *Molotov*, p. 199–205.

60. Watson, *Molotov*, p. 195–196; А. И. Микоян, *Так было*, с. 425; Ю. Н. Жуков, *Тайны Кремля* (Москва: Терра, 2000), с. 200, 208; Seweryn Bialer, *Stalin and His Generals* (New York: Pegasus, 1969), p. 342.

критики) высокомерный человек, один из сравнительно немногих выпускников Института красной профессуры, которые заняли высокие должности. В команде его отличали не только молодость и образование, но и умственные способности. Экономист по образованию, он был первым профессионалом команды и лидером новой когорты молодых коммунистов-профессионалов, которые выдвинулись после больших чисток и на которых Сталин и Молотов возлагали большие надежды. В качестве протеже Жданова Вознесенский несколько лет работал в Ленинграде в области государственного планирования, а затем в 1938 году был назначен главой Госплана в Москве. Через несколько лет работы, в феврале 1941 года, он стал кандидатом в члены Политбюро. Как писал Микоян, Сталин был «очарован» Вознесенским и однажды, в 1942 или 1943 году, объявил, что теперь Вознесенский будет первым заместителем председателя Совета народных комиссаров по экономическим вопросам, что сделало его номинальным руководителем как Микояна, так и Молотова. По мнению Микояна, это ударило ему в голову, и он сделался высокомерным, стал проявлять амбиции, что побудило Берия начать против него интригу, которая имела некоторый успех⁶¹.

Берия, возглавлявший ведомство госбезопасности и тесно сотрудничавший на протяжении всей войны с военными, был в это время на высоте, хотя некоторые объясняли это интриганством. О Берии вообще трудно получить ясное представление, так как его дискредитация в 1953 году сделала его удобным козлом отпущения, а воспоминания как гражданских, так и военных о его деятельности во время войны носят почти сплошь негативный характер. Обязанности Берии во время войны

61. Волынец, *Жданов*, с. 223–224; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 495–498; А. И. Микоян, *Так было*, с. 435.

были огромны. Помимо внутренней безопасности, внешней разведки, депортаций, ГУЛАГа и нескольких сотен тысяч пограничных войск НКВД, он контролировал эвакуацию оборонной промышленности, снабжение рабочей силой и передвижение войск и техники на фронт. В ГКО он курировал оборонное производство, в частности, вооружения и боеприпасы. Расширение сферы его обязанностей, часто описываемое как стремление к созданию империи и любовь к интригам, также предполагает и необычайную степень его компетентности. Более того, он не всегда хотел новых обязанностей: когда Сталин, недовольный работой железных дорог под руководством Кагановича, пытался передать их ему, он отказался. «Четко мыслящий, хладнокровный и рациональный» — таким видел его Сталин, сообщает близкий наблюдатель. В контекст сталинского стиля руководства, хорош он был или плох, Берия вписывался идеально⁶².

Авторитет Маленкова в глазах Сталина в начале войны был несколько поколеблен, но уже в 1943 году Маленков сумел вернуть доверие к себе. В его отношениях со Ждановым всегда присутствовало соперничество, и продвижение двух ждановских протеже (Вознесенского и Щербакова), должно быть, усложнило его положение. Микоян, который не особенно любил Маленкова, признал, что его контакты с местными партийными руководителями сильно помогли авиационному производству во время войны⁶³. Жданов, полноправный член Политбюро с 1939 года, не находился в Москве и не был членом ГКО, так что большую часть войны не участвовал в руководстве страной. Можно было бы ожидать, что довольно жалкое поведение Жданова в Ленин-

62. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 436; Knight, *Beria*, p. 112–113, 118; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 339–341; *Рядом со Сталиным*, с. 432 (цитата Я. Е. Чадаева).

63. Жуков, *Тайны Кремля*, с. 246; А. И. Микоян, *Так было*, с. 586.

граде в начале войны скажется на его карьере, и осенью 1941 года Сталин действительно устроил ему хорошую взбучку, но, похоже, во время следующего краткого визита в столицу в июне 1942 года он был прощен, как минимум наполовину. По словам Микояна, Сталин знал слабости Жданова (Микоян называл пьянство и трусость), но прощал его⁶⁴.

У Хрущева был впечатляющий военный опыт, ему пришлось заниматься установлением советской власти и государственных институтов на недавно приобретенной Западной Украине в 1939 году и их восстановлением на Украине, в старой и новой ее части, после отступления немцев в 1944 году. Похоже, он взялся за дело энергично и эффективно. С момента падения Киева в середине сентября 1941 года до его освобождения и восстановления в качестве столицы Украины 21 ноября 1943 года Хрущев был на фронтах либо в дороге, а его семья была эвакуирована в Куйбышев. Как и Жданов, он был полноправным членом Политбюро (с 1939 года), но не членом ГКО. У него было серьезное столкновение со Сталиным по поводу катастрофического провала контрнаступления под Харьковом весной 1942 года, когда почти полмиллиона солдат погибло или было захвачено в плен, но его не понизили в должности, и впоследствии его авторитет был восстановлен. Яков Чадаев, чья должность управляющего делами Совнаркома давала ему возможность наблюдать руководителей вблизи, говорил, что Сталин мирился с довольно упрощенным подходом Хрущева к проблемам, потому что тот был одним из немногих членов команды пролетарского происхождения, но это мнение было высказано уже после падения Хрущева в 1964 году, и, вероятно, оно излишне негативное⁶⁵. В качестве управляющего Украиной Сталину не нужен был

64. Волынец, *Жданов*, с. 351–352; А. И. Микоян, *Так было*, с. 562.

65. Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 509–510.

просто «образцовый рабочий»; он, очевидно, ценил способность Хрущева добиваться цели, проявлять инициативу и приспособляться к новым ситуациям. В отличие от некоторых других гражданских лиц, которые совершали поездки по фронтам, Хрущеву там, кажется, действительно были рады⁶⁶. Оценивая его вклад в конце 1960-х годов (после ухода Хрущева из власти, то есть когда его уже можно было критиковать), маршал Александр Василевский дал положительную оценку его действиям во время войны: «Хрущев был человеком энергичным, смелым, постоянно бывал в войсках, никогда не засиживался в штабах и на командных пунктах, стремился видаться и разговаривать с людьми, и, надо сказать, люди его любили»⁶⁷.

Каганович был из числа старых членов команды, чей авторитет резко упал во время войны. Он был назначен ответственным за эвакуацию промышленности из западных областей страны сразу после нападения Германии, 24 июня 1941 года, но через три недели его сместили, поскольку он не справился. То же самое произошло с железными дорогами. По общему признанию, это очень сложный объект для любого управленца, учитывая огромные требования, предъявляемые к железным дорогам во время войны. Каганович всегда очень гордился своими достижениями в управлении железными дорогами, чей бюджет он так яростно защищал в 1930-х годах («Люди будут требовать от меня: „Дай, дай!“ — но я не уступлю»): в 1990 году он хвастался, что эксплуатация железных дорог, наряду с армией, были двумя чудесами войны. Будучи наркомом путей сообщения в первый год войны, он «работал по восемнадцать часов в сутки, ругаясь и угрожая всем и не щадя никого, в том числе и себя». Но к вес-

66. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 182–189; Taubman, *Khrushchev*, p. 152–154, 167, 171.

67. Симонов, *Глазами*, с. 470–471.

не 1942 года основные железнодорожные линии были забиты поездами с солдатами и грузами и оказались почти парализованы, а Каганович ничего не мог сделать, «кроме истерики», по крайне критическому замечанию человека, который сменил его на этом посту. Каганович был уволен постановлением ГКО от 25 марта 1942 года, в котором отмечалось, что он, «несмотря на его удовлетворительную работу в НКПС в мирное время, не сумел справиться с работой в условиях военной обстановки»⁶⁸. Что именно работало в мирное время, но не работало во время войны, неясно: некоторые наблюдатели говорят о его старой привычке кричать, ругаться и даже бить подчиненных, в то время как другие ссылаются на его нежелание слушать советы специалистов, а третьи — на «бюрократический стиль, который не подходил к новым обстоятельствам». Несмотря на то что он снова возглавил железные дороги в 1943–1944 годах, его политическое положение так и не восстановилось⁶⁹. По словам одного историка, к концу 1942 года он был «вне политической игры»; после первых двух лет войны он редко бывал в сталинском кабинете⁷⁰.

Ворошилов также вышел из политической игры к концу 1942 года, хотя в народе он был по-прежнему популярен — его популярность возросла благодаря празднованию его шестидесятилетия в феврале 1941 года. По мнению адмирала Кузнецова,

68. Постановление ГКО от 25 марта 1942 г. об освобождении Кагановича Л. М. от обязанностей наркома путей сообщения и о назначении на эту должность Хрулева А. В. (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 43. Л. 142–144, опубликовано: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=372018>. — Прим. науч. ред.).

69. Overly, *Russia's War*, p. 170; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 88, 117–118, 138, 233 (цитата А. В. Хрулева), с. 584–585, 501–503; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 52; Volkogonov, *Stalin: Triumph and Tragedy*, p. 419 (цитата И. В. Ковалева).

70. Юрий Жуков, *Сталин: тайны власти* (Москва: Вагриус, 2005), с. 127.

после больших чисток он был деморализован и не способен справиться с ситуацией. Его руководство Наркоматом обороны во время финской войны и неспособность в качестве командующего Северо-Западным фронтом предотвратить блокаду Ленинграда были подвергнуты критике в резолюции Политбюро от 1 апреля 1942 года, после чего он был направлен на «оборонную работу в тылу». Затем, хотя он оставался членом Политбюро и еще несколько лет состоял в ГКО, его коллеги просто хотели от него избавиться; по мнению одного историка, он потерял «моральное право даже высказывать свое мнение» на их собраниях. Правда, у него все еще был свободный доступ к Сталину и они продолжали называть друг друга на «ты» (кроме Ворошилова, из членов команды со Сталиным оставались на «ты» только Молотов и Микоян). Но после того как Ворошилова в 1944 году уволили из ГКО, его визиты к Сталину стали значительно реже, и, как утверждает Микоян, его больше не приглашали даже на заседания Политбюро, хотя формально он все еще там состоял⁷¹.

Статус Андреева, который, как и Каганович, был одним из самых активных членов команды во время Большого террора, в военное время также понизился. В первые годы войны он был секретарем ЦК, его основными сферами ответственности были эвакуация, снабжение фронта продовольствием и обмундированием, а также организация госпиталей для раненых солдат; позже он был назначен ответственным за сельское хозяйство. Как и в 1930-х годах, он много ездил по стране, теперь с целью организации поставок и отправки продовольствия на фронт. Почему его статус понизился, не совсем понятно. У него было слабое здоровье, и один из источников указывает, в конце 1930-х годов он пе-

71. Khlevniuk, *Master*, p. 222; Жуков, *Сталин*, с. 148–149; А. И. Микоян, *Так было*, с. 463; Яковлев, *Цель жизни*, с. 490.

рестал участвовать в неформальном общении со Сталиным и его командой⁷². Согласно одному из наркомов военного времени, чьи воспоминания могут быть не совсем точны, вклад Андреева в оборону был полезен, но при этом, вспоминает он, когда они вдвоем с Андреевым встречались с генералом, «меня он знал, Андреева не знал. Его вообще мало кто знал. Был он небольшого роста, одевался сверхскромно. Неброская личность. Да и сердце имел больное»⁷³.

Калинин, которому к концу войны было почти семьдесят лет и у которого было слабое здоровье, все еще занимал должность главы государства, но сведения о его деятельности во время войны крайне отрывочны. Первые два года он провел в эвакуации в Куйбышеве, потом, вероятно, вернулся в свою кремлевскую квартиру, по крайней мере, к середине 1943 года. Воспоминания о нем во время войны очень положительные, поскольку, в отличие от большинства других членов команды, Калинин не был скомпрометирован в послесталинские десятилетия. В основном вспоминают, как приятно было с ним говорить, его доброжелательность и мудрые советы. Маршал Жуков был одним из тех, кто проявлял к нему сильную привязанность и вспоминал, как заходил к нему в 1945 году, чтобы рассказать о битве за Берлин. Калинин редко бывал в кабинете Сталина, но Яков Чадаев говорит, что Сталин и другие члены команды часто ему звонили, чтобы посоветоваться по экономическим вопросам. Удивительно, но самым частым гостем Калинина из команды был молодой Вознесенский, глава Госплана⁷⁴.

72. Куп, *Stalin*, p. 332.

73. Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 314 (цитата из И. В. Ковалева).

74. Г. К. Жуков, *Воспоминания и размышления* (Москва: Новости, 1990), т. 3, с. 303; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 492–494 (Чадаев).

Непосредственное участие Сталина в руководстве военными действиями хорошо известно, хотя мнения относительно ценности его вклада различаются. После войны Сталин однажды сказал Молотову: «Никто из вас не интересуется военными делами», и Молотов согласился, что в этом есть доля правды⁷⁵. Вероятно, это относилось и к самому Молотову: на протяжении всей Гражданской войны, а затем и во время Второй мировой войны он был занят кабинетной работой. Он не носил военную форму, и ему не хватало тех многолетних рабочих и личных связей с командирами Красной армии, какие были у Микояна, Кагановича и Хрущева, не говоря уже о Ворошилове, который на протяжении многих лет сам считался военным. Правда, в результате репрессий погибли многие друзья членов команды из военных, такие как Егоров, Якир, Гамарник и Уборевич. Но война породила новые связи между военными и политическими лидерами, как в профессиональном, так и в личном плане.

Сталин был в постоянном контакте с военачальниками на протяжении всей войны; его взаимодействие с ними было столь же важно, как и его взаимодействие с командой в рамках ГКО. У Сталина был свой неформальный «военный совет», куда входил маршал Борис Шапошников (начальник Генерального штаба и заместитель Сталина в Наркомате обороны в 1941–1942 годах), маршал Александр Василевский (преемник Шапошникова на посту начальника Генерального штаба и заместителя наркома обороны) и маршал Георгий Жуков (заместитель Верховного главнокомандующего с 1942 года). Сталин особенно уважал Жукова, одного из немногих людей, которые смели ему возражать. Сталин связывался со своими военными по телефону и встречался с ними в Кремле, а его знания о фронте и состоянии армии были из доне-

75. Чувев, *Сто сорок бесед*, с. 271.

сений, а не из первых рук. Он не считал это недостатком⁷⁶. Когда украинский драматург Александр Корнейчук (муж любимой Сталиным польской писательницы Ванды Василевской и один из заместителей Молотова в Наркомате иностранных дел в военные годы) написал пьесу с критикой «старого стиля» руководства армией, Сталин счел, что это очень полезная информация, и негодовал, когда маршал Семен Тимошенко раскритиковал Корнейчука в прессе. «Вы зарвались, зазнались, — сказал он. — Вы военные, вы все понимаете, вы все знаете, а мы, гражданские, не понимаем»⁷⁷.

У других членов команды были свои контакты среди военных, многие из них оставались друзьями и в мирной послевоенной жизни. Хрущев, закончивший войну в звании генерал-лейтенанта, в качестве представителя Политбюро вел кочевую военную жизнь на фронте, у него было множество друзей и протекции среди военных. Вскоре он обнаружил, что ему легче общаться с профессиональными военными, чем со своими коллегами в Москве, и иногда выступал на их стороне против Кремля. Когда в ноябре 1943 года, после двух лет, проведенных с солдатами на фронте, пока его вотчина Украина находилась под немецкой оккупацией, он вернулся в Киев, ему хотелось, как он вспоминал позднее, увидеть наступление в Восточной Европе, но нужно было остаться наводить порядок на Украине. Среди друзей Хрущева были Жуков, Василевский и Тимошенко, «хороший человек и хороший солдат», которого он в 1940 году, безусловно, в нарушение всех правил сопровождал

76. Bialer, *Stalin and His Generals*, p. 343; Симонов, *Глазами*, с. 360.

77. Пьеса Корнейчука «Фронт», 1942: Симонов, *Глазами*, с. 356 (реплика Сталина генералу Коневу, критиковавшему пьесу); *Власть и художественная интеллигенция* (Москва: Международный фонд «Демократия», 1999), с. 781 (примечание, телеграмма Сталина маршалу Тимошенко).

на самолете «в глубь Бессарабии за линию румынских войск», чтобы повидать брата и сестру Тимошенко в их родной деревне⁷⁸.

Микоян, отвечавший за снабжение Красной армии, установил тесные отношения со своим армейскими коллегами: генералом Андреем Хрулевым и генералом Николаем Ватутиным, командующими Воронежским и Юго-Западным фронтами⁷⁹. Берия, по словам его сына, был покровителем и защитником ряда военачальников, в том числе Жукова и Василевского, а также хорошим другом Тимошенко еще до войны. Во время войны он конфликтовал с различными военачальниками, что было неудивительно, учитывая, что он контролировал вспомогательные подразделения НКВД, которые не должны были использоваться в активном бою. Его визиты на фронт, как и визиты Кагановича, часто раздражали военных, потому что он приезжал с большой свитой и всячески подчеркивал свою значимость⁸⁰.

Даже те члены команды, которые провели большую часть войны в Москве, в 1940-х годах приобрели друзей среди военных. Взять хотя бы Маленкова, о котором Хрущев вспоминал, как он прилетал в Сталинград: «Не знаю, зачем он тогда прилетел и чем мог нам подействовать. Но прилетел ведь из Москвы, а Москва, как говорится, видит выше и дальше. Вот и находился он у нас, проводил дни и ночи без всякой пользы для себя и без пользы для нас»⁸¹. И все же сын Маленкова, как и все мемуаристы из числа членов семьи, подчеркивает «личную дружбу» своего отца после войны с Жуковым, Василевским, Константином Рокоссовским

78. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 163, 164, 211, 218.

79. А. И. Микоян, *Так было*, с. 394–398, 475.

80. С. Берия, *Мой отец* (1994), с. 195; Knight, *Beria*, p. 120; Bialer, *Stalin and His Generals*, p. 452.

81. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 196.

и адмиралом Николаем Кузнецовым, главой военно-морского флота⁸². Дочь Андреева также отмечает, что ее отец дружил с Кузнецовым и маршалами Иваном Коневым, Рокоссовским и Тимошенко, а в послевоенные годы любил собираться вместе с ними и вспоминать о войне⁸³.

Тем временем жены и дети членов команды вели относительно комфортную, но в то же время довольно скучную жизнь в Куйбышеве, общаясь со знаменитыми писателями, балетом Большого театра, иностранными корреспондентами и дипломатическим корпусом и мечтали вернуться в Москву. Дочь Сталина Светлана, которой в 1942 году исполнилось восемнадцать, смогла вернуться в июне того же года и сразу же попала в беду. Брат Василий познакомил ее с Алексеем Каплером, известным режиссером и писателем, который был на двадцать четыре года старше ее, она влюбилась в него, и у них сложились страстные, но, по-видимому, так и не реализованные отношения, а ее испуганные телохранители прятались и были готовы вмешаться в любой момент. Этот роман закончился на высокой романтической ноте, когда Каплер опубликовал в «Правде» эссе, в котором осмелился написать, как он смотрит из окна гостиницы на Кремль и думает о своей любимой. Светлана получила грандиозную взбучку от отца, с которым она почти не виделась с начала войны. Когда Светлана, оправдываясь, заявила, что это любовь, Сталин, что неудивительно, был взбешен. Он считал Каплера (чьи телефонные разговоры со Светланой прослушивались) соблазнителем малолетней школьницы. И не только вспомнил о патриархальном режиме грузинских семей, но и добавил собственную жестокую нотку («Посмотри на себя — кому ты нужна?»). Каплер, который был одним

82. А. Г. Маленков, *О моем отце*, с. 42.

83. Андреев, *Воспоминания*, с. 330.

из привилегированных представителей культурной элиты, имевших контакты с иностранцами, был арестован в 1943 году как английский шпион и отправлен в ГУЛАГ на пять лет.

В следующем году Светлана снова нанесла обиду Сталину, когда внезапно вышла замуж за школьного друга Григория Морозова, который, как и Каплер, был еврейским интеллигентом и имел широкие контакты в московском свете. Сталин и НКВД рассматривали молодую пару как угрозу безопасности, которую амбициозные (и, возможно, предательские) представители культурной элиты могли использовать в своих тайных целях. Причина этих опасений отчасти была в том, что отец Григория, немного мошенник, при этом считавшийся другом Полины Жемчужиной, стал хвастаться связью с семьей Сталина и сплетничать о нем (он был арестован в 1948 году за «клеветнические измышления о главе советского правительства»). НКВД сообщило Сталину, что еще один друг Полины, режиссер еврейского театра Соломон Михоэлс, обхаживает Морозова и Светлану в надежде получить прямой доступ к Сталину. В любом случае, по словам Светланы, брак быстро распался из-за внутренних проблем. Но Сталин, хотя и дал согласие на этот брак, никогда не встречался со своим зятем («слишком он расчетлив, твой молодой человек» и любит быть на виду), а в московском обществе считали, что именно Сталин настоял на разводе. Сын Светланы и Григория, которого называли Иосифом в честь деда, родился в 1945 году, но Сталин почти не виделся с ним⁸⁴.

Война не пощадила и детей членов команды. Ожидалось, что их сыновья пойдут добровольца-

84. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 132–138, 141–143; Service, *Stalin*, р. 432–433; Зенкович, *Самые секретные*, с. 404–405; А. И. Микоян, *Так было*, с. 362–363. О старшем Морозове и Михоэлсе см. в гл. 8 этой книги.

ми на фронт, и, похоже, все они это сделали. Среди них были сыновья Сталина, Яков и Василий, а также его подопечный Артем Сергеев, который вспоминал, как он призвал их троих и сказал им: «Ребята, скоро война, и вы должны стать военными!»⁸⁵ Хотя к сыновьям членов команды, без сомнения, было особое отношение, независимо от того, просили ли об этом их родители, один сын Микояна — летчик Владимир — погиб над Сталинградом в 1942 году⁸⁶. Приемный сын Ворошилова Тимур Фрунзе стал еще одной жертвой, и Ворошилов горько упрекал себя за то, что поддался просьбам Тимура о том, чтобы ему позволили идти на фронт, и не посоветовал ему тайком не делать этого: «Его родители доверили его нам, — скорбел Ворошилов, — и мы их подвели»⁸⁷.

Яков (сын Сталина от первого брака, который, в отличие от его детей от второго брака, носил фамилию Джугашвили) и Леонид Хрущев также погибли, но в их случаях обстоятельства были более сложными. Яков, артиллерийский офицер, был захвачен в плен на Белорусском фронте 10 июля 1941 года. Немцы предложили обменять его, но Сталин не хотел вести переговоры о его освобождении, говоря, что во всей России пропали сыновья. Яков отказался сотрудничать с немцами и погиб как военнопленный в концентрационном лагере Заксенхаузен весной 1943 года; очевидно, он был расстрелян из-за неподчинения приказам охранника. Из-за его статуса военнопленного его жена была отправлена на несколько лет в ссылку, свою маленькую дочь по настоянию Сталина она оставила до своего освобождения в семье Светланы⁸⁸.

85. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 295.

86. Павлов, *Анастас Микоян*, с. 182–186.

87. РГАСПИ, 74/1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», запись от 6 июля 1945).

88. Service, *Stalin*, p. 430–431; Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 122–125.

Смерть старшего сына Хрущева летчика-испытателя Леонида в 1943 году была еще мрачнее. Как и Яков, Леонид был сыном от первого брака, и его отношения с отцом были сложными. В июле 1941 года его подстрелили немцы, он был тяжело ранен и несколько месяцев провел в госпитале в Куйбышеве, где проживала эвакуированная семья Хрущевых. За это время он умудрился в пьяной перестрелке убить моряка и был судим военным судом. Вернувшись на фронт в 1943 году, Леонид пропал без вести; семье сказали, что он «погиб смертью храбрых», о чем пишет Хрущев в своих мемуарах. Если верить биографу Хрущева, вероятно, так и было, но ходили слухи, что он был признан коллаборантом и расстрелян. Этот слух повторил в старости Молотов, после горького разрыва с Хрущевым в 1957 году. Вдова Леонида, как и вдова Якова, была наказана, хотя, возможно, за свои собственные грехи, а не за его: она была арестована по обвинению в контакте с иностранной разведкой, очевидно, в связи с общением с дипломатами в Куйбышеве, и освобождена только в 1950-х годах, из-за чего старшим Хрущевым пришлось воспитывать внучку Юлию⁸⁹.

Много советских дедушек и бабушек воспитывали внуков после исчезновения их родителей, поскольку было обычной практикой арестовывать жен тех, кто, как Яков, был взят в плен. Все же странно думать, что в число этих бабушек и дедушек входили не только члены команды Сталина (Хрущев), но и сам Сталин.

Невестка Микояна была арестована уже после войны, но в 1943 году, когда двое его сыновей сра-

89. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, 190; Taubman, *Khrushchev*, p. 156–158; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 352; Чуев, *Молотов*, с. 421–422; Зенкович, *Самые секретные*, с. 449–451; Сергей Хрущев, *Никита Хрущев: кризисы и ракеты* (Москва: Новости, 1994), с. 16–17.

жались на фронте, а третий незадолго до этого был ранен, два его младших сына, Ваню и Серго, пятнадцати и четырнадцати лет, были арестованы по делу «кремлевских детей». Оно началось с убийства-самоубийства с участием сына наркома и дочери советского посла. Они использовали пистолет, который принадлежал их другу Ваню Микояну. Поводом была несчастная любовь, но, как обычно, в советском контексте, расследование стало политическим, поскольку в дневнике подростка, как утверждалось, содержались фантазии о будущем правительстве, членами которого будут он, Ваню и Серго Микояны. Это был не единственный такой случай (другой косвенно затронул приемного сына Ворошилова Петра и дочь старого большевика Николая Шверника): очевидно, что в НКВД испугались при мысли, что «кремлевские дети», которые знают все о планировке Кремля и о подмосковных дачах, подпадут под воздействие непонятно кого в школе и среди сверстников. Два мальчика Микояны оказались на Лубянке, а затем были отправлены в ссылку в Среднюю Азию до конца войны, когда им было разрешено вернуться в Москву. Микоян не пытался заступиться за них, считая вмешательство бессмысленным, и не обсуждал этот вопрос со Сталиным⁹⁰.

Поворотным моментом войны стала Сталинградская битва. Сталинград — город на Волге, далекий от западной границы Советского Союза в обычные времена, в годы Гражданской войны был базой Сталина. Зимой 1942–1943 годов город был практически разрушен в ходе боев, которые велись за каждый дом, за город сражались армия немецкого генерала Паулюса и советские войска на московской стороне реки. Хрущев был там в качестве политического советника при маршале Еременко, кото-

90. Павлов, *Анастас Микоян*, с. 187–188; Зенкович, *Самые секретные*, с. 264–265, 470–471.

рый, как командующий Южным фронтом, отвечал за оборону Сталинграда. Позднее к Еременко присоединились Рокоссовский, командующий новым Донским фронтом, и заместитель главнокомандующего маршал Жуков, который принял должность главнокомандующего советскими войсками в этом сражении. Сталинградская битва сразу же приобрела огромное символическое значение; за ее ходом в мельчайших подробностях следил в Москве Сталин, который послал туда в качестве своих эмиссаров Маленкова и маршала Василевского. По мнению Хрущева, главная работа Маленкова там была — следить за ним (Хрущевым) и отчитываться: «Сам-то он в военных вопросах ничего не понимал, но в вопросах интриганства обладал шансами на успех», — резко заметил Хрущев позднее⁹¹. В Сталинграде стало тесно от наблюдателей, все начальники хотели увидеть победу своими глазами. Жуков перешел из обороны в наступление, армия Паулюса была окружена, и, большая удача для Советов, сам Паулюс был взят в плен 31 января 1943 года, на следующий день после того, как Гитлер сделал его фельдмаршалом.

После Сталинграда немцы отступали, а Красная армия продвигалась через ранее оккупированную территорию, но потребовалось полтора года постоянных боев, чтобы достичь польской границы, а затем еще почти год, чтобы добраться до Берлина. Союзники открыли Второй фронт, чего давно требовал Советский Союз. В сентябре 1943 года американцы высадились в Италии, но Западный фронт, которого хотел Советский Союз, был открыт только в июне 1944 года, когда союзники высадились в Нормандии. Ветер поменялся, и поведение Сталина тоже изменилось — к худшему, как сообщали окружающие. Сталин хорошо рабо-

91. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 189–200 (цитата со с. 197).

тал с командой и своими военачальниками в течение первых трех лет войны. По словам адмирала Кузнецова, хотя в то время бывали случайные вспышки, его поведение обычно было разумным и вежливым. «В военное время относился к людям лучше, чем в мирные годы». Но к 1944 году Жуков почувствовал, что Сталин ревнует к своим командующим армиями, а Микоян заметил, что он, «зазнавшись, стал капризничать». В связи с угрозой голода на разрушенной войной Украине Микоян и Андреев предложили отдать семенное зерно колхозам и совхозам для обеспечения хорошего урожая в следующем году, но Сталин грубо отверг предложение Микояна и обвинил его в «антигосударственном поведении» — он уступил местным работникам (которые, по мнению Сталина, всегда просили больше, чем им действительно нужно) и «совратил» Андреева, более слабого соучастника «проступка»⁹².

Движение на запад и освобождение ранее оккупированных территорий добавили работы Берии, который и так был одним из самых занятых членов команды. В апреле 1943 года службы безопасности были разделены на две части, причем Берия оставался во главе Наркомата внутренних дел (НКВД, в подчинении у которого остался ГУЛАГ), а его бывший заместитель Всеволод Меркулов стал отвечать за новый Наркомат государственной безопасности (НКГБ), но это, похоже, незначительно сократило полномочия Берии⁹³. С введением воинских званий для сотрудников госбезопасности летом 1945 года Берия стал маршалом⁹⁴. По его приказу целые этнические группы с Кавказа были обвинены в коллаборационизме во время войны и коллективной

92. Кузнецов, *Крутые повороты*, с. 55; Симонов, *Глазами*, с. 377; А. И. Микоян, *Так было*, с. 466.

93. Knight, *Beria*, p. 124.

94. *Правда*, 11 июля 1945.

измене и депортированы в 1943–1944 годах, эти операции проводились с пугающей деловитостью и жестокостью. 23 февраля 1944 года в крошечную Чечено-Ингушскую автономную республику прибыли войска НКВД, зачитали приказы о депортации, и все чеченское и ингушское население (почти полмиллиона человек) было загружено в грузовики и поезда для депортации на восток меньше чем за неделю. В общей сложности полтора миллиона человек — чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, месхетинцы и крымские татары — были депортированы в Среднюю Азию или другие места на востоке, где, в частности, обиженные и агрессивные чеченцы создали значительные проблемы, поскольку оказались незваными и недобровольными гостями казахов. Руководство этими карательными акциями осуществлял сам Сталин, но Берия, похоже, был предприимчивым и энергичным помощником, а также блестящим исполнителем⁹⁵.

Депортации были лишь самым драматичным эпизодом арестов и карательных действий, принятых в конце войны. Письма армейскому другу с критикой Сталина, написанные с помощью самодельного шифра, привели к аресту молодого офицера Александра Солженицына, ставшего позднее летописцем ГУЛАГа⁹⁶. Прибалтийские страны, вновь занятые осенью 1944 года, подверглись массовым арестам и депортациям. В Литве, как и на Западной Украине, ожесточенная партизанская война против советской власти продолжалась в течение нескольких лет после окончания войны⁹⁷.

95. *Вайнахи и имперская власть* (Москва: РОССПЭН, 2011), с. 667–676; Knight, Beria, p. 126–127.

96. Арест Солженицына 9 февраля 1945: Людмила Сараскина, *Александр Солженицын* (Москва: Молодая гвардия, 2008), с. 261–262.

97. Елена Зубкова, *Прибалтика и Кремль* (Москва: РОССПЭН, 2008), с. 129–145.

Армия с боями продвигалась на запад, и Хрущев в ноябре 1943 года вернулся в Киев. «Город производил жуткое впечатление, — вспоминал он позже. — Некогда такой большой, шумный, веселый южный город, и вдруг — никого нет! Просто слышали собственные шаги, когда шли по Крещатику. Потом мы повернули на улицу Ленина. В пустом городе отдавалось эхо. <...> Постепенно стали появляться люди, возникали прямо как из-под земли. <...> Мы поднимались с Крещатика в направлении Оперного театра по ул. Ленина <...> идем, разговариваем, делимся впечатлениями. Вдруг слышим истерический крик. Бежит к нам молодой человек. <...> Помню только, что беспрестанно повторял: „Я единственный еврей в Киеве, который остался в живых“». Хрущев подумал, что, возможно, этот человек сошел с ума⁹⁸.

Ленинград, и Жданов вместе с ним, были освобождены от блокады в начале 1944 года. Трупы, заполнявшие улицы зимой 1942 года, исчезли, но широкие серые улицы казались странно тихими и пустыми. Харрисон Солсбери из *New York Times*, приехал в город несколько недель спустя и застал Жданова за рабочим столом в Смольном, он хрипел и кашлял и часто вынужден был оставаться дома из-за приступов астмы⁹⁹. У него было два сердечных приступа во время блокады, и его здоровье так и не восстановилось. Передав управление Ленинградом своему заместителю Алексею Кузнецову в январе 1945 года, Жданов стал главой Контрольной комиссии СССР в Финляндии и в течение года ездил из своей кремлевской квартиры в Хельсинки. Он немного выучил финский язык и участвовал в многочисленных дипломатических приемах, все еще в военной форме, кото-

98. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 216.

99. Harrison E. Salisbury, *The Siege of Leningrad* (London: Secker & Warburg, 1969), p. 510, 552.

рую, как и большинство членов команды, он надел во время войны¹⁰⁰.

В Восточной Европе и Прибалтике Советы считали себя освободителями, но в глазах многих из тех, кого они освободили, были оккупантами. Когда окончательная победа стала очевидной, маршал Жуков был вызван в Москву для планирования Берлинской операции. Он застал Сталина в мрачном и задумчивом настроении, тот явно был сильно переутомлен и близок к истощению: «Какая ужасная война, — сказал он. — Сколько жизней нашего народа она унесла. Вероятно, у нас осталось очень немного семей, которые не потеряли кого-то из близких»¹⁰¹. За Берлин была гонка, в которой Жуков и маршал Конев конкурировали на советской стороне, а британские и американские силы продвигались с запада, даже в самом городе немцы оказывали упорное сопротивление. Но в мае 1945 года, после жестоких уличных боев в центре города, Берлин был взят, как и Сталинград два с половиной года назад, когда Советы потеряли сотни тысяч человек. После взятия Рейхстага 30 апреля два солдата из армии Жукова подняли над ним советский флаг (знаменитое изображение, снятое советским фотографом, фактически было постановочным). Рано утром 9 мая Жуков и британские, американские и французские командующие приняли акт о капитуляции Германии¹⁰².

Советский Союз заплатил огромную цену за победу — около восьми миллионов погибших военнослужащих и, возможно, еще семнадцать миллионов жертв среди мирного населения (хотя по некоторым оценкам это число вдвое больше)¹⁰³.

100. Волынец, *Жданов*, с. 346, 372–392.

101. Overy, *Russia's War*, p. 264.

102. Geoffrey Roberts, *Stalin's General* (London: Icon Books, 2012), p. 229–231.

103. Overy, *Russia's War*, p. 288.

Кроме того, во время отступления, в рамках политики «выжженной земли», на огромной территории, находившейся под немецкой оккупацией, были разрушены инфраструктура, промышленные предприятия, железные дороги и мосты. Было эвакуировано 12 миллионов человек, которым предстояло вернуться в свои дома; из восьми миллионов человек в армии большинство должны были быть демобилизованы в короткие сроки. Несмотря ни на что, советская власть, как и Коммунистическая партия, пережила катастрофы 1941 и 1942 годов. По общему признанию, партия была теперь чем-то иным, чем раньше: после уничтожения старых кадров в ходе Большого террора и войны, а также массового вступления в партию на фронте в военное время. Сталин — генералиссимус, как он позволил называть себя (ошибка, о которой он позже сожалел)¹⁰⁴, — теперь возглавил партию, которая по составу была чем-то вроде ассоциации ветеранов. Членов команды, за исключением Молотова и Калинина, часто видели в военной форме, а некоторые из них имели воинские звания.

Девятое мая стало Днем Победы, ежегодно отмечаемым в Советском Союзе (и в его преемнице, Российской Федерации). Но только 24 июня 1945 года Парад Победы проходил на Красной площади перед Кремлем. Сталин хотел сам приветствовать войска верхом на коне, смелый поступок для человека, который, как известно, не имел сколь-нибудь значительного опыта верховой езды (его сын Василий со злорадством рассказывал, что он тренировался, упал с лошади и решил отказаться от этой затеи, но мы не обязаны этому верить)¹⁰⁵. В любом случае он возложил эту почетную роль на Жукова, который исполнил ее как следует и незабываемо, верхом на белом арабском коне. Когда Жукова при-

104. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 253.

105. Жуков, *Воспоминания*, т. 3, с. 305.

ветствовали криками «ура», он с некоторым опасением заметил, что Сталину это не понравилось, его лицо напряглось. Но в официальном фильме Сталин показан веселым — несмотря на дождь, из-за которого была отменена воздушная часть парада, а многие в толпе открывали зонтики, он радостно обменивался приветствиями со своими коллегами, которые выглядели как единая команда, когда поднимались по ступенькам трибуны на Мавзолей Ленина. Многие из членов команды, включая Сталина, были в военной форме (Сталин еще не был в форме генералиссимуса, это звание он примет четыре дня спустя), а Калинин, с острой бородкой и в пальто, был в своей обычной рабочей кепке. Хотя их вклад был велик, команда выглядела скромно по сравнению с военачальниками, которые вели свои войска в парадной форме со множеством медалей¹⁰⁶.

Маршал Жуков был единственным, кто выступал на параде, но вечером на приеме в Кремле Сталин произнес тост — не за военное командование, не за Политбюро, не за партию, а за «здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа». Очевидно, он не забыл собственных ошибок в начале войны и считал, что ему крупно повезло, раз он дожил до этого дня. Другой народ, по его словам, выгнал бы правительство, ответственное за неудачи 1941–1942 годов, но русский народ остался им верен, и в итоге они победили. «Спасибо ему, русскому народу, за это доверие»¹⁰⁷.

106. <http://www.youtube.com/watch?v=SZ2SnuNIN5U>; Жуков, *Воспоминания*, т. 3, с. 305; Симонов, *Глазами*, с. 377.

107. Сталин, *Сочинения*, ed. McNeal, p. 203–204.

Послевоенные надежды

МИКОЯН в конце войны был в приподнятом настроении, по крайней мере, так он об этом вспоминал. Он надеялся, что будут изменения к лучшему. Сталин во время войны снова показал себя с лучшей стороны, команда хорошо работала вместе. Советские люди возмужали («война оказалась большой школой для политического воспитания»), а служба в армии привела к товарищескому демократизму среди миллионов солдат. Контакты с Европой на последних этапах войны расширили горизонты (Микоян говорил о горизонтах для обычных людей, но он вполне мог иметь в виду и команду) и показали, что возможен лучший уровень жизни. Микоян не мог представить себе, что авторитарные репрессии 1930-х годов повторятся. Он ожидал возвращения к политической системе 1920-х годов, до коллективизации и Великого перелома, когда в партии преобладали «демократические формы отношений». На самом деле он был уверен, что так и будет, и это наполнило его «чувством радости». Многие в стране разделяли надежды Микояна, и, вероятно, вместе с ними их разделяла бóльшая часть команды¹. Но не Сталин. Очевидно, у него было другое представление о нормальной жизни, к которой должен вернуться Советский Союз, в которой большую роль должны

1. А. И. Микоян, *Так было*, с. 513; Е. Ю. Зубкова, *Общество и реформы, 1945–1964* (Москва: Россия молодая, 1993), с. 16–63.

были играть довоенные концепции «борьбы», «бдительности» и «врагов».

В конце войны было два взгляда на Советский Союз. С одной стороны, он одержал славную победу и впервые стал сверхдержавой, новой империей, охватывающей бóльшую часть Восточной Европы. Другая точка зрения заключалась в том, что это была опустошенная страна, стоящая перед огромной задачей послевоенного восстановления. Сталин и команда имели в виду оба эти взгляда, хотя в отношении средств восстановления и ключевых вопросов послевоенных отношений с Западом в команде были некоторые расхождения во мнениях.

Во время войны образ Сталина стал известен всему миру — это был уже не дикий революционер в далекой стране, а один из выдающихся лидеров Великого альянса, добродушно курящий трубку Дядя Джо. Это прозвище слегка раздражало его, он ошибочно считал, что президент Рузвельт таким образом хотел показать свое неуважение. На самом деле он проделал потрясающую работу, убедив Франклина Рузвельта и Уинстона Черчилля, двух своих партнеров по Альянсу, в своем величии, хотя некоторые его действия приводили их в бешенство. Возможно, опираясь на свою практику 1937 года с послом США Дэвисом, он сумел включить свой личный магнетизм, который помогал ему на саммите в Тегеране в 1943 году и в Ялте в начале 1945 года². Из двух своих партнеров он испытывал бóльшую человеческую симпатию к Рузвельту — за его мужество, за то, что он сумел преодолеть паралич, который приковал его к инвалидной коляске. Но больше всего усилий он приложил, чтобы очаровать Черчилля, своего старого противника времен интервенции и Гражданской войны, и он сделал это с удивительным успехом. «Я шагаю по этому миру с большей смелостью и надеждой,

2. Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи, с. 482.

когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру», — сказал Черчилль, поднимая праздничный тост. На одном из ужинов возник разговор слегка подвыпивших людей о том, что следовало бы убить пятьдесят тысяч офицеров и руководителей, чтобы Германия после войны знала свое место. Этот разговор обидел Черчилля, и он в раздражении покинул комнату. Сталин и Молотов последовали за ним в роли удрученных и рассказавшихся друзей и убедили его вернуться. У Сталина были «очень обаятельные манеры, когда он этого хотел», так прокомментировал этот инцидент Черчилль³.

Потребовалось приложить усилия, чтобы вывезти Сталина из Советского Союза, даже в Тегеран, который был сравнительно близко. Рейс Баку — Тегеран был для него первым, и он ужасно боялся; в общем, ему совершенно не понравилось, и больше он никогда не летал. Будучи страстным сторонником развития советской авиации, он очень нервничал по поводу самолетов, даже когда дело касалось его соратников. Членам Политбюро было строго запрещено летать без специального разрешения⁴, и Микоян попал в довольно серьезную историю, когда отправился на прогулку по Кавказу — ему потребовались годы, чтобы официально убрать из своего личного дела полученный за это выговор⁵; только в 1955 году запрет на авиаперелеты для членов Политбюро был снят. Стоику Молотову пришлось привыкнуть к воздушным путешествиям — будучи министром иностранных дел

3. Churchill, *Second World War*, v. 6, p. 345; v. 5, p. 330.

4. РГАНИ, 3/22/33, л. 9 (запрет для членов Политбюро, 15 сентября 1933); *Сталин и Каганович*, с. 332.

5. РГАНИ, 3/22/33, лл. 3, 35 (выговор Микояну, 25 июня 1933 года, снят 11 мая 1936 года).

с 1939 года, он летал в Германию, Великобританию и Соединенные Штаты, в том числе у него был один особенно тяжелый перелет над Атлантикой под обстрелом врага. Позже писатель Константин Симонов, размышляя над тем восхищением, которое испытывал по отношению к Молотову, приводил этот случай как пример его смелости⁶.

Окончание войны стало важным событием для Молотова, чья международная известность уступала только сталинской. После того как сотрудники Министерства иностранных дел получили великолепную униформу с тесьмой и погонями, иностранный журналист, который знал Молотова, увидел, как он преобразился: «В своей элегантной форме... неулыбчивый, но выглядящий очень довольным, [он] держался бодро и с достоинством»⁷. Во время празднования победы в мае 1945 года первый тост Сталин провозгласил за Молотова: «За нашего Вячеслава!» — и заметил, что «хорошая внешняя политика иногда весит больше, чем две-три армии на фронте»⁸.

Ранее Молотов, как и все большевистские лидеры, жил в изоляции, а теперь он получил возможность увидеть мир. В качестве министра иностранных дел в первые послевоенные годы он побывал в Сан-Франциско, Вашингтоне, Нью-Йорке, Берлине, Париже и Лондоне. В конце его поездки в Париж в 1946 году к нему присоединилась его дочь Светлана, и они вместе осмотрели достопримечательности. Он «получал удовольствие от того, как бойко она владела французским языком и как радовалась тому, что видела на Западе»⁹. В Лондоне Молотов жил в советском посольстве, и у него, как он писал Полине, не было времени

6. Симонов, *Глазами*, с. 80.

7. Bernard Bromage, *Molotov* (London: Peter Owen 1956), p. 214.

8. Сталин, *Сочинения*, ed. McNeal, p. 204.

9. Hindus, *Crisis in the Kremlin*, p. 47.

для осмотра достопримечательностей, за исключением единственной поездки в Хайгейт, на могилу Маркса. В Париже ему удалось попасть в оперу («Свадьба Фигаро» Моцарта), но это был торжественный случай, он сидел в ложе, а «буржуазная публика» пялилась на него, и он чувствовал напряжение. В общем, переговоры с капиталистами были для него не только «большой ответственностью», но и своего рода экзаменом: когда три другие великие державы против вас и пытаются вас на чем-то подловить, вы все время должны быть «на чеку, в постоянном напряжении, из-за боязни что-то пропустить, ошибиться», — писал он Полине. Тем не менее он был рад, что к нему относились серьезно и считали его представителем великой державы¹⁰.

Другим членам команды также удалось повидать мир в первые послевоенные годы. Берия был в Тегеране, Ялте и Потсдаме, хотя и в качестве начальника службы безопасности, а не советского лидера, а позже он неоднократно бывал в Берлине, где наблюдал за советскими оккупационными силами¹¹. Ворошилов — что довольно удивительно, учитывая, что он потерял авторитет как военный лидер, но, без сомнения, в знак его старой дружбы со Сталиным — был приглашен в Тегеран, где вместе со Сталиным и Молотовым общался с лидерами союзников, хотя ни в Ялту, ни в Потсдам его не пригласили. В качестве председателя Контрольной комиссии СССР в Будапеште в течение первых двух лет после войны Ворошилов завел в Венгрии много друзей, не только политических лидеров, таких как Матиас Рако-

10. Watson, *Molotov*, p. 217, 221, 228–230; РГАСПИ, 82/2/1592, лл. 40–43, 72–74 (письма Полине, 1946–1947).

11. С. Берия, *Мой отец* (1994), с. 231–244, 245–256; Montefiore, *Stalin*; Norman Naimark, *The Russians in German* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995), p. 350, 483, 497.

ши, но и деятелей культуры, некоторым из них он продолжал покровительствовать и после своего возвращения в Москву¹². Хрущев все еще находился на Украине, имел тесные контакты с Польшей; в последние дни войны он совершал поездки в Люблин и Варшаву и вместе с Булганиным видел газовые камеры в Майданеке. Позже он станет неутомимым и увлеченным путешественником, но его первая поездка на запад, в Австрию, Венгрию и Восточную Германию в 1946 году была инкогнито, он ездил с группой экспертов, ведущих переговоры о репарациях¹³.

Микоян во время войны поддерживал контакты и вел переговоры с союзниками, особенно с американцами, по ленд-лизу и другим экономическим вопросам. Из всех членов команды он больше всех стремился установить тесные экономические отношения с Западом. Еще до окончания войны они с американским послом Авереллом Гарриманом говорили о возможных кредитах на восстановление от Соединенных Штатов, и Микоян предлагал Сталину поднять этот вопрос в Ялте (Сталин этого не сделал). Микоян, вероятно, был недоволен тем, что его не включили в состав ялтинской делегации, и тот факт, что у него не было поездок за границу в первые послевоенные годы, вплоть до 1949 года, когда его отправили в Китай для переговоров с Мао Цзэдуном, может указывать на то, что Сталин и Молотов думали, что его энтузиазм по поводу контактов с Западом следует обуздать. Иностранцы тем не менее приезжали в Москву, и в ходе обширных переговоров с молодым британским политиком Гарольдом Уилсоном Микоян

12. Churchill, *Second World War*, v. 5, p. 306; РГАСПИ, 70/1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», записи от 29 декабря 1945 и 17 декабря 1955).

13. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Last Testament*, p. 157–176; Жорес Медведев и Рой Медведев, *Никита Хрущев*, с. 139.

не только заключил сделку по экспорту зерна в счет кредитов военного времени, но и приобрел в лице Уилсона, который в 1960-х годах стал британским премьер-министром, личного друга¹⁴.

Если некоторые из членов команды все еще не владели иностранными языками и им не хватало европейского лоска, то все они стремились к тому, чтобы это было у их детей. Не только одаренная Светлана Молотова порадовала отца своим знанием французского языка, сын Берии изучал немецкий с четырех лет и английский с пяти, и «владел этими языками в совершенстве». Два мальчика Маленкова учились в специальной английской школе. Ждановы, гордящиеся своим знанием немецкой культуры, были огорчены, когда увидели, что у их Юрия немецкий не так хорош, как у Серго Берии. Сергей Хрущев был лучшим в классе по английскому языку, благодаря интенсивным занятиям, которые организовала его мать, а Степан Микоян не только изучал немецкий язык в школе, но и вместе с отцом занимался у репетитора; после войны он брал частные уроки и по английскому языку. Светлана Сталина изучала английский, хотя ее отец сомневался в ее способности разговаривать по-английски и переводить, поэтому когда он во время войны пригласил домой Черчилля, она застенялась и не стала с ним общаться¹⁵.

Дети членов команды, которые достигли совершеннолетия в 1940-х годах, принадлежали к поколению советской элиты, влюбившемуся в Америку. Впервые стало возможно узнавать о внешнем мире из русскоязычных журналов, распространяе-

14. Микоян, *Так было*, с. 493–512; Павлов, *Анастас Микоян*, с. 215.

15. Серго Берия, *Мой отец, Лаврентий Берия: сын за отца отвечает...* (Москва: Алгоритм, 2013), с. 26; Alliluyeva, *Only One Year*, p. 390; С. Микоян, *Воспоминания*, с. 27; Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 124, 128, 130–131; С. Хрущев, *Хрущев: реформатор*, (Москва: Время, 2010), с. 59.

мых в Москве союзниками. Это был журнал «Америка», созданный по образцу журнала *Life* и выпускавшийся Информационным агентством США, и «Британский союзник», издававшийся в Москве англичанами. Молодое поколение вполне воспользовалось этими новыми возможностями. В военное время в Куйбышеве эвакуированным членам элиты даже удавалось заполучить *Life*, *Fortune* и *Illustrated London News*, вероятно, их получали через западных дипломатов¹⁶. Именно из этих журналов, которые Светлана Сталина читала, чтобы улучшить свой английский, она узнала, что ее мать покончила жизнь самоубийством. Вероятно, это была не единственная открывающая глаза информация, которую дети команды получили из зарубежных источников. Когда Светлана поступила в Московский университет, она решила изучать историю Соединенных Штатов, это было «подсказано общим настроением и интересами тех лет» к Америке: все ее университетские друзья и первый муж интересовались историей, экономикой и внешней политикой США, потому что «все стремились узнать как можно больше о великой заокеанской демократии»¹⁷. Любовь к английской и американской культуре была в моде не только среди детей членов команды, но и среди многих молодых людей, работавших в Центральном комитете.

Можно было бы представить себе послевоенное будущее, в котором Сталин, получивший после победы мировую славу, перестал быть таким подозрительным, а его соратники, чья изоляция от мира исчезла благодаря международным контактам, с помощью своих подросших космополитичных детей стали бы шире смотреть на мир. Их

16. *Сталин и космополитизм* (Москва: Материк, 2005), с. 95; Johnston, *Being Soviet*, p. 86–87.

17. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 128–129; Alliluyeva, *Only One Year*, p. 112.

подозрительность в отношении Запада исчезла бы, и граница с Западом, которую они вынуждены были приоткрыть во время войны, осталась бы широко открытой. Этого не случилось. Что касается команды, первый предупреждающий сигнал поступил в 1945 году, через несколько месяцев после окончания войны, когда Сталин жестоко одернул Молотова, который якобы заискивал перед Западом.

В эти месяцы здоровье Сталина было плохим. В Потсдаме у него, возможно, были проблемы с сердцем, так, во всяком случае, сообщил *Newsweek*, который частично принадлежал очень информированному человеку — послу США в Москве Авереллу Гарриману. Также у Сталина был какой-то сердечный приступ в октябре 1945 года, хотя это держали в секрете. Осенью 1945 года он впервые с 1937 года поехал в отпуск на юг, где восстанавливал силы в течение двух с половиной месяцев¹⁸. Как и в 1930-х годах, он даже в отпуске пристально следил за тем, как команда работала в Москве без него. Основную работу выполняла «четверка»: Молотов, Микоян, Берия и Маленков. Читая обширные ежедневные сводки иностранной прессы, Сталин обнаружил, к своей ярости, что в ней полно слухов о его плохом здоровье и скором выходе на пенсию, а также спекуляций о его преемнике. В качестве возможного преемника часто называли Молотова. Молотов был хорошо известен на Западе благодаря своим поездкам в качестве министра иностранных дел, и его изображали представляющим «новый сильный Советский Союз, требующий равного места среди великих держав мира». Это был явный контраст с образом старой, слабой и маргинализованной на международном

18. Service, *Stalin*, p. 491; РГАСПИ, 558/11/97, л. 100 (иностранная пресса, октябрь 1945 года; включает сообщение *Newsweek*), также лл. 110, 129; РГАСПИ, 558/11/99, лл. 86, 92–93 (сердечный приступ у Сталина, 4–7 декабря 1945 года).

уровне страны, которой Сталин руководил последние два десятилетия. Писали, что Молотов, «второй гражданин Советского Союза после Сталина», очень популярен в СССР и «приобрел огромную власть» (Сталин подчеркнул этот отрывок синим карандашом)¹⁹.

Сталин сам начал говорить о старении и о неизбежности передачи власти в ближайшее время, но, по понятным причинам, его коллеги не захотели ловить его на слове. По словам Молотова, в 1946 году Сталин фактически подал в отставку, сказав, что пора передать полномочия кому-нибудь помоложе, и добавил: «Пусть Вячеслав поработает». Как вспоминал Молотов, окружение по-разному восприняло это предложение, но никого, включая и самого Молотова, это не обрадовало (говорили, что Каганович, который всегда ревновал к Молотову, расплакался). Но это не означает, что Сталину нравилось быть на вторых ролях в глазах западной прессы. Неудивительно, что его это раздражало и он затеял конфликт с Молотовым. Поводом послужило то, что Молотов якобы проявил «либерализм» по отношению к иностранным корреспондентам в Москве, когда Министерство иностранных дел ослабило цензурные требования. Сталин считал, что это была уловка, чтобы заслужить симпатию журналистов. Устроив Молотову разнос по телефону из Сочи, Сталин на этом не успокоился и послал письмо в «четверку» с завуалированным предложением повлиять на заблудшего члена группы. Они это сделали, но неохотно и не без колебаний. Эффект был необычайный. Молотов заплакал и натянуто попросил прощения, после чего инцидент был исчерпан. Но это, безусловно, усилило подозрения Сталина, не только в отношении Молотова, но и всей команды, их реакция на требование

19. РГАСПИ, 558/11/97, л. 91.

Сталина явно подразумевала, что между членами команды есть солидарность²⁰.

У «четверки» были все основания беспокоиться о том, чтобы не потерять расположение Сталина. Микоян получил грубый выговор от Сталина в 1944 году, затем снова в 1946 году, когда Сталин заявил, что он «благодаря своей бесхарактерности расплодил воров вокруг дела снабжения» в своем Министерстве торговли²¹. Два младших сына Микояна только недавно вернулись в Москву после ареста и ссылки, куда они были отправлены во время войны за участие в предполагаемом заговоре против государства. Сам Микоян все еще был четвертым или пятым по частоте посещений кабинета Сталина, но он уже не был столь же заметен в руководстве, как во время войны²².

Берия обогнал Молотова по частоте посещений сталинского кабинета в четвертом квартале 1945 года и оставался на этом месте в течение 1946 и 1947 годов. Он был членом Политбюро с марта 1946 года и отвечал за чрезвычайно важную ядерную программу, которая привела к успешному испытанию атомной бомбы 29 августа 1949 года. Это произошло намного быстрее, чем ожидали американцы, которые первыми применили атомное оружие в Хиросиме в 1945 году. Тем не менее карьера Берии в 1945 году явно пошла вниз, когда Министерство внутренних дел было разделено на два: Министерство государственной безопасности (МГБ) и Министерство внутренних дел (МВД), первое из которых возглавлялось его близким соратником, а второе — нет. После этого официальной должностью Берии была позиция заместителя председателя Совета министров, на которого была возложена общая надзорная ответственность за органы без-

20. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 52.

21. РГАСПИ, 558/11/732, л. 42.

22. См. гл. 6 о выговоре в 1944 году и о сыновьях.

опасности (хотя за безопасность членов Политбюро он не отвечал), но ясно, что это не отражало ни его близости к Сталину, ни его сохранившихся связей с миром спецслужб, в характер которых трудно проникнуть. Его сын говорил, что Берия, даже когда он больше не отвечал непосредственно за органы безопасности, имел свою собственную разведывательную сеть, которая не зависела от какой-либо существующей структуры и функция которой заключалась в том, чтобы служить дополнительным информационным каналом для Сталина²³.

Маленков, верный исполнитель, стал членом Политбюро в марте 1946 года вместе с Берией, но через два месяца, в мае 1946 года, был уволен с поста секретаря ЦК, и ему пришлось ждать более двух лет, прежде чем его восстановили в должности, что случилось только в июле 1948 года. Причиной недовольства Сталина были, по-видимому, недостатки в авиационном производстве, которое курировал Маленков: в середине 1946 года он едва избежал ареста, когда были арестованы его близкие соратники и его имя упоминалось в их показаниях. Его сын вспоминает, что «некоторое время [он] находился под домашним арестом», прежде чем его отправили помогать с хлебозаготовками в Сибирь²⁴, и он опустился на последнее место среди членов Политбюро по упоминаниям в прессе. Однако в 1947 году, еще до восстановления в должности секретаря ЦК, Маленков стал третьим (после Берии и Молотова) по частоте посещений кабинета Сталина. Андрей Жданов, который, как правило, шел в гору, когда Маленков шел вниз, пережил свой кризис военного времени (по словам Молотова, Сталин любил Жданова больше, чем кого-либо еще

23. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 28; Knight, *Beria*, p. 135–140; Пихоя, *Советский Союз* (Москва: Издательство РАН, 1998), с. 60, 73; S. Beria, *Beria, My Father*, p. 246.

24. А. Г. Маленков, *О моем отце*, с. 53.

в команде, не считая Кирова), но ббольшую часть 1945 года Жданов провел вдали от центра в качестве главы советской Контрольной комиссии в Финляндии, откуда он был отозван в декабре из-за «сложной ситуации» (без каких-либо дополнительных объяснений), связанной с болезнью Сталина. Вернувшись в Москву в качестве секретаря ЦК, он несколько лет тесно сотрудничал со Сталиным в деле воспитания интеллигенции, но, несмотря на продолжающиеся контакты, не был в числе частых посетителей кабинета Сталина (в 1946 году он был пятым, а в следующем году стал шестым)²⁵.

Николай Вознесенский, Алексей Косыгин и Алексей Кузнецов, все трое с ленинградским прошлым и, как известно, протеже Жданова, в первые послевоенные годы быстро росли. Вознесенский, который был кандидатом в члены Политбюро с 1941 года, в феврале 1947-го стал его членом. Хрущев вспоминал Вознесенского в эти годы как «умного, резкого, прямого и смелого»²⁶. Из-за быстрого продвижения он стал высокомерным и бывал груб с коллегами по команде, даже старшими по возрасту, такими как Молотов, но, говорили, что Сталин ценил Вознесенского за то, что он давал ему прямые ответы на экономические вопросы²⁷. Косыгин, молодой управленец в области экономики, который возглавлял Ленинградский горисполком до перевода в Москву в 1939 году в качестве наркома текстильной промышленности, стал кандидатом в члены Политбюро в марте 1946 года. Алексей Кузнецов, крепкий, симпатичный молодой человек, который был заместителем Жданова в Ленинграде и которого Жданов очень ценил, был из выходцев из рабо-

25. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 27–28; Чуев, *Сто сорок бед*, с. 312; Волынец, *Жданов*, с. 390.

26. *Khrushchev Remembers*, p. 251.

27. А. И. Микоян, *Так было*, с. 423; Дмитрий Шепилов, *Непримкнувший* (Москва: Вагриус, 2001), с. 390; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 412; Симонов, *Глазами*, с. 139.

чего класса, сделавших карьеру после чисток, хотя, в отличие от многих из них, он никогда не оставлял комсомольскую и партийную работу, чтобы получить высшее образование. В 1946 году он перешел на должность секретаря Центрального комитета, в обязанности которого входил партийный надзор за органами безопасности²⁸. Ходили слухи, что Сталин готовил этих троих в качестве будущих лидеров: Вознесенского — главы правительства, а Кузнецов должен был заменить старую гвардию и отвечать за партию. Неудивительно, что Маленков и Берия смотрели на их взлет с настороженностью²⁹.

Калинин был к концу войны тяжело болен и в марте 1946 года умер. Письмо, которое он написал Сталину с просьбой освободить его жену, Екатерину Лорберг, дошло до кабинета Сталина лишь после его смерти, но ее все равно освободили по амнистии 1945 года, хотя и не разрешили вернуться в бывшую квартиру в Кремле. Таким образом, она смогла присутствовать на похоронах мужа, которые прошли со всеми государственными почестями³⁰. На посту главы Верховного Совета Калинина сменил Николай Шверник, старый большевик, бывший профсоюзный деятель из рабочего класса, ровесник Молотова и Ворошилова, а также секретарь ЦК, работавший под началом Сталина еще в середине 1920-х годов. С 1939 года Шверник был кандидатом в члены Политбюро, и хотя он не принадлежал к ближнему кругу, все члены команды его знали и ценили его работу на экономическом фронте во время войны³¹.

Николай Булганин, который стал кандидатом в члены Политбюро в марте 1946 года, был еще одним

28. Волынец, *Жданов*, с. 224–226; Пихоя, *Советский Союз*, с. 60, 73.

29. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 251; Пихоя, *Советский Союз*, с. 65.

30. А. И. Аджубей, *Те десять лет* (Москва: Советская Россия, 1989), с. 145; *Исторический архив*, 2000, № 6, с. 212–213.

31. Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 138.

новичком. Этнический русский, как и другие недавние новобранцы в команде, он был назначен заместителем Сталина на пост министра обороны в 1944 году и после этого был довольно частым посетителем сталинского кабинета. У него не было военного опыта: после работы в ЧК во время Гражданской войны он был на руководящих должностях в промышленности, а затем возглавил Исполком Моссовета, тесно сотрудничая в 1930-х годах с Хрущевым. Хрущев, хотя и был другом Булганина, никогда не считал, что это великий ум или военный гений; другие участники команды называли его хвастуном и позером. Он был образованным человеком, по меркам команды; его жена Елена была учителем английского языка. Но главной его отличительной чертой, кажется, была коммуникабельность. Его семья уже имела многочисленные социальные связи с членами команды: жена была подругой жены Хрущева; дочь Вера, позже вышедшая замуж за сына адмирала Кузнецова, училась в школе со Светланой Сталиной и Светланой Молотовой и была подругой Рады Хрущевой и Валентины Маленковой; сын Лев дружил с Василием Сталиным³².

Что касается остальных, то Хрущев находился в Киеве, редко появлялся в Москве и, следовательно, оставался вне ближнего круга. 1946–1947 годы были для него тяжелым временем, во-первых, потому что на Украине снова разразился голод, а во-вторых, потому что Сталин послал «на помощь» ему Кагановича; его бывший покровитель в 1947 году на 10 месяцев занял должность первого секретаря Компартии Украины, а Хрущев был вынужден остаться вторым секретарем, что было для него унижительно. Неудивительно, что Хрущев, который почти всю войну провел в дороге, серьезно забо-

32. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 39; Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 411, 508; Зенкович, *Самые секретные*, с. 58–60.

лел воспалением легких. Ко времени возвращения к работе Каганович, как вспоминал Хрущев, «распоясался», стал преследовать не только украинских националистов, что было обычным делом, но и евреев³³. За исключением этого всплеска в 1947 году, статус Кагановича, который в первые послевоенные годы был на низком уровне, заметно не улучшился: до украинского рейда он возглавлял Министерство промышленности строительных материалов, а затем отвечал за государственное снабжение³⁴.

Андреев, который болел и почти полностью оглох, также впал в немилость. В марте 1946 года он не был снова назначен секретарем ЦК и почти полностью исчез из списка посетителей кабинета Сталина, хотя продолжал работать, теперь в области сельского хозяйства³⁵. Ворошилов тоже был не в фаворе. Сталин часто относился к нему с презрением — «как к собаке», по словам одного иностранного наблюдателя, — давил на него, отказываясь отвечать на его призывы вспомнить старую дружбу. Примерно в это же время Сталин начал намекать, что Ворошилов может быть британским шпионом, но со Сталиным никогда нельзя было знать, как воспринимать подобные намеки. В любом случае, Ворошилов оставался членом Политбюро, а по возвращении из Венгрии получил работу в управлении культуры, что было не так уж странно, учитывая долгую историю его дружбы и покровительства артистам и театру, но весьма далеко от его предыдущей специальности и военного дела³⁶.

Результат всех этих сталинских игр был, в сущности, очень скромным. В команде появились не-

33. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 240–244.

34. Пихоя, *Советский Союз*, с. 77.

35. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 63; Андреев, *Воспоминания*, с. 268–269.

36. Montefiore, *Stalin*, p. 467; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 314–315; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 308; Васильева, *Кремлевские жены*, с. 86.

которые новые лица (хотя большинство из них оказались временными), но старые члены команды остались на месте — с предупреждением, иногда довольно унижительным и пугающим, что пребывание в должности не гарантировано. Это то, что касалось политических деятелей. Что касалось военных, то маршалу Жукову не повезло. Было почти предопределено, что чрезвычайно популярный победитель Берлина, человек на белом коне на Параде Победы 1945 года, должен вызвать подозрение Сталина и что Сталин ему это припомнит в послевоенные годы. Именно так и произошло. Глава советской военной администрации в Германии сразу после войны, Жуков был в начале 1946 года отозван в Москву и назначен главнокомандующим советскими сухопутными войсками, а через несколько месяцев внезапно уволен по обвинению в «потере скромности» и в том, что «приписывал себе разработку операций, к которым не имел никакого отношения», и понижен в должности до главы Одесского военного округа. В 1948 году произошел скандал с военными «трофеями», которые он привез из Германии, в его квартире был сделан обыск, его снова понизили в должности и на этот раз отравили командовать Уральским военным округом. Хотя люди (в том числе и члены команды) его хорошо помнили, его имя начало вымарываться из хроник Второй мировой войны, и он даже исчез с картин, изображающих Парад Победы. Приняв свое изгнание как хороший солдат, он нашел себе на Урале новую жену, к ярости старой, и к 1952 году снова стал входить в милость, хотя до смерти Сталина так не вернулся в Москву³⁷.

37. ЦХДНИСО (Центр хранения документации новейшей истории Самарской области), 714/1/1149 (вопросы людей о судьбе Жукова, 1945–1946); РГАНИ, 3/32/13, л. 116 (Жемчужина возмущена обыском); Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 31–32; Roberts, *Stalin's General*, p. 244–253.

Ко времени Потсдамской конференции, состоявшейся летом 1945 года, медовый месяц с союзниками уже закончился. Не успела Потсдамская конференция завершиться, как Соединенные Штаты, без предварительной консультации, сбросили свое новое грозное оружие — атомную бомбу — на Хиросиму. Западные державы были недовольны степенью советского контроля в восточноевропейских государствах. Согласно ялтинским договоренностям, эти государства относились к советской сфере влияния, но теперь они переходили к коммунистическим однопартийным режимам под советской опекой и все больше походили на сателлитов. Черчилль все еще хорошо отзывался о Сталине: «Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны», — сказал он в Палате общин в ноябре 1945 года. Но на Сталина это не произвело впечатления: Черчилль просто пытался «успокоить свою нечистую совесть» за организацию «англо-американо-французского блока против СССР», писал он членам своей команды из Сочи; и добавил, вероятно, чтобы нанести косвенный удар по Молотову и Микояну: «У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов». Предсказывая, что произойдет на внутреннем фронте, Сталин объявил, что такое отношение унижительно и опасно. «С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу»³⁸.

Знаменитая речь Черчилля в Фултоне, штат Миссури, несколько месяцев спустя усилила раскол между бывшими союзниками: «На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень... От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес».

38. Сталин и космополитизм, с. 31–32.

вес». Вся Восточная Европа была в советской сфере влияния, и под контролем Москвы появились полицейские государства; никто не знал, «что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям... это будет явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая необходимыми предпосылками для создания прочного мира»³⁹. Сталин ответил, что речь Черчилля надо понимать как «опасный акт»; теперь Черчилль фактически перешел на сторону поджигателей войны в Великобритании и Соединенных Штатах, они «поразительно напоминают... Гитлера и его друзей». Фултонская речь была «призывом к войне с СССР»⁴⁰.

Началось то, что мы теперь называем холодной войной. В то время, однако, было еще не ясно, останется ли эта война холодной или вспыхнет Третья мировая война. Сталин в своем гневе и тревоге был не одинок в советском руководстве. Для маршала Жукова поведение Черчилля и Трумэна в Потсдаме «более чем когда-либо продемонстрировало их желание извлечь выгоду из поражения нацистской Германии, чтобы укрепить свои позиции и доминировать в мире». Другой советский маршал утверждал, что применение американцами бомбы предназначалось для запугивания Советского Союза, чтобы показать, что «американская элита уже рассматривала возможность установления своего мирового господства». Из Вашингтона советский посол в Соединенных Штатах, отнюдь не ястреб с советской точки зрения, отсылал сообщения

39. Фултонская речь ("Sinews of Peace", 5 марта 1946, <http://history1900s.about.com/od/churchillwinston/a/Iron-Curtain.htm>).

40. Ответ Сталина, 14 марта 1945: Сталин, *Сочинения*, ed. McNeal, vol. 3 (16), p. 35-43.

об угрожающем росте в Соединенных Штатах антисоветских настроений⁴¹.

Поскольку Соединенные Штаты владели атомной бомбой, для Советского Союза первоочередной задачей стало ее приобретение. Берия отвечал как за разведывательную деятельность по получению информации об американской ядерной программе, так и за все усилия советских ученых во главе с физиком-ядерщиком Игорем Курчатовым по созданию бомбы. Он и советские ученые проделали блестящую работу, успешно испытав собственную бомбу в Казахстане в конце августа 1949 года. Похоже, что это было главной заботой Берии в первые послевоенные годы, и — в отличие от общего правила негативно-го освещения всех сторон деятельности Берии после его падения и казни в середине 1953 года — многие ученые, участвовавшие в программе, позже очень высоко оценивали его интеллект, силу воли, энергию и административную эффективность. Как утверждал один высокопоставленный функционер, работавший за пределами прямой сферы деятельности Берии, в качестве управленца Берия заслуживал «высочайшей оценки», даже если его влияние было замешано на страхе: он выслушивал советы специалистов, а затем добивался их поддержки в Кремле⁴².

В середине 1947 года в качестве европейской программы восстановления Соединенные Штаты предложили план Маршалла. Оставляя в стороне вопрос о том, одобрил бы Конгресс США включение в этот план Советского Союза, если бы Советский Союз

41. Жуков, цит. в: Robert Gellately, *Stalin's Curse* (Oxford: Oxford University Press, 2013), p. 159 (цитата маршала Кирилла Мерецкова), 171; *Origins of the Cold War* (Washington, DC: United States Institute of Peace, 1991), p. 3–16, особ. 15–16 (посол Михаил Новиков).

42. David Holloway, *Stalin and the Bomb* (Yale University Press, 1994); Knight, *Beria*, p. 137 (комментарии о физиках Юлие Харитоне и Иване Головине); Куманев, *Говорят сталинские наркомы*, с. 410–411 (комментарий Д. Г. Жимерина).

захотел участвовать, само предложение поставило перед Сталиным и его командой сложный вопрос. С одной стороны, восстановление советской экономики после войны было задачей, истощающей советские ресурсы до предела. С другой стороны, в Советском Союзе существовало давнее марксистское недоверие к иностранным деньгам и политическим последствиям их использования. Как сказал экономист Евгений Варга, когда выступал на Политбюро в качестве экономического эксперта, план Маршалла являлся не просто экономическим империализмом, но и культурным империализмом, направленным на то, чтобы протолкнуть в Советский Союз американские идеи и западные товары. Сталин поддержал эту позицию, настаивая на отказе от плана Маршалла как со стороны Советского Союза, так и со стороны восточноевропейских стран-сателлитов, включая Польшу и Чехословакию, чьи поддерживаемые Москвой режимы демонстрировали признаки желания принять этот план. Сталин отверг его, «даже не пытаясь договориться», полагая, что чем меньше контактов будет у Советского Союза с Западом, тем лучше. «По его мнению, этот план был направлен на установление американского контроля над Европой». Молотов поддержал Сталина, сказав позднее, что «империалисты хотели превратить всю Европу в нечто вроде зависимых колоний». Но некоторые из команды, в частности Микоян и Берия, были более благосклонны к советским контактам с Западом. Микоян хотел договориться о плане Маршалла и в 1948 году все еще продвигал эту идею. Берия, по словам его сына, был против категорического отказа от американской помощи, с ним были согласны Вознесенский и другие, участвовавшие в организации немецких репараций⁴³.

43. Пихоя, *Советский Союз*, с. 34–35 (Варга); S. Beria, *Beria, My Father*, p. 205; Gellately, *Stalin's Curse*, p. 306; Павлов, *Анастас Микоян*, с. 226.

Советский ответ на план Маршалла и создание западной сферы влияния в Европе состоял в провокационном воскрешении Коминтерна (распущенного в 1943 году, чтобы успокоить союзников) в смягченной форме Коминформа, основанного в сентябре 1947 года на встрече европейских коммунистических партий в Шклярской Порембе на юго-западе Польши. Из членов команды там присутствовали Жданов и Маленков. Жданов задал тон резко антизападной риторики, объявив мир разделенным на «два лагеря», критикуя «правящую клику американских империалистов», которая начала «порабощение ослабленных капиталистических стран Европы», и призвал европейские коммунистические партии сопротивляться присутствию США в Европе любыми необходимыми средствами, включая саботаж. Как и в сталинских комментариях к речи Черчилля о пресловутом железном занавесе, в советском отчете об этой встрече антисоветские империалистические цели западных держав рассматривались как продолжение движения Гитлера на восток⁴⁴.

Жданов был не особенно рад присутствию Маленкова, который фактически был послан, чтобы за ним наблюдать (и наоборот, Жданов должен был следить за Маленковым). Они были политическими конкурентами и искренне не любили друг друга. В доме Ждановых Маленкова всегда называли женским именем Маланья, поскольку он был упитанным и совсем не походил на мачо. Эта взаимная враждебность не была ни чем-то необычным среди членов команды, ни нежелательной, с точки зрения Сталина. Когда в 1948 году Жданов умер, то, как горько вспомнил его сын, Берия шел по улице Горького за гробом, даже не удосужившись притво-

44. Vladislav Zubok and Constantine Pleshakov, *Inside the Kremlin's Cold War* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996), p. 132–134.

риться, что он опечален, и всю дорогу смеялся, разговаривая с Маленковым. Берия, по воспоминаниям его сына, со своей стороны, никогда не скрывал своей антипатии к Жданову и высмеивал его художественные претензии⁴⁵. Было время, грустно вспоминала Екатерина Ворошилова, когда в команде царил дух товарищества и дружбы, но теперь два самых любимых члена команды — Орджоникидзе и Киров — давно умерли, и стал преобладать дух недоверия, злобной конкуренции и взаимных интриг. Сталин поощрял это по принципу «разделяй и властвуй». Это все еще была команда, о чем наглядно свидетельствуют события последних лет жизни Сталина, но после Большого террора стало гораздо более очевидно, что это была команда соперников. Антагонизм между Маленковым и Ждановым и их людьми в ЦК был ярким примером. Но были и напряженные отношения между когортами — с одной стороны, старожилыми Молотовым и Микояном, а также частично отстраненными Ворошиловым, Андреевым и Кагановичем, у которых было сильное чувство командной идентичности; с другой стороны, была средняя группа из Маленкова, Жданова, Хрущева, Булганина и Берии, которые, в отличие от старшей когорты, по большей части никогда не создавали связей друг с другом; и, наконец, были новые люди, Вознесенский и Кузнецов, которые были восприняты, особенно средней группой, как угроза.

Берия, «величайший интриган», как позднее характеризовал его Молотов, был, по его словам, источником конфликтов⁴⁶. Кроме того, он был единственным, кроме Сталина, кто был ближе всего к органам безопасности, которые к этому моменту постоянно следили за членами команды, по край-

45. Alliluyeva, *Only One Year*, p. 394; Жданов, *Взгляд в прошлое*, с. 123; S. Beria, *Beria, My Father*, p. 160.

46. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 436.

ней мере, так считалось. «По-моему, всю жизнь меня подслушивают», — сказал Молотов в ответ на вопрос Чуева о прослушивании телефонных разговоров. «Чекисты мне говорили, я не проверял. <...> Поэтому стараемся не болтать такого чего-нибудь»⁴⁷. После войны «бериевская мафия <...> плотным кольцом окружила каждого члена Политбюро, ЦК, правительства, в том числе и Маленкова, — сообщает Андрей Маленков. — Все телефоны полностью прослушивались. Не только отец и мать, но и мы, дети, не могли выйти из дома без сопровождения офицера из органов»⁴⁸. Членов команды повсюду сопровождали телохранители, так же, как и их детей, хотя Светлана, когда поступила в университет, смогла убедить Сталина отменить это требование⁴⁹. Тайнственная частная информационная служба Берии якобы работала на благо Сталина, хотя некоторые, в том числе и сам Сталин, начали подозревать, что это делалось и для его собственной выгоды. Но советская безопасность не была сосредоточена в одних руках. В последние годы жизни Сталина у Маленкова в кабинете якобы хранилось пятьдесят восемь томов записей телефонных разговоров Ворошилова, Жукова и других. Красивый особняк Берии на улице Качалова (он был единственным членом команды, у которого был свой особняк) тоже прослушивался⁵⁰.

По преобладающему в послевоенный период обыкновению, члены команды стали более осторожно, чем раньше, высказывать мнения, которые могли противоречить взглядам Сталина. По имеющимся данным, Молотов больше других был готов

47. Молотов, Маленков, Каганович, 1957, с. 47; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 314.

48. Маленков, *О моем отце*, с. 59.

49. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 134, 141.

50. S. Beria, *Beria, My Father*, p. 193, 246; А. Г. Маленков, *О моем отце*, с. 59; Radzinsky, *Stalin*, p. 535-536.

отстаивать свои взгляды, также время от времени возникали споры с Вознесенским и Ждановым. Позже Микоян описал ряд своих разногласий со Сталиным в послевоенный период, хотя, возможно, он высказывал свое мнение в личных беседах, а не на совещаниях с несколькими участниками, и то же самое относилось и к Берии, как утверждал его сын. Но в целом, по сообщениям наблюдателей, было принято покорно соглашаться с тем, что предлагал Сталин⁵¹. По мнению адмирала Кузнецова, для членов команды было бесполезно спорить со Сталиным, особенно, если рядом находился Берия: «Стоило Сталину высказать только еще предположение, как все хором вторили ему, думая о том, как бы угодить „вождю и учителю“»⁵². Сталин иногда огрызался на них: «Что с вами говорить? Вам что ни скажешь, вы все: „Да, товарищ Сталин“, „Конечно, товарищ Сталин“, „Вы приняли мудрое решение, товарищ Сталин“»⁵³.

Но собственное понимание Сталиным очевидного раболепия членов команды отличалось от того, как понимал его Кузнецов. Сталин считал, что они лишают его ценных знаний о своих внутренних разногласиях. Он полагал важным «обращать внимание на разногласия, на возражения, разбираясь, почему они возникли, в чем дело. А они прячут это от меня», — возмущался Сталин. Для него это сокрытие было на самом деле командной стратегией, позволяющей вести дела без особого вмешательства со стороны старика. «Если у них есть между собой разногласия, — однажды пожаловался Сталин, — стараются сначала согласовать между собой разногласия, а потом уже в со-

51. Молотов, Маленков, Каганович, 1957, с. 121; Волкогонов, Сталин, с. 390–391.

52. Кузнецов, Крутые повороты, с. 82–83.

53. Симонов, Глазами, 139 (слова Сталина в передаче маршала Жукова), с. 360.

гласованном виде довести до моего сведения. Даже если остаются не согласными друг с другом, все равно согласовывают на бумаге и приносят согласованное»⁵⁴.

Неписанным правилом советской высокой политики стало, что члены ближнего круга не создавали никаких особых альянсов и не встречались друг с другом в обществе, кроме как под присмотром Сталина и у него в гостях. Когда семья Хрущева в 1950 году переехала из Киева в Москву, молодой Сергей Хрущев обнаружил, что жизнь в Москве была иной, чем в Киеве. «Не стало гостей... Здесь друзья и дружба таили в себе опасность»⁵⁵. Алексей Аджубей, муж дочери Хрущева Рады, вспоминал, что когда семья Хрущевых проводила лето в Крыму в 1949 году, Светлана Сталина и ее новый муж Юрий Жданов тоже были там, обе семьи жили в старом царском дворце в Ливадии, но «никакого общения между нами не было. Семейные знакомства не поощрялись»⁵⁶. Конечно, было несколько исключений. Берия, у которого было больше возможностей нарушать правила, часто ездил вместе с Маленковым на дачу на одной машине. Хрущев, который, возможно, был не в курсе изменений в нравах, пытался немного пообщаться на даче с другими членами команды после возвращения семьи с Украины в начале 1950 года, но без особого успеха. В Москве Хрущевы и Маленковы жили на соседних этажах в доме №3 по улице Грановского, и какое-то время Хрущев организовывал совместные семейные прогулки по близлежащим улицам по вечерам: он и Георгий шли впереди, за ними следовали их жены и дети, вся величественная про-

54. Симонов, *Глазами*, с. 139 (слова Сталина Симонов услышал от послевоенного министра путей сообщения Ивана Ковалева), с. 348.

55. С. Хрущев, *Никита Хрущев: рождение сверхдержавы*, с. 29.

56. Аджубей, *Те десять лет*, с. 27–28.

гулка проходила в сопровождении охранников; как ни странно, мало кто узнавал их, и не было никаких неприятных инцидентов⁵⁷.

По воспоминаниям сыновей Берии и Маленкова, их семьи предпочитали общаться с представителями интеллигенции, а не с другими членами команды. Сын Маленкова, очевидно, забыв про прогулки по улице Грановского своего детства и, конечно же, знавший о неприязни своей семьи к Хрущеву после 1957 года, писал: «Наш семейный круг был миром, в котором отец и мать оставались высокоинтеллигентными людьми», и по этой причине они считали, что старшие члены руководства, с их бранью и плохими манерами, вульгарны. «К нам ни разу не приезжал в гости никто из олигархов первого сталинского ранга и никто из их домочадцев». Действительно, у его родителей был такой утонченный вкус, что трудно было даже представить за семейным столом «наводящего скуку „человека в футляре“ Молотова» или грубого Кагановича, который «матерился как извозчик», не говоря уже о вульгарном Хрущеве⁵⁸. По словам сына Берии, в его семье были столь же разборчивы. «Думающие, инициативные, энергичные люди» — вот с кем любил общаться Берия и его культурная жена Нина (научный сотрудник Тимирязевской сельскохозяйственной академии), а среди гостей за их обеденным столом были физики, историки, выдающиеся медики и архитекторы (вспомним первую специальность самого Берии), а также грузинские писатели, художники и философы⁵⁹.

Булганин был известен своими связями с художественными кругами, хотя это не была семейная

57. Волкогонов, *Триумф и трагедия*, кн. 2, пкт. 1, с. 131; С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 236–238; Дмитрий Шепилов, *Непримкнувший* (Москва: Вагриус, 2001), с. 33; С. Хрущев, *Никита Хрущев: рождение сверхдержавы*, с. 29–30.

58. Маленков, *О моем отце*, с. 24–25.

59. С. Берия, *Мой отец* (1994), с. 36.

дружба, скорее, это были романы с балеринами и певицами. Оперная певица Галина Вишневская в своих мемуарах с иронией вспоминала, как он упрямо преследовал ее, не обращая внимания на то, что она недавно вышла замуж за молодого виолончелиста Мстислава Ростроповича. Она превратила его в объект насмешек, хотя при этом ценила его покровительство⁶⁰. У Ворошилова также было много знакомых в кругу интеллигенции, в основном он дружил с художниками и скульпторами (мужчинами), которых он, к некоторому неудовольствию своей жены, приводил домой⁶¹. Что касается Молотова, то никто в команде или вне ее, кажется, не помнит общения с ним в послевоенный период: когда в последующем члены команды вспоминали свои отношения с ним, то в этих воспоминаниях преобладал прохладный тон осторожного уважения. Его жена Полина была совершенно иной: у нее было много знакомств в среде интеллигенции, о которых стало известно несколько позже, но, очевидно, она общалась с ними по бóльшей части без участия постоянно занятого Молотова. По словам дочери Андреевых, у них в послевоенный период были друзья и среди интеллигенции, и среди военных. Действительно, очевидно, что бóльшая часть команды приобрела новых друзей среди профессиональных военных⁶².

Вполне может быть, что дети членов команды, которые позже написали мемуары, преувеличивали степень близости своих родителей с интеллигенцией, так как по большей части дети тоже чувствовали себя участниками команды. В частности, они, вероятно, преувеличивали частоту этого общения, по-

60. Г. Вишневская, *Галина* (Москва: Русич, 1999), с. 203–214; *Говорят сталинские наркомы*, с. 411 (Жимерин)

61. РГАСПИ, 70/1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», с. 14, 15–16, 76).

62. Андреев, *Воспоминания*, с. 330.

скольку отцы были настолько заняты, что их жизнь оставляла для него мало места, за исключением отдыха на даче. Но сами дети, которые теперь уже в основном выросли, вероятно, были единственными, с кем большинство членов команды находились в постоянном общении за пределами круга профессиональных политиков, и именно через них осуществлялись контакты членов команды с интеллигенцией. В группу высокообразованных «кремлевских детей» входили выпускники гуманитарных факультетов (Светлана Сталина, Светлана Молотова, Этери Орджоникидзе, Рада Хрущева и Серго Микоян), ученые и математики (Юлия Хрущева, Владимир Андреев, Серго Берия, приемная дочь Ворошиловых Татьяна Фрунзе, Степан Микоян, Наталья Андреева, Егор Маленков, Андрей Маленков и Юрий Жданов) и архитекторы (Майя Каганович, Галина Куйбышева и Валентина Маленкова). Многие из них впоследствии получили научные степени, а некоторые стали профессорами в своих областях. Юрий Жданов, получивший ученую степень по философии, был единственным, кто последовал за отцом в политику, но вскоре вернулся в академию и стал ректором Ростовского государственного университета. Серго Берия стал выдающимся физиком, а Андрей Маленков достиг такого же уровня как биолог⁶³.

Эти молодые люди, как вспоминала впоследствии Светлана Сталина, «старались не пропускать хорошие концерты в консерватории» и учили тому же своих родителей. «В какой-то степени родители здесь прислушивались, приноравливались к взглядам молодого поколения»⁶⁴.

63. Sheila Fitzpatrick, "Stalin and the World of Culture," in *Totalitarian Dictatorship: New Histories*, ed. Daniela Baratieri and Giuseppe Finaldi (New York: Routledge, 2014), p. 75–77.

64. Alliluyeva, *Only One Year*, p. 390; С. Микоян, *Воспоминания*, с. 166.

Светлана, без сомнения, больше имела в виду семьи Ждановых, Микоян, Маленковых, Берия и Молотовых, чьей теплой семейной жизни она завидовала, чем свою семью. Даже занятый Молотов находил время для своей Светланы, которая, к радости родителей, получила золотую медаль перед вступительными экзаменами в университет в 1946 году и продолжила изучать историю в МГУ⁶⁵. Это означало, что он встречался с ее университетскими друзьями. Как ни удивительно, послевоенная студенческая жизнь в Московском университете была, по всей видимости, исключительно оживленной, интеллектуально серьезной и пронизанной чувством оптимизма по поводу будущего, которое еще не оторвалось от своих социалистических корней и не переросло в диссидентство⁶⁶. Молотова радовали здравые политические настроения среди студентов. «Приходит новое поколение, — писал он Полине, — и, судя по Светлане и ее друзьям, они получили солидное образование и, более того, они преданы советскому государству и с уверенностью смотрят в будущее»⁶⁷.

Сталин и его дочь Светлана отдалились друг от друга с самого начала войны, когда подростком Светлана была эвакуирована в Куйбышев. После того как во время войны Светлана вышла замуж и уехала из Кремля, они больше не обедали вместе. Сталин был одинок после того, как распался его довоенный круг общения, сначала из-за смерти жены, затем из-за ареста родственников во время террора, а после войны он стал еще более одиноким, полностью порвав с родственниками от своих двух браков, и у него не было новых друзей или спутницы, которые мог-

65. РГАСПИ, 82/2/1592, л. 16 (письмо Полине [1946]).

66. Vladislav Zubok, *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia* (Cambridge, MA: Belknap Press, Harvard University Press, 2009), p. 30–31, 40, 290; Benjamin Tromly, *Making the Soviet Intelligentsia* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014).

67. РГАСПИ, 82/2/1592, лл. 57–60 (письмо Полине, 19 июня 1947).

ли бы заполнить пустоту. Это привело к тому, что общаться он стал только с членами команды. Сложившаяся в войну привычка заканчивать рабочие встречи членов команды общим ужином продолжилась в менее спартанской форме. Так как Сталин не любил быть один, команду все чаще приглашали на обеды на дачу Сталина, которые начинались поздно, часто после просмотра фильма в Кремле; на этих обедах (в обязательном порядке) много пили, а также там велись рабочие дискуссии, и продолжалось все это до раннего утра (до 4:00 или 5:00 часов)⁶⁸.

В 1944 году приехавший в гости югославский коммунист Милован Джилас нашел эти ужины вполне приятными: потребление еды и напитков не было чрезмерным, и члены команды «тесно общались друг с другом. Каждый рассказывал о новостях в своей области, с кем он в тот день встречался, какие строил планы». Атмосфера была дружеской и неформальной, и «неподготовленный посетитель едва ли мог заметить разницу между Сталиным и остальными. Тем не менее она существовала. Его мнение тщательно бралось на заметку. Никто ему особо сильно не возражал. Все скорее напоминало патриархальную семью во главе со своенравным человеком, чьи слабости вынуждают домашних все время быть настороже».

Но когда Джилас вернулся в Москву в январе 1948 года (тогда, по общему признанию, югославо-советские отношения резко ухудшались и были на пути к полному разрыву, произошедшему в июне того же года), он обнаружил, что атмосфера стала гораздо более стесненной. Сталин заставлял своих товарищей напиваться, так что они иногда теряли сознание и их приходилось нести домой⁶⁹.

68. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 49.

69. Milovan Djilas, *Conversations with Stalin* (Harmondsworth: Penguin, 1962), p. 64, 117–135 (Милован Джилас, *Беседы со Сталиным* (Москва: Центрполиграф, 2002), с. 91, 172–184).

По словам Хрущева, чтобы избежать пьянства, Берия, Маленков и Микоян в какой-то момент договорились с официантками подавать им подкрашенную воду вместо вина, но затем Александр Щербаков, непопулярный зять Жданова, выдал их. Сталин был очень зол на них за этот обман. Жен уже больше не приглашали, и было много грубых шуток и розыгрышей, могли, например, положить на стул помидор. Говорили, что подобные шутки инициировал, в частности, Берия. Сталину нравилось унижать, поэтому он заставлял Молотова вальсировать с польским лидером Якубом Берманом или Хрущева — плясать гопак, для этого надо было присесть на корточки и выбрасывать ноги, что, по правде говоря, полному Хрущеву было не очень легко⁷⁰.

Сталин превратился в сову, и одной из странностей того периода было то, что не только команда, но и все правительство было вынуждено перейти на его график. Даже когда члена команды не приглашали в какую-то ночь пообедать со Сталиным, он должен был оставаться в своем кабинете, часто далеко за полночь, на случай, если его вызовут в последнюю минуту⁷¹. Когда по медицинским причинам Ворошилов хотел отойти от сталинской ночной жизни, ему пришлось просить у него специального разрешения. Этот режим сказался на здоровье членов команды, все они испытывали хроническую усталость. Состояние сердца Жданова ухудшилось, и он также, по словам Хрущева, стал алкоголиком, так что, в отличие от своей практики относительно других членов команды, Сталин требовал, чтобы он не пил во время обеда. Как описывал Жданова в то время один из коллег, «его лицо было очень бледным и невероятно усталым, а гла-

70. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 296–306 (цитата, p. 301); Service, *Stalin*, p. 524–525; Alliluyeva, *Only One Year*, p. 363.

71. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 63–64, 196.

за воспалены от недосыпания. Он задыхался, ему не хватало воздуха. Для Жданова с его больным сердцем ночные бессменные бдения на „ближней даче“ были катастрофическими»⁷². Андреев тоже был в плохой физической форме, впрочем, не из-за ужинов, на которые его больше не приглашали. Ворошилов страдал от головных болей, бессонницы и головокружения. Плохое здоровье было присуще всей советской политической элите, врачи связывали это с неестественным рабочим временем. В мартовской записке 1948 года говорилось, что двадцать два министра страдали от сильной усталости, трое от язв и один от нервного истощения⁷³. У Молотова, Микояна, Берии и Хрущева, похоже, было от природы железное здоровье, хотя Хрущев и Молотов позволяли себе вздремнуть в дневное время, а Микоян признался, что устраивал перерывы на отдых во время бесконечных ужинов под предлогом похода в туалет⁷⁴.

В то время как личный образ жизни Сталина оставался аскетичным, члены команды и политическая элита в целом вели все более роскошную жизнь. Писали, что некоторые из жен — Зинаида Жданова, Нина Берия и Полина Жемчужина — периодически посещали Карловы Вары в Чехословакии (один из бонусов восточноевропейской империи)⁷⁵, а про любимую дочь Полины Светлану говорили, что она «настоящая большевистская принцесса»: ее ежедневно возили на машине в университет, и она «каждый день носила новый наряд». Жена Молотова «всегда была одета лучше всех правительственных дам», а бедная Екатерина

72. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 284; Djilas, *Conversations*, p. 121; Dmitrii Shepilov, *The Kremlin's Scholar* (New Haven: Yale University Press, 2007), p. 91.

73. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 63.

74. Service, *Stalin*, p. 525; Montefiore, *Stalin*, p. 521.

75. Montefiore, *Stalin*, p. 552.

Ворошилова, когда-то революционерка, «превратилась в дородную даму», как и Зинаида Жданова. Квартира и дача Молотова отличались «хорошим вкусом и роскошью обстановки — по советским стандартам, конечно», дача Ворошиловых была «роскошной», полной «ковров, золотого и серебряного кавказского оружия, дорогого фарфора», некоторые из этих вещей были подарками от стран социалистического блока. Теперь на дачах были теплицы, кинозалы и даже конюшни (Ворошилов и Микоян по-прежнему любили кататься верхом, хотя жена Ворошилова считала, что он слишком стар для этого). Скромное происхождение Кагановичей проявлялось в том, что у них был дом «богатый мелкобуржуазный, полный некрасивых дорогих вещей, с пальмами в кадках по углам». У Берия, с другой стороны, дача была даже более роскошная, чем у Ворошиловых, с дизайнерской мебелью, обоями и лампами, а также английскими и немецкими книгами и журналами.

«Трофеи», привезенные из Европы после войны, способствовали росту роскоши элитных квартир и популярности роялей. По мнению Светланы Сталиной, именно старшее поколение особенно любило роскошь (исключение составляла лишь скромная Ашхен Микоян). Маленковы, Ждановы и Андреевы жили менее экстравагантно и более «демократично», но даже там, как отмечала Светлана, государство — которое владело всеми этими квартирами, дачами и прекрасной мебелью (мало что было частной собственностью) — поддерживало их быт на уровне, недоступном простым советским гражданам⁷⁶.

Ждановы, пожалуй, больше других членов команды стремились продемонстрировать свою высокую культуру. Тем не менее имя Жданова вскоре

76. Alliluyeva, *Only One Year*, p. 378–390; РГАСПИ, 74/1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», запись от 20 мая 1951).

навсегда оказалось связано с репрессивной культурной политикой, которая была глубоко оскорбительной для русской интеллигенции — по этой причине у детей членов команды, которые идентифицировали себя с ней, вызывало чувство неловкости. «Ждановщина» — такое название получила кампания, начатая в 1946 году с целью усиления дисциплины в сфере культуры и борьбы с декадентским модернизмом и западным влиянием. Одновременно проходила кампания против «космополитов», осуждавшая «низкопоклонство» перед Западом во всех проявлениях.

Первыми под удар культурной кампании попали два ленинградских литературных журнала и ленинградские писатели Михаил Зощенко и Анна Ахматова. Жданов, в обязанности которого как секретаря ЦК входила идеология и культура, был исполнителем и, несомненно, сторонником восстановления контроля в сфере культуры, который несколько ослаб во время войны. Но инициатива, очевидно, исходила от Сталина, который постоянно подсказывал, как надо действовать; и кажется маловероятным, чтобы Жданов по собственной инициативе выбрал бы в качестве мишени свою бывшую вотчину, Ленинград, или тех писателей, которых он прежде защищал. Сталин лично отредактировал речь Жданова перед ленинградскими писателями и необычайно тепло похвалил текст, который среди прочего интересен тем, что автор заранее позаботился включить в него инструкции для режиссера («бурные аплодисменты») в соответствующих местах. Органы безопасности также внесли свой вклад, подготовив компрометирующие материалы на Зощенко и Ахматову. После речи Жданова и постановления Оргбюро от 9 августа 1946 года, на которое Жданов ссылался, писатели, высмеивавшие, как Зощенко, советскую жизнь или пытавшиеся ее игнорировать, уйдя во внутреннюю эмиграцию, как Ахматова, не могли больше публиковаться в со-

ветских журналах⁷⁷. Сталин, взявший на себя ведущую роль в перекрестном допросе ленинградцев на заседании Оргбюро, добавил от себя: Ленинград слишком долго шел своим собственным путем в культуре, влияние местной интеллигенции было таким же, как и влияние партии, и его культурный климат проявлял тенденцию к низкопоклонству перед иностранцами, о чем он уже говорил в связи с речью Черчилля в предыдущем году⁷⁸.

Следующий удар был направлен против исследователей рака (профессоров Нины Ключевой и Григория Роскина), которые при поддержке министра здравоохранения передали информацию о результатах своих исследований американским ученым через посольство США. Конечно, в эту историю был внесен шпионский мотив, но главное — предупреждение советской интеллигенции и бюрократии, что они должны быть очень осторожными в своих отношениях с иностранцами, всегда помня о неприкосновенности постоянно расширяющейся категории советских «государственных секретов»⁷⁹. После этого появилось «Закрытое письмо Центрального комитета», в котором низкопоклонство перед Западом критиковалось как «недостойное для наших людей», особенно это касалось интеллигенции⁸⁰. И снова Жданов выступал перед публикой, а стоял за ним Сталин, который, как и прежде, тщательно редактировал текст ждановской речи⁸¹. Эта речь была произнесена на «суде чести»

77. Gorkizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 32–33; С. Куняев, “Post Scriptum”, *Наш современник*, 1995, № 10, с. 190.

78. *Сталин и космополитизм*, с. 70; «Литературный фронт», с. 214, 200, 221–225.

79. Nikolai Kremontsov, *The Cure* (Chicago: University of Chicago Press, 2002).

80. «Закрытое письмо от 16 июля 1947 г.», *Сталин и космополитизм*, с. 124; Симонов, *Глазами*, с. 128; РГАСПИ, 558/11/732, лл. 89–90.

81. РГАСПИ, 558/11/732, л. 1.

по делу Ключевой — Роскина. Такие суды стали новым оружием в советском идеологическом арсенале и были одним из любимых проектов Жданова. Отличительной чертой судов чести было то, что они унижали и осуждали тех, кого судили, но обычно не приводили к арестам и заключению в ГУЛАГ. Жданов, вероятно, рассматривал их как прогрессивную, даже демократическую меру, укрепляющую дисциплину без жестких карательных мер 1930-х годов, и, кроме того, опирающуюся на мнение профессионального сообщества. Проблема заключалась в том, что после Большого террора это не работало: коллеги обвиняемых просто ждали инструкций сверху (в которых не было недостатка) и превосходили самих себя в клевете, чтобы, как говорили в Советском Союзе, «перестраховаться»⁸².

Кампания против космополитов изначально была прочно привязана к внешней угрозе, хотя к концу 1940-х годов, после смерти Жданова, превратилась в эвфемизм антисемитизма. Зарубежные контакты были особенно опасны для интеллигенции, но не только для нее. «Закрытое письмо» рекомендовало более пристальное наблюдение за иностранными гостями, а последовавшие за ним репрессии в разных концах страны касались широкого круга деяний: от прослушивания радиопередач «Голоса Америки» в Краснодаре до излишних симпатий к немецкой культуре во время немецкой оккупации в Великих Луках. В портовом городе Риге от моряков на океанских пароходах требовалось излечиться от восхищения американской «свободой» и уровнем жизни⁸³.

82. Kremmentsov, *Cure*, p. 111–112; В. Д. Есаков и Е. С. Левина, *Дело КР: суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма* (Москва: Институт российской истории РАН, 2001).

83. С. Борисов, *Андрей Александрович Жданов* (Шадринск, 1998), с. 31; РГАСПИ, 17/88/819, 129–30, лл. 35–38 (Краснодар), л. 35 (Великие Луки); РГАСПИ, 17/122/326, л. 30 (Рига).

Во время войны и сразу после нее многие представители советской элиты общались с иностранными журналистами или дипломатами, ходили на приемы и показы фильмов в посольствах. Но затем начали закручивать гайки. В 1947 году запретили браки между иностранцами и советскими гражданами, что разрушило личную жизнь ряда жителей Запада, в том числе будущего сталинского биографа Роберта С. Такера, который тогда был младшим дипломатическим сотрудником в посольстве США⁸⁴. Те, кто проводил слишком много времени в иностранных посольствах или дружил с дипломатами, рисковали быть обвиненными в связи со шпионами, как, например, бывшая жена композитора Сергея Прокофьева, Лина, которая оказалась в ГУЛАГе и оставалась там до смерти Сталина⁸⁵. Борис Сучков, молодой деятель культуры с хорошими связями в Центральном комитете, специалист по англо-американской литературе, был директором Государственного издательства иностранной литературы, когда его арестовали как американского шпиона, вместе с женой, по сути, только потому, что они общались с американскими дипломатами⁸⁶. Два иностранных русскоязычных издания, распространяемых в Советском Союзе, «Британский союзник» и «Америка», подвергались критике за «тенденциозное» содержание, и их тиражи сокращали до тех пор, пока их стало невозможно купить практически нигде, кроме как в гостиницах «Метрополь» и «Националь» в Москве⁸⁷.

84. *Сталин и космополитизм*, с. 107 (текст решения Политбюро от 15 февраля 1947); *New York Times*, 31 July 2010 (некролог Такера).

85. Simon Morrison, *Lina and Serge* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013), p. 5–7, 249–254, 270.

86. РГАСПИ, 17/121/616, лл. 20–26; *Лубянка: Сталин и МГБ СССР* (Москва: Материк, 2007), с. 60–65; *Сталин и космополитизм*, с. 729.

87. *Сталин и космополитизм*, с. 547–548; Johnson, *Being Soviet*, p. 176.

Последнее значительное вмешательство Жданова в культуру имело место в январе 1948 года, за восемь месяцев до его смерти. На этот раз речь шла о музыке, которую Жданов очень любил⁸⁸. Он обрушился на всех ведущих советских композиторов, включая Шостаковича, Прокофьева и Арама Хачатуряна, обвинив их в модернизме, потакании вкусам элитной аудитории, пренебрежении мелодичностью и гармонией, уступках западному буржуазному вырождению и несоответствии вкусам народа⁸⁹. Интеллигенция обеих столиц была возмущена, и Шостакович позже написал сатиру по этому случаю⁹⁰. Но, в соответствии с общим подходом Жданова, наказание композиторов было мягким по советским стандартам (проблемы с публикацией и заказами, что вело к падению доходов, но не к потере привилегий и статуса, тем более не к арестам). Хотя Жданов, видимо, искренне верил, что композиторам лучше вернуться к более мелодичной и менее диссонирующей музыке, во время разбирательства он, по-видимому, находился в странно веселом настроении. Когда Прокофьев, вернувшийся из эмиграции и еще не полностью освоившийся в советских нравах, несмотря на замечание главы Контрольной комиссии партии, продолжал разговаривать с соседом, несколько свидетелей утверждают, что Жданов, наблюдая за этим с трибуны, начал смеяться. Неизвестно, понравилось ли ему наблюдать за тем, как неловко себя чувствует человек из Контрольной комиссии, или его развеселило столкновение двух разных систем ценностей и иерархий⁹¹. Жданов даже напи-

88. Shepilov, *Kremlin's Scholar*, p. 95.

89. Alexander Werth, *Musical Uproar in Moscow* (London, 1949).

90. Elizabeth Wilson, *Shostakovich* (Princeton: Princeton University Press, 1994), p. 296–298.

91. Simon Morrison, *The People's Artist* (Oxford: Oxford University Press, 2009), p. 29 (цитирует Мстислава Ростроповича и Тихона Хренникова).

сал свой собственный сатирический скетч (только слова, без музыки), в котором изображен министр, которого тащит на концерт его любящая культуру жена. Он, как обычно, засыпает, и когда жена его будит, он, как сознательный гражданин, говорит ей, что она, должно быть, не читала резолюцию ЦК, осуждающую весь этот вырожденческий модернистский мусор. Но тут выясняется, что музыка написана знаменитым русским композитором XIX века Михаилом Глинкой⁹².

Сын Жданова, Юрий, написал об этой маленькой пародии в своих мемуарах в соответствии с его общим представлением о своем отце как о культурном, доброжелательном и приятном человеке. Ждановы, кажется, были счастливой семьей, чья жизнь «крутилась вокруг единственного сына, его друзей, его интересов. Здесь бывали интересные и веселые молодежные вечера». Так описывала эту семью Светлана Сталина, которой образ жизни Ждановых казался особо привлекательным из-за контраста с ее собственной одинокой жизнью в Кремле⁹³. Брак Светланы с Морозовым распался, и она снова жила в квартире Сталина со своим сыном Оськой (сокращенное от Иосиф) и его няней, а Сталин проводил большую часть времени на даче. Она отчаянно пыталась выбраться, и Юрий решил спасти ее от кремлевской изоляции⁹⁴.

Вопрос о браке волновал как Сталина, так и Светлану, и, очевидно, они оба пришли к выводу, что для нее было бы лучше выйти замуж за сына одного из членов команды во избежание дальнейших бед. После ее развода, по словам Микояна, Сталин сказал «нам» (то есть своему ближнему кругу), что он разговаривал со Светланой о том, за кого ей следует выйти замуж: «Она сказала, что выйдет

92. Жданов, *Взгляд*, с. 91–92.

93. Alliluyeva, *Only One Year*, p. 390.

94. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 145–146; Жданов, *Взгляд*, с. 73.

замуж за Степана Микояна или сына Берии Серго. Я сказал ей: «Ни то, ни другое. Ты должна выйти за сына Жданова». Микоян и Берия испытали огромное облегчение, хотя Микоян, по крайней мере, любил Светлану. «Если бы выбор пал на моего сына, — писал позже Микоян, — Сталин начал бы вмешиваться в жизнь нашей семьи». «Это было бы ужасно», — соглашался Берия⁹⁵. Неизвестно, знали ли Светлана и Юрий об этом разговоре, но Светлана позже написала, что Сталин, который любил Андрея Жданова и уважал его сына, «всегда желал, чтобы семьи „породнились“», поэтому она, несомненно, надеялась обрадовать его этим решением. Но момент был упущен. Когда Светлана сказала Сталину, что она планирует выйти замуж за Юрия и переехать в квартиру Жданова в Кремле, он был раздражен: он строил второй этаж на даче в Кунцеве и надеялся, что она и ее сын приедут и будут жить там с ним. Но Светлана знала, что Юрий не согласится жить с ее отцом, так что это было исключено. Они поженились весной 1949 года.

На самом деле Светлане нравился сын Берии; у них даже был короткий роман во время войны. Но мать Серго была резко против, не потому что ей не нравилась Светлана (они всегда были близки и оставались в хороших отношениях), а по соображениям благоразумия: «Сталин интерпретировал бы этот брак как нашу попытку втереться в его семью», — сказала она своему сыну. Как бы то ни было, в 1947 году Серго женился на красавице Марфе Пешковой, внучке писателя Максима Горького. Сталин, который с детства знал Марфу как лучшую подругу Светланы, тем не менее имел сомнения по поводу этого брака, он считал, что это попытка «установить связи с оппозиционной русской интеллигенцией» или, возможно, уловка отца Серго с целью «проникнуть в среду русской ин-

95. А. И. Микоян, *Так было*, с. 363.

теллигенции». На свадьбу он подарил Серго издание своего любимого грузинского эпоса, на котором сделал надпись: «Дружите лучше с грузинской интеллигенцией!» Молодая пара жила в своей собственной квартире в особняке Берии, по воскресеньям их навещала бабушка Марфы, первая жена Горького, Екатерина Пешкова, которая с давних пор защищала политических заключенных — самое близкое, что было в сталинской России к деятельности по защите гражданских прав. Без сомнения, она принадлежала к той «оппозиционной интеллигенции», которую имел в виду Сталин⁹⁶.

Интеллигентская среда была привлекательна и для Светланы, и для Юрия Жданова; но Юрий, единственный из детей членов команды, ушел из науки (он преподавал химию и изучал философию в МГУ) в политику. Юрий в детстве был любимцем Сталина, и именно Сталину пришла в голову идея пригласить его на работу в ЦК. Его отец, вероятно, был встревожен тем, что Юрий входит в опасный мир политики, и Сталин тоже, как ни странно, предостерегал его от этого еще в 1940 году, когда посоветовал тогда двадцатилетнему Юрию не заниматься в университете комсомольской работой: «Политика — грязное дело. Нам химики нужны». Грязное это было дело или нет, но Юрий погрузился в него с головой, как только в декабре 1947 года его назначили главой научного отдела Центрального комитета, и, таким образом, не успев поработать на более низких уровнях, он стал одним из высших должностных лиц партии в сфере культуры⁹⁷.

96. Интервью с Марфой Пешковой, <http://www.mk.ru/social/interview/2012/09/06/745528-marfakrasavitsa.html>; S. Beria, *Beria, My Father*, p. 151–152; 191–193; Зенькович, *Самые секретные*, с. 25; Антонина Пирожкова, «Екатерина Павловна Пешкова», <http://magazines.russ.ru/october/2003/7/pir.html>.

97. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 40; Жданов, *Взгляд*, с. 69; Krementsov, *Stalinist Science*, p. 337 (8 декабря 1947); РГАСПИ, 17/121/639, л. 263 (17 июля 1948).

Юрий был из послевоенного поколения молодых, образованных коммунистов, которые ценили в науке профессиональные нормы и международные стандарты. Для них господство в науке Трофима Лысенко, агронома-самоучки, чьи оптимистичные рецепты увеличения урожайности перед войной вызывали восхищение Сталина и других советских руководителей, было воплощением всего того, что нужно было изменить в послевоенный период. Для Юрия и его несколько более старших сверстников, таких как Дмитрий Шепилов, заместитель начальника отдела агитпропа ЦК в то время, когда Юрий был назначен в отдел науки, было ясно, что довоенные махинации, которые привели к фактическому запрещению генетики, создали «глубоко ненормальную ситуацию», которую нужно было исправить. «Я всем существом моим ждал конца лысенковщины, дискредитировавшей и нашу науку, и мою Отчизну», — писал Шепилов в своих мемуарах⁹⁸. Но именно Юрий, почувствовав, что его время пришло, со всем энтузиазмом уже через несколько месяцев после назначения в своей лекции для партийных пропагандистов начал публичную атаку на теории Лысенко.

Антилысенковская позиция получила некоторую поддержку в команде. Берия, вероятно, разделял ее: его жена была очень расстроена, когда перед войной он не смог спасти биолога Николая Вавилова, ее коллегу из Сельскохозяйственной академии и научного противника Лысенко, она также подвергла критике некоторые теории Лысенко в своей докторской диссертации. Отец Юрия Андрей тоже не был поклонником Лысенко, но предупреждал сына, чтобы не связывался с ним: «Он тебя с огурцом скрестит». Андрей был прав. Лысенко контратаковал, по-видимому, при поддержке соперника Жданова Маленкова, и Сталин выступил

98. Shepilov, *The Kremlin's Scholar*, p. 22, 124.

на его стороне, раскритиковав Юрия на заседании Политбюро в присутствии его отца («Вы что, не знаете, что на Лысенко держится все наше сельское хозяйство?»⁹⁹). Последствия для Юрия были относительно мягкими, так как Сталин счел его молодым и неопытным и обвинял его старших коллег (Шепилова и Жданова-отца) в том, что они не направили его в нужное русло. Юрий даже сохранил свою должность в ЦК. Но его оптимизм по поводу реформ, по-видимому, потерпел поражение. Он неправильно истолковал дух времени или, может быть, просто опередил время на десятилетие. Старые мракобесы в лице Лысенко показали свою силу. Образованной молодежи, настроенной на реформы, не суждено было взять верх, пока у власти был Сталин. И вскоре Юрию и всем остальным напомнили, что политика, действительно, грязное дело¹⁰⁰.

99. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 130.

100. Nikolai Kremmentsov, *Stalinist Science* (Princeton: Princeton University Press, 1994), p. 154.

Стареющий вождь

ПОСЛЕ войны Сталин был больным стареющим человеком, его работоспособность с каждым годом уменьшалась. Он проводил все больше времени на юге: в среднем почти три месяца в год с 1945 по 1948 год, почти пять месяцев в 1950 году и, наконец, не менее семи месяцев с августа 1951 года по февраль 1952 года¹. Даже когда он был в Москве, его рабочий день резко сократился. Он перестал председательствовать в Совете министров, передав эту должность Вознесенскому, а затем Маленкову. Он все чаще жаловался на возраст. Даже верный Молотов отметил, что его работоспособность со временем уменьшается². Другие, не общавшиеся с ним ежедневно, были шокированы тем, как заметно он сдал в период между 1945 и 1948 годами. Когда весной 1947 года посол Новиков, который не видел Сталина вблизи с 1941 года, вернулся из Соединенных Штатов, вместо сильной, энергичной личности, каким он запомнил Сталина, обнаружил «пожилого, очень пожилого, усталого человека, который, видимо, с большой натугой несет на себе тяжкое бремя величайшей ответственности»³. Ста-

1. Отпуска Сталина вычислены по официальному кремлевскому журналу посещений.

2. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 271; Кузнецов, *Крутые повороты*, с. 39, 43, 54–55.

3. Н. В. Новиков, *Воспоминания дипломата* (Москва: Издательство политической литературы, 1989), с. 382–383.

лин допускал ошибки, которые никто не смел исправить; он забывал имена (однажды он забыл имя Булганина, все тут же сказали, что у Булганина незапоминающееся имя). Он проводил все больше времени на даче, а не в своем кремлевском кабинете. «Пропадете вы без меня», — любил говорить Сталин своей команде⁴. Раньше они бы согласились; сейчас, наверное, нет. Будущее без Сталина становилось вообразимым.

Берия, несмотря на свойственную ему почтительность в личном общении, был острым на язык и часто отпускал язвительные комментарии по поводу вождя; остальные члены команды, опасаясь, что это подстрекательство к критическим высказываниям и с их стороны, реагировали осторожно. Хрущев, который сохранял привязанность к Сталину, начинал чувствовать, что иметь с ним дело — все равно что возиться с пожилым родственником. «Он страдал от одиночества, — вспоминал Хрущев, — тяготился оставаться без людей, ему нужны были люди. Когда он просыпался, то сейчас же вызывал нас по телефону, или приглашал в кино, или заводил какой-то разговор, который можно было решить в две минуты, а он его искусственно растягивал». Для членов команды, занятых управлением страной, это была пустая трата времени, но настоящей пыткой было ездить с ним в отпуск, а этого он также требовал. «Все время надо было находиться со Сталиным, проводить с ним бесконечные обеды и ужины». «Несколько раз и я был принесен в жертву. Берия подбадривал: „Послушай, кому-то надо же страдать“»⁵.

Одиночество Сталина усугублялось тем, что он почти полностью разорвал отношения с двумя своими оставшимися в живых детьми, Светланой и Ва-

4. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 271.

5. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, с. 314–315, 303, 601; А. И. Микоян, *Так было*, с. 584.

силием, а также арестом большего числа его родственников, включая близких ему людей. Брак Светланы с Юрием Ждановым не складывался: Юрий всегда был занят, помимо прочего, Сталин с явным удовольствием наставлял его в том, как применять к науке навыки борьбы с фракциями, которые Сталин оттачивал в 1920-х годах⁶. Светлана оставалась дома, в квартире Жданова, она составляла для Юрия библиографию изречений Маркса и Ленина о науке. При этом находилась в окружении пожилых женщин, которые давали ей советы. Жизнь стала «нестерпимо, невыносимо скучной», а осложнения во время второй беременности вызвали у нее депрессию. В больнице, за шесть недель до преждевременных родов Кати, она оказалась в родильном отделении вместе со Светланой Молотовой и горько завидовала ей, потому что Молотов, как любой нормальный отец, приходил почти каждый день, чтобы увидеть свою дочь и новорожденного внука. Сталин не приходил никогда. После того как она написала ему горькое, укоризненное письмо, он наконец-то ласково ответил «моей Светочке», пообещав, что она скоро увидит своего папочку, но он так и не пришел. Когда ее брак в начале 1950 года распался, Сталин не проявил сочувствия («Ну и дура! В кои-то веки ей попался порядочный человек, и не смогла его удержать»)⁷.

Среди родственников Сталина, которые стали жертвами репрессий в конце 1940-х годов, была жена брата Надежды Евгения Аллилуева (которой Сталин когда-то восхищался и, возможно, даже думал жениться на ней), которую приговорили к десяти годам за «антисоветскую агитацию», другими словами, за неосторожные разговоры; Анна Ал-

6. Sheila Fitzpatrick, "Politics as Practice," *Kritika* 5:1 (2004), p. 39–40.

7. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 145–146, 149; Жданов, *Взгляд в прошлое*, с. 73–74.

лилуева-Реденс, еще одна невестка; Федор Аллилуев, зять Сталина; и двадцатиоднолетний Джоник (Джон-Рид) Сванидзе, чей отец (близкий друг Сталина до своего ареста в 1937 году) и мать стали жертвами Большого террора. Разумеется, аресты были одной из причин отчуждения Сталина и Светланы, ведь родственники исчезали прямо на ее глазах. Когда она спросила, что они сделали не так, Сталин просто сказал, что они слишком много говорят и тем самым помогают врагу⁸. Термин «паранойя» часто употребляют по отношению к Сталину в широком смысле, но к последним пяти годам его жизни он, кажется, вполне применим как медицинский термин. На этот раз, в отличие от конца 1930-х годов, его подозрения особенно обострились в отношении близких ему людей. Хрущев говорил, что он боялся отравления, но не хотел признаваться в этом страхе; во время ночных ужинов с членами команды, прежде чем взять какое-то блюдо, он просто ждал, пока его не попробует кто-нибудь другой. Однажды, когда Хрущев и Микоян выполняли свою обязанность, ухаживая за вождем на юге, Сталин, ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотал: «Пропавший я человек. Никому не верю, сам себе не верю»⁹.

По мере того как энергия и компетентность Сталина снижались, он все больше и больше передавал дела другим членам команды, просто подписывая все, что они решили, когда решения отправляли на подпись к нему на дачу. Он начинал ошибаться. Микоян описывает встречу членов команды, на которой Сталин неожиданно предложил упразднить совхозы, основной компонент советского сельского хозяйства. Микоян возражал, по крайней мере, так он позже утверждал, осталь-

8. *Иосиф Сталин в объятиях семьи*, с. 194; Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 49; А. И. Микоян, *Так было*, с. 361.

9. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 299–300, 307.

ные, даже Маленков и Каганович, сидели молча, глядя на свои руки. Сталина никто не поддержал, и он оставил эту тему¹⁰. Некоторые жаловались на то, что отход Сталина от дел привел к задержкам и проволочкам. Но другим следствием, возможно, более значимым для будущего, было возрождение «полуколлективного принятия решений». Политбюро руководила «четверка» (Берия, Маленков, Хрущев, Булганин), и, как заметил (возможно, с некоторым преувеличением) один авторитетный наблюдатель, «даже Сталин ничего не мог против них сделать»¹¹. Но более широкая группа из семи человек, включая Молотова, Микояна и Кагановича, также была частью неформальной структуры власти. Судя по правительственным архивам, дела шли гладко и организованно, все было отлажено значительно лучше, чем в довоенный период. Но верно и то, что разные серьезные проблемы, такие как напряженность в отношениях с Западом, уровень жизни, крестьяне, ГУЛАГ, национальные противоречия, откладывались в долгий ящик, потому что команда знала, что Сталин не согласится ни на какие изменения. Члены команды, кажется, были согласны в том, какие изменения необходимы, но фактически они откладывали эти вопросы до смерти Сталина¹².

Однако, пока Сталин был жив, он вовсе не отошел в тень. По-прежнему за ним оставалось право убивать, хотя в отношении членов команды от подобных мер он воздерживался. Он все еще мог выступить со смелыми инициативами, против которых никто в команде не смел возражать. Одной

10. А. И. Микоян, *Так было*, с. 521–522.

11. *Совершенно секретно*, 1990, № 3, с. 13 (секретарь ЦК Пантелеймон Пономаренко о «четверке»).

12. Кузнецов, *Крутые повороты*, с. 88; Khlevniuk, *Master*, p. 260 («полуколлективное принятие решений»); Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 62.

из таких инициатив была политическая кампания против евреев, это была именно его идея — бóльшая часть команды относилась к ней с молчаливым неодобрением. История вопроса такова. Во время войны в качестве проеврейского шага был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), в первую очередь для советской пропаганды за рубежом, а также для сбора денег у американских евреев. Членом команды, наиболее активно участвовавшим в создании ЕАК, был, по-видимому, Берия, филосемит, по словам его сына. Эту идею с восторгом встретили видные представители московской еврейской интеллигенции и решительно поддержали Молотов, Каганович и Ворошилов. Комитет был, с советской точки зрения, аномальным явлением, так как сталинская система обычно исключала ассоциации, представляющие специфические интересы. Но в особых обстоятельствах военного времени этот комитет не был единственным: в начале войны для аналогичных финансовых целей был создан Всеславянский комитет, ориентированный на славян Восточной Европы и русских эмигрантов, его курировал русофил Александр Щербаков¹³. Этот союз также был создан, чтобы вызвать эмоциональный отклик у конкретной целевой группы. Кроме того, были антифашистские комитеты женщин, молодежи и ученых. Еврейский антифашистский комитет появился в 1942 году, его возглавлял директор Московского еврейского театра Соломон Михоэлс, а курировал Соломон Лозовский, заместитель Молотова в Министерстве иностранных дел и крупный государственный деятель. Этот проект оказался наиболее успешным в мобилизации как международной, так и внутренней поддержки¹⁴.

13. Николай Кикишев, «Славянское движение в СССР, 1941–1948», *Хронос*, 2008, http://www.hronos.ru/libris/lib_k/kik41.php

14. Г. Костырченко, *Тайная политика Сталина* (Москва: Международные отношения, 2001), с. 430; С. Берия, *Мой отец* (1994), с. 56,

Первой проблемой для ЕАК стало предложение о создании еврейской автономной области в Крыму. Это не было настолько безумной затеей, как может показаться сейчас. Автономные национальные округа были частью советского образа жизни; действительно, в Биробиджане на Дальнем Востоке уже был еврейский национальный округ, но этот проект не получил развития, отчасти из-за отсутствия там коренного еврейского населения¹⁵. Идея создания крымского автономного округа для евреев была выдвинута еще в конце 1920-х годов и советское еврейское население поддержало ее с большим энтузиазмом, хотя в конечном итоге от этой идеи отказались в пользу Биробиджана. ЕАК, чьи руководители уже в течение нескольких лет ожидали, что Советский Союз станет убежищем для еврейских беженцев от нацизма, возродил предложение о Крыме, ссылаясь на то, что американские евреи с готовностью окажут финансовую поддержку. Предложение в 1944 году было отправлено Сталину через Лозовского и Молотова, но Сталин ответил отрицательно, и предложение было отклонено¹⁶. Очевидно, это оставалось в его памяти как свидетельство амбициозных стремлений, подозрительных внешних связей (хотя комитет для того и создавался, чтобы собрать у американских евреев деньги на оборону!) и потенциальной ненадежности того, что он, без сомнения, уже воспринимал как внутреннее еврейское лобби.

Бедственное положение евреев, выживших в Европе после холокоста, стало одной из самых острых международных проблем, когда война подошла

208, 338; Joshua Rubinstein and Vladimir P. Naumov, eds., *Stalin's Secret Pogrom* (New Haven: Yale University Press, 2001), p. 7–19.

15. ГАРФ, 5446/82/119, лл. 239–45; РГАСПИ, 77/3/120, лл. 76–82.

16. Rubinstein, *Stalin's Secret Pogrom*, p. 18–19; Костырченко, *Тайная политика Сталина*, с. 428–429; Watson, *Molotov*, p. 198.

к концу. Хотя большевики всегда были противниками сионизма, Советский Союз стал одним из первых сторонников создания государства Израиль. Он искал плацдарм на Ближнем Востоке, а также играл с капиталистическими державами в любимую сталинскую игру «разделяй и властвуй» (США поддержали создание Израиля, в то время как Британия, как колониальная держава, имевшая свои интересы в регионе, сдерживала этот процесс). В дополнение к соображениям реальной политики Молотов также лично сочувствовал созданию еврейского государства, хотя неясно, разделял ли когда-нибудь это отношение Сталин¹⁷. По словам сына Берии, у Сталина и Берии была более макиавеллиевская идея, что, «способствуя созданию Государства Израиль, они обеспечат для Советского Союза поддержку со стороны международных финансовых кругов. Они видели в этом государстве базу для влияния на еврейский мир со всеми его финансовыми ресурсами в интересах СССР»¹⁸.

Советский Союз был первой страной, которая 17 мая 1947 года признала Государство Израиль де-юре. Осенью 1948 года будущий премьер-министр Голда Меир прибыла в Москву в качестве первого полномочного представителя Израиля. Московские евреи встретили ее восторженно, а Полина Жемчужина, обняв ее на дипломатическом приеме, сказала ей на идише, что она «еврейская дочь». Для Сталина этот энтузиазм сам по себе был чем-то вроде предупреждающего сигнала. Проблемы в отношениях между двумя государствами возникали еще летом 1948 года, что усугублялось потоком американских денег в Израиль в первый год его существования. Советский Союз не мог с этим конкурировать. В Соединенных Штатах помощь Израилю уже рекомендовалась как способ блоки-

17. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 93–94.

18. S. Beria, *Beria, My Father*, p. 208.

рования коммунистической экспансии в условиях холодной войны. Эмиграция евреев в Израиль была еще одной проблемой, поскольку Советский Союз, который вообще сделал легальную эмиграцию почти невозможной для своих граждан, не был склонен делать исключение для евреев. «Ни финансовой помощи, ни переселения», — так разочарованная Меир подвела итоги своего визита после отъезда из Москвы в марте 1949 года¹⁹.

Международная деятельность ЕАК была чрезвычайно успешной, особенно с социально сознательным американским еврейским сообществом — у многих американских евреев были российские корни и многие из них симпатизировали левым. Но, конечно, с учетом международной напряженности, холодной войны и готовности Сталина видеть потенциального шпиона в каждом иностранце здесь таилась опасность. Она увеличилась оттого, что внутри страны ЕАК приобрел огромную популярность, — российские евреи воспринимали его как своего защитника в советской системе. В одном из отчетов органов безопасности неодобрительно отмечалось, что ЕАК превращается в нечто вроде министерства по делам евреев. Это было тем более опасно, что в народе стало набирать силу негативное отношение к евреям как к привилегированной элите, которая «отсиживалась во время войны в Ташкенте».

Похоже, что предложение распустить ЕАК чиновники ЦК по идеологии впервые обсуждали зимой 1946–1947 годов. Признавая, что вначале ЕАК играл положительную роль, они утверждали, что его антифашистская миссия уже не актуальна, что ЕАК стал слишком тесно дружить с американскими евреями и пытается действовать в качестве еврейского лобби в Советском Союзе. Кроме того,

19. Костырченко, *Тайная политика Сталина*, с. 417, 446, 447; РГАНИ, 3/32/13, л. 18.

тревожило то, что среди советских евреев, особенно среди интеллигенции, стал набирать популярность сионизм. Политбюро обсуждало этот вопрос три раза, но не пришло ни к какому решению, без сомнения, из-за того, что члены команды поддерживали ЕАК²⁰.

Затем случилось шокирующее событие — в январе 1948 года был убит Соломон Михоэлс, председатель ЕАК и директор Московского еврейского театра. По официальной версии, он погиб в Минске в результате автомобильной аварии, но сразу же распространились слухи о том, что в этом было что-то подозрительное. Службы безопасности заявили, что это работа польских националистов или, наоборот, сионистов, стремящихся скрыть свои гнусные сделки, связанные с созданием Государства Израиль. В народе ходила третья версия: за этим стоял Сталин, и теперь мы знаем, что так оно и было²¹. Должно быть, это крайне встревожило членов команды, особенно Молотова, чья жена была не только сторонницей ЕАК, но и личным другом Михоэлса. Другие члены команды — еврей Каганович, Ворошилов и Андреев, у которых были жены-еврейки, Берия, сторонник ЕАК и хороших отношений с Израилем — также имели основания для беспокойства. Жена Ворошилова Екатерина, урожденная Голда Горбман, старая большевичка (и, следовательно, противница сионизма), которая в юности перестала ходить в синагогу, тем не менее была глубоко тронута созданием Государства Израиль: «Теперь у нас есть родина», — якобы сказала она. Ее не арестовали — хотя после ареста Жем-

20. Костырченко, *Тайная политика Сталина*, с. 365; *Сталин и космополитизм*, с. 98–101, 194.

21. Костырченко, *Тайная политика Сталина*, с. 392; Наталия Вовси-Михоэлс, *Мой отец Соломон Михоэлс* (Москва: Возвращение, 1977), с. 231–234 (текст письма Берии Маленкову о причастности Сталина, апрель 1953); РГАНИ, 3/32/12, л. 33.

чужиной ходила апокрифическая история о том, что когда сотрудники госбезопасности пришли арестовать его жену, старый кавалерист Ворошилов не пустил их, угрожая саблей²². В то время жертвой репрессий стала еще одна жена члена команды — жена Андреева еврейка Дора Хазан. Ее уволили с поста заместителя министра текстильной промышленности, понизили в должности до директора научно-исследовательского института, а затем выгнали с этой работы, и все это сопровождалось яростной антисемитской кампанией²³.

Представляется вероятным, что члены команды отчасти знали или, по крайней мере, сильно подозревали, что за убийство Михоэлса были ответственны органы безопасности, действовавшие по указанию Сталина. Позже Полине Жемчужиной было предъявлено обвинение в распространении «антисоветских провокационных слухов о смерти Михоэлса» на его похоронах; ее сестра на допросе показала, что Полина якобы сказала ей: «Михоэлса убили», но не сказала, кто именно²⁴. Каганович сообщил семье Михоэлса, в частном порядке через родственника, что для их собственной безопасности они не должны задавать вопросов о его смерти²⁵. Команда, вероятно, встревожилась еще сильнее оттого, что политическое убийство не было стандартным оружием в арсенале Сталина, или, по крайней мере, команда не считала его таковым. По слухам, Сталин стоял и за убийством Кирова, но в то время команда в это не верила. Тайным политическим убийством, о котором они все знали,

22. Костырченко, *Тайная политика Сталина*, с. 404; Рой Медведев, *Окружение Сталина* (Москва: Молодая гвардия, 2010), с. 298.

23. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 102; Г. Костырченко, *В плену у красного фараона* (Москва: Международные отношения, 1994), с. 137.

24. *Сталин и космополитизм*, с. 209; РГАНИ, 3/32/13, л. 22.

25. Вовси-Михоэлс, *Мой отец*, с. 195.

было убийство Троцкого советскими секретными агентами — под руководством Берию, по приказу Сталина — в 1940 году. Но так как это произошло в другой стране, а Троцкий был врагом, подобное вряд ли можно было рассматривать как прецедент.

Жестокость такого способа избавления от Михоэлса нуждается в каком-то дополнительном объяснении, помимо подозрений со стороны МГБ, что он был сионистом, имевшим отношения с американской разведкой, тем более что это убийство произошло в то время, когда Советский Союз энергично поддерживал создание Государства Израиль, надеясь, что оно станет советским плацдармом на Ближнем Востоке. Часто в качестве объяснения ссылаются на «антисемитизм» Сталина, но даже если в последующие годы он действительно был антисемитом, это не объясняет его внезапную личную причастность к убийству. Наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что это была месть Сталина за личное оскорбление, хотя личный аспект был довольно незначительным. Все началось, когда юная Светлана вышла замуж за Григория Морозова, который, как непосредственно, так и через своего отца Иосифа Морозова, был тесно связан с московской еврейской интеллигенцией. Источники МГБ сообщили, что Михоэлс, стремясь найти каналы доступа и влияния на верховную власть, решил, что Светлана и Морозов будут перспективными посредниками. По данным МГБ, и Михоэлс, и Иосиф Морозов очень старались узнать все что можно о личной жизни Сталина и обхаживали других членов семьи, а также (очевидно, безуспешно) новобрачных. Были произведены аресты, и один из подозреваемых под пытками признался, что американская разведка поручила Михоэлсу собирать информацию о Сталине через его родственников. За этим последовало убийство Михоэлса, а также аресты сталинских родственников (уже описанные ранее), а также отца Морозова.

«Сионисты подбросили и тебе твоего первого муженька», — сказал Сталин Светлане²⁶.

Наконец в ноябре 1948 года было принято решение о роспуске ЕАК, который является «центром антисоветской пропаганды и регулярно поставляет антисоветскую информацию органам иностранной разведки»²⁷. В резолюции Политбюро указывалось «пока никого не арестовывать», но это продолжалось недолго. К концу января 1949 года все члены ЕАК, включая его куратора Лозовского, были в тюрьме²⁸. Жемчужина к этому времени уже была исключена из партии решением Политбюро за связи с «еврейскими буржуазными националистами», посещение похорон Михоэлса и распространение слухов о его смерти, а также участие в религиозной церемонии в московской синагоге еще в 1945 году. 21 января 1949 года по указанию Сталина она была арестована²⁹.

Молотов позже вспоминал, что когда Сталин поднял вопрос о Жемчужиной в Политбюро, у него начали дрожать колени. «Но дело было сделано на нее — не подкопаешься. Чекисты постарались»³⁰. При голосовании за исключение своей жены из партии он сначала воздержался, но на следующий день отказался от своего решения, заявив, что такой поступок, «как я теперь вижу, был политически ошибочным». Он заявил, что испытывает «тяжелое чувство раскаяния за то, что не помешал Жемчужиной, очень дорогому мне человеку, со-

26. Костырченко, *В плену*, с. 88–89; Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 148.

27. *Сталин и космополитизм*, с. 193–195 (постановление Политбюро, 25 ноября 1948); РГАНИ, 3/32/10, л. 134 (распоряжение Бюро Совета Министров).

28. Пихоя, *Советский Союз*, с. 76; *Сталин и космополитизм*, с. 220.

29. Молотова, *Сталин и космополитизм*, с. 208–209 (исключение, 29 декабря 1948); Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 76; Чуев, *Молотов*, с. 552.

30. Чуев, *Молотов*, с. 549.

вершать свои ошибки и устанавливая связи с антисоветскими еврейскими националистами, такими как Михоэлс»³¹. Сын Берии говорит, что Берия тоже воздержался, но этому нет подтверждения³². На самом деле обвинения в отношении Жемчужиной не были дикими фантазиями: она была настроена очень произраильски и занималась еврейскими делами в большей степени, чем это было приемлемо в партийной среде. Допросы ее арестованных родственников и коллег в 1949 году содержат много правдоподобных сообщений о критических комментариях, сделанных ею в отношении советской послевоенной политики в отношении евреев, в том числе о том, как их вычищали из министерств. Есть сообщения, что еще летом 1946 года она говорила сотрудникам ЕАК, что нет смысла обращаться по еврейским вопросам к членам Политбюро: там все решал Сталин, а он «отрицательно» относился к евреям³³. По сообщениям, она смущала Нину Берию тем, с какой страстью говорила о еврейском вопросе, а также своим огорчением по поводу отношения Сталина: «Как он может не понимать, что еврейский народ заслужил помощь после всего, что он сделал для революции? Разве пролетарское государство не должно выразить свою благодарность?» Супруги Берия, которым она, как утверждается, представила Голду Меир, относились сочувственно, но никто не хотел слушать ересь — у каждого могли возникнуть проблемы, если не донесешь об этом³⁴. Что касается Меир, из ее мемуаров, опубликованных в 1975 году, следует, что у нее больше не было контактов с Жемчужиной после их первой встречи, но, возможно,

31. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 76.

32. С. Берия, *Мой отец* (2013), с. 166.

33. РГАСПИ, 589/3/6188, лл. 9–24; РГАНИ, 3/32/13, лл. 19, 133; Костырченко, *Тайная политика Сталина*, с. 447–448.

34. S. Beria, *Beria, My Father*, p. 170.

она опустила этот момент по дипломатическим соображениям³⁵.

Незадолго до ареста Жемчужиной Сталин настоял на ее разводе с Молотовым. Полина ответила стоически: «Если это нужно для партии, значит, мы разойдемся», после чего переехала к сестре³⁶. Это был не единственный такой развод в кругу членов команды. Дочь Маленкова была замужем за евреем Владимиром Шамбергом, который приходился внуком Соломону Лозовскому. Шамберг был другом Маленкова, работал у него, и пара жила с Маленковыми. В январе 1949 года, за день до исключения Лозовского из ЦК, Маленков устроил развод своей дочери и Шамберга³⁷. Он лично не был антисемитом, говорил озадаченный Хрущев, должно быть, он просто действовал из «лакейства перед хозяином»³⁸. Однако, вероятно, вмешательство Маленкова избавило Шамберга и его родителей от ссылки, куда впоследствии было отправлено большинство родственников опальных членов ЕАК³⁹.

В марте 1949 года, через несколько месяцев после ареста Жемчужиной, Молотов был отстранен от должности министра иностранных дел и заменен Андреем Вышинским, одним из его бывших заместителей. Похоже, что это решение было принято на встрече на даче Сталина, на которой присутствовали из членов команды только Маленков, Берия и Булганин. Это наводит на мысль о некоторой настороженности со стороны Сталина в отношении реакции команды, но на самом деле все отсутствующую

35. Golda Meir, *My Life* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1975), p. 208–209.

36. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 475.

37. Vladimir Shamberg, “Stalin’s Last Inner Circle,” *Harriman Review* 10:1 (1997), p. 32.

38. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 292–293.

39. РГАНИ, 3/32/17, лл. 7–8 (записка С. Гоглидзе, МГБ, Маленкову, 30 декабря 1952).

щие члены Политбюро впоследствии одобрили это решение (хотя Ворошилов добавил, что он выступает за, «только если все остальные за»). Микоян был смещен с поста министра внешней торговли, и его место занял заместитель. Значение таких изменений трудно понять, так как членам команды иногда поручали непосредственное руководство секторами, которые они курировали в Политбюро, а потом освобождали от этого поручения в зависимости от того, считалось ли их практическое участие необходимым. Но в этом случае смещение Молотова выглядело как знак недоверия, учитывая и арест Жемчужиной, и кризис вокруг будущего Германии, который привел к блокаде Берлина 1948 года, оценивавшейся как провал советской дипломатии. В своих мемуарах Микоян отрицал, что в его смещении было что-то уничижительное. Похоже, что и у Молотова, и у Микояна были хорошие рабочие отношения с заместителями, которые продолжали их уважать, и в течение следующих нескольких лет они спокойно вернули себе большинство прежних обязанностей в области иностранных дел и внешней торговли соответственно⁴⁰.

Еще бóльшим потрясением в мире большой политики в начале 1949 года стало так называемое ленинградское дело. Якобы в среде ленинградской партийной номенклатуры зрел заговор. Разоблачение этого заговора, в частности, привело к падению члена политбюро Николая Вознесенского. Никаких следов реального заговора никто до сих пор не обнаружил, если не считать планов самого Сталина избавиться от некоторых подчиненных и связанных с ними потенциальных угроз⁴¹. Публичного суда не было, и сам этот сюжет значительно

40. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 76–77; Watson, *Molotov*, p. 239–241; А. И. Микоян, *Так было*, с. 529.

41. *Молотов, Маленков, Каганович, 1957*, с. 49; Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 85.

более туманен, чем дела периода больших чисток. Жертвами стали высокопоставленные работники ленинградского партийного комитета, а также Вознесенский и секретарь Центрального комитета Алексей Кузнецов. Хрущев считал, что это дело инспирировали Маленков, давний соперник Жданова, и Берия, который враждебно относился к Вознесенскому, а сын Маленкова утверждал, что, напротив, его отец был единственным, кто на заседании Политбюро голосовал против осуждения Кузнецова и Вознесенского. Сын Жданова думал, что это дело устроили с целью задним числом дискредитировать его отца. По словам сына Берии, его отец ничего против ленинградцев не затевал, а сын Маленкова говорил, что Маленков к этому также непричастен⁴². Сейчас очень сложно распутать клубок внутренних интриг, и единственный вывод, который можно сделать, состоит в том, что все маневрировали и каждый надеялся, что топор упадет не на его голову, а на кого-нибудь другого и на его людей. (Когда в 1957 году команда распалась, взаимные обвинения вспыхнули с новой силой, но и тогда ничего не прояснилось⁴³.) Маленков утверждал, что организатором был Сталин. Никто из членов команды не верил ничему, что говорили про происходившее в Ленинграде, а Хрущев и Молотов оба в последующие годы утверждали, что действительно не знали, почему Сталин стал подозревать ленинградцев.

В результате были уничтожены две восходящие звезды советской политики — Вознесенский и Кузнецов, оба они были этническими русскими, обим не было еще пятидесяти и обоих Сталин якобы рассматривал в качестве возможных преемников.

42. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 250–257; Маленков, *О моем отце*, с. 54; Жданов, *Взгляд*, с. 304; S. Beria, *Beria, My Father*, p. 212–213; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 434.

43. См. гл. 9.

Таким образом, помимо тех целей, которые, возможно, преследовал в этом деле Сталин, мы имеем основания подозревать, что к дискредитации Вознесенского и Кузнецова приложили руку те, кому это было выгодно, а именно Маленков и Берия, даже если они непосредственно не участвовали в их уничтожении. Вывод Хрущева, основанный на дедукции и намеках, которые позже высказали Маленков и Берия, поскольку, как он сказал, Сталин никогда не обсуждал с ним это дело, состоял в том, что Сталин готовил Вознесенского и Кузнецова как преемников старой гвардии Кремля, а это означало, что прежде всего Берия, а затем Маленков, Молотов и Микоян больше не пользовались доверием Сталина. Хрущев предположил, что таким образом старая гвардия избавилась от конкурентов, подорвав доверие Сталина к молодым претендентам, хотя точно не знал, как именно они это сделали⁴⁴.

Несмотря на интриги, «ленинградское дело» стало потрясением для членов команды, так как они надеялись, что кровопролитие в высших эшелонах осталось в прошлом. Для Микояна здесь была и личная драма. Его младший сын Серго должен был жениться на дочери Кузнецова Алле как раз в то время, когда в марте 1949 года разразилось это дело. Микоян проявил «неслыханную дерзость», пишет его биограф, он не только не отменил свадьбу, которую должны были праздновать в его доме, но даже не отозвал приглашение отцу невесты, более того, отправил за ним свою служебную машину⁴⁵. Алла оставалась членом семьи Микоян до своей безвременной смерти в 1957 году, и они заботились о ее младших братьях и сестрах после ареста их матери (по словам Степана Ми-

44. Пихоя, *Советский Союз*, с. 65.

45. М. Ю. Павлов, *Анастас Микоян: политический портрет на фоне советской эпохи* (Москва: Международные отношения, 2010), с. 238.

кояна, отец спас их от детского дома, заступившись за них перед Сталиным)⁴⁶. Вознесенский и Кузнецов были арестованы осенью, через шесть месяцев после того, как их сняли со всех постов; в случае Кузнецова арест был произведен, когда он вышел из кабинета Маленкова. Сообщалось, что расследование проводил лично Берия и что Маленков, Берия и Булганин, как в годы Большого террора, участвовали в допросах. Вознесенского и Кузнецова расстреляли осенью 1950 года⁴⁷.

Между тем, пусть и втайне от членов команды, продолжались допросы Жемчужиной и многих родственников и коллег, арестованных вместе с ней; отчеты об этих допросах МГБ регулярно отправляло Сталину (но не другим руководителям). Сначала, по-видимому, хотели обвинить Жемчужину в еврейском «буржуазном национализме», связав ее с членами ЕАК в каком-нибудь деле о шпионаже в пользу Соединенных Штатов, но, как ни удивительно (учитывая, что еврейский материал был довольно богат), эта идея была заброшена, а допросы сосредоточились на ее сексуальной жизни. Этот материал также оказался богатым, особенно после того, как один из ее любовников (И. И. Штейнберг, муж ее племянницы Розы) сломался и предоставил почти порнографическое описание их занятий любовью. (Берия позже признал, что эти свидетели подвергались избиениям и другим физическим надругательствам, и некоторые из них умерли в тюрьме). Когда в августе 1949 года появился отчет о сексуальных отношениях Жемчужиной со Штейнбергом, Сталин отошел от предшествующей своей практики и распростра-

46. С. Микоян, *Воспоминания*, с. 160–161.

47. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 87; Молотов, Маленков, Каганович, 1957, с. 49; Жорес Медведев и Рой Медведев, *Нихита Хрущев* (Москва: Время, 2012), с. 149; Пихоя, *Советский Союз*, с. 67.

нил этот отчет среди всего Политбюро, включая, конечно, и Молотова⁴⁸. В дальнейшей жизни Молотов никогда не упоминал об этом своеобразном унижении. Хрущев рассказал об этом в своих мемуарах, выбросив все непристойности, его это все еще коробило⁴⁹. В декабре МГБ по какой-то причине решило закрыть дело — последующее заявление Берии о том, что это было сделано из-за отсутствия доказательств, едва ли можно считать убедительным, поскольку раньше это никогда не было причиной для прекращения дел, — и Жемчужину сослали в Кустанай в Казахстане сроком на пять лет⁵⁰.

По словам одного высокопоставленного сотрудника спецслужб, реальная цель ареста Жемчужинной заключалась в том, чтобы получить компромат на Молотова⁵¹. Если так, то это был полный провал. Она не дала никаких компрометирующих показаний на своего мужа (на самом деле она, похоже, вообще не давала показаний), и в показаниях ее родственников и коллег Молотов совершенно не упоминался, так же как и ее дочери⁵². Как будто их не существовало и весь ее мир состоял из неблагополучных родственников, коллег и разнообразных любовников. Вряд ли это было бы так, если бы МГБ пыталось с помощью этих свидетелей сфабриковать дело против Молотова. Но это не значит, что МГБ вообще не работало над возможным делом Молотова. Один из желательных сценари-

48. РГАСПИ, 589/3/6188 (очная ставка Молотовой с И. С. Фефёром и В. Л. Зюскиным из ЕАК, 26 декабря 1948); РГНИ, 3/32/12 и 3/32/13 (показания Штейнберга с пометой Сталина, кого следует с ними ознакомить, 3/32/13, лл. 116, 131–134, 142).

49. Чуев, *Молотов*, с. 248; «Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева», *Вопросы истории*, 1991, № 11, с. 60

50. РГНИ, 3/32/17, лл. 131–134.

51. Sudoplatov, *Special Tasks*, p. 327 (русское издание: Судоплатов, *Разведка и Кремль*, с. 382).

52. РГНИ, 3/32/17, лл. 131–134 (записка Берии Президиуму, 12 мая 1953); РГНИ, 3/32/12, л. 13.

ев заключался в разработке контактов Молотова с англичанами, но был и американский вариант. Сталин стал одержим идеей, что, когда Молотов путешествовал по городам Соединенных Штатов, у него, вероятно, был собственный частный железнодорожный вагон. Но поскольку Советы не платили за этот вагон, то, должно быть, его оплатили американцы, вознаградив Молотова таким образом за оказанные услуги. Оба этих сценария остались только проектами, свидетельством усердия Сталина и МГБ в подготовке к любым непредвиденным обстоятельствам⁵³.

К весне 1949 года не осталось ни одного члена команды, кроме мягкотелого Булганина, который ни разу со времен войны не получил бы пинка. На этот раз, однако, от двоих избавились насовсем. В сочетании с полуопалой Молотова и Микояна это заставило команду задуматься. В некотором смысле, впрочем, изменилось не так много: Вознесенский был относительно недавним приобретением Политбюро, а Кузнецов даже не был членом Политбюро, несмотря на то что его прочили в преемники, а индикатор статуса, основанный на доступе к Сталину, не претерпел значительных изменений. Маленков, Берия и Молотов входили в пятерку самых частых посетителей сталинского кабинета, какие бы должности они ни занимали, с 1949 по 1952 год (Молотов во второй половине 1949 года на короткое время вырвался вперед, но в 1950 году вернулся на второе место). Микоян был в пятерке лидеров в 1949–1950 годах, а в 1951–1952-м опустился на несколько строчек. Каганович вернулся в число постоянных посетителей в 1948 году, хотя и не вошел в пятерку лидеров. Визитов Ворошилова было немного, а Андреев после 1948 года вообще не посещал Сталина.

53. Valentin M. Berezhkov, *At Stalin's Side*, p. 341–342; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 309; Чуев, *Молотов*, с. 551.

Новым компонентом в кремлевской формуле стал Хрущев, вернувшийся из Киева в Москву в начале 1950 года на должность секретаря ЦК. Хрущев и раньше был членом команды, но поскольку он не жил в Москве, то оставался в стороне от большей части интриг. Его новое назначение, которое произошло довольно неожиданно, вероятно, было мотивировано желанием Сталина создать противовес Маленкову и Берии, которые после ленинградского дела укрепили свои позиции. Таким образом, с середины 1950 года Хрущев вошел в ближний круг. Другим членом команды, чья карьера находилась на подъеме, был Николай Булганин, которого Сталин в 1947 году назначил министром вооруженных сил (ранее он был заместителем). В феврале 1948 года он стал полноправным членом Политбюро, а в апреле 1950 года — первым заместителем председателя Совета министров, заменив на этом посту Молотова. Молотов не воспринимал его всерьез: «ни за, ни против, куда ветер подует, туда и он»⁵⁴.

В период с августа 1950 года по февраль 1952 года Сталин находился вне Москвы, отдыхал и поправлял здоровье в общей сложности почти двенадцать месяцев, он проработал всего лишь семь месяцев между двумя долгими периодами отсутствия. Даже когда он был в Москве, его рабочая неделя стала намного короче, чем раньше (в марте 1951 года, примерно вдвое меньше, чем два года назад), и, кроме членов команды, он принимал все меньше людей. Это подготовило почву для важного нового этапа: «коллективное руководство» без Сталина⁵⁵.

Рассказывает сын Берии: «В 1951 году члены Политбюро — Булганин, Маленков, Хрущев и мой отец — начали осознавать, что все они в одной лодке, и не имело значения, кого из них выбросят за борт

54. Чуев, *Молотов*, с. 391; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 250; Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 92–94, 103.

55. Khlevniuk, *Master*, p. 260.

на несколько дней раньше остальных. У них появилось чувство солидарности, когда они столкнулись с тем фактом, что никто из них не станет преемником Сталина — он намеревался выбрать преемника из молодого поколения. Поэтому они договорились между собой не позволять Сталину сталкивать их и немедленно сообщать друг другу обо всем, что Сталин говорил о них, чтобы расстроить его манипуляции. Они забыли свои прежние интриги и похоронили свои старые обиды»⁵⁶. Этот небеспристрастный рассказ сразу же вызывает тревожные вопросы. Кто теперь, когда Вознесенского и Кузнецова не стало, были эти молодые потенциальные преемники? Как получилось, что группа, которая была настолько вовлечена в междоусобный конфликт, что только что избавилась от двух нежелательных членов, могла внезапно зарыть в землю топор войны и объединиться?

По некоторым сведениям, теперь фаворитом в плане преемственности был Маленков, а положение Берии становилось все более шатким. Это может объяснить появление интереса к внутриккомандной солидарности у Берии, но не у Маленкова. И все же есть признаки того, что нечто подобное альянсу, который описал сын Берии, в последние годы жизни Сталина действительно возникло, а также что в этот альянс входил Маленков. Единственное правдоподобное объяснение состоит в том, что, во-первых, члены команды опасались за свою жизнь (вероятно, они не предполагали, что их происки против Вознесенского и Кузнецова закончатся казнью), а во-вторых, думали, что можно рискнуть, поскольку Сталин достаточно ослаблен или отвлечен на другие вопросы⁵⁷.

56. S. Beria, *Beria, My Father*, p. 239.

57. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, 309–310; Маленков, *О моем отце*, с. 57; Sudoplatov, *Special Tasks*, p. 320 (Судоплатов, *Разведка и Кремль*, с. 375); РГАНИ, 5/30/4, л. 98 (письмо В. Н. Меркулова Хрущеву, 23 июля 1953).

Ближний круг сталинских последних лет состоял из Берии, Маленкова, Хрущева и Булганина. Но Молотова и Микояна также нельзя сбрасывать со счетов⁵⁸. По словам Хрущева, статус Молотова стал понижаться с 1940-х годов, когда члены команды рассматривали его как «будущего лидера страны, который мог бы заменить Сталина после его смерти»⁵⁹, но он по-прежнему занимал второе место после Сталина в средствах массовой информации (членов Политбюро перечисляли не в алфавитном порядке, а по их месту в иерархии), и в народе его тоже считали вторым человеком. «К Молотову я относился с уважением», — отмечал писатель-коммунист Константин Симонов (кандидат в члены ЦК партии). Молотов «был человеком, наиболее близко стоявшим к Сталину, наиболее очевидно и весомо в наших глазах разделявшим со Сталиным его государственные обязанности». Другие лидеры приходили и уходили, но Молотов оставался, по крайней мере до 1948 года, «существовал неизменно как постоянная величина, пользовавшаяся <...> в среде моего поколения наиболее твердым и постоянным уважением и приоритетом»⁶⁰. Очевидно, в «четверке» думали, что он им нужен для легитимности при любом переходе власти в будущем.

Кто-то из «четверки», возможно, Маленков или Хрущев, был делегирован к Микояну, чтобы рассказать ему об их пакте солидарности. Все это было очень рискованно: такое поведение, несомненно, рассматривалось бы Сталиным (не без причины) как заговор. Берия, очевидно действовавший как *primus inter pares* (первый среди равных), сказал остальным, что «надо защищать Молотова, что Сталин

58. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 466.

59. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 278; Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 150.

60. Симонов, *Глазами*, с. 80.

с ним расправится, а он еще нужен партии». Это удивило Микояна, хотя он был рад это услышать⁶¹. Очевидно, Микояну было поручено передать Молотову новость о поддержке со стороны «четверки», возможно, потому, что Микоян был лично в более близких с ним отношениях. Реакция Молотова не зафиксирована, но позже он признал, что Берия, в тот период, по-видимому, защищал его. Что касается его мотивов, Молотов предположил, что когда Берия «увидел, что даже Молотова отстранили, теперь берегись, Берия! Если уж Сталин Молотову не доверяет, то нас расшибет в минуту!»⁶²

Хотя Молотов и Микоян оставались постоянными участниками встреч в кабинете Сталина и на заседаниях Политбюро, а Микоян по-прежнему был достаточно близок к Сталину, чтобы встречаться с ним в отпуске на юге летом 1951 года, их политическое положение было довольно неустойчивым. По словам Молотова, «между мной и Сталиным, как говорится, пробежала черная кошка»⁶³. Он видел, что Сталин очень недоверчив к нему, но не понимал, в чем причины его недоверия. Может быть, это было связано с арестом его жены, который был проведен по указанию Сталина? Но это, скорее, результат сталинских подозрений в отношении Молотова, чем причина. Сталин начал отпускать замечания о том, что Молотов и Микоян готовят против него заговор и что они английские или американские шпионы, — такая милая застольная беседа, показывающая, насколько необычной была эта среда. Один такой пример взят из описания Микояном инцидента, происшедшего в декабре 1948 года на даче Сталина и, несомненно, подстроенного самим Сталиным: сталинский секретарь Александр Поскребышев, которого обычно на обе-

61. А. И. Микоян, *Так было*, с. 584.

62. Чуев, *Молотов*, с. 547.

63. Там же, с. 549, 552.

ды не приглашали, внезапно объявил: «Товарищ Сталин, пока вы отдыхаете здесь на юге, Молотов и Микоян в Москве подготовили заговор против вас». Микоян, с кавказским темпераментом, хотел наброситься на Поскребышева и потребовать удовлетворения, но Берия сдержал его. Молотов сидел «как статуя», как и остальные. Через некоторое время «Сталин постепенно перевел разговор на другую тему»⁶⁴.

Второй случай еще более поразителен. В разговоре с Микояном Маленков или Хрущев заметили, что Сталин называл его и Молотова английскими шпионами. Сначала Микоян не обратил на это особого внимания (сама по себе замечательная реакция). Затем он вспомнил, что этот гамбит уже использовался, когда через два или три года после самоубийства Орджоникидзе разозленный Сталин хотел объявить его постфактум английским шпионом. «Это тогда не вышло, потому что никто его не поддержал». По мнению Сталина, когда он устраивал подобные провокации, команде следовало присоединиться или, по крайней мере, начать привыкать к этой идее; то, как он в 1952 году подбирался к исключению Молотова и Микояна, предполагает, что его стратегия не изменилась. Но были редкие периоды, особенно во время Большого террора, когда правила менялись. Команда надеялась, что они не двинутся к очередной приостановке действия обычных правил⁶⁵.

Осенью 1952 года Сталин не уехал, как обычно, в отпуск. Столь заметный отход от практики предыдущих лет позволяет предположить, что у него зрели некоторые планы. Кризис разразился на пленарном заседании ЦК, созванном в октябре 1952 года, когда Сталин, действуя один и, очевидно, не посоветовавшись с остальными членами

64. А. И. Микоян, *Так было*, с. 535.

65. Там же, с. 579.

команды, предпринял серьезную публичную атаку на Молотова и Микояна. Протокол не вели, поэтому нам приходится полагаться на воспоминания присутствовавших. По словам одного из свидетелей, поведение Сталина на пленуме было мрачным и зловещим: когда делегаты приветствовали его появление обычными «бурными аплодисментами», он неприязненно спросил, почему они все хлопают. Он сразу объявил, что в партии и Политбюро произошел «глубокий раскол» (он использовал слово «раскол», которым обычно называли давнее разделение партии на большевиков и меньшевиков). Молотов был назван «капитулянтом», занимавшим «антиленинскую позицию», а Микоян вел себя как троцкист. Молотов и Микоян попали под влияние Америки, когда ездили туда и, похоже, стали ее агентами. По словам Константина Симонова, Сталин напал на Молотова с особой злобой, что потрясло аудиторию. Он вспомнил старые обвинения в заискивании перед западными журналистами в 1945 году, он также поднял вопрос о том, почему Молотов хотел «отдать Крым евреям» и почему он рассказал своей жене о секретных решениях Политбюро. Что касается Микояна, Сталин сказал, что он, вероятно, вместе с Лозовским, которого только что приговорили к смертной казни по делу ЕАК, замышлял заговор с целью продать советские интересы американцам⁶⁶.

«Лица Молотова и Микояна были белыми и мертвыми», — так описал эту сцену Симонов; их коллеги были в панике. Хрущев счел обвинения Сталина в отношении Молотова и Микояна стран-

66. А. А. Фурсенко, «И. В. Сталин: последние годы жизни и смерть», *Исторические записки*, 3 (121) (2000), с. 192–193 (цитата академика Румянцева); Симонов, *Глазами*, с. 241–244; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 279–282; Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 151; Павлов, *Микоян*, с. 231; А. И. Микоян, *Так было*, с. 574–575.

ными и путаными. Микоян вспоминал, что испытал шок, что пытался защищаться, а Молотов тем временем кратко сказал только, что всегда был согласен с линией партии как во внешней, так и во внутренней политике. В какой-то момент этой ужасной встречи Сталин попросил освободить его от должности секретаря партии, потому что он слишком стар и болен, чтобы выполнять свои обязанности. Сидящий на своем месте Маленков был в агонии; когда зал залился криками «Нет! Нельзя! Просим остаться!», у него был вид человека, который только что смотрел в лицо смерти, а теперь его отпустили.

Затем Сталин сделал необычное предложение по поводу нового принципа организации ЦК, создать Президиум, который заменит Политбюро. Они должны «обмануть» врагов народа, создав большой Президиум и опубликовав в газетах его состав, а затем избрать маленькое Бюро Президиума и никому не говорить об этом. Это абсурдное предложение было принято. Был избран большой Президиум из 25 человек, включая Молотова и Микояна, а также других членов бывшего Политбюро (но не Андреева, о негодности которого Сталин сделал мимоходом пренебрежительное замечание); а также малый Президиум (Бюро) из девяти членов, включая Ворошилова (его имя вписали позднее от руки) и Кагановича, вместе с остальной частью команды и парой новых лиц, но без Молотова, Микояна и Андреева. Враги народа, вероятно, были должным образом сбиты с толку и разочарованы, но и команда тоже. Хрущев, который «очень сожалел» об исключении Молотова и Микояна и считал беспричинный удар по Андрееву возмутительным, обменялся «понимающими взглядами» с Берией и Маленковым, потому что то, что предложил Сталин, было сумасшествием. Он задавался вопросом, кто помог Сталину составить этот список (все участники «четверки» клялись, что не делали это-

го), поскольку тот, очевидно, не мог придумать его самостоятельно — он даже не знал большинство новых людей. Хрущев предположил, что, возможно, именно Каганович, который в некотором смысле вернул себе доверие Сталина, предложил эти кандидатуры, поскольку они пришли в основном из его отрасли промышленности⁶⁷.

Бюро Президиума из девяти членов, как это часто бывало у Сталина, оказалось скорее фикцией; вместо этого он работал с ближним кругом из пяти человек; обычно в него входили он сам, Маленков, Берия, Булганин и Хрущев. При этом оказалось, что это точно та же группа, с которой он наиболее тесно сотрудничал в течение последних нескольких лет, то есть «четверка» плюс один человек. Значит ли это, что Молотова и Микояна окончательно вышвырнули? После октябрьского пленума они, конечно, перестали посещать Сталина в его кабинете, но позже Микоян заявил, что регулярно посещал заседания Бюро, несмотря на все попытки Сталина не пускать его. В официальных списках участников это выглядит иначе, но списки могли потом подредактировать. В любом случае Бюро встречалось относительно редко, а не еженедельно, как предполагалось, и похоже, что наиболее важные вопросы в последние месяцы 1952 года обсуждались на декабрьских заседаниях большого Президиума. И Молотов, и Микоян зарегистрированы там как участники. Микоян участвовал в обсуждении сельскохозяйственной политики (Сталин, казалось, заинтересовался тем, что он говорил об отсутствии стимулов у крестьян), и его назначили в комиссию, созданную для работы над этим вопросом.

В прошлом Сталин всегда крепко держался за свое право исключать, формальный состав По-

67. Фурсенко, «И. В. Сталин», с. 193; Пихоя, *Советский Союз*, с. 94 (Ворошилов); N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 279–280.

литбюро регулярно заменяли те, кого он лично пригласил, — «пятерка», «семерка» и т. д. Теперь же случилось нечто необычное — похоже, он стал терять эту власть. Никогда прежде не бывало так, чтобы кто-то, исключенный Сталиным, появлялся по собственной инициативе или по приглашению других членов команды. Но именно такая ситуация возникла в последние месяцы 1952 года в отношении вечерних киносеансов в Кремле с последующими традиционными ужинами на даче Сталина, которые стали сердцевинной коллективной жизни команды. Здесь, даже в соответствии с обычными правилами этикета, можно было ожидать, что Сталин будет иметь единоличную власть приглашать или нет, и он ясно дал понять, что Молотов и Микоян нежелательны. Тем не менее они продолжали присутствовать. «Они не звонили Сталину, чтобы спросить разрешения, — вспоминает Хрущев. — Они узнавали, был ли Сталин в Кремле или на своей даче, а затем просто приходили. Их всегда пускали, но было очевидно, что Сталин был не очень рад их видеть».

Через некоторое время Сталину это надоело, «и приказал <...> не говорить, где он находится, если звонят Микоян или Молотов и спрашивают о нем». Но это не сработало, поскольку остальные члены команды тихо саботировали его указания. Молотов и Микоян «поговорили со мной, с Маленковым и, может быть, с Берией», сообщает Хрущев. Они согласились попытаться смягчить отношение Сталина и «договорились иной раз сообщать Молотову или Микояну, что мы, дескать, поехали на „ближнюю“ или туда-то. И они тоже туда приезжали. Так продолжалось какое-то время». Затем произошел большой разнос: Сталин «понял нашу тактику», что «мы превратились в агентов Молотова и Микояна», и стал кричать: «Вы нас не сводите, не сводничайте!»⁶⁸ Они прекратили, но 21 декабря

68. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 309–310.

у Сталина был день рождения, команда традиционно собиралась у него на даче на праздничный ужин. Молотов и Микоян посоветовались с Маленковым, Хрущевым и Берией (еще один заговор!) и решили пойти. «Сталин хорошо встретил всех, в том числе и нас <...>, — вспоминал Микоян, — было впечатление, что ничего не случилось и возобновились старые отношения». Но через несколько дней пришло сообщение Маленкова или Хрущева о том, что Сталин очень злился на то, что они пришли на его день рождения: «Он вам больше не товарищ и не хочет, чтобы вы к нему приходили»⁶⁹.

Поведение команды, с одной стороны, было похоже на поведение семьи, отец которой страдает деменцией: у него развилась иррациональная ненависть к отдельным членам семьи, от которой вся остальная семья надеется его излечить. С другой стороны, это может быть прочитано и иначе (и, несомненно, именно так Сталин это и воспринимал): как тихое коллективное неповиновение со стороны команды, подразумевавшее веру в то, что рано или поздно Сталин уйдет. После того как Сталин устроил скандал по поводу приглашения Молотова и Микояна, Хрущев написал, что он, Маленков и Берия «эту деятельность прекратили, потому что она могла плохо кончиться и для них, и для нас... Все мы без какой-либо договоренности ждали естественной развязки дикого положения, которое сложилось», видимо, смерти Сталина или признания его недееспособности. Неудивительно, что когда команда была в таком настроении, Сталин не мог уехать в отпуск.

У Сталина были и другие заботы, в частности, антисемитская кампания. Он решил, что Виктор Абакумов, глава МГБ, не справился с работой, и его уволили и арестовали 12 июля 1951 года. Одним из дел Абакумова, которое теперь перешло

69. А. И. Микоян, *Так было*, с. 579–580.

к главному следователю Михаилу Рюмину, была подготовка судебного процесса над членами ЕАК. Следствие шло так долго, что характер запланированного судебного процесса изменился, в частности, из-за исключения из списка обвиняемых Жемчужиной⁷⁰. Наконец суд состоялся; он проходил в форме закрытого заседания военного суда на Лубянке с 8 мая по 18 июля 1952 года. Сначала казалось, что обвиняемые будут вести себя обычным образом и униженно выдавать признания в измене и шпионаже, написанные с помощью следователей МГБ. Но затем, на третьей неделе процесса, Соломон Лозовский, самая крупная фигура среди обвиняемых, выступил и отказался от своих прежних признательных показаний — он произнес страстную речь, в которой подчеркнул свои большие революционные заслуги и свои еврейские корни. Это был необыкновенный момент: за всю историю постановочных судебных процессов начиная с 1930-х годов никто не делал ничего подобного.

Еще хуже было на следующий день, когда Лозовский высветил абсурдность обвинений («Это похоже на какую-то сказку — ни Центрального комитета, ни правительства, только Лозовский и пара евреев, которые все делали», — сказал он, добавив, по поводу своей работы в Советском информационном бюро во время войны, что «если слово „информация“ подразумевает „шпионаж“, то вся деятельность Совинформбюро была шпионской деятельностью»). Он держался, судя по стенограмме, уверенно и спокойно, иногда с оттенком иронии; послушав его, другие обвиняемые тоже воспрянули

70. Sudoplatov, *Special Tasks*, p. 328, 300 (Судоплатов, *Разведка и Кремль*, с. 354); Пихоя, *Советский Союз*, с. 75–92; Костырченко, *Тайная политика*, с. 459; S. Beria, *Beria, My Father*, p. 213; Joshua Rubenstein and Vladimir P. Naumov, eds., *Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee* (New Haven: Yale University Press, 2001), p. xiv–xv.

духом и начали также отказываться от своих признательных показаний. Другими словами, все начало разваливаться. Хуже всего, с точки зрения режиссеров этого процесса, было то, что военный судья, председательствовавший на процессе, генерал Александр Чепцов, заявил, что доказательства его не убедили, и предложил Маленкову, которого он, должно быть, знал по предыдущей работе в Центральном комитете, оправдать подсудимых. Остается неясным, как у него хватило смелости сделать это, но, безусловно, это было связано с тем, что политическая элита, в том числе и сталинская команда, ощущала неловкость по поводу антисемитской кампании. Маленков не поддержал его, и после месячного перерыва, когда рассматривались возражения Чепцова и апелляции обвиняемых, ситуация вернулась к стандартному сталинскому образцу. Осужденные, в том числе и Лозовский, были расстреляны 12 августа 1952 года⁷¹.

В последние месяцы сталинская паранойя, казалось, не знала границ. Его подозрения в отношении служб безопасности были почти таким же сильными, как и в отношении евреев. Во время подготовки дела о «заговоре врачей» по приказу Сталина «были арестованы все евреи — ответственные сотрудники центрального аппарата Министерства госбезопасности»⁷², около пятнадцати человек, но чистки в службах безопасности в последние месяцы пошли гораздо шире. В январе 1953 года в ближайшем сталинском окружении пять человек были арестованы по подозрению в шпионаже. Он избавился от своего давнего секретаря Поскребышева, который был

71. Rubinstein, *Stalin's Secret Pogrom*, 226, 230 (стенограмма процесса ЕАК), 59–60; http://ru.wikipedia.org/wiki/Cheptsov,_Aleksandr_Aleksandrovich; РГАНИ, 3/32/16, лл. 84–88 (обращение Лозовского к Политбюро 7 августа 1952 и отказ).

72. Sudoplatov, *Special tasks*, p. 301 (Судоплатов, *Разведка и Кремль*, с. 355).

не только главным исполнителем и посредником, но и личным доверенным лицом, если не другом. Та же участь постигла главу его телохранителей Николая Власика, главу кремлевской службы безопасности и личного телохранителя Сталина, которого уволили с этих постов, а затем, в декабре 1952 года, арестовали. Среди обвинений против Власика и Поскребышева была неспособность дать ход так называемому делу врачей-евреев⁷³.

В конце 1952 года был разыгран, по сути, последний политический гамбит Сталина — подготовленное в рамках антисемитской кампании так называемое дело врачей, нацеленное на группу кремлевских врачей, главным образом евреев. Их обвинили в шпионаже и терроризме, а также в том, что они способствовали преждевременной смерти Жданова и Щербакова и даже каким-то образом сделали так, что оглох несчастный Андреев⁷⁴. Первые аресты выдающихся врачей-евреев произошли зимой 1950–51 годов, но в ноябре 1952 года началась новая волна, в том числе арест личного врача Сталина, доктора Владимира Виноградова. Хрущев утверждает, что слышал, как Сталин «выходит из себя, орет, угрожает» по телефону новому главе МГБ Семену Игнатьеву, «требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы»⁷⁵. Согласно менее красочным описаниям, он говорил своим коллегам, что «любой еврей-националист — это агент американской разведки. Еврей-националисты считают, что их нацию спасли США (там можно стать богачом, буржуа и т. д.). Они считают себя обязанными американцам». По словам сына Хрущева Сергея,

73. Пихоя, *Советский Союз*, с. 94; Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 161 and 221n120; Sudoplatov, *Special Tasks*, p. 332–333 (Судоплатов, *Разведка и Кремль*, с. 387–388).

74. Костырченко, *Тайная политика*, с. 632, 645; Шепилов, *Непримкнувший*, с. 229–230 (глухота Андреева).

75. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 286–287.

Сталин не просто контролировал расследование дела врачей — «он направлял его»⁷⁶.

Был ли Сталин антисемитом всю жизнь или стал таковым в последние годы жизни — вопрос спорный. Хрущев утверждал, что он был антисемитом всегда, но другие члены команды отрицали это. Очевидно, что до самого конца официально он старался следовать линии большевистской партии, которая всегда решительно осуждала антисемитизм. В его публичных заявлениях никогда не было никакого намека на антисемитизм, и, как сказал Хрущев, «боже упаси, если кто-то сослался бы на такие его высказывания, от которых несло антисемитизмом»⁷⁷. Этот запрет оставался в силе даже в последние годы жизни Сталина. Когда на деле поддерживался государственный антисемитизм, пресса продолжала не только избегать явно антисемитских высказываний, даже в освещении дела врачей, но и время от времени сообщала о наказании конкретных должностных лиц, виновных в этом⁷⁸. Специально для филосемитской русской интеллигенции в начале 1950-х годов Сталин разыграл небольшой спектакль перед лидерами интеллигенции, когда выразил возмущение сообщениями об антисемитизме и приказал прекратить подобное⁷⁹. Тогда они поверили ему (до тех пор, пока дело врачей не открыло им глаза) и стали усердно распространять слухи, что нынешний антисемитизм не имеет к Сталину никакого отношения⁸⁰.

76. Пихоя, *Советский Союз*, с. 77 (цитата из заметок Малышева о заявлении Сталина Центральному комитету, 1 декабря 1952); S. Khrushchev, *Nikita Khrushchev, Reformer*, p. 92.

77. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 258–269.

78. Fitzpatrick, *Tear Off the Masks!*, p. 291–298.

79. Сцена, описанная Симоновым (*Глазами*, с. 188), и Тихоном Хренниковым (Т. Хренников, *Так это было* (Москва: Музыка, 1994), с. 177).

80. Чуев, *Молотов*, с. 333; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 128; S. Veria, *Beria, My Father*, p. 211; А. И. Микоян, *Так было*, с. 536.

Членов команды, которые усвоили тот же набор большевистских ценностей о недопустимости национализма — возможно, лучше, чем Сталин, — в различной степени тревожил безудержный антисемитизм сталинских последних месяцев. Когда команде показали записи допросов с признаниями врачей, Сталин сказал им: «Слепцы вы, котятка, передует вас империалисты без меня»⁸¹. Но команда не была уверена, что Сталин сам это знал. Молотов и Каганович позже подчеркивали, что они не знали подробностей о ходе дела врачей и не имели к этому никакого отношения⁸² (слегка подозрительное утверждение со стороны Кагановича, поскольку он в это время написал длинную антисемитскую статью)⁸³. Другие члены команды или их сыновья сделали все возможное, чтобы отмежеваться от этого (в случае Маленкова это было сделать довольно трудно, потому что он явно участвовал, хотя бы в качестве исполнителя) и продемонстрировать свое неодобрение. И то, что сразу же после смерти Сталина вся команда тотчас отказалась от антисемитизма, свидетельствует о том, что их неодобрение антисемитской кампании было во многом искренним. По словам Булганина, команда еще при жизни Сталина пришла к выводу, что дело врачей сфальсифицировано, Хрущев утверждал то же самое⁸⁴. Их заставил задуматься не только антисемитский аспект. Как отметил Хрущев, некоторых из этих врачей члены команды знали лично, потому что сами являлись их пациентами. Для семей

81. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 601.

82. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 174–176; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 435.

83. РГАНИ, 3/32/17, лл. 52–92.

84. *Лаврентий Берия*, с. 113 (Пленум ЦК, июнь 1953 года; выкрики членов Президиума в поддержку); Хрущев, записанный под диктовку проект доклада XX съезду партии «О культе личности и его последствиях» (начало 1956 г.), РГАНИ, 56/1/169, лл. 43–44; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 601.

Берии и Андреева, а также, без сомнения, для других членов команды доктор Виноградов, доктор Вовси и некоторые другие обвиняемые были друзьями семьи⁸⁵.

Дело врачей взбудоражило общественное мнение 13 января 1953 года, когда в «Правде» было опубликовано сообщение об арестах, сопровождаемое передовицей под названием «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Оба эти текста редактировал сам Сталин⁸⁶. Тот факт, что большинство врачей были евреями, прямо не указывался, но это было очевидно советским читателям по их именам и отчествам; кроме того, там говорилось, что большинство участников группы (еврейские имена участников этой группы были названы) «связаны с международной еврейской буржуазно-националистической организацией „Джойнт“» и что один из них, доктор Мирон Вовси, признал связи с «известным еврейским буржуазным националистом Михоэлсом». За этим последовала крупная организованная кампания осуждения «врачей-убийц», включавшая письмо с их осуждением, подписанное ведущими деятелями культуры и государственными деятелями — евреями. Кагановича попросили подписать это письмо, и он категорически отказался — не потому, что был против его содержания, а потому, что считал оскорблением принижение члена Политбюро до категории «общественный деятель — еврей». (По словам сына Берии, Каганович никогда не хотел быть публично связанным с еврейскими делами, из-за чего он еще в начале 1940-х годов

85. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 601; С. Берия, *Мой отец* (1994), с. 36; Андреев, *Воспоминания*, с. 298.

86. *Сталин и космополитизм*, с. 651–652; РГАСПИ, 558/11/157 (проекты, посланные Шепиловым, 10 января 1953, с комментариями Сталина).

отказался работать в Еврейском антифашистском комитете, хотя Берия его об этом просил.)⁸⁷

Эта публикация вызвала в мире волну возмущения, левые были в замешательстве, ведь многие из них поддерживали евреев. Реакция внутри страны была неоднозначной: от ужаса среди интеллигенции до энтузиазма среди широких слоев населения. Среди партийных функционеров было некоторое беспокойство, неуверенность в том, насколько открытый антисемитизм должен стать новым элементом политики, а также приемлемо ли теперь относиться к евреям уничижительно, как к «жидам». Народная реакция была направлена не только против евреев, но и против врачей, независимо от национальности⁸⁸. Некоторые лояльные граждане начали беспокоиться о здоровье Сталина и о том, не находится ли он в опасности из-за действий своих врачей⁸⁹. Другие стали вспоминать, что жена Молотова была еврейкой, и интересовались, не участвовала ли она в заговоре⁹⁰. По Москве прокатились слухи о предстоящей депортации евреев по аналогии с депортацией «предателей» в 1940-х годах с Северного Кавказа в Центральную Азию и Сибирь, хотя никто так и не смог доказать, что такой официальный план существовал⁹¹. Мест-

87. Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 174; S. Beria, *Beria, My Father*, p. 166.

88. ЦХДНИСО, 714/1/1780, лл. 7, 25, 39, 55–56, 67 (январь 1953 года, отчеты из Куйбышева); РГАНИ, 5/15/407, лл. 33, 79, 96–97 (отдел агитпропа Центрального комитета, сводка о реакции на местах).

89. ЦХДНИСО, 714/1/1780, л. 6.

90. ЦХДНИСО, 714/1/1780, л. 99.

91. Sudoplatov, *Special Tasks*, p. 308; S. Beria, *Beria, My Father*, p. 244; Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 158–159. Единственный осведомленный мемуарист, не отрицавший слухи, — Микоян (А. И. Микоян, *Так было*, с. 536), но его мемуары подверглись редактированию его сына Серго, добавившего в них городских слухов, поданных как сведения от осведомленного руководителя.

ные партийные комитеты сообщали, что эта политика получила широкую поддержку населения по всей стране, главным образом на том основании, что евреи якобы были привилегированными представителями элиты, незнакомыми с физическим трудом, что они уклонялись от военной службы и поэтому их следовало изгнать из городов и заставить отдать свои хорошие рабочие места, просторные квартиры и дачи «честным труженикам».

В воздухе запахло катастрофой, и уровень тревожности членов команды резко возрос. На заседании Президиума в декабре Сталин снова стал нападать на Молотова и Микояна, назвав их наемниками американского империализма⁹². Микоян начал подозревать, что у Сталина были большие планы насчет кровавой расправы с руководством, как в 1937–1938 годах. «Один товарищ» сказал ему за несколько недель до смерти Сталина, что он готовится созвать пленум ЦК, на котором раз и навсегда «сведет счеты с нами», и что это «вопрос не только политического, но и физического уничтожения»⁹³. Хрущев понял, что дни Молотова и Микояна, вероятно, были сочтены, что они «обречены»⁹⁴. Архивные документы, ставшие доступными историкам, свидетельствуют о том, что МГБ готовило дела против Молотова и Микояна с середины года. По мнению историков, имевших доступ к этим делам, новая волна партийных чисток и показательных судебных процессов была неизбежна, возможно, уже в марте 1953 года, и роль правых уклонистов должны были сыграть эти два члена команды⁹⁵. Для арестованных по политическим делам партийных функционеров по приказу Ста-

92. Павлов, *Анастас Микоян*, с. 244.

93. А. И. Микоян, *Так было*, с. 579–580.

94. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 278.

95. А. И. Микоян, *Так было*, с. 578; Павлов, *Анастас Микоян*, с. 246.

лина была построена специальная тюрьма, которая находилась под непосредственным контролем Центрального комитета (фактически Маленкова), а не органов безопасности⁹⁶.

Положение Берии становилось все более шатким. Несмотря на то что он пережил зловещее «мингрельское дело» в 1951 году, в котором его обвиняли в покровительстве мингрельским националистам на Кавказе, Сталин все еще искал в Грузии компромат на него, возможно, среди прочего его раздражал культ Берии, который там сложился⁹⁷. Одна из линий атаки со стороны МГБ состояла в том, что Берия будто бы инспирировал заговор против Сталина в Грузии; также подозревали, что он был евреем, скрывшим свою настоящую личность. В последние месяцы жизни Сталина Берия предупредил жену и сына, что его и их жизни в опасности; по мнению высокопоставленного сотрудника органов госбезопасности, он «был у Сталина следующим в списке на уничтожение»⁹⁸.

И вот посреди всего этого — невероятно вовремя для остальных членов команды — у Сталина случился инсульт. По словам его личного врача доктора Виноградова, здоровье Сталина заметно ухудшалось с начала 1952 года. Хотя Сталин злился на Виноградова за то, что тот указал ему на это, но бросил курить и сократил время работы. Но «его физическое состояние стало источником беспокойства для окружающих, так как вождь страдал от внезапной потери памяти, снижения работоспособности и очень резких перепадов настроения». Хрущев приводил его семиминутную речь на партийном съезде в октябре как пример того,

96. Пихоя, *Советский Союз*, с. 79–81.

97. РГАНИ, 5/30/4, лл. 125–127 (доклад Молотову, 14 августа 1953 г.).

98. Пихоя, *Советский Союз*, с. 74; Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 109–113.

что он стал немощен и не мог продолжать работать. С другой стороны, всего через два дня после этой речи Сталин без всяких бумажек более полутора часов выступал в ЦК, осуждая Молотова и Микояна. Но с учетом предыдущего рассчитывать на него уже было нельзя.

Инсульт произошел 1 марта, ночью, после обычного просмотра фильма в Кремле, за которым последовал ужин на даче с «четверкой» (Маленков, Берия, Хрущев и Булганин). Сталин выглядел бодрым и здоровым. Его обнаружили только на следующий вечер, так как он, как правило, вставал поздно, поэтому сотрудники дачи не хотели рисковать беспокоить его. Когда они обнаружили Сталина без сознания на полу, очевидно, перенесшего инсульт, то вызвали «четверку», которая поспешила на дачу. Ворошилов был вызван тоже рано утром следующего дня; старый солдат преобразился, как это всегда с ним бывало в критические моменты Гражданской и Великой Отечественной войны, с восхищением отметила его верная жена, он стал «еще более собранным и решительным»⁹⁹. Соблюдая государственную тайну, Ворошилов ничего не сказал жене, но она угадала, что случилось, и заплакала. Берия, похоже, не соблюдал государственную тайну. Он рассказал своей жене, к которой Сталин издавна хорошо относился, и она, как и Ворошилова, заплакала. Когда сын спросил ее, почему она плачет, учитывая, что Сталин, вероятно, уничтожил бы их всех, она согласилась, что это иррационально, но сказала, что жалеет Сталина: «Он ведь очень одинокий человек».

Когда члены команды прибыли на дачу, они впали в нерешительность. Потребовалось время, прежде чем они смогли хотя бы вызвать врача. Отчасти проблема, без сомнения, была в том, что личный

99. РГАСПИ, 74/1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», с. 37, запись от 2 марта 1953).

врач Сталина доктор Виноградов был арестован. Тот, кто его заменил, был, казалось, парализован страхом и неспособен ничего сделать. В течение последующих нескольких дней члены команды по двое дежурили у постели Сталина и ждали, пока он умрет (с долей страха, что вдруг он придет в себя). Молотова и Микояна дежурить не пригласили, но во всем остальном их статус членов команды был полностью восстановлен — по словам Микояна, им поручили в этот переломный момент руководить работой правительства. В этот кризисный момент, вероятно, было бы естественно, если бы командование принял Маленков, но вперед вышел Берия. «Берия руководил», — лаконично заметил Молотов¹⁰⁰, а Ворошилов утверждал, что, когда Сталин лежал без сознания, Берия «начал действовать. Он во всем и постоянно первый, он все предлагает, он все предвидит, он все знает, он всем командует»¹⁰¹.

Очевидно, это вызвало негодование других членов команды, хотя никакого открытого сопротивления не было. Во время дежурства с Булганиным Хрущев воспользовался возможностью, чтобы поговорить со старым другом о будущем, особенно об опасности, которую Берия может представлять для остальной команды. Все воспоминания о поведении Берии, когда Сталин лежал на смертном одре, имеют одинаково критический характер; Хрущев и Светлана (которую 2 марта вызвали на дачу) свидетельствовали, что Берия был взволнован, очень активен и произносил ревностные речи о преданности Сталину, когда казалось, что Сталин может прийти в себя, но в другие минуты говорил о нем с таким издевательством и ненавистью, что, по словам Хрущева, «просто невозможно было его слушать»¹⁰². Остальные были подавлены, горе утра-

100. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 327.

101. *Лаврентий Берия*, с. 195–196.

102. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 318.

ты было одной из их главных эмоций. За Светланой и Василием (как обычно, пьяным) тоже послали. Когда прибыла Светлана, Хрущев и Булганин обняли ее, и они плакали вместе. У Ворошилова, Кагановича и Маленкова тоже были слезы на глазах¹⁰³.

Через много лет, когда Берия давно был расстрелян, а его имя покрыто позором, некоторые из выживших членов команды предположили, что Берия, возможно, приложил руку к убийству Сталина. В 1970-х годах Молотов сказал Чуеву, что, когда они стояли на Мавзолее на похоронах Сталина, Берия сказал ему: «Я его убрал... Я всех вас спас»¹⁰⁴. Но вполне возможно, что он просто хвастался или хотел заслужить благодарность; в любом случае Молотов определенно не знал, как именно это было сделано. Маленков сказал своему сыну, что у Берии был план избавления от Сталина, включая удаление верных слуг, таких как Поскребышев и Власик, но он не знал, было ли это осуществлено на самом деле¹⁰⁵. Павел Судоплатов, сотрудник спецслужб, считал, что Берия не мог этого сделать, потому что не контролировал персонал дачи¹⁰⁶. В общем, отсутствие конкретики в этих поздних обвинениях (особенно после подробных расследований действий Берии во время суда над ним в середине 1953 года) и тот факт, что нет никаких доказательств того, что команда в то время считала его убийцей, говорит против версии о вине Берии, по крайней мере единоличной. Если бы Сталин был убит своими соратниками (чему нет никаких доказательств), это была бы совместная акция

103. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 162; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 315–320, 323; Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 713, 8–9, 11, 13; С. Берия, *Мой отец* (2013), с. 153; А. И. Микоян, *Так было*, с. 580.

104. Чуев, *Молотов*, с. 396.

105. Маленков, *О моем отце*, с. 62.

106. Sudoplatov, *Special Tasks*, p. 333 (Судоплатов, *Разведка и Кремль*, с. 388).

«четверки», тайну которой они так и не раскрыли¹⁰⁷. В общем, маловероятно, что Сталин был убит своей командой, хотя, когда с ним случился удар, они не стремились во что бы то ни стало его спасти. Но и это удивительно, учитывая то, какой это могло обернуться провокацией с его стороны.

Слухов о том, что Сталина убил Берия или члены команды, не было. Указывали на обычных в той обстановке подозреваемых — евреев и врачей. «Как жаль, что он так тяжело заболел! Не приложили ли руку к его здоровью евреи?» — типичная реакция, о которой сообщалось в донесении МГБ. Или: «В тяжелой болезни Сталина виновны те же врачи-убийцы. Это, видимо, они и т. Сталину давали отравляющие лекарства замедленного действия»¹⁰⁸.

Бюро Президиума ЦК под председательством Маленкова 2 марта собиралось дважды, в полдень и в 8 часов вечера, в обычном месте — сталинском кабинете в Кремле. Здоровье Сталина было единственным пунктом повестки дня. 3 марта они снова встретились дважды, на этот раз для обсуждения текста сообщений для прессы и созыва пленума ЦК. Молотов и Микоян, а также Ворошилов и Каганович (но не Андреев) были окончательно возвращены в команду и присутствовали на каждой встрече. В ночь с 4 на 5 марта группа перешла к действительно важным вещам: кто будет формировать новое правительство (без Сталина) и как оно будет

107. S. Khrushchev, *Reformator*, p. 10.

108. Vladimir A. Kozlov, Sheila Fitzpatrick and Sergei V. Mironenko, eds., *Sedition: Everyday Resistance in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev* (New Haven: Yale University Press, 2011), p. 79–80 (русское издание: *Крамолы: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев, 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР*, под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко, отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской (Москва: Материк, 2005), с. 84); РГАНИ, 5/15/407, л. 95.

сформировано¹⁰⁹. Молотов вспоминал, что предложения были представлены Берией и Маленковым — все они были очень хорошо проработаны и процедурно правильны.

Через несколько часов их — точнее, Маленкова, Берию и Хрущева — вызвали обратно на дачу: Сталин наконец умирал. Они смотрели, как он умирает: Хрущев с горечью, Берия, вероятно, нет. В тот момент, когда все закончилось, Берия вызвал машину — его голос прозвучал в тишине, «не скрывая торжества», вспоминала Светлана, — и бросился обратно в Москву¹¹⁰. Сталин был мертв. Команда, его наследники, пережили его и теперь были готовы, особенно Берия, претендовать на его наследство.

109. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–53, сост. Хлевнюк и др. (Москва: РОССПЭН, 2002), с. 436–437.

110. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 8–9; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 322.

ГЛАВА 9

Без Сталина

СТАЛИН еще был жив, а команда уже организовала работу нового правительства. Председателем Совета министров назначили Маленкова, «пока товарищ Сталин отсутствует», — так Берия деликатно предложил это назначение. Первыми заместителями Маленкова стали Молотов, Булганин и Каганович. Молотов был на своей прежней должности министра иностранных дел, Микоян также остался на прежней должности министра внутренней и внешней торговли. Оба ведомства, отвечавшие за безопасность объединили в одно Министерство внутренних дел (МВД) и министром был назначен Берия. Булганин стал министром обороны, а его заместителями были два военачальника Второй мировой войны — маршалы Василевский и Жуков. Ворошилову дали должность, которую прежде занимал Калинин, — председателя Верховного Совета, во многом эта должность была декоративной. Хрущев стал секретарем ЦК партии (через несколько месяцев его назначили первым секретарем). Президиум партии (ранее Политбюро) был сокращен до пятнадцати человек, включая членов команды Берия, Булганина, Кагановича, Хрущева, Маленкова, Микояна, Молотова и Ворошилова, а Бюро Президиума упразднено. Но большее значение в прессе придавалось именно новому правительству, а не новому Президиуму. Его обозначили как «коллективное руководство», и неофициальная иерархия, о кото-

рой можно судить по газетным сообщениям, выглядела следующим образом: Маленков, Берия, Молотов. Очевидно, новое руководство намеревалось порвать со сталинскими традициями и сделать правительство, а не партию, главным органом власти¹.

Члены команды — Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович и Микоян — несколько дней спустя несли гроб с телом Сталина на похоронах. Как вспоминал Шепилов: «Молотов был [как всегда] невыразителен... Ворошилов, подавлен и растерян... Маленков, бледный и усталый, но сдержанный. Лицо Берии, спрятанное за толстым пенсне, судорожно дергалось. Хрущев стоял рядом со мной, его глаза были красными и воспаленными, по щекам текли слезы»². (Шепилов отметил, однако, что на первом заседании Президиума после смерти Сталина, где преобладал сдержанный тон, Хрущев и Берия казались скорее взволнованными, а не убитыми горем.) Маленков, Берия и Молотов произнесли речи, но, предвещая грядущие события, «только Молотов проявил какие-то эмоции по поводу потери своего старого вождя». Берия в своей короткой речи затронул неожиданно тему свобод, гарантированных всем советским гражданам Конституцией. Маленков также внес несталинскую ноту, когда заговорил о мире и международном сотрудничестве³.

За гробом шли двое детей Сталина, лицо Василия «опухло от слез», Светлана держалась «достойно и сдержанно». Светлана часами сидела у гро-

1. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, с. 100–104 (протокол заседания 5 марта 1953); *Правда*, 7 марта 1953, с. 1; Shepilov, *Kremlin's Scholar*, p. 17; Каганович, *Памятные записки*, с. 518–519; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 374–375.

2. Shepilov, *Kremlin's Scholar*, p. 30–32, 17.

3. *Правда*, 10 марта, с. 1–2.; Edward Crankshaw, *Khrushchev's Russia* (Harmondsworth: Penguin, 1959), p. 23; Watson, *Molotov*, p. 245; *Лаврентий Берия*, с. 167–168.

ба Сталина, в окружении жены Степана Микояна Эли, с одной стороны, и дочери Михаила Шверника Люси — с другой. Дети членов команды тогда все еще были идеалистами, для которых потеря Сталина казалась «вселенской трагедией», даже для таких, как Серго Микоян (женатый на Алле Кузнецовой), которые от Сталина пострадали. Старший брат Серго Степан из уважения к Сталину присутствовал на всех трех днях прощания и сказал об этом отцу, очевидно, ожидая одобрения. «Ну и зря!» — коротко ответил его отец. Для тридцатилетнего Степана «это был первый ясный сигнал о том, что к Сталину может быть критическое отношение и мой отец именно так настроен»⁴.

В день похорон Молотову исполнилось шестьдесят три года, а через два дня Берия сделал ему подарок на день рождения. С видом фокусника, вытаскивающего кролика из шляпы, он представил свой подарок — Полину, по его приказу прилетевшую в этот день из казахской ссылки. Молотовы были оба ошеломлены. Молотов вспоминал, что когда он шагнул вперед, чтобы обнять ее, Берия подошел первым и обнял ее с театральным возгласом: «Героиня!» Полина даже не знала, что Сталин умер, и ее первый вопрос был о нем. Позже Молотов назвал это свидетельством ее непоколебимой преданности Сталину и его делу, но, конечно же, это была для нее еще и ключевая часть политической информации. В течение десяти дней Полина по инициативе Берии была полностью оправдана и ее членство в Коммунистической партии восстановлено. Молотовы возобновили свою совместную жизнь и были так же преданы друг другу, как и до того, как Сталин разлучил их⁵.

4. С. Микоян, *Воспоминания*, с. 197.

5. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 473–474, РГАНИ, 3/32/17, л. 12 (Постановление Президиума, 21 марта 1953); РГАНИ, 3/32/17, лл. 131–135 (Берия, записка к Президиуму, 12 мая 1953).

Позднее поэт Евгений Евтушенко писал о смерти Сталина так: «Люди были приучены к тому, что Сталин думает о них о всех, и растерялись, оставшись без него. Вся Россия плакала, и я тоже. Это были искренние слезы горя и, может быть, слезы страха за будущее»⁶. В Москве собрались огромные толпы, которые пытались дойти до Колонного зала, где лежал Сталин, это вызывало заторы и давку, в которой сотни людей были растоптаны насмерть. Поначалу новые лидеры, казалось, напряженно ожидали катастрофы, призывая советских людей противостоять «панике и беспорядку», но на самом деле худшим из того, что случилось, была московская трагедия, которая явилась не политической демонстрацией, а неудачей в организации движения толпы⁷. Уверенность команды выросла, а настроение изменилось. Американский журналист Харрисон Солсбери отметил, что «самое удивительное, что произошло после смерти Сталина, — это быстрота, с которой появились симптомы оттепели»⁸. Через несколько месяцев, если не недель, команда начала демонстрировать своего рода эйфорию, они вели себя на публике не с прежней жесткостью, требуемой в сталинские дни, но, по словам Крэнкшоу, «как дети, которые вырвались из школы». «Новые хозяева России [разворачивались] в правильном направлении и расцветали как кактусы», — писал он⁹.

Они вполне могли ощущать эйфорию. Кто бы мог подумать, что Советский Союз сможет добиться *мирного* перехода власти после смерти Сталина? Настоящее коллективное руководство, по крайней мере, пока; более того, тело Сталина еще не успело

6. Yevgeny Yevtushenko, *A Precocious Autobiography* (London: Collins & Harvill, 1963), p. 89–92.

7. Crankshaw, *Khrushchev's Russia*, p. 23.

8. Knight, *Beria*, p. 186.

9. Crankshaw, *Khrushchev's Russia*, p. 23, 38.

остыть, а это руководство уже начало реализацию последовательной, широкомасштабной программы реформ. Масштабы и удивительный характер достижений команды часто игнорируют, отчасти потому, что в итоге она распалась с горькими взаимными обвинениями. Парадоксальным образом это во многом было связано с тем, что команда вынуждена была сомкнуть свои ряды, чтобы противостоять капризам Сталина в его последние годы, когда было непонятно, кого он назначит виновным, а также с невысказанным консенсусом, который сложился в те годы в отношении политических изменений, которые были бы желательны, если бы только старик согласился, но надежды на его согласие не было. Хотя вслух об этом не говорилось, но члены команды были согласны в том, что ГУЛАГ слишком большой и слишком дорого обходится и его нужно резко сократить. Уровень жизни в городах нужно было повысить, а нагрузку на крестьянство уменьшить. Необходимо было ослабить репрессии, улучшить отношения с Западом. Антисемитскую кампанию следовало свернуть, а также отказаться от чрезмерной русификации власти в нерусских республиках. Все это, кажется, стало общей концепцией членов команды, хотя, пока Сталин был жив, они об этом не говорили.

Объединяло их также возрожденное ощущение себя как команды, которое проявилось в их пассивном сопротивлении Сталину, когда он попытался изгнать Молотова и Микояна. Принятие ими после смерти Сталина старого принципа коллективного руководства можно рассматривать просто как разумное соглашение, чтобы приостановить неизбежную борьбу за власть в первые опасные месяцы переходного периода, но, как мы увидим, это было нечто большее. Коллективное руководство было противоположностью тому, к чему команда в момент смерти Сталина чувствовала нечто вроде отвращения, а именно к властному произволу

одного человека. Открытая критика Сталина началась позднее, но сейчас, весной 1953 года, советские граждане, все еще оплакивающие потерю вождя, были смущены, обнаружив, что имя Сталина, которое было повсюду, исчезло из прессы — только одно упоминание в «Правде» в июне 1953 года! Его мудрые изречения больше не цитировались в редакционных статьях. Прилагательное «сталинский», ранее легко применявшееся ко всем советским достижениям и проектам, внезапно исчезло из лексикона. На заседании ЦК в июле 1953 года сталинские «неправильные, ошибочные» обвинения в адрес Молотова и Микояна были отвергнуты, под «бурные аплодисменты»¹⁰. Те, кто следил за такими вещами, заметили, что публикация собрания сочинений Сталина внезапно прекратилась на 13-м томе, хотя тома 14 и 15 к моменту его смерти уже были в типографии. Еще удивительнее было то, что советские газеты не отметили первую годовщину смерти Сталина в марте 1954 года, хотя в советской прессе было принято отмечать все юбилеи¹¹.

Это был не единственный признак того, что началась новая эра. В течение трех недель после смерти Сталина амнистия для осужденных по неполитическим статьям привела к освобождению более миллиона заключенных¹². Два месяца спустя обвиняемые по делу врачей были объявлены невиновными и освобождены, а высокопоставленные сотрудники органов госбезопасности заняли их место в тюрьме. В апреле Верховный суд реабилитировал жертв «ленинградского дела». Начали прощу-

10. Лаврентий Берия, с. 224.

11. Юрий Аксютин, *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.* (Москва: РОССПЭН, 2004), с. 37; РГАНИ, 5/30/4, лл. 20–21; 5/15/407, л. 154; РГАСПИ, 82/2/1446, лл. 73–78 (письма граждан).

12. Miriam Dobson, “Show the bandit-enemies no mercy!,” в Polly Jones, ed., *The Dilemmas of De-Stalinization* (London: Routledge, 2006), p. 22–32.

пывать почву на Западе, начиная с речей на похоронах Сталина, и к середине года было подписано перемирие, которое положило конец Корейской войне. В августе Маленков заговорил о «разрядке» в холодной войне. Дипломатические отношения с Израилем и Югославией были восстановлены¹³. Закон 1947 года, запрещающий браки советских граждан и иностранцев, был тихо отменен, что позволило семистам русским женам покинуть Советский Союз со своими иностранными мужьями¹⁴. К июню началась быстрая дерусификация власти в нерусских республиках, наряду с поощрением использования языков коренных народов вместо русского, что привело к значительным перестановкам в правительствах Белоруссии, Украины, Прибалтики, Кавказа и Средней Азии. Правительственные учреждения по всему Советскому Союзу вернулись к обычному рабочему дню, им больше не надо было подстраиваться под ночной график работы Сталина. В конце лета и осенью 1953 года были снижены налоги на крестьян, а закупочные цены на сельскохозяйственные товары повышены. Что касается городского населения, правительство объявило о значительном увеличении производства потребительских товаров: производство радиоприемников утроилось, мебели удвоилось, производство всех видов одежды значительно увеличились, не говоря уже о перспективе появления первых отечественных холодильников¹⁵.

Многие из этих мер были популярны в стране, но не все. Амнистия для заключенных ГУЛАГа привела в ужас обычных граждан Сибири и Урала, ко-

13. Пихоя, *Советский Союз*, с. 122, 131.

14. Zubok, *Inside the Kremlin's Cold War*, p. 155–156.

15. Nove, *Economic History*, p. 324–329; РГАНИ, 3/10/53, докладная записка Микояна и постановление Президиума от 10 октября 1953 «О расширении производства промышленных товаров широкого потребления и улучшении их качества».

торые теперь столкнулись в своих городах с наплывом нищих, отчаявшихся людей, не имеющих ни работы, ни жилья. Уличная преступность возросла, вызвав панику и требования навести порядок, и эти настроения распространились по всему Советскому Союзу и продолжались все то время, пока заключенные возвращались домой. Освобождение обвиняемых по делу врачей было столь же непопулярным, хотя меньшинство (в основном интеллигенция) его приветствовали. Многие люди рассматривали антисемитскую кампанию как давно назревшую попытку решить серьезную социальную проблему, и смерть Сталина казалась им просто подтверждением того, что враги систематически убивали вождей. Позднее в том же месяце анонимный автор предупреждал Хрущева: «90 процентов наших людей не верят, что Сталин умер своей смертью». Подозревали евреев. «Уберите евреев из правительства, люди не доверяют им. Они паразиты на шее людей. Если начнется война, они станут пятой колонной».

«Что значит освободить этих врагов, профессоров-убийц?» — риторически вопрошал корреспондент из Казани, когда жертвы дела врачей были освобождены. «Это означает, во-первых, очернение товарища СТАЛИНА, демонстрацию всему миру, что именно он санкционировал арест «невинных» людей; это означает, что товарищ СТАЛИН учил органы МГБ допускать произвол и применять силу». Часто такие письма адресовали Молотову, поскольку их авторы ошибочно ожидали, что он, как русский и старый сталинист, посочувствует. За исключением Ворошилова, остальные члены команды были малоизвестны советским людям. Ходили слухи, что Берия был евреем, а может быть, и Маленков тоже. «Люди сомневаются в... Маленкове и Берии, — писал казанский корреспондент Молотову. — Они называют их пьяницами, слишком торопливыми, некомпетентными руководителя-

ми, мечтающими стать Наполеонами. Вам, старым большевикам, следует избавиться от них»¹⁶.

Молотов был человеком, которого команда считала своим старшим членом, точно так же, как и в 1941 году. «По всенародному и всепартийному мнению», позже писал один из осведомленных свидетелей, он был единственным достойным преемником Сталина¹⁷. Конечно, в течение нескольких недель после смерти Сталина он получил много писем, призывающих его сделать шаг вперед. «В трудный момент народ возлагает надежды на правильное руководство страной на ВАС» (самоназванная группа «старых большевиков»). «Мы убеждены, что вы, как настоящий русский человек, будете руководить нашим государством» (без подписи, но, очевидно, русский патриот). «Почему бы вам не стать нашим вождем?!» (группа тамбовских домохозяек); «Все мы, обычные люди, хотим видеть вас на месте Иосифа Виссарионовича!» (от «простой пожилой беспартийной женщины», которая плакала, когда писала). Женщины среди корреспондентов Молотова не делали никаких явных сравнительных суждений, но мужчины часто сравнивали: Молотов был их человеком, а «Маленков и Берия должны уйти»¹⁸.

Молотов, однако, не проявил никаких признаков желания нарушить коллективное руководство. Опыт десятилетий сделал его таким же командным игроком, как и правой рукой Сталина. В первые недели переходного периода он, казалось, даже не пытался определить свою роль, а скорее ожидал «с непревзойденной дисциплинированностью

16. РГАНИ, 5/30/6, лл. 1–2, РГАНИ, 5/30/5, лл. 62–65, и РГАСПИ, 82/2/1466, лл. 44–50, 55–56 (из писем граждан); РГАСПИ, 82/2/1466, л. 58; РГАСПИ, 82/2/1466, лл. 44–50; ЦХДНИСО, 714/1/1149, л. 88.

17. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 249.

18. РГАСПИ, 82/2/1466, лл. 26, 36, 58.

и воспитанностью», чтобы «коллективный разум» команды сделал это за него¹⁹. Остальные были также заинтересованы в командной солидарности, опасаясь, как вспоминал Микоян, что народ заметит любые признаки фракционности внутри команды, что приведет к анархии. Тем не менее в команде в эти первые месяцы быстро появилась основная группа. Она состояла из Маленкова, Молотова, Берии и Хрущева. Остальные (Микоян, Ворошилов, Каганович и Булганин) заметили, что «четверка» проводила предварительные встречи, прежде чем обсуждать дела на Президиуме. Они вместе гуляли по Кремлю, оживленно беседуя; после работы трое из них, жившие в городе, уезжали в одной машине. Берия высаживал Маленкова и Хрущева у их квартир на улице Грановского, а затем отправлялся домой в свой особняк на улице Качалова.

Возможно, Микояна это раздражало, но он все еще чувствовал, что важные политические решения принимаются на заседаниях Президиума и что они действительно коллективные²⁰. Такое впечатление было и у Дмитрия Шепилова, редактора «Правды», который посещал заседания Президиума в качестве члена без права голоса. Шепилов отметил, что Молотов обычно выносил на рассмотрение Президиума вопросы, которые ранее представлял на согласование Сталину: для него это не было трудной переменной. Маленков, который был главой правительства и, по обычаю, восходящему к Ленину, председательствовал на заседаниях Президиума, старался вести заседания демократично, изо всех сил добиваясь консенсуса и воздерживаясь от давления. Несмотря на то что Маленкова за рубежом рассматривали как вероятного нового лидера, Шепилов подчеркивает, как «естественно и искренне» он играл роль координатора команды:

19. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 249–250.

20. А. И. Микоян, *Так было*, с. 581.

«Я думаю, что у него не было никаких помыслов об усилении роли собственной персоны»²¹. Конечно, это было разумно с точки зрения его прошлого опыта работы: Маленков всегда был послушным исполнителем и помощником Сталина и никогда не пытался действовать самостоятельно или оспаривать консенсус, и теперь он переносил эти навыки на новое игровое поле.

Однако были и исключения из этого замечательного проявления командного духа. Самым ярким исключением был Берия. Даже когда Сталин умер и Берия внезапно помчался обратно в город, Микоян, как он вспоминал потом, подумал: «Поехал брать власть». «Похоже, у него выросли крылья», — сказал другой наблюдатель²², и скорость реформирования законодательства в следующие несколько месяцев во многом была обязана бешеному темпу Берии. В течение шести недель, став главой органов государственной безопасности, он освободил врачей-евреев, расследовал смерть Михоэлса и сообщил команде о причастности к ней Сталина, запретил применение пыток на допросах, передал большую часть промышленной империи МВД гражданским министерствам и начал освобождение более миллиона заключенных из ГУЛАГа²³.

Переходя к национальной политике, Берия настаивал на удивительно стремительной дерусификации в республиках, начиная с МВД. Латвийскому МВД было приказано за один день заменить всех русских на руководящих должностях латышами, и когда местные деятели возразили, что не могут найти столько латышей с безупречными биографиями для работы в службах безопасности, при-

21. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 246–247.

22. А. И. Микоян, *Так было*, с. 587; РГАНИ, 5/30/4, лл. 64–79 (письмо Маленкова Хрущеву, 21 июля 1953).

23. *Лаврентий Берия*, с. 26–27; Taubman, *Khrushchev*, p. 246; Пихоя, *Советский Союз*, с. 108–109.

шло указание все равно заменять. Тогда первый секретарь республиканской партии (латыш) осмелел настолько, что произнес свою речь на партийном пленуме на латышском языке, без перевода, так что русские ничего не могли понять, и, кроме того, воспользовался случаем, чтобы сказать, что с тех пор как во время войны Латвия вошла в состав Советского Союза, органы госбезопасности убили почти 20 000 латышей и выслали в отдаленные районы страны еще 60 000. В Литве ликующие продавцы стали демонстрировать свою неприязнь к русским, отказываясь обслуживать любого, кто не говорит по-литовски²⁴.

Дерусификация была политикой всей команды, а не только Берии, и другие члены команды весной 1953 года тоже занимались этим вопросом. Но реакция в виде роста национализма в республиках вызвала тревогу, как и высокомерное поведение Берии. Он всегда был известен своим острым языком, но теперь иногда кричал на других членов команды в присутствии подчиненных и предпринимал односторонние действия, такие как подписание инструкции по испытанию водородной бомбы от своего имени, даже не сообщая своему номинальному начальнику, Маленкову. Хрущев был зол, когда Берия начал вмешиваться в партийные дела, пытаясь поставить «своих» людей во главе украинской и белорусской компартий²⁵. Даже инициативы Берии, которые команда действительно одобряла, такие как освобождение врачей-евреев, каким-то образом вызывали раздражение команды, по словам Кагановича, он держался так, будто остальные не имели

24. РГАНИ, 5/30/6, лл. 30–31, 44–46, 99–102; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 329–330; РГАНИ, 5/30/6, лл. 11–15, 20–25; Taubman, *Khrushchev*, p. 249.

25. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 119; А. И. Микоян, *Так было*, с. 587; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 329; РГАНИ, 5/30/4, лл. 31–34.

никакого значения: «Я авторитет, я либерал, после Сталина я амнистирую, я обличаю, я все делаю»²⁶.

Берия никогда не подчеркивал святость партии, но теперь он выказывал открытое презрение. «Что ЦК? — спросил он, когда Хрущев, как секретарь партии, возразил ему. — Пусть Совмин все решает, а ЦК пусть занимается кадрами и пропагандой»²⁷. Безусловно, команда в целом выступала за повышение авторитета Совета министров, но такого рода неуважение им было тяжело принять. Хуже всего было то, что Берия был не только уверенным в себе, но и самым умным, информированным и самым сообразительным из команды. Известие о расцвете культа личности Берии в Грузии, несмотря на то что он был против подобных вещей в Москве, стало еще одним раздражителем²⁸.

Берия настаивал на своем даже в иностранных делах, в области, где у него не было особого опыта и где признанным авторитетом был Молотов. Однажды, когда Молотов представил проект программного заявления для публикации, который был встречен «дружеским одобрением» со стороны остальной команды, Берия стал активно возражать, а затем продиктовал, по сути, новый текст. По словам свидетеля, Молотов «сидел недвижимо с непроницаемым выражением лица, и только ритмично подавливал сукно стола тремя пальцами, это у него вошло давно в привычку»²⁹. Таким же пассивным сопротивлением он отвечал на издевательства Сталина. После долгой неловкой паузы Маленков со своего места наконец предложил принять «текст Молотова с поправками Берии», то есть текст Берии.

26. *Лаврентий Берия*, с. 137.

27. Пихоя, *Советский Союз*, с. 110.

28. РГАНИ, 5/15/447, л. 56; РГАНИ, 5/30/4, л. 127 (Грузия); Knight, *Beria*, p. 185 (постановление Президиума от 9 мая 1953 по предложению Берии о запрете портретов вождей на праздничных демонстрациях).

29. Шецилов, *Непримкнувший*, с. 254.

Разногласия обострились по поводу Германии, это был очень острый вопрос. После блокады Берлина 1948 года фактическое разделение Германии было формализовано созданием двух государств, Федеративной Республики Германия в западной зоне и Германской Демократической Республики (ГДР) в советской. Лидеры ГДР проводили политику быстрой советизации по образцу советской политики эпохи коллективизации. Как и в Восточной Европе, это вызвало заметные возражения населения, но ситуация в Германии была уникальной в том смысле, что ее граждане могли — до строительства Берлинской стены в 1961 году — голосовать ногами и перейти в Западную Германию, причем делали это в большом количестве. Кроме того, в Берлине и в других местах вспыхнули забастовки и уличные демонстрации. Это очень встревожило советское руководство, и его представители вызвали восточногерманских лидеров в Москву и зачитали им отчет о беспорядках, убеждая отказаться от политики «принудительного строительства социализма» во избежание катастрофы.

Команда была согласна в этом вопросе, даже Молотов и Каганович, но Берия хотел пойти еще дальше, он предложил убрать слово «принудительное» и потребовать от немцев вообще отказаться от политики построения социализма. По его словам, социализм в Восточной Германии поддерживался только советскими войсками, а Советскому Союзу нужна была не обязательно социалистическая Германия, но обязательно мирная. В Президиуме Берия так презрительно говорил о лидерах ГДР, что Шепилов был вынужден возразить, что именно это правительство будет строить социализм в новой Германии. «Какой социализм? — крикнул ему Берия. — Какой социализм? Надо прекратить безответственную болтовню о социализме в Германии!» Он говорил, как позже вспоминал Шепилов, «с такой презрительной миной, с такой неприязнью,

будто само слово „социализм“ и журналисты, которые его применяют, для него непереносимы»³⁰. Такое пренебрежительное отношение к социализму было, конечно, возмутительно для Молотова и приводило в замешательство бóльшую часть команды. Особенно решительно поддерживал Молотова Хрущев, он считал лидера ГДР Вальтера Ульбрихта «искренним коммунистом, который вел жестокую борьбу за осуществление старой большевистской мечты о том, чтобы в сердце Европы было немецкое пролетарское государство», и опасался западных немцев как возможных наследников гитлеровского рейха. Молотов был настолько взволнован, что сделал нехарактерный для него личный жест — предложил Хрущеву перейти на «ты», хотя раньше Хрущев, как младший по возрасту и по должности, использовал в общении с ним уважительное официальное «вы»³¹.

Члены команды не только чувствовали, что Берия над ними насмехается, они еще и боялись его. Как человек, отвечающий за госбезопасность, он, как считалось, хранил компромат на каждого из них. Инициативу взял на себя Хрущев, возможно, наименее запуганный Сталиным член команды. Задача была очень непростой, так как если бы Берия узнал, что против него что-то замышляют, у него хватило бы ресурсов, чтобы изменить сюжет и арестовать заговорщиков. Первым человеком, с которым Хрущев заговорил о необходимости отстранить Берию, был Молотов, который сразу же понял его и выразил полное одобрение лаконичным вопросом: «Просто отстранить?» — подразумевая, что, возможно, были бы уместны более

30. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 255.

31. Аксютин, *Хрущевская «оттепель»*, с. 40–41; А. И. Микоян, *Так было*, с. 584; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 334–335; Zubok, *Inside the Kremlin's Cold War*, p. 197; Taubman, *Khrushchev*, p. 250.

жесткие меры. Маленков был более сомнительной фигурой, так как он и Берия были старыми союзниками. Оказалось, однако, что Маленкову надоели высокомерие Берии, его усилия по поддержанию коллегиального единства в Президиуме потерпели крах из-за отказа Берии сотрудничать. Он присоединился к заговору, как и Каганович, который привел с собой Ворошилова. Хрущев беспокоился насчет Микояна, у которого были хорошие отношения с Берией, поэтому не сообщил ему заранее о своих планах арестовать Берию, предположив лишь, что, может быть, предложение вывести его из МВД и назначить ответственным за добычу нефти, на что Микоян согласился.

Пока заговор зрел, Берия находился в Германии, где в начале июня 1953 года наблюдал за подавлением восстания в Берлине. Когда его вызвали из Германии, он явно не подозревал, что происходит. Позднее Хрущев любил рассказывать историю о том, как накануне вечером он обманывал Берию, «балагурил и шутил», бесстыдно хвалил его за то, как он руководил после смерти Сталина. Польщенный, Берия сказал ему, что это только начало, и изложил планы обеспечить членам команды роскошную жизнь, с особняками и дачами, которые будут их собственностью и которые они смогут оставить своим наследникам. Здесь он сделал две грубые ошибки, странные для человека, известного своей хитростью: первая заключалась в том, что он доверился Хрущеву и был обманут его «простыми крестьянскими» манерами, а вторая — в идее сыграть на алчности Хрущева. Уже из дискуссий по ГДР Берия должен был бы понять, что Хрущев действительно верил в социализм, был возмущен предположением, что советский руководитель может захотеть приобрести наследственную частную собственность. Тем не менее, будучи лучшим актером, чем Берия, он долго и горячо тряс его руку, про себя думая (как он потом будет об этом расска-

зывать): «Ладно, сволочь, последний раз яжимаю твою руку»³².

Все еще ничего не подозревавший Берия, как положено, появился на следующий день, 26 января, на заседании Президиума. Сначала он подумал, что это какая-то шутка, когда другие члены команды стали нападать на него; действительно, его реакция предполагает, что он не только считал, что Хрущев и Маленков были его друзьями, но и что они действительно раньше были друзьями, насколько вообще дружба возможна в политике³³. После того как с Берией расправились и его стало возможно обвинить во всем, что было плохо в Советском Союзе, всем было удобно делать вид, что они ненавидели его все время, но в это сложно поверить. Самым честным из них был политик-практик Молотов, который никогда не претендовал на какую-то великую любовь к Берии и, возможно, в июне 1953 года вполне мог подумать, что Берия слишком опасен, чтобы оставлять его в живых, и, более того, что он враг социализма. Тем не менее в своих беседах 1970-х годов с Чуевым он не утверждал, что не любил его.

Поняв, что происходит, Берия выглядел удивленным, но не оказал сопротивления, когда его арестовали маршал Жуков (возвращенный после смерти Сталина из провинции и назначенный на пост заместителя министра обороны) и организованная Хрущевым группа военных, которая ждала снаружи зала заседаний. Затем Берию отправили в военную тюрьму, откуда он писал полные надежды обращения к Маленкову, Хрущеву, Молото-

32. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 321–341; Шепилов, *Непримкнувший*, с. 259–267 (пересказывает рассказ Хрущева); Rees, *Iron Lazar*, p. 250; Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 65–66; А. И. Микоян, *Так было*, с. 587; С. Хрущев, *Никита Хрущев: рождение сверхдержавы*, с. 77.

33. А. И. Микоян, *Так было*, с. 587; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 334–335, 436.

ву и Ворошилову, напоминая им об общих сражениях и прошлом товариществе. «Мы всегда были большими друзьями», — писал он Хрущеву и Маленкову, обращаясь к ним на «ты»³⁴. В течение нескольких месяцев его допрашивали (без пыток, отмененных в МВД по его поручению несколькими месяцами ранее), он отвечал довольно откровенно, но не признавал никакой существенной вины³⁵. Многие другие, как соратники, так и жертвы, также дали показания, и первоначальный сценарий, как и в случае с Жемчужиной в 1949 году, стал меняться и сосредотачиваться на его сексуальной жизни, с обвинениями в многочисленных изнасилованиях, похищении молодых женщин на улице и т. п. Хотя впоследствии эта тема вошла в советский фольклор, история Берии как сексуального хищника кажется хотя и не полностью безосновательной, но сильно преувеличенной. Его собственный рассказ на допросе об отношениях с женщинами, с которыми у него были сексуальные приключения, включал эпизод с молодой женщиной, которую подобрал для него на улице его подчиненный. Его рассказ подтверждается главным образом показаниями одной певицы, которая утверждала, что стала его любовницей после того, как он заметил ее во время представления. Она описала соблазнение (вероятно, при пугающих обстоятельствах), но не изнасилование³⁶.

В декабре закрытый военный суд, заседания которого бывшие коллеги Берии слушали по специально установленной связи с Кремлем, вынес свое решение: виновен в государственной измене, ан-

34. *Политбюро и дело Берия*, с. 19–22.

35. Там же, с. 58–63, 75–78, 90–95, 110–116, 151–155, 169–183, 194–197, 211–217 и 230–235.

36. А. В. Сухомлинов, *Кто вы, Лаврентий Берия?* (Москва: Детектив-Пресс, 2003), с. 222–245; *Политбюро и дело Берия*, с. 98–104, 101–104; Нина Алексеева, *Лаврентий Берия в моей жизни* (Москва, 1996) (подтверждений ее рассказу нет).

тисоветском заговоре, терроризме и шпионаже в пользу иностранной державы (работал на контрразведку мусульманской партии «Мусават» в Баку во время Гражданской войны, а следовательно, и на англичан). Это решение было явно в духе старых сталинских процессов, а вовсе не приговором, продиктованным весомыми доказательствами. Смертный приговор был приведен в исполнение немедленно³⁷. Очевидно, бóльшая часть команды пришла к выводу, что казнь Берии была «необходима» — очень удобная категория марксистского мышления, — хотя Микоян, который сказал Хрущеву, что Берия может «еще быть полезен», вероятно, не был убежден³⁸. Мы можем, однако, догадаться, что команду в какой-то степени тревожило возвращение к сталинским методам, по судьбе жены и сына Берии, которые были арестованы, что было стандартной процедурой в таких случаях, но впоследствии освобождены. Серго Берия говорил, что именно ученые-атомщики из уважения к его отцу «добивались моего освобождения из тюрьмы, <...> стремились помочь... я не мог принять от этих людей материальную помощь, потому что <...> считал это неприемлемым, но моральная поддержка, а я ее ощущал постоянно, была для меня крайне важна». Но политики, должно быть, тоже поспособствовали: за Серго и его мать, очевидно, заступился Молотов, которого поддерживал Микоян; Хрущев, как говорят, был «тронут» их обращениями, и его жена была рада, что Нине Берия и ее сыну позволили жить³⁹.

Что касается общественного мнения, казнь Берии и его последующее шельмование оказались мастерским ударом. Не то чтобы репутация Бе-

37. *Правда*, 17 декабря 1953.

38. А. И. Микоян, *Так было*, с. 587–588.

39. S. Beria, *Beria, My Father*, p. 184, 273; Васильева, *Кремлевские жены*, с. 185 (интервью с Радой Хрущевой).

рии в стране была совершенно плохой. Его любили на Кавказе, и к нему также хорошо относились заключенные, бывшие заключенные и их семьи — немалая часть общественного мнения — из-за амнистий и массовых освобождений из ГУЛАГа. Надо отметить, что была и другая часть общественности, которая связывала его с освобождением врачей-евреев и ненавидела как замаскированного еврея, который, возможно, был ответственен за смерть Сталина, но для большинства советских граждан он изначально не особо отличался от остальных участников сталинской команды. Более негативное отношение к нему стало складываться после того, как пропагандистская машина начала предавать гласности его предполагаемые преступления, включая сексуальную развращенность («Может, повесить его?» — с надеждой спрашивал один анонимный автор)⁴⁰. Переворот в общественном сознании, которому способствовало решение уничтожить местные архивы органов безопасности сталинского периода⁴¹, состоял в том, что люди подумали: раз казнен глава госбезопасности и возможный преемник Сталина, то это признак того, что новые лидеры отказываются от сталинских репрессий. Дополнительным плюсом, с точки зрения команды, было то, что отныне все прошлые акты репрессий, включая Большой террор, исполнителем которого Берия, по сути, не был, а только ликвидировал его последствия, можно было повесить на него.

«Мы все ходили опьяненные от радости», — вспоминал Шепилов, говоря о периоде после смещения Берии. Он был уверен, что «ленинские нор-

40. O. V. Edelman, in Kozlov et al., *Sedition*, p. 115 (*Крамoла*, с. 128–129); Аксютин, *Хрущевская «оттепель»*, с. 47–48; РГАНИ, 5/15/407, лл. 74, 114, 118; РГАНИ, 5/30/3, л. 74; РГАНИ, 5/15/407, л. 114; РГАНИ, 5/30/4, лл. 12, 21; РГАНИ, 5/15/407, л. 115.

41. Пихоя, *Советский Союз*, с. 124; Crankshaw, *Khrushchev's Russia*, p. 102.

мы» могут быть восстановлены и «чудесное здание социалистического общества» завершено без постыдных деформаций, наложенных на него ежовыми и бериями⁴². Для Шепилова и Хрущева, а также для старой гвардии Молотова, Кагановича, Ворошилова и Микояна (последний был менее догматичен), чудесное общество, которое должно было наконец появиться, было по определению и по существу социалистическим (Берия и, вероятно, Маленков были менее идеологизированы). Часть их эйфории, без сомнения, была просто облегчением от исчезнувшей угрозы и от того, что их хитрый маневр удался. Хрущев не мог не хвастаться своим блестящим успехом в операции против Берии; после этого он изменился, стал более динамичным, приобрел уверенность в себе и осознал, что, начав действовать, проявил себя самым энергичным и решительным в команде⁴³. До дела Берии он занимал пятое место в руководстве и его очень мало знали за пределами Москвы и Украины; теперь он поднялся на третье место, после Маленкова и Молотова, и, без сомнения, стремился подняться выше⁴⁴.

Частью освобождения команды стала свобода путешествовать. Для Хрущева и Булганина поездка на Женевскую встречу лидеров четырех держав в 1955 году была захватывающей, несмотря на насмешки в европейской прессе над их одинаковыми «мешковатыми бледно-лиловыми летними костюмами с хлопающими брюками». Трехнедельная поездка Маленкова в Англию весной 1956 года также, очевидно, стала жизненной вехой: его впервые «выпустили» за границу. Их дети, принадлежавшие к поколению, влюбленному в Хемингуэя,

42. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 264.

43. Shepilov, *Kremlin's Scholar*, p. 274–275; Taubman, *Khrushchev*, p. 257 (цитирует Алексея Аджубея); Симонов, *Глазами*, с. 246–247.

44. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 267.

были еще более очарованы внешним миром. Серго Микоян, которому удалось попасть в состав делегации на Цейлон, и муж Рады Хрущевой Алексей Аджубей, который вместе с шестью другими журналистами отправился в поездку по Соединенным Штатам в 1955 году, были предметом зависти своих современников⁴⁵.

«Мы смотрели в будущее с оптимизмом», — вспоминала Рада Хрущева, которая, как и ее муж, была журналистом. — Мы верили, что мы все сможем, что в нашей стране все будет хорошо»⁴⁶. Началось десятилетие, которое впоследствии получило название «оттепель», когда журналисты-реформаторы взяли на себя миссию «говорить правду» о прошлом и настоящем, а поэты, такие как Евгений Евтушенко, собирали стадионы. Серго и Степан Микояны в 1955 году, безусловно, знали, кто такой Евтушенко, но для их отца было полной неожиданностью, когда в центре Москвы толпа заблокировала его правительственный лимузин. Микоян спросил, что происходит, и получил краткий ответ: «Евтушенко». Когда он поинтересовался, кто это такой, ему сказали — «поэт». Позже Микоян вспоминал: «Я увидел, как люди стояли в очереди за стихами, а не за продуктами. Я понял, что началась новая эра»⁴⁷.

На дне рождения Петра Ворошилова в июле 1954 года, где были сыновья и дочери Микояна, Кагановича и Шверника, жарко спорили о Пабло Пикассо, и когда Екатерина Ворошилова слушала их, ее сердце трепетало от гордости («Многие из них кандидаты наук!»)⁴⁸. Поклонники Пикассо придерживались официальной доктрины социали-

45. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 392–400; Маленков, *О моем отце*, с. 76–77; Zubok, *Zhivago's Children*, p. 92; С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 208–209.

46. Zubok, *Zhivago's Children*, p. 34.

47. Ibid., p. 59 (цитирует Евтушенко).

48. РГАСПИ, 74 /1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», с. 58–59, запись от 23 июля 1954).

стического реализма, но Степан Микоян говорил иначе. Кремлевские дети, как и остальная интеллигенция, становились все более политически ангажированными сторонниками реформ, в результате некоторые из них стали конфликтовать со своими родителями. Степан вспоминал, как они всей семьей ездили на дачу к Ворошиловым, где сыновья Микояна, Петр Ворошилов, приемная дочь Ворошиловых Татьяна Фрунзе и их супруги так отчаянно спорили с родителями, что Микоян попросил Степана, чтобы он «не спорил с ним вечером, потому что он не может уснуть»⁴⁹. Микоян был отцом, реагирующим на перемены и на отношение к ним детей. Другие, например Хрущев, были более консервативны. Хотя на публике Хрущев всегда был дружелюбным, как отец он был не столь открыт, как некоторые его коллеги; и когда его младший сын Сергей, с опозданием присоединившийся к кампании, которую интеллигенция вела против лысенковщины, попытался объяснить ему, кто такой Лысенко и что такое генетика, он просто отмахнулся⁵⁰. Тем не менее именно зять Хрущева Аджубей, который был редактором молодежной газеты «Комсомольская правда», в эпоху оттепели стал в среде реформаторов одним из властителей умов, а позднее был назначен Хрущевым (!) редактором официальной государственной газеты «Известия»⁵¹.

Еще одна примета времени — в 1955 году ворота Кремля открыли для всех желающих, так что Молотову, Ворошилову и Микояну пришлось переезжать из их кремлевских квартир. Семьи младших членов команды — Маленкова, Хрущева и Булганина — никогда в Кремле не жили, у них были квартиры поблизости, на улице Грановского; весной 1953 года там же поселился Жуков, вернувший-

49. С. Микоян, *Воспоминания*, с. 212–213.

50. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 330.

51. Zubok, *Zhivago's Children*, p. 142.

ся из уральского изгнания. Общению между членами команды в эти годы придавали очень большое значение, и Маленков предложил, чтобы вся команда переехала в особняки, которые для них построят на Ленинских горах, возле похожего на свадебный торт здания университета. Более молодая часть команды действительно туда переехала. Однако Молотов и Ворошилов отказались и переехали в квартиры на улице Грановского⁵². Молотовы по-прежнему держались в стороне от остальных членов команды, хотя Сергей Хрущев, в то время уже взрослый, вспоминал редкий случай, когда они всей семьей отправились в гости к Молотовым. Сергей был удивлен, что Молотов, который был для него живой легендой, оказался «маленьким плешивеньким старичком», с радостью показывавшим свою библиотеку⁵³.

Маленковы в этот период дружили семьями с Хрущевыми, с которыми дружили также и Микояны. Хрущев очень старался установить такие же дружеские отношения с Булганиными и Жуковыми, но в обоих случаях это не удалось, потому что жена Хрущева не одобряла того, что Булганин и Жуков бросили своих предыдущих жен, поэтому с Жуковым Хрущев стал общаться без жены. Коммуникабельный Хрущев побуждал членов команды продолжать общаться и во время отпуска, который они начиная с 1953 года проводили в Крыму. Там Хрущевы, Ворошиловы и Кагановичи составлял «одну большую интересную компанию», хотя, как отмечала в своем дневнике Екатерина Ворошилова, подводные течения имелись⁵⁴. Микояны

52. Сергей Хрущев, *Никита Хрущев: пенсионер* (Москва: Время, 2010), с. 26.

53. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 103–104.

54. РГАСПИ, 74/1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», с. 47, 81, 85, 97–98, 107, записи от 5 октября 1953, 19 и 28 сентября 1956, 2 сентября 1957).

также отдыхали в Крыму и в последующие годы Хрущевы звали и их, и Ворошиловых и остальных на разнообразные мероприятия у себя на даче. Там принимали коммунистов из Восточной Европы, а также дружественных иностранцев, таких как Пол Робсон⁵⁵.

Андреев после смерти Сталина не вернулся к работе в составе команды; он был единственным из живых членов команды, которого в марте 1953 года не включили ни в состав правительства, ни в Президиум⁵⁶. Обеспокоенный гражданин из Пензы спрашивал, «почему [он] не в Президиуме?»⁵⁷. Ясного ответа на этот вопрос не было. Возможно, проблема была в его глухоте, а возможно, новое руководство считало его слишком старорежимным сталинистом. В 1955 году Ворошиловы, Кагановичи и Булганины пришли поздравить его с шестидесятилетием. Как отметила в своем дневнике Екатерина Ворошилова, это было особенно трогательно, потому что «отчасти из-за состояния здоровья, а возможно, и по другим причинам Андрей Андреевич не мог уже так много работать»⁵⁸. Все же ему оказали прощальный знак внимания, добавив его имя, явно уже позднее, к списку выдающихся деятелей, составленному к XX съезду партии, который состоялся в следующем году⁵⁹.

Маленков, которого многие за рубежом считали возможным преемником Сталина, был, похоже, вполне доволен работой в составе коллектива. Сын

55. Таубман, р. 265; С. Хрущев, *Никита Хрущев: пенсионер*, с. 104.

56. *Лаврентий Берия*, с. 207.

57. *Региональная политика Н. С. Хрущева: ЦК КПСС и местные партийные комитеты, 1953–1964 гг.*, сост. О. В. Хлевнюк и др. (Москва: Российская политическая энциклопедия, 2009), с. 22.

58. РГАСПИ, 74/1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», с. 74, запись от августа-сентября 1955).

59. *Президиум ЦК КПСС, 1954–1964* (Москва: РОССПЭН, 2003), т. 1, с. 104, 925 (XX съезд партии).

Хрущева Сергей позже сформулировал это как недостаток: Маленков «никогда ничем не руководил, он всегда служил при ком-то»⁶⁰: сначала Сталину, потом Берии, а затем Хрущеву, не говоря уже о том, что дома им управляла волевая жена Валерия. Человеком, который, напротив, инстинктивно чувствовал, что у него есть задатки лидера, был отец Сергея, Никита Хрущев. Хрущев не был доволен растущей популярностью Маленкова, которого любили за то, что он облегчил экономическое бремя крестьянства и добился увеличения производства потребительских товаров для жителей городов. На второй год после смерти Сталина напряженность в отношениях между Маленковым и Хрущевым усилилась. Личные отношения, которые раньше были хорошими, ухудшились из-за оскорбительного, снисходительного тона, с которым Хрущев теперь разговаривал с Маленковым, что вызывало неловкость даже у его собственной жены и сына. Конфликт между ними, главным образом инициированный Хрущевым, чувствовался не только в Президиуме, но и мог быть угадан внимательными читателями газет, поскольку Хрущев начал публично противоречить Маленкову по таким вопросам, как ядерная война (Маленков считал, что она немыслима, а по мнению Хрущева, социалистический блок сможет в ней выжить), хотя имя Маленкова при этом публично не упоминалось. Молотов и Каганович, которые не любили Маленкова, подозревали его в отсутствии преданности идеям социализма и считали, что Хрущев — лучший социалист, пусть у него и не такие хорошие манеры. Они поддерживали этот конфликт, склоняясь в пользу Хрущева⁶¹.

В конце концов в январе 1955 года Маленкова заставили уйти в отставку с поста премьер-министра.

60. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 127–128.

61. А. И. Микоян, *Так было*, с. 599–600; Taubman, *Khrushchev*, p. 265; Crankshaw, *Khrushchev's Russia*, p. 43.

Его обвиняли в том, что у него были близкие отношения с Берией, а также в том, что, обещая увеличить производство потребительских товаров, он зарабатывал себе «дешевую» популярность. «Мы не сомневаемся в честности товарища Маленкова, — сказал Хрущев на пленуме ЦК, — но я очень сомневаюсь в его возможностях проведения твердой линии: у него нет твердого характера, хребта не хватает»⁶². Что, если ему придется вести переговоры с хитрым капиталистом, таким как британский премьер-министр Уинстон Черчилль? (Черчилль перед тем несколько раз намекал, что хотел бы получить приглашение в Москву, чтобы встретиться с новым премьером.) Маленков с его мягким характером может просто все ему сдать. Молотов и Каганович согласились, что Маленков оказался не на высоте. Тем не менее тот факт, что его заменил Булганин, который наверняка еще менее подходил для переговоров с хитрым Черчиллем, чем Маленков, говорит о том, что реальной причиной было не это. Маленкова не исключили из Президиума, а его новая должность министра электростанций была, по крайней мере, в Москве (и по его старой инженерной специальности). И все же, по словам сына, это был один из худших периодов его жизни⁶³.

Хрущев, как и Берия до него, ухватился за открывшуюся возможность и выдвинул целый ряд инициатив по внутренней и внешней политике. 1955 год ознаменовался появлением Хрущева в качестве фигуры на Западе, когда он совершил широко разрекламированные поездки — в Белград, Женеву и Лондон, а затем в Индию, Бирму и Афганистан, — от которых он был в восторге. Мировая пресса приветствовала это как огромный прорыв в отношениях, а также как свидетельство нового

62. А. Г. Маленков, *О моем отце*, с. 116.

63. Там же, с. 76–77.

статуса Хрущева, но дома недовольные голоса шептались о том, что, разъезжая по миру, он тратит народные деньги⁶⁴. По мере продвижения Хрущева во внешнюю политику с очевидным намерением установить более тесные отношения с Западом и приоткрыть границы Молотов стал относиться к нему все более критически, и их отношения, которые никогда не были особо близкими, становились все хуже. Как вспоминал позднее Хрущев, при всей своей интеллигентности Молотов был настолько ограничен и догматичен, что становилось просто жаль его⁶⁵. Хрущев настаивал на примирении с югославским лидером Иосипом Броз Тито, которого Сталин и Молотов в конце 1940-х годов исключили из числа социалистов. Для Молотова, как, по-видимому, и для многих советских людей, Тито оставался ренегатом и предателем, и подобный поворот вызывал большую настороженность. Также была напряженность и во внутренней политике. Молотов полагал, что амбициозный и дорогой проект Хрущева по освоению целины, направленный на то, чтобы превратить Казахстан в крупный зерновой регион, был «нелепым», по крайней мере, так он позднее утверждал⁶⁶. Что касается импульсивного решения Хрущева о передаче Крыма из Российской Федерации Украинской Республике в начале 1954 года, то, когда этот вопрос обсуждался на Президиуме, Молотов пробормотал, что это, конечно, неправильное предложение, «но, по-видимому, придется его принимать»⁶⁷.

На пленуме ЦК в июле 1955 года между Хрущевым и Молотовым произошли серьезные столк-

64. Kozlov et al., *Sedition*, p. 113–14, 121, 124–25, 143–44 (В. А. Козлов и др., *Крамолла*, с. 125–127, 135–136, 138–139, 157–159); РГАНИ, 5/30/140, л. 19; РГАСПИ, 82/2/1466, л. 93.

65. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 87.

66. Чуев, *Сто сопок бесед*, с. 346.

67. Shepilov, *Kremlin's Scholar*, p. 311 (русское издание: Шепилов, *Непримкнувший*, с. 306).

новения по вопросам внешней и внутренней политики. Хрущев обвинил Молотова в «желании подмять под себя Президиум» и в заскорузлых взглядах на международные отношения. «Почему бы вам не уйти в отставку, мы дадим вам хорошую пенсию», — взорвался Хрущев⁶⁸. Личные отношения окончательно разрушились, когда Хрущев стал упрекать жену Молотова за то, что она встречалась с послом США Чарльзом Боленом и его женой. В этом не было ничего нового, так как Полина, единственная из жен, общалась с послами и их женами с 1930-х годов, когда она принимала жену посла Джозефа Дэвиса на обеде на даче Молотова. Но Хрущев решил перейти в наступление: «Почему это жена министра открывает частный дипломатический салон и принимает всех, кто ей нравится. Вы — министр иностранных дел, но ваша жена не является вашим заместителем... Я должен сказать вам, Вячеслав Михайлович, что ваша жена оказывает вам медвежью услугу»⁶⁹. Хотя остальные члены команды также были критически настроены по отношению к Молотову из-за отсутствия у него гибкости в международных вопросах, Молотов устоял в этом раунде и оставался министром иностранных дел в течение еще одного года. В июне 1956 года его окончательно сместили, хотя, как и Маленков, он оставался членом Президиума. Его новая работа, куда он был назначен только через несколько месяцев после увольнения, была относительно незначительной должностью министра государственного контроля⁷⁰.

Сталинское наследие оставалось для общественности открытым вопросом. Хотя бериевская амнистия 1953 года не распространялась на политзаключенных, их начали освобождать из ГУЛАГа

68. Taubman, *Khrushchev*, p. 269.

69. Bromage, *Molotov*, p. 183–184.

70. Watson, *Molotov*, p. 257, 259.

в индивидуальном порядке в 1954 году. Жертвы — или, чаще, жены и дети высокопоставленных жертв — начали возвращаться, они обращались к отдельным участникам команды и просили помочь им добиться реабилитации и получить квартиры в Москве⁷¹. Дочь Рыкова Наталья, сосланная после ареста отца, когда она только что окончила университет, была одной из тех, кто вернулся в Москву в 1956 году. Ее мать умерла в тюрьме. Ворошилов и Молотов проигнорировали ее просьбы о помощи, но Микоян помог ей получить комнату в коммунальной квартире. Когда через несколько лет она столкнулась с Молотовым и Полиной в метро, то поприветствовала Полину, но не стала здороваться с Молотовым⁷². Джонни (Джон-Рид) Сванидзе, двоюродный брат Светланы Аллилуевой, тоже вернулся, теперь он носил простое русское имя Иван, или по-грузински Ваню; Хрущев помог ему получить квартиру⁷³.

Известный своей щедростью Микоян был завален обращениями и многим помог; с 1954 года он возглавлял официальную комиссию по реабилитации⁷⁴. Но всем членам команды, даже тем, у кого было каменное сердце, пришлось общаться с жертвами репрессий, со всеми болезненными воспоминаниями и чувством вины, которое сопровождало это общение. Дочь Аросева, друга Молотова, вернулась в 1955 году; Полина приняла ее тепло, а Молотов — прохладно. За ужином Полина упрекнула мужа, что он не помог Аросевым, но когда он молча встал и вышел из-за стола, она пожалела о своих словах и сказала Ольге Аросевой: «Он ничего

71. Stephen F. Cohen, *The Victims Return* (London: I. B. Tauris, 2011), p. 35–36.

72. Зенкович, *Самые секретные*, с. 338; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 415.

73. Там же, с. 406.

74. А. И. Микоян, *Так было*, с. 595–596; Cohen, *The Victims Return*, p. 90–91.

не мог сделать»⁷⁵. После смерти Сталина заключенные-евреи начали писать Кагановичу, надеясь найти в нем защитника, и в одном нетипичном случае он действительно принял меры. Исключение было сделано для Льва Александровича Шейнина, человека, которого он знал еще по дореволюционному подполью и который был арестован в связи с делом ЕАК. МГБ, как было предписано, освободило Льва Шейнина, но оказалось, что это был более известный Лев Романович Шейнин, главный следователь в московских показательных процессах 1930-х годов и успешный драматург, который был арестован в связи с делом Жемчужиной. Затем, когда Каганович указал на ошибку, «они выпустили правильного Шейнина»⁷⁶.

Бывшие ссыльные и заключенные возвращались и рассказывали шокирующие истории о пережитом. Некоторые вернулись как глашатаи, готовые публично обнародовать правду о сталинских репрессиях. Наибольшее влияние на команду оказали Ольга Шатуновская и Алексей Снегов — старые большевики, имевшие давние связи с несколькими членами команды, которые были арестованы в ходе больших чисток и освобождены после почти двадцати лет пребывания в ГУЛАГе.

Снегов был еще в заключении во время ареста Берии в 1953 году, но из лагеря ему удалось передать письмо с обличением преступлений Берии Микояну, который передал его Хрущеву. В результате Снегова привезли в Москву для дачи показаний на суде над Берией в декабре 1953 года (говорили, что Берия узнал его и крикнул: «Ты еще жив?!» — на что Снегов, также обращаясь к нему на «ты», ответил: «Паршиво работает твоя полиция»). Позже он ненадолго устроился на работу в МВД, куда его направил

75. Аросева, *Без грима*, с. 256–259.

76. ГАРФ, 5446/83/38, л. 98 (письмо Л. А. Шейнина); Чуев, *Так говорил Каганович*, с. 79; РГАНИ, 3/32/12, лл. 116–118.

Хрущев (который много консультировался с ним при подготовке обвинительной речи против Сталина в 1956 году), чтобы новые руководители МВД оставались честными⁷⁷. Микоян сказал, что Снегов и Шатуновская «на многое мне открыли глаза, рассказав о своих арестах и применяемых при допросах пытках, о судьбах десятков общих знакомых и сотнях незнакомых людей... Они сыграли огромную роль в нашем «просвещении» в 1954–1955 годах»⁷⁸.

Насколько команда действительно нуждалась в «просвещении» и сколь много они знали как сталинские соратники и соправители — это сложный вопрос. Если жертв следовало реабилитировать, то есть объявить невиновными, то кто же должен был нести ответственность за преследования невинных людей? Очевидно, это был Сталин, и команде было выгодно подчеркнуть, что виноват был он один, а все остальные ни при чем (это является основной причиной широко распространенного непонимания того, что команда при Сталине действительно имела значение). Покойного Берия также можно было безопасно обвинять в подстрекательстве Сталина к злодеяниям. Но такие люди, как Снегов, не были рады видеть, как общники освобождаются от ответственности. Обвинения в подстрекательстве Сталина к совершению злодеяний были уже в деле Берии, и Хрущев начинал видеть политические преимущества в распространении подобных обвинений на других членов команды. Вопрос о роли Маленкова был поднят в ходе конфликта, который привел к его замене на посту главы правительства в 1955 году, Молотов и Каганович, как главные приспешники Сталина в 1930-х годах, были на очереди.

77. Жорес Медведев, *Никита Хрущев* (Москва, 2013), с. 155–158; А. И. Микоян, *Так было*, с. 589–590; текст письма Снегова: *Политбюро и дело Берия*, с. 997–1002.

78. А. И. Микоян, *Так было*, с. 589–590.

По словам его сына, Хрущев думал о проблеме противодействия преступлениям Сталина еще летом 1953 года, когда спросил нового генерального прокурора СССР Романа Руденко, можно ли верить показательным судебным процессам 1930-х годов, и Руденко сказал, что нельзя⁷⁹. Но эта цель была сопряжена с большим риском. Команда, коллективно и индивидуально, была замешана в сталинских репрессиях. Это относилось даже к Хрущеву, который позже сделал заявление о своей невинности в репрессиях и непричастности к ним ключевым моментом в своих автобиографических записях, хотя он действительно был менее уязвим, чем большинство других. Обостряющаяся напряженность между членами команды в связи с этим вопросом подтверждается тем, какой шум поднялся, когда в конце 1956 года Микоян на основании обвинений Ольги Шатуновской доложил Президиуму, что ленинградский НКВД, а значит, и Сталин, виновен в смерти Кирова⁸⁰. Даже без каких-либо веских доказательств, подтверждающих это, само обвинение было политическим взрывом. Ворошилов закричал, что это ложь, Молотов предложил более спокойное опровержение, но Хрущев сказал, что это плохо пахнет и необходимо расследование. Была создана комиссия по расследованию сталинских репрессий, ее возглавил Петр Поспелов, секретарь ЦК, который в 1940-х годах был редактором «Правды»⁸¹.

После месячной интенсивной работы в архивах Поспелов, хотя он и был известен как несгибаемый сталинист, составил сокрушительный доклад на семидесяти страницах, в котором обвинял непосредственно Сталина в развязывании больших чисток и применении пыток во время допросов,

79. С. Хрущев, *Никита Хрущев: рождение сверхдержавы*, с. 71.

80. Lenoë, *Kirov Murder*, p. 568–569, 607–608, 627.

81. Молотов, Маленков, Каганович, 1957, с. 80.

но также прямо заявил, что другие члены Политбюро, кроме Сталина, видели копии протоколов допросов и знали о пытках. В отчете говорится, что между 1935 и 1940 годами почти два миллиона человек были арестованы за антисоветскую деятельность, а 688 503 человека были расстреляны⁸². Хрущев «пришел в ужас», когда появился этот отчет. Как писал его сын, «он ожидал разоблачений, но такого...»⁸³ «Факты были настолько ужасающими, — вспоминал позже Микоян, — что в особенно тяжелых местах текста Поспелову было трудно читать, один раз он даже разрыдался»⁸⁴.

Откровения из отчета Поспелова стали «для многих из нас совершенно неожиданными», — написал в своих мемуарах Хрущев. И тут возникает вопрос, уже политический, а не исторический: кто был удивлен больше всех, то есть кто был наименее виновным? По словам Хрущева, Маленков, отвечавший во время больших чисток за кадры, был замаран больше других, хотя и не как инициатор, а как исполнитель, а Молотов и Ворошилов были лучше всех осведомлены об истинных размерах и причинах сталинских репрессий. Хрущеву так думать было удобно, поскольку Маленков и Молотов были двумя его самыми значительными политическими противниками⁸⁵. Но чтобы убедиться, что сам Хрущев не откажется от разоблачения преступлений Сталина, Снегов предупредил его: «Либо вы расскажете об этом на предстоящем съезде, либо сами окажетесь под следствием»⁸⁶. В этом предупреждении содержался намек на шантаж. «Расска-

82. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, p. 42; А. И. Микоян, *Так было*, с. 592; Fedor Burlatsky, *Khrushchev and the First Russian Spring* (New York: Charles Scribner, 1988), p. 102–105; Shepilov, *Kremlin's Scholar*, p. 133–134.

83. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 264.

84. Taubman, *Khrushchev*, p. 279.

85. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 345.

86. Taubman, *Khrushchev*, p. 278 (цитирует Серго Микояна).

зять об этом», то есть вопрос гласности был еще одной большой проблемой, которая становилась все более острой в связи с приближением XX съезда партии, назначенного на февраль 1956 года. Если в результате расследований Пospelова будут раскрыты ужасные вещи (а все, конечно, понимали, что они будут раскрыты), что из этого следует сказать партии, стране и миру?

По докладу Пospelова 9 февраля 1956 года в Президиуме прошла напряженная дискуссия. По версии Хрущева, он был единственным докладчиком (но в официальном протоколе также значится Микоян). Пospelов страстно утверждал, что невозможно игнорировать зло прошлого и держать невиновных людей в лагерях и ссылке. Ворошилов, по версии Хрущева, яростно напал на него, его поддержал Каганович, который сказал, что доведение доклада Пospelова до съезда будет иметь ужасные последствия для престижа партии и страны. «Этого же в секрете не удержишь. И нам тогда предъявят претензии. Что мы скажем о нашей личной роли?» Хрущев благородно ответил, что, если преступления совершены, нужно быть готовым взять на себя ответственность, и он сам готов сделать это в случае необходимости, выступив перед съездом от своего имени. Таким образом, он фактически снимал с себя ответственность и перекладывал ее на других. После этого все неохотно согласились с тем, что на съезде нужно выступить с речью, и Хрущев (с показным нежеланием) позволил возложить эту обязанность на него⁸⁷.

В официальном протоколе нет упоминаний о возражениях против выступления на съезде, за которое в конечном итоге проголосовали все присутствующие, но указывается, что у членов команды были разные представления о том, что именно следует рассказать. Молотов хотел, чтобы в доклад во-

87. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 347-350.

шли как достижения Сталина, так и его преступления. Микоян считал, что повествование должно быть таким: «До 1934 года [Сталин] вел себя как герой, после 1934 года он совершал ужасные вещи», но задавался вопросом, «можно ли ему простить то, что он делал в сельском хозяйстве» (то есть эксцессы в коллективизации). Маленков был против разделения на до 1934 года и после, так как это бы означало, что вся его совместная работа со Сталиным проходила в «плохой» период, и рекомендовал сосредоточиться на культе личности, который позволил бы им «действительно вернуться к Ленину». Победила в конце концов именно концепция культа личности — «концентрации власти в руках одного человека. В нечистых руках»⁸⁸.

Позже Микоян не без основания сожалел, что Хрущев приписал себе все заслуги в принятии решения честно обо всем рассказать. На самом деле первым на съезде этот чувствительный вопрос затронул Микоян, который сказал: «В нашей партии после долгого перерыва создано коллективное руководство»⁸⁹. Но именно речь Хрущева, произнесенная в последний день работы съезда, потрясла делегатов и весь мир. Речь Хрущева была длинной, она основывалась на докладе Поспелова, произносил ее Хрущев в своей неподражаемой простонародной манере от имени всего Президиума — и эта речь произвела эффект разорвавшейся бомбы. Хрущев представил дело таким образом, что Президиум из расследования комиссии Поспелова только узнал, что имели место ужасные злоупотребления, что Сталин действовал от лица Центрального комитета, но на самом деле не советовался ни с ним, ни с Политбюро. Когда он объявил, что 70 про-

88. Президиум ЦК КПСС, 1954–1964, т. 1, с. 99–103.

89. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956), т. 1, с. 302.

центров членов и кандидатов в члены Центрального комитета, которые были избраны на съезде партии в 1934 году, в течение пяти лет, прошедших до следующего съезда, были арестованы и расстреляны, в зале случился шок. Он отдельно назвал имена пяти расстрелянных членов Политбюро — Рудзутака, Эйхе, Постышева, Косиора и Чубаря, также сказал о расстрелянных военных руководителях, о «ленинградском деле» и об ошибках Сталина в военное время. Еще более тревожным было заявление, что не все ясно с убийством Кирова и что это дело нужно расследовать снова. К концу сталинской эпохи, по словам Хрущева, жизни всех членов команды оказались под угрозой. Действительно, «если бы Сталин еще несколько месяцев находился у руководства, то на этом съезде партии товарищи Молотов и Микоян, возможно, не выступали бы». Потрясенные слушатели молчали⁹⁰.

В истории это выступление получило название «Закрытый доклад»: по соглашению с более реакционными членами команды в советской прессе о нем не сообщали. Но даже если не учитывать тот факт, что ЦРУ получило текст доклада и предало его гласности, в Советском Союзе он тоже был известен, поскольку в последующие недели его зачитывали на партийных собраниях по всей стране. Эффект был сильным, но неоднозначным. Меньшинство, в котором преобладали студенты и интеллигенция, были поражены тем, что они услышали, но при этом приветствовали решение Хрущева нарушить табу и сказать то, о чем раньше молчали.

90. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 559–618; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, 43; Taubman, *Khrushchev*, p. 280–281; Shepilov, *Kremlin's Scholar*, p. 391–392; С. Хрущев, *Никита Хрущев: рождение сверхдержавы*, с. 76. Проект, представленный Поспеловым и Аристовым 18 февраля 1956 (РГАНИ, 52/1/169, лл. 1–28) касался в основном террора 1937 года, Хрущев внес существенное дополнение по военному и послевоенному периоду (там же, лл. 29–63).

Значительно больше было таких (по крайней мере, из тех, кто публично высказывал свое мнение), кто были возмущены или пребывали в замешательстве, особенно их недовольство вызывала критика действий Сталина во время войны⁹¹. Верные партийцы негодовали на Молотова и упрекали его в том, что он позволил Хрущеву и Микояну клеймить Сталина: «Хрущев и его друзья уничтожат дело коммунизма... Нужно, чтобы Хрущев и его друзья как можно скорее ушли в отставку. Руководить должны те, кто работал с Лениным и Сталиным [подчеркнуто красным]. Мы ждем, что вы возьмете руководство партией в свои руки, товарищ Молотов»⁹². В Грузии свержение с престола сына грузинского народа вызвало бурю негодования. Чтобы рассеять толпы возмущенных людей, пришлось вызвать танки, на улицах Тбилиси демонстранты несли плакаты, призывающие Молотова взять на себя руководство страной⁹³.

Грузия была особым случаем, в целом же после речи Хрущева народ в Советском Союзе на улицы не вышел. В странах советского блока дело обстояло иначе, легитимность просоветских режимов была там под вопросом. Начатая Хрущевым десталинизация спровоцировала особенно сильную нестабильность в Польше и Венгрии. Польский руководитель Болеслав Берут прочитал доклад Хрущева в московской больнице, где он лечился от пневмонии, у него случился сердечный приступ, и он скончался, что привело Польшу в состояние кризиса, который продолжался несколько месяцев. В Венгрии давнее соперничество между Матиасом Ракоши и Имре Надем закончилось ниспровержением Надея, который был несколько более

91. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 277; Jones, *Dilemmas of De-Stalinization*, p. 41–63, 65.

92. РГАСПИ, 82/2/1466, лл. 111, 99, 93.

93. РГАНИ, 5/30/140, лл. 52–55.

либеральным, чем его оппонент, но ситуация оставалась нестабильной. Весть о секретном докладе Хрущева вызвала раскол среди коммунистов и воодушевила тех, кому не нравились просоветские режимы в их странах. Советские руководители несколько месяцев с тревогой наблюдали за ухудшением ситуации. Ситуация в Польше первой, с точки зрения членов команды, достигла критической точки, когда польская сторона решила, что преемником Берута станет Владислав Гомулка, его давний противник, только недавно освобожденный из тюрьмы, который тут же предложил уволить с поста министра обороны маршала Константина Рокоссовского (советского назначенца, хотя и поляка по происхождению). «Антисоветские... силы захватывают власть», — с тревогой сообщил советский посол в Варшаве⁹⁴.

Советские лидеры, и так неуверенные в том, как справиться с кризисом, были настолько обеспокоены, что практически вся команда — Хрущев, Булганин, Молотов, Микоян и Каганович вместе с маршалами Жуковым и Коневым (командующий силами Варшавского договора) — полетели вместе, без приглашения, в Варшаву. Прошел всего год с тех пор, как с членов Политбюро были сняты ограничения на путешествия на самолете⁹⁵, и поездка, безусловно, была демонстрацией того, что советское руководство остается коллективным. К счастью, их самолет не упал, иначе единственным оставшимся в живых членом команды остался бы Ворошилов. По решению Президиума советские войска уже начали продвигаться в направлении Варшавы, но в последний момент кризис был предотвращен: Гомулке удалось убедить Хрущева (которого он с того дня считал своим другом) отдать приказ

94. Taubman, *Khrushchev*, p. 289–294; С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 289.

95. См. гл. 7.

остановить их. Хрущев сделал это по собственной инициативе, заставив Молотова и Кагановича, которые очень подозрительно относились к Гомулке, критиковать себя за превышение полномочий и нарушение норм коллективного руководства⁹⁶.

На следующей неделе взорвалась ситуация в Венгрии, повстанцы в Будапеште обратили в бегство полицию, Запад их приветствовал, и 23 октября Жуков доложил Президиуму, что в Будапеште проходит демонстрация в сто тысяч человек и горит радиостанция. «Если Надь будет предоставлен сам себе, Венгрия отпадет», — сказал Молотов⁹⁷. За исключением Микояна, вся команда плюс маршал Жуков согласились с тем, что на этот раз советские войска следует отправить, но Микоян не соглашался, хотя остался в меньшинстве один. Венгерское правительство пало, и 24 октября советские войска и танки вошли в Будапешт. Очевидно, они надеялись, что само их присутствие стабилизирует ситуацию, поскольку Микоян и секретарь ЦК Михаил Суслов были одновременно с этим отправлены на переговоры. На следующей неделе члены команды пребывали в сомнениях: «Я не знаю, сколько раз мы меняли свое мнение», — сказал позже Хрущев⁹⁸. Микоян не колебался и был последовательно против использования советских войск⁹⁹, и в какой-то момент вся группа, включая Молотова и Кагановича, решила вывести войска, очевидно, из-за беспокойства, связанного с таким наглым навязыванием советской власти народам Восточной Европы, которые явно проявляли к ней враждебность. Но затем от находившихся в Будапеште Микояна и Сус-

96. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 290–291.

97. “The ‘Malin Notes’ on the Crises in Hungary and Poland, 1956,” *Cold War International History Project Bulletin*, nos. 8–9 (winter 1996–1997), p. 389–391 (цитата Молотова, p. 389).

98. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 418.

99. А. И. Микоян, *Так было*, с. 598.

лова пришло сообщение о том, что Надь заговорил о необходимости вывести Венгрию из Варшавского договора, и мнение снова изменилось. Ворошилов, старый друг свергнутого венгерского лидера Ракоши (предшественника Надя), был взбешен из-за того, что Микоян выступил против применения силы: американская секретная служба работала в Будапеште лучше, чем он, в ярости заявлял Ворошилов. Хрущев, Булганин, Маленков и даже Каганович возражали против его нетоварищеских комментариев, но их отношение к применению силы становилось все более жестким¹⁰⁰.

На заседании Президиума 28 октября Каганович впервые использовал термин «контрреволюция». Хрущев повторил его в своих мемуарах и, возвращаясь к старой большевистской риторике, заявил, что венгерский рабочий класс отказался поддержать контрреволюцию, но во время событий его язык был более прагматичным¹⁰¹. Чего он боялся вместе со всей остальной командой, так это того, что правительство Надя падет, что приведет к кровопролитию, которое закончится переходом Венгрии в западную сферу влияния, и что эта зараза будет распространяться по всему советскому блоку. Решение об энергичных военных действиях было принято 31 октября, Микоян по-прежнему оставался в меньшинстве и настолько разозлился, что подумал о выходе из Президиума. (Он никогда не говорил публично о своем инакомыслии, и оно оставалось неизвестным до 1970-х годов, когда мемуары Хрущева были опубликованы на Западе.) Когда советским войскам и танкам был дан зеленый свет, им потре-

100. Mark Kramer, "New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises," *Cold War International History Project Bulletin*, nos. 8–9 (winter 1996–1997), p. 366–369; Taubman, *Khrushchev*, p. 296.

101. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 292; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 417.

бовалось меньше недели, чтобы сокрушить венгерскую революцию, ценой тысяч венгерских жизней и сотен советских. Двести тысяч венгров, известных на Западе как «борцы за свободу», бежали через границу, и «Венгрия-1956» стала вехой в холодной войне, к деэскалации которой команда стремилась.

Во время кризиса команда в разумной степени поддерживала командный дух, но в результате у ее членов накопилось сильное раздражение. Молотов и Хрущев в ноябре на Президиуме яростно спорили по поводу Венгрии, Хрущев и его сторонники называли Молотова догматическим сталинистом, чьи идеи были «пагубными», и обвиняли Кагановича в «жадности»; они оба перешли на крик и личные оскорбления, что спровоцировало обычно флегматичного Молотова сказать Хрущеву, что ему «следует замолчать и перестать быть таким властным»¹⁰². Хрущев был сильно потрясен событиями в Венгрии, так как советская интервенция полностью противоречила обещаниям реформ, прозвучавшим на XX съезде партии, а также спровоцировала рабочие беспорядки и отчуждение интеллигенции в Советском Союзе. Но вместо того чтобы сделать его более осторожным и склонным к компромиссу с коллегами, это потрясение, казалось, имело противоположный эффект. За границей Хрущева все больше воспринимали как реального лидера Советского Союза, и он начал думать о себе как о новом хозяине страны, давая интервью иностранным СМИ и высказываясь о внешней политике, не согласовывая это заранее с командой. Он продолжил радикальную реформу системы управления, к которой его коллеги относились скептически, и давал экстравагантные обещания догнать Соединенные Штаты в сфере производства потребительских товаров, хотя его коллеги и экономические советники считали эти обеща-

102. Kramer, "New Evidence," p. 376.

ния нереальными. Отношения с Китаем ухудшились, и освоение целинных земель, которое так хорошо началось, казалось, двигалось к катастрофе. По мнению Кагановича, после XX съезда партии «последние остатки былой некогда скромности Хрущева исчезли»¹⁰³.

Все чаще команда чувствовала, что Хрущев неуправляем. Список его импульсивных поступков удлинялся. В мае 1957 года, чтобы наладить отношения с интеллигенцией, у Хрущева возникла идея пригласить около трехсот светил из московского литературного и художественного мира, коммунистов и некоммунистов, вместе с членами команды на щедрый пикник на бывшей сталинской даче в Семеновском, в ста километрах от Москвы. Этот пикник превратился в катастрофу: Хрущев разглагольствовал перед писателями и нарушал все правила, рассказывая им о своих разногласиях с Молотовым на Президиуме. Последней каплей была резкая ссора с двумя пожилыми писательницами, которым он угрожал, что «сотрет их в порошок» (одна из них «ткнула ему под нос свой слуховой рожок и, как все глухие, закричала: „Скажите мне, почему в Армении нет масла?“»). Празднику помешала гроза, проливной дождь чуть не обрушил тент, но Хрущев продолжал разглагольствовать¹⁰⁴. «Недаром говорится: „Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке“», — так прокомментировал это Каганович¹⁰⁵.

После этого, как вспоминал Микоян, напряженность в Президиуме «стала просто невыносимой»; даже он, в основном сторонник Хрущева, критиковал его поведение во время приема на даче¹⁰⁶. Моло-

103. Каганович, *Памятные записки*, с. 510–515.

104. Taubman, *Khrushchev*, с. 309–310; С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 417–421 (спрашивала Мариэтта Шагинян).

105. Каганович, *Памятные записки*, с. 515.

106. Цит. по: Taubman, *Khrushchev*, р. 310; Молотов, Маленков, Каганович, 1957, с. 145.

тов и Каганович были возмущены тем, что Хрущев рассказывал беспартийным об их разногласиях¹⁰⁷, и на следующий день Молотов, Каганович, Булганин и Маленков встретились в кабинете Булганина, чтобы обсудить, как обуздать Хрущева и, возможно, даже избавиться от него¹⁰⁸. «Это же невыносимо», — сказал Ворошилов бывшему протезе Хрущева Шепилову в середине июня, Хрущев «всех оскорбляет, всех унижает, ни с чем не считается»¹⁰⁹. 16 июня команда собралась у Хрущевых на свадьбу их сына Сергея, но атмосфера была напряженной. Обычно мягкий Булганин взорвался от гнева, когда Хрущев в шутку прервал его тост. Маленковы опоздали, выглядели мрачно; и «как только ужин закончился», Молотов, Маленков, Каганович и Булганин демонстративно покинули свадьбу и отправились на дачу Маленкова по соседству¹¹⁰. На заседании Президиума 18 июня Молотов и другие стали упрекать Хрущева, Молотов отбросил последние три года дружбы и снова стал обращаться к Хрущеву на «вы». Все закончилось криком¹¹¹.

То, что произошло потом, впоследствии описывали как заговор или как упреждающий удар. Именно антихрущевская группа — Маленков, Ворошилов, Каганович, Молотов и Булганин, главную роль в которой играл Молотов, взяла инициативу в свои руки. Позже цитировали Маленкова, который сказал, что Хрущев расправится с ними, если они раньше не расправятся с ним. Первоначально они имели большинство в Президиуме. Хрущеву пришлось выслушать множество упреков по поводу его ошибочных суждений, нестабильно-

107. Молотов, Маленков, Каганович, с. 59, 103–104.

108. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 421.

109. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 388 (Ворошилов, которого, вероятно, тоже бы пригласили, находился в Индонезии).

110. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 431.

111. Там же, с. 439–440.

го поведения и неспособности консультироваться с остальными членами команды, как того требовало коллективное руководство, и сначала Хрущев принялся извиняться. Был поднят вопрос об отстранении Хрущева от должности первого секретаря партии, а также было общее мнение, что необходимо уволить главу службы безопасности Хрущева Ивана Серова, которого команда считала работающим на него лично, а не на них¹¹². (Булганин и другие жаловались, что он прослушивает их телефоны¹¹³.) Но было неясно, каковы цели антихрущевской группировки. Возможно, как позже писал член ЦК Дмитрий Шепилов, это был скорее «взрыв» коллективного недовольства, чем четко сформулированная политическая акция¹¹⁴.

Хотя большая часть старой команды была настроена против Хрущева и судьба Хрущева «висела на волоске», по мнению Микояна, баланс сил в более широком партийном руководстве был не столь ясен. Хрущев пользовался поддержкой секретарей и кандидатов в члены ЦК, которых не было на первом заседании, и предполагалось, что большинство членов ЦК, состоящее в значительной части из региональных секретарей, назначенных Хрущевым, поддержат его. Не менее важным было то, что на стороне Хрущева был Микоян, который признавал его недостатки, но считал, что победа молотовцев будет означать конец десталинизации. Именно Микоян и спас Хрущева. Его умная тактика затягивания вопроса дала Хрущеву время собраться и начать контратаку, блестящую импрови-

112. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 448, 454; А. И. Микоян, *Так было*, с. 607–609; Молотов, Маленков, Каганович, 1957, с. 64.

113. Шепилов, *Непримкнувший*, с. 393–394.

114. А. И. Микоян, *Так было*, с. 597–599; Шепилов, *Непримкнувший*, с. 392–397; С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 439–451; Каганович, *Памятные записки*, с. 510–515.

зацию, которая, как и его переворот против Берии в 1953 году, нарушила все правила.

Маршал Жуков еще раз стал ключевым игроком (хотя сначала он колебался, поскольку, как и все остальные, критично относился к некоторым эксцессам Хрущева). Другим ключевым игроком стал верный Серов, знавший, что критики жаждут его крови. Хрущев, как позже писал его сын, сожалел о том, что за помощь в борьбе против своих коллег ему пришлось обратиться к милиции и военным, но что он мог сделать? Они замыслили против него недоброе. Ответный ход Хрущева состоял в том, чтобы заставить своих сторонников в Центральном комитете потребовать созыва срочного пленарного заседания ЦК для разрешения споров, возникших в Президиуме. Кроме того, на стороне Хрущева был КГБ, а военные предоставили самолеты для экстренной доставки в Москву членов ЦК из любых отдаленных частей страны, где бы они ни были. Так, руководитель партии одной из среднеазиатских республик Нуриддин Мухитдинов осматривал овец в Ферганской долине, когда его вызвали в Москву. Все они прилетели, и к 22 июня, когда собрался пленум ЦК, оппоненты Хрущева, для которых было придумано новое и зловещее название «антипартийная группа», были вынуждены отступить¹¹⁵.

Последовавшее за этим заседание ЦК длилось восемь дней, и это был зрелищный матч. Хрущев захватил контроль над повесткой дня и с блеском превратил ее из критики своих ошибок в возбужденное и зачастую злобное обсуждение ответственности за преступления сталинского периода, в которых он обвинял Молотова, Маленкова и Кагановича. По «ленинградскому делу» Хрущев жестоко напал на Маленкова: «Ваши руки покрыты кровью,

115. Taubman, *Khrushchev*, p. 319–320; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Last Testament*, p. 14; С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 455–457.

Маленков; ваша совесть нечиста; вы мерзкий человек». Молотов и Каганович попали под сильный огонь обвинений в особой ответственности за террор, потому что они были ближайшими соратниками Сталина. Жуков сказал, что Молотов превратился в «партийного барона»; другой сторонник Хрущева критиковал Молотова за то, что он ставил себя выше других и позволял себе всех поучать, как будто он один имел доступ к истине («...это такая роль, как, например, в пьесах Корнейчука», — неожиданно добавил он, демонстрируя, что почтение к литературе не ушло вместе со Сталиным). Хрущев сказал, что гибельная внешняя политика Молотова объединила против них весь капиталистический мир¹¹⁶.

Ворошилов, которого, как и Молотова, и других, очень возмущал ярлык «антипартийный», был единственным из подвергнутых критике членов команды, кто относительно легко отделался. Он виновато признал, что не видит никакого вреда в товарищеской критике Хрущева; он знает Молотова и Кагановича очень давно и не думает, что такие умные люди могут замышлять что-то против партии — их, должно быть, охватило какое-то временное безумие. Его слабые шутки вызвали смех, и Жуков и другие в хрущевском лагере жестами поддерживали его и говорили, что он (в отличие от других) человек принципиальный. У Хрущева не было особой личной привязанности к старику. «Что важно, так это имя Ворошилова; он имеет вес, поэтому его пришлось вытащить из этой компании», — объяснил он позже. Булганин быстро отступил под непрекращающейся критикой пленума, и его шкура вместе со шкурой Ворошилова была спасена, по крайней мере, хотя впоследствии они были отстранены от руководства, им удалось избежать публичного

116. *Молотов, Маленков, Каганович, 1957*, с. 322 (цитата Хрущева), 108 (цитата Жукова), 183 (цитата Аристова о Корнейчуке).

унижения и сохранить свое членство в Президиуме. Для этого была, конечно, веская политическая причина: если бы Ворошилов и Булганин (вместе со своими младшими коллегами по Президиуму Первухиным и Сабуровым) были названы членами «антипартийной» группы, стало очевидно, что против Хрущева действительно большинство членов Президиума.

В конце концов Каганович и Маленков нехотя признались в участии в «заговоре»; Каганович попросил прощения, а Маленков продолжал отстаивать свое право на критику. Молотов, демонстрируя перед обвинителями «жесткость и апломб», вел себя наиболее вызывающе и в своем последнем заявлении настаивал на том, что Хрущев действительно нарушил принципы коллективного руководства, при этом он признал, что в своих предыдущих критических выступлениях погорячился. Молотов настаивал на том, что был «честным коммунистом», что его действия можно было бы назвать групповщиной (чуть получше, чем фракционность), но уж точно не заговором. Он был единственным из предполагаемых заговорщиков, который воздержался от голосования за резолюцию, осуждающую их. О поражении антипартийной группы, в которую для широкой публики были записаны Маленков, Каганович и Молотов вместе с редактором «Правды» Дмитрием Шепиловым, было объявлено в советской прессе в начале июля. В заявлении говорилось, что группа использовала фракционные методы и выступала против линии партии по важным вопросам и ее участников следовало исключить из ЦК и Президиума. В отредактированной публичной версии вопрос о вине за репрессии, который был центральным в фактическом обсуждении, даже не упоминался¹¹⁷.

117. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 450, 458–459, 473; Молотов, Маленков, Каганович, 1957, с. 66, 72–76, 166–167, 395–406, 423–425; Taubman, *Khrushchev*, p. 313–314, 324;

Признаки борьбы в верхах всегда вызывали неодобрительные комментарии на низовом уровне, и, кроме того, Хрущев не был особенно популярен в стране. Интеллигенция считала его грубым; народ был недоволен его широко известными зарубежными поездками и приемами для иностранных гостей («организация банкетов на народные деньги»¹¹⁸), а некоторые даже подозревали, что он стремится к диктатуре. Таким образом, на восторженное одобрение изгнания антипартийной группы рассчитывать не приходилось. Один из редких положительных откликов пришел в газету «Правда» от анонимного автора, который приветствовал это как давно назревшее событие для любителей евреев (должно быть, редактору «Правды» Шепилову доставило напоследок некоторое удовольствие передать это письмо членам Президиума с просьбой обратить внимание на прискорбный антисемитский тон)¹¹⁹. Но в целом те люди, которые писали письма в «Правду» и в Центральный комитет — обычно идейные граждане, остающиеся в рамках советского дискурса, — были обеспокоены этим внезапным изгнанием старых большевиков, которые столько сделали для своей страны, и, кроме того, рассматривали это как отступление от движения к большей политической открытости и демократии после смерти Сталина. «Почему Молотову, Кагановичу и Маленкову не дают возможности высказать свое мнение в прессе?» — спрашивали некоторые корреспонденты. Другие критиковали ритуалы единодушного осуждения в партии: «Сегодня они выгнали Молотова — мы одобряем. Завтра они изгонят

Veljko Mićunović, *Moscow Diary* (Garden City, NY: Doubleday, 1980), p. 271 (цитата Хрущева); Watson, *Molotov*, p. 267; Шепилов, *Непримкнувший*, с. 397–398; *Правда*, 4 июля 1957, с. 1–3.

118. РГАНИ, 5/3/189, лл. 74–75.

119. РГАНИ, 3/22/189, л. 51; РГАНИ, 3/22/189, лл. 53–62; РГАНИ, 5/3/189, лл. 74–75.

Хрущева — и мы тоже согласимся?» По мнению одного гражданина, ЦК единогласно проголосовал против Молотова, потому что его члены были подкуплены: «Они получают [зарплаты] 20–30 000 рублей, а я прожил сорок три года и сорок из них голодал»¹²⁰.

В негласном мире общественного мнения, выразившегося в незаконных листовках и надписях на стенах, реакция была особенно негативной и часто была связана с резким негодованием по поводу привилегий элиты. Это отражало разочарование, связанное с тем, что обещанное экономическое улучшение, казалось, застопорилось. Теперь, когда опальные руководители присоединились к сообществу жертв, среди недовольных они приобрели ореол мучеников, хотя сами по себе не обязательно были популярны: «Молотов и Маленков старые работники, многое они сделали для народа, но их прижали к ногтю», «Маленков хотел дать жить народу», «Выходит, что Молотова и других сняли с поста за заботу о народе». Даже Каганович, к которому, как к еврею, в народе обычно относились плохо, теперь стал вызывать сочувствие¹²¹.

Ни общественности, ни партийной элите еще не было ясно, насколько решительной была эта политическая победа. В конце концов, проигравшие сохранили свое членство в партии и работу в правительстве (как и Маленков в 1955 году) и могли еще взять реванш. Оглядываясь назад, однако, можно увидеть, что это было концом эпохи. 8 июля 1957 года собрался совершенно новый Президиум, уцелели только четыре из одиннадцати участников предыдущего собрания (предплenums), зато появилось семь новых лиц — сторонников Хрущева, в том числе и Леонид Брежнев. Из старой коман-

120. Аксютин, *Хрущевская «оттепель»*, с. 225–237.

121. Kozlov et al., *Sedition*, p. 114–15, 134 (В. А. Козлов и др. *Крамолла*, с. 128, 146–148)

ды только Хрущев и Микоян остались ключевыми игроками, хотя потускневшие Булганин и Ворошилов все еще сохраняли членство¹²². Но сейчас настало время Хрущева; возможно, руководство все еще оставалось коллективным, но оно уже не было коллективным руководством членов команды. Команда пережила Сталина более чем на четыре года и осуществила успешный переход, на который мало кто осмелился бы надеяться в страшную зиму 1952–1953 годов. Но теперь, после удивительного марафона длиной почти в тридцать лет, ее время закончилось.

122. Президиум ЦК КПСС, 1954–1964, т. 1, с. 258–259.

ГЛАВА 10

Конец пути

ХРУЩЕВ «особенно гордился» тем, что в 1957 году, впервые в российской истории, политический переворот не повлек за собой репрессий против побежденных¹. С его точки зрения, это был важный положительный прецедент. Семь лет спустя он также будет свергнут — бескровно и на этот раз полностью законно, на смену ему придет новое руководство, также считающее себя коллективным, во главе с Леонидом Брежневым и Алексеем Косыгиным². Хрущев не был последним из команды, покинувшим политическую сцену. Эта честь досталась Анастасу Микояну, великому мастеру по выживанию в советской политике. Хрущев убедил его попробовать превратить Верховный Совет в нечто более демократичное, похожее на европейский парламент; Микоян возглавил этот орган и занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета до конца 1965 года. Он ушел в отставку с соответствующими почестями в возрасте семидесяти лет, после почти сорока лет непрерывного пребывания у власти. Это произошло более чем через год после отставки Хрущева в октябре 1964 года³.

1. С. Хрущев, *Никита Хрущев: реформатор*, с. 474–475.

2. Susanne Schattenberg, “Collective Leadership and Familiarity in the Politburo: Brezhnev’s Scenario of Power,” forthcoming in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*.

3. А. Сушков, *Президиум ЦК КПСС, 1957–1964 гг. Личности и власть* (Екатеринбург: УрО РАН, 2009), с. 236–238.

Судьба антипартийной группы после ее политического поражения и исключения из Президиума поначалу была достаточно благополучной. Все трое утратили членство в Президиуме и ЦК, а городу Молотову на Урале вернули старое название Пермь. Но они сохранили членство в партии и все получили работу, хотя Молотов и Каганович, которым было шестьдесят семь и шестьдесят два года соответственно, могли бы просто уйти на пенсию. Их новые должности были не перворазрядными и не в Москве. Молотов получил должность посла в Монголии и со своей обычной добросовестностью принялся за работу; его любили сотрудники посольства и чествовали монголы, которые гордились тем, что к ним приехал такой знаменитый человек. Короче говоря, у него все получалось слишком хорошо, поэтому после нескольких месяцев работы в Улан-Баторе ему были организованы различные унижения, чтобы напомнить местным жителям, что он в полуопале. Затем, в 1960 году, его отправили в Вену в качестве советского сопредседателя Комиссии по атомной энергии, где он снова много работал и заслужил уважение своего персонала⁴.

Кагановича послали на Урал, возглавлять горнообогатительный завод в промышленном городе Асбесте, он справлялся плохо и издевался над подчиненными. Всякий раз, когда на заводе происходил несчастный случай, Каганович в истинно сталинском стиле начинал охоту на вредителей⁵. В начале 1950-х Маленков получил аналогичную должность в Казахстане, где руководил гидроэлектростанцией (первоначально он учился на инженера-электрика). Как и Молотов, он много работал и преуспел, зарекомендовав себя как «либеральный» директор. Он подружился с людьми и настолько погрузился

4. РГАНИ, 5/3/189, лл. 85–92; Mićunović, *Moscow Diary*, p. 348–350; Watson, *Molotov*, p. 269; Медведев, *Окружение Сталина*, с. 50.

5. Медведев, *Окружение Сталина*, с. 215.

в местную жизнь, что был избран делегатом на региональную партийную конференцию. Это очень раздражало Хрущева, и Маленкову был объявлен выговор за «стремление к дешевой популярности». Затем его перевели из Усть-Каменогорска в Экибастуз и назначили директором другой, более мелкой электростанции, где в течение десяти лет они с женой жили в одиночестве, под явным надзором КГБ, и боялись, что если подружатся с кем-нибудь, то привлекут на них неприятности⁶.

Булганин хотя и не был официально в опале, тем не менее готовился к уходу, на посту председателя Совета министров его сменил Хрущев, который, таким образом, стал главой не только партии, но и правительства. Это произошло в марте 1958 года, а через шесть месяцев Булганин покинул Президиум. Маленков вышел на пенсию в 1960 году, незадолго до своего шестидесятипятилетия. Ворошилов, которому было уже почти восемьдесят лет, ушел из Президиума и с поста председателя Верховного Совета в том же году. О Булганине, который в общественном сознании был связан с дорогими хрущевскими зарубежными поездками, никто особенно не жалел, но Ворошилов, легендарный полководец, которого люди воспринимали как своего дядю или дедушку, сохранил народную любовь⁷.

Хотя Хрущев изначально намеревался относиться к своим бывшим коллегам с уважением, у него это не получилось. В 1961 году, во время второй волны десталинизации, когда было принято решение убрать тело Сталина из Мавзолея, антипартийная группа, включая Ворошилова, вновь подверглась нападению. «Некоторые звезды, которые очень далеки от Земли, похоже, продолжают сиять, хотя они уже давно перестали существовать», — пренебрежительно сказал Хрущев, обвинив их в том,

6. Маленков, *О моем отце*, с. 82–85.

7. Медведев, *Окружение Сталина*, с. 305–306.

что они пытались свернуть разоблачение преступлений Сталина, чтобы скрыть свою собственную вину⁸. В результате все три члена антипартийной группы (кроме Ворошилова) были исключены из партии, что они, по понятным причинам, восприняли очень тяжело. Как жаловался Каганович, с 1957 года они «честно и усердно, как полагается коммунистам, трудились на предоставленных им работах» и никаких новых поводов для критики не давали⁹. Это был печальный конец жизни, которая прошла на партийной работе, но, опять же, они не были первыми, чья карьера закончилась подобным образом.

По окончании работы в Вене Молотову и Полине разрешили вернуться в их старую квартиру на улице Грановского в Москве, а также им была предоставлена дача. Люди обычно не узнавали Молотова на улице, но иногда его видели в Первом зале Библиотеки им. Ленина (зарезервированном для членов Академии наук СССР, профессоров и иностранных ученых). Ходили слухи, что он работал над мемуарами, но оказалось, что он писал трактат по социалистической экономике¹⁰. Для двух других изгнание из Москвы продолжалось дольше — до 1965 года для Кагановича и до 1968 года для Маленкова. Согласно городской легенде, Кагановича после возвращения иногда узнавали и оскорбляли на улице (все помнили, что он был евреем в сталинской команде), и иногда он вступал в драки с людьми, которые называли его убийцей¹¹. Он жил в стесненных обстоятельствах, как и Маленковы, которым в течение некоторого времени приходилось делить квартиру

8. Цит. по: Watson, *Molotov*, p. 270 (из выступления на XXI съезде партии).

9. Каганович, *Памятные записки*, с. 524.

10. Медведев, *Окружение Сталина*, с. 53.

11. Там же, с. 222.

со своей дочерью, пока преемник Валерии на посту директора Энергетического института не пожалел их и не предоставил им собственную двухкомнатную квартиру. Никто не узнавал Маленкова на улице, возможно, потому, что он сильно похудел¹².

К тому времени, когда все три члена антипартийной группы вернулись в Москву, Хрущев присоединился к ним в качестве еще одного бывшего члена команды, ушедшего в недобровольную отставку. После 1957 года, по общему мнению, Хрущев стал еще более напыщенным, несдержанным и склонным к односторонним действиям. Экономическое отставание и целый ряд политических неудач, самой печально известной из которых является кубинский ракетный кризис, привели к тому, что в октябре 1964 года он был снят с должности единогласным голосованием Центрального комитета. Коллеги по Президиуму воспользовались тем, что он находился в отпуске в Крыму и подготовили его смещение. Их претензии к Хрущеву в основном остались теми же, что и в 1957 году — грубость, нетерпимое отношение к коллегам, волюнтаризм, но на этот раз против него выступила не старая гвардия со своим сталинским багажом, а новая, возглавляемая его бывшим протеже, активным участником борьбы с антипартийной группой в 1957 году Л. И. Брежневым. Единственным человеком в Президиуме, поддержавшим Хрущева, был Микоян, который — как он говорил и про Берию в 1953 году — утверждал, что при всех своих недостатках Хрущев еще может принести пользу на менее высокой должности, но его предложение с возмущением отклонили. Хрущев не стал бороться и согласился уйти в отставку. В прессе сообщили, что он вышел на пенсию в связи с «преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья», но тем не менее опубликовали критику его коллег по поводу

12. Маленков, *О моем отце*, с. 86; Медведев, *Окружение*, с. 335.

нарушения им «ленинских принципов коллективного руководства», так что было ясно, что его сместили. Хрущеву разрешили остаться в Москве и сохранить свою квартиру и дачу, а также назначили разумную пенсию¹³.

То, что все бывшие члены команды оказались в непочетной отставке, не сблизило их. Напротив, антагонизм и взаимные обиды после 1964 года превзошли даже самые худшие периоды прошлого. Было слишком много обид, слишком много предательств. Маленков, Молотов и Каганович никогда не смогли простить Хрущева за то, что он сказал о них в 1957 году, и считали, что его позорное изгнание в 1964 году было вполне заслуженным. Для Молотова Хрущев был теперь правым, для Кагановича — троцкистом¹⁴. Даже Микоян, по природе склонный поддерживать добрые отношения со всеми, остававшийся до конца союзником Хрущева, держался на расстоянии после того, как Брежнев и КГБ упрекнули его в том, что он позвонил опальному Хрущеву, чтобы поздравить его с Новым годом¹⁵. Что касается антипартийной группы, члены которой никогда не были близкими друзьями или даже реальной политической фракцией, то они держались отчужденно друг от друга. Похоже, что Маленков после 1957 года не общался ни с кем из других членов группы. В 1970-х годах Каганович иногда звонил Молотову и даже говорил Чуеву, что они друзья. Но Молотов не отвечал взаимностью и держал его на расстоянии¹⁶.

Споры об ответственности за преступления сталинского периода продолжались и после выхо-

13. Сушков, *Президиум ЦК КПСС*, с. 239–40; Taubman, *Khrushchev*, p. 3–17.

14. Чуев, *Молотов*, с. 421–422, 433; Каганович, *Памятные записки*, с. 519–521.

15. С. Хрущев, *Никита Хрущев: пенсионер*, с. 123–124.

16. *Так говорил Каганович*, с. 33, 38.

да на пенсию, вплоть до смерти членов команды, и даже после этого их продолжили члены семей, сторонники и защитники. Сами политики, за исключением Маленкова, либо начали писать, либо дали подробные интервью для самооправдания. В случае с Хрущевым это был магнитофон, на который после его опалы в 1964 году он надиктовал мемуары, которые были контрабандой вывезены на Запад младшими членами семьи и опубликованы на многих языках в 1970-х годах. Каганович попробовал свои силы в мемуаристике в 1990-е годы, опубликовав воспоминания под замечательным тяжеловесным названием «Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника». Примерно в то же время посмертно были опубликованы мемуары Микояна под редакцией его сына Серго. Писатель Феликс Чуев, сталинист и русский националист, издал два толстых тома интервью с Молотовым и Кагановичем, проведенных в 1970-х и 1980-х годах.

Оглядываясь назад в прошлое, чем могли они гордиться? Было достигнуто общее согласие о том, что в борьбе с фракциями в 1920-х годах команда выбрала правильное направление, проложила путь индустриализации, которая сделала Советский Союз современным, создала условия для победы во Второй мировой войне, которая привела к тому, что Советский Союз стал великой державой¹⁷. Когда дело дошло до коллективизации, то тут было меньше уверенности, не только из-за голода, но и из-за плохой работы советского сельского хозяйства, которое сразу после смерти Сталина пришлось реформировать. Тем не менее был достигнут консенсус в отношении того, что основной принцип коллективизации хорош, что кол-

17. Чуев, *Молотов*, с. 340–344; Каганович, *Памятные записки*, с. 479–480.

лективизация была важным шагом вперед на пути к социализму, хотя были и «эксцессы», в которых виноваты как перестаравшиеся местные чиновники, так и Сталин. Молотов и Каганович, которые относительно этих «эксцессов» были тесно связаны со Сталиным, были гораздо менее склонны говорить о них, чем Хрущев и Микоян.

Советские достижения были результатом борьбы, а в борьбе, как полагали члены команды, обязательно бывают жертвы. Вопрос, поднятый де-сталинизацией 1956 года, который продолжал вызывать споры в течение десятилетий, заключался в том, какие из жертв были до такой степени ничем не оправданными, что потребовалась их реабилитация? В своем секретном докладе Хрущев поместил в эту категорию членов Политбюро и ЦК, а также высших военных руководителей — жертв репрессий 1937–1938 годов, а также жертв послевоенного «ленинградского дела». Во второй половине 1950-х годов комиссия по реабилитации расширила эту категорию, включив в нее большинство коммунистических деятелей и других представителей элиты, которые были арестованы как «враги народа» во время больших чисток¹⁸.

Но как насчет различных оппозиций? О демонизированном Троцком не могло быть и речи, не было также сильного давления с требованием реабилитировать других участников бывшей левой оппозиции, но правые — это было другое дело¹⁹. Микоян и даже Молотов вспоминали Бухарина с некоторой личной теплотой, как, вероятно, и Ворошилов, хотя у него личная симпатия смешивалась с чув-

18. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, 3 (Хрущев, когда диктовал поправки к речи на XX съезде партии в 1956 году, включил в эту категорию поражение, которое Сталин нанес троцкистам в 1920-х годах), РГАНИ, 52/1/169, лл. 32–33.

19. А. И. Микоян, *Так было*, с. 288; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 352–353; Президиум ЦК, с. 760.

ством вины. С другой стороны, Хрущев толком не знал Бухарина и начал свою политическую карьеру с борьбы против правых. Вопрос о реабилитации Бухарина и Рыкова был поднят на заседании Президиума в 1957 году, и Микоян поддержал его. Хрущев, соглашаясь с тем, что показательные процессы были «фикцией, все было инсценировкой», полагал, что пока достаточно вопросов, связанных со Сталиным, а с Бухариным лучше подождать²⁰. Позже, после отставки, он пожалел об этом. После его ухода новое руководство Брежнева — Косыгина оказалось под иным давлением, в том числе со стороны экономических реформаторов, которые выступали за возвращение к частичной рыночной системе по образцу советского НЭПа 1920-х годов, но они также проявляли нерешительность. Лишь в ноябре 1987 года при Горбачеве Бухарин был официально реабилитирован вместе с другими жертвами московских показательных процессов, включая Зиновьева и Каменева, которых реабилитировали год спустя (но не Ягоду или Троцкого)²¹.

Оценка задним числом деятельности Сталина и больших чисток была серьезной проблемой для всех членов команды и яблоком раздора между ними. Члены команды по-разному подходили к этому вопросу, и каждый подход противоречил остальным. С одной стороны, их жизненные достижения были также заслугами Сталина; если сбросить со счетов все заслуги Сталина, то им самим не на что было претендовать, кроме (в случае Хрущева и Микояна) признания их роли в осуждении Сталина в 1956 году. С другой стороны, поскольку

20. Moshe Lewin, *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers* (Princeton: Princeton University Press, 1974).

21. Cohen, *The Victims Return*, p. 13; Roy Medvedev and Guilletto Chiesa, *Time of Change* (London: I. B. Tauris, 1991); Nanci Adler, *The Gulag Survivor* (New Brunswick: Transaction, 2002), p. 157.

ку вопрос об ответственности за большие чистки был неизбежен, в интересах каждого члена команды было свалить как можно больше на Сталина, который якобы действовал либо по собственной инициативе, либо по наущению Берии. Целью каждого из них, кроме стойкого Молотова, было создать впечатление, что другие члены команды были более виновны, чем он сам. Тем не менее по еще более болезненному вопросу об ответственности за неспособность предотвратить гибель собственных товарищей даже Молотов мог иногда колебаться. Когда Ольга Аросева, дочь друга, которого он не спас, посетила Молотова в середине 1950-х годов, он все еще решительно сопротивлялся любым обвинениям. Но когда она увидела его снова несколько лет спустя, после того как он оказался в опале, то нашла его совсем другим, кающимся и сожалеющим: «Оля, может, и руки подать мне не захочет... „Обвиняешь ты меня?“»²².

До конца жизни Молотов не переставал настаивать на том, что, несмотря на то что Сталин совершал ошибки, в целом он был великим и незаменимым лидером, ответственным за индустриализацию, объединение партии, победу во Второй мировой войне и превращение Советского Союза в великую державу. «Ни один человек после Ленина, не только я, ни Калинин, ни Дзержинский и прочие, не сделали и десятой доли того, что Сталин... Как политический деятель он выполнил такую роль, которую никто не мог взвалить на свои плечи»²³. Сталин сделал все это не один — ему была нужна команда, и Молотов, в частности, был важной ее частью. У Советского Союза были реальные враги, как внутри страны, так и за рубежом, и его руководителям приходилось быть жесткими. Даже большие чистки были, по словам Моло-

22. Аросева, *Без грима*, с. 260.

23. Чуев, *Молотов*, с. 261.

това, в основном оправданны, и он признавал свою личную ответственность за них, отметив, что разделял ее со всеми остальными членами команды²⁴. Судя по всему, и Молотов, и его жена оставались убежденными сталинистами. Полина, которая, в отличие от мужа, не потеряла членство в партии в 1961 году, была «полна энергии и воинственного духа» и регулярно посещала собрания своей партийной организации на кондитерской фабрике. Когда Светлана Аллилуева навестила Молотовых в 1960-х годах, Полина сказала ей: «Твой отец был гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну, и когда началась война — партия и народ были едины». Молотов был тише, но кивнул в знак согласия с Полиной. Дочь Молотова и ее муж смущенно молчали, «опустив глаза в тарелки», и Светлане Аллилуевой, которая теперь общалась с диссидентствующей интеллигенцией вроде писателя Андрея Синявского, они казались «динозаврами»²⁵.

Каганович занял сходную позицию, хотя и несколько более оборонительную. Обвинения в том, что он не спас своего брата Михаила, всегда расстраивали его, и он больше, чем Молотов, подчеркивал, что Сталин манипулировал своими единомышленниками, чтобы сделать их соучастниками в гибели коллег. Ворошилов был обеспокоен инициативой Хрущева по десталинизации и писал о Сталине в 1968 году: «При всех его ошибках я не могу говорить о нем без уважения»²⁶. Говоря в частном порядке с Василием Сталиным в 1960 году, он высказал свое одобрение тому полезному, «которое ваш отец сделал», но при этом заметил: «В последние годы ваш отец стал очень

24. Молотов, Маленков, Каганович, 1957, с. 120.

25. Alliluyeva, *Only One Year*, p. 384, 353.

26. Медведев, *Окружение*, с. 307; К. Е. Ворошилов, *Рассказ о жизни* (Москва, 1968).

странным, он был окружен негодьями, такими как Берия... Это все плохое влияние Берии»²⁷.

Даже самые ярые десталинизаторы в команде, Хрущев и Микоян, сохраняли некую двойственность в оценке Сталина²⁸. В целом он не был «врагом партии и рабочего класса, — сказал Хрущев польским коммунистам в 1956 году, — вот где трагедия, товарищи». Он хотел «служить обществу», и именно в этом контексте совершал свои преступления. Ясно, что у него развилась «мания преследования». «Но, товарищи, Сталин — мне бы хотелось описать теплую сторону, его заботу о людях»²⁹.

Репутация была в Советском Союзе хрупким цветком. Судьба членов команды, даже когда они находились на вершине власти, была подвержена внезапным изменениям, а в послесталинский период тем более. Сначала рухнул Берия, затем Молотов, Каганович и Маленков, а следом их ниспровергатель Хрущев. Хотя бы один из членов семьи человека, занимавшего прежде видное место в политике или искусстве, должен был посвятить значительную часть своей жизни поддержанию его доброго имени и памяти о нем, добиваться через сохранившиеся связи в политическом руководстве публикаций в литературных и научных журналах, опровергать критику, устраивать мемориальные вечера, словом, делать все возможное, чтобы поддержать славу своего родственника. Подобно тому как друзья и члены семей жертв больших чисток делали все возможное, чтобы реабилитировать их в 1950-х годах, точно так же в последующие десятилетия действовали сыновья, до-

27. РГАСПИ, 84/1/6, лл. 26–27 (беседа с В. И. Сталиным, 9 апреля 1960).

28. А. И. Микоян, *Так было*, с. 552–558.

29. Taubman, *Khrushchev*, p. 292. Он сделал аналогичное примечание в своих продиктованных поправках к речи на XX съезде партии (РГАНИ, 52/1/169, л. 51), хотя в опубликованной версии этого нет.

чери, вдовы, а иногда и личные помощники членов сталинской команды.

Первой начала прославлять своего мужа вдова Серго Орджоникидзе, Зинаида, которая опубликовала его биографию «Путь большевика» (1938). Репутация Орджоникидзе, хотя и не подвергавшаяся явному очернению в течение нескольких лет после его смерти, была, по крайней мере, запятнана и нуждалась в лакировке (город на Кавказе, названный ранее его именем, в 1944 году переименовали обратно во Владикавказ; когда Зинаида протестовала, Сталин заверил ее, что Серго получит другой город, еще лучше, названный в его честь, но этого не произошло³⁰). Инициатива Зинаиды заставила Екатерину Ворошилову задуматься, нужно ли выступать в роли публициста для своего мужа³¹. Но тем не менее такого рода публикации стали умножаться. В 1960-е годы Галина Куйбышева опубликовала книгу о брате Валериане. В 1980-х Наталья Андреева довольно осторожно вступила в бой за своего отца Андрея Андреева. Сыновья Берии, Маленкова и Хрущева внесли свой вклад в 1990-х годах, первые два — мемуарами о своих отцах, третий — помесью исторического исследования и мемуаров, написанной для западной аудитории. В 2005 году зять Молотова опубликовал первый том его биографии³².

Больше всех в плане семейных мемуаров не повезло Сталину. Его живой сын Василий был вполне готов защитить его («я никогда не отказывался от своего отца и никогда не откажусь»³³), но он был в настолько плохом состоянии после смерти Сталина, что лучшее, что мог сделать во время долгих,

30. РГАНИ, 5/30/4, лл. 106–108.

31. РГАСПИ, 74/1/429 (Ворошилова, «Нечто вроде дневника», с. 79, 86–87, записи от августа-сентября 1955).

32. См. библиографию к этой книге.

33. РГАСПИ, 84/1/6, лл. 21–30 (беседа В. Сталина с Ворошиловым, 1960).

бессвязных бесед с собутыльниками, — это туманные намеки на врагов своего отца, которые, возможно, убили его. После ареста в апреле 1953 года за безответственные разговоры с иностранцами и торговлю своим статусом сына известного человека он периодически находился в тюрьме и в больнице, а родственники и партийные лидеры («дяди» его детства) безуспешно пытались ему помочь. Хрущев вызвал его и принял «как отец родной», умоляя его изменить свой образ жизни; то же самое сделал и Ворошилов; они обнялись и заплакали, Василий пообещал исправиться, но так и не смог взять себя в руки. Он умер от пьянства в 1962 году, в возрасте сорока лет³⁴.

В разговорах с Василием Ворошилов ставил ему в пример Светлану, как делали на протяжении большей части его жизни. Но Светлана, так долго считавшаяся в сталинской семье примерным ребенком, тоже стала отбиваться от рук. «Дяди» видели ее страдания во время первого романа (с Каплером) и двух коротких неудачных браков (с Григорием Морозовым и Юрием Ждановым) и сочувствовали ей. Они беспокоились о ней в 1956 году во время десталинизации. Микоян пригласил ее, дал заранее прочитать речь Хрущева и испытал огромное облегчение от ее спокойной реакции («Самое ужасное, ребята, что это — правда», — сказала она сыновьям Микояна)³⁵. Ее отношение разозлило Василия, который сказал Ворошилову, что видит, как она отрекается от отца. Став научным сотрудником в Институте мировой литературы в 1956 году, она приложила все усилия, чтобы забыть о среде, из ко-

34. Аллилуева, *Двадцать писем*, с. 161–165. Отметим тот факт, что краткое изложение беседы Ворошилова с Василием Сталиным хранится среди личных документов Микояна, что говорит о том, что Микоян также принимал участие в попытках его спасения.

35. Allilyueva, *Only One Year*, p. 156–157; С. Микоян, *Воспоминания*, с. 165; Жданов, *Взгляд в прошлое*, с. 73.

торой вышла, официально изменила свою фамилию на Аллилуева и искала новую опору как в среде интеллигенции, так и в православной церкви³⁶. Она разыскивала бывших «кремлевских детей», которые вернулись из ГУЛАГа и ссылки, после романа с Юрием Томским (сыном Михаила) вышла замуж за своего двоюродного брата Ваню (бывшего Джонни) Сванидзе. У обоих отношение к дочери Сталина было в лучшем случае двойственным, они относились к ней с досадой и раздражением³⁷.

Изо всех сил пытаюсь удержаться на плаву после того, как в 1959 году Сванидзе развелся с ней, она встретила индийского коммуниста Баджеша Сингха, с которым они решили пожениться. Баджеш был значительно старше Светланы, у него было плохое здоровье. Устроить этот брак было, конечно, бесконечно сложно: он был иностранцем и должен был покинуть страну после истечения срока своей визы, а когда наконец вернулся и они попытались зарегистрировать брак (для браков с иностранными гражданами существовала особая процедура), то получили отказ. Микоян, к которому летом 1964 года Светлана обратилась за поддержкой, отнесся к ее планам одобрительно и поговорил с Хрущевым, который тоже не возражал. Но к тому времени, когда жених и невеста наконец добрались до ЗАГСа, Хрущева сняли, и новое руководство, опасаясь скандала за пределами Советского Союза, какое-то время отказывало ей в разрешении выйти замуж за «этого старого большого индуса»³⁸. Микоян тщетно пытался убедить ее, что брак — это просто формальность, мол, посмотрите на него и Ашхен, они никогда не были формально женаты, но это не мешало ни им, ни их

36. Allilyueva, *Only One Year*, p. 160–161, 167, 281–284.

37. Kun, *Stalin*, 416–417; РГАСПИ, 84/1/7, л. 33.

38. Allilyueva, *Only One Year*, p. 36–37, 41–42, 45–46; N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 293.

пятерым детям. В октябре 1966 года Сингх умер. Светлане разрешили отвезти его тело в Индию при условии, что она будет избегать контактов с прессой. Однако оказавшись в Индии, она через некоторое время, как позже утверждала, согласно предварительному плану, отправилась в американское посольство в Дели и попросила убежища³⁹. Это была международная и внутренняя сенсация: дочь Сталина сбежала! Официальный Советский Союз выразил возмущение, хотя Хрущев и Микоян (оба уже на пенсии) все же проявили сочувствие к Светлане. «Глупый поступок, который нельзя ничем оправдать», — сказал в своих мемуарах Хрущев (вероятно, это было надиктовано вскоре после ее бегства, в 1967–1968 годах). «Очень, очень печально. Мне жаль Светлану. <...> Так ужасно закончилось ее существование как нашего, советского человека». Он надеялся, что однажды она передумает и вернется⁴⁰.

В Москве у Светланы осталось двое детей: двадцатилетний Ося (Иосиф) и шестнадцатилетняя Катя, которые, как говорили, так и не простили своей матери ее отъезд. (Семья Микоян снова взялась за дело, чтобы помочь им, как и отец Кати Юрий Жданов.)⁴¹ Светлана оставила детей, но взяла с собой автобиографическую рукопись «Двадцать писем к другу», которая в 1967 году была опубликована на Западе и стала очередной сенсацией. Это трогательный документ, в котором Светлана попыталась представить идеализированный образ матери (умершей, когда ей было всего шесть лет), а также примириться со Сталиным как отцом — любящим и любимым, когда она была ребенком, позже все более отчужденным, — и создать его кри-

39. Alliluyeva, *Only One Year*, p. 57, 114–115, 177–185.

40. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, p. 293–296.

41. С. Микоян, *Воспоминания*, с. 167; Жданов, *Взгляд в прошлое*, с. 74.

тический образ и как человека, и как лидера страны⁴². Очевидно, это была собственная работа Светланы, хотя советская пресса громко заявляла о руке ЦРУ, и это не была топорная работа. Но она не проявила ту безусловную верность, которую проявляли другие «кремлевские дети», когда писали о своих родителях, или которую посчитал бы уместной ее брат Василий. Более того, публичные заявления Светланы после ее прибытия в Соединенные Штаты делались по стандартной модели «я выбрала свободу», а потому были крайне оскорбительны с советской точки зрения. «Как личность, считаю, она предала отца», — прямо сказал Серго Берия⁴³. Несчастливая Светлана после неудачных пятнадцати лет в Соединенных Штатах в середине 1980-х годов вернулась обратно, кратко осудив Соединенные Штаты и ЦРУ в терминах, не отличающихся от тех, которые она ранее использовала, критикуя Советский Союз и КГБ, но дети не приветствовали ее возвращение, и некоторые из ее старых друзей тоже были ей не рады. Юрий Жданов время от времени встречался с ней в Москве, на квартире какого-то старого друга, но Серго Берия и его мать не захотели с ней общаться. Через несколько лет она снова уехала, на этот раз без фанфар, и умерла в неизвестности в Соединенных Штатах в 2011 году⁴⁴.

Члены команды начали умирать задолго до этого. Как всегда в Советском Союзе, большое внимание уделялось типу похорон и тому, кто на них присутствовал. Когда в 1959 году умерла Екатерина Ворошилова, в похоронах приняли участие как Хрущев, так и Микоян, а также Андреев, ста-

42. Alliluyeva, *One One Year*, p. 44, 117, 205–206; Nicholas Thompson, “My Friend, Stalin’s Daughter,” *New Yorker*, 31 March 2014, p. 30.

43. С. Берия, *Мой отец* (2013), с. 56.

44. Там же; Жданов, *Взгляд в прошлое*, с. 74; Thompson, “My Friend, Stalin’s Daughter”.

рый друг семьи⁴⁵. Десять лет спустя со всеми почестями в кремлевской стене похоронили Ворошилова⁴⁶. Молотов и Каганович присутствовали на похоронах вместе со всем тогдашним Политбюро, но без опального Хрущева. Когда в 1970 году умерла Полина Жемчужина, то была похоронена как коммунистка фабричной партийной ячейкой, в которой она состояла. Присутствовали Микоян и Булганин, а также единственный внук Сталина, носящий его фамилию, полковник Евгений Яковлевич Джугашвили. Молотов выступил с последней в своей жизни публичной речью, высоко оценив ее работу как коммунистки и эпоху, в которой она жила. Об аресте и ссылке он не упомянул⁴⁷.

Хрущев умер в сентябре следующего, 1971 года, но для него не было ни государственных похорон, ни кремлевской стены. Это были частные похороны, на которых присутствовала только семья, несколько старых коллег-коммунистов из Донбасса и несколько представителей либеральной интеллигенции, которые, несмотря на все конфликты, когда он был у власти, сохранили теплые чувства к человеку, руководившему десталинизацией. Хрущев в годы своей отставки также изменил свое отношение к интеллигенции, когда художники и профессора оказались единственными, кто общался с ним, рискуя официальным осуждением. Среди них был поэт оттепели Евгений Евтушенко и художник-авангардист Эрнст Неизвестный, на которого Хрущев обрушился в свое время за то, что он отошел от реализма⁴⁸. Именно Неизвестный лепил голову Хрущева, которая теперь укра-

45. <http://www.net-film.ru/en/film-16466/>

46. Медведев, *Окружение*, с. 307; <http://www.net-film.ru/en/film-17558/>

47. Аросева, *Без грима*, с. 262.

48. N. Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Last Testament*, p. 80–81; С. Хрущев, *Никита Хрущев: пенсионер*, с. 135; Taubman, *Khrushchev*, p. 629, 647.

шает его могилу на Новодевичьем кладбище. Никто из команды не пришел на похороны Хрущева, но в самом конце произошел драматический момент: когда скорбящие уже покидали могилу, прибежал посланник с венком от Микояна⁴⁹.

Когда сам Микоян умер в 1978 году, в возрасте восьмидесяти двух лет, члены советского Политбюро (старое название было восстановлено в середине 1960-х годов) пришли, чтобы отдать ему дань уважения, а правительство Армянской Советской Социалистической Республики предоставило официальный почетный караул. Он был похоронен, как и Хрущев, и жена Сталина Надежда Аллилуева, на Новодевичьем кладбище. При всем уважении, однако, новые правители стремились препятствовать любой политической демонстрации, доступ публики был ограничен. Похоже, что никто из оставшихся в живых членов команды (три члена антипартийной группы) не появился. Присутствовали некоторые из детей Хрущева — сын Хрущева, Сергей, в годы отчуждения поддерживал отношения с Микоянами благодаря своей дружбе с Серго, хотя вдова Хрущева осталась дома из-за болезни сердца (потом она жалела, что не пошла)⁵⁰.

С точки зрения продолжительности жизни победителями оказались члены антипартийной группы, Молотов, Маленков и Каганович. Прожив жизнь, которая должна бы рано свести их в могилы, эти трое смогли пережить не только длительный брежневский период, но и эпоху горбачевских реформ. Маленков, самый младший из них, умер в 1988 году в возрасте восьмидесяти шести лет, двадцать лет

49. Taubman, *Khrushchev*, p. 645; С. Хрущев, *Никита Хрущев: пенсионер*, с. 241, 274 (оберегая Микояна, сыновья не говорили ему о смерти Хрущева, чтобы он не попытался совершить сентиментальный жест, который мог бы принести ему неприятности).

50. Там же, с. 298 (дневник Нины Хрущевой).

спустя после своего возвращения в Москву. В последние годы он считал себя реформатором и в беседах с сыном, как правило, избегал разговоров о Сталине. Он не писал мемуаров и не прилагал особо настойчивых усилий, чтобы восстановиться в партии. Любитель чтения, особенно из области наук о природе и теории истории, Маленков проявил страстный интерес к той области биологии, которой занимался его сын, и при поддержке Юрия Андропова (много лет занимавшего при Брежневеве пост главы КГБ и ненадолго ставшего его преемником в 1980-х годах) вдвоем с сыном они создали исследовательский проект по защитным силам человеческого организма. В результате ими была написана совместная научная монография, в которой утверждается, что сопротивление силе гравитации, постоянно демонстрируемое всеми живыми организмами, включая людей, является столь же основополагающим для жизни на Земле, как и сама сила гравитации. Признание этого, по мнению авторов, послужило новой основой для идеи прогресса в человеческих делах. Таким образом, Маленков умер оптимистом, далеким от мира политики. Его смерть осталась незамеченной в советской прессе⁵¹.

Двое других уцелевших держались ближе к тому, чем занимались в течение своей трудовой жизни. Для Молотова и Кагановича восстановление статуса члена партии было чрезвычайно важно. Они оба неоднократно обращались с просьбой о восстановлении в партии, начиная со смены режима осенью 1964 года. Во время долгого правления Брежнева им это не удалось, но в 1984 году, во время краткого правления Константина Черненко, Молотов был наконец восстановлен. В членском билете, который он получил, было указано, что он вступил в партию в 1906 году, что сделало его старейшим живым чле-

51. Маленков, *О моем отце*, с. 95–98, 104, 107–112 (фрагмент монографии); Медведев, *Окружение*, с. 336.

ном партии. Рассказывая об этом событии своему преданному летописцу, Молотов, верный своему стилю, преуменьшил свои эмоции. Но Черненко, который лично вручил ему членский билет, описал, как девяносточетырехлетний Молотов сказал, что это «как родиться заново»⁵². Несмотря на это сближение, когда в 1986 году, в возрасте девяноста шести лет, Молотов умер, ему не устроили государственных похорон, но правительственная газета «Известия» (хотя и не «Правда») опубликовала сообщение о его смерти на первой полосе. В сообщении он был назван «персональным пенсионером всесоюзного значения» (своеобразное советское обозначение статуса, «персональный» предполагало какое-то особое достижение или вклад, «всесоюзный» — что его вклад был национального, а не местного уровня). На похоронах присутствовало около двухсот человек, он был похоронен рядом с Полиной на Новодевичьем кладбище, недалеко от жены Сталина Надежды⁵³.

Последним ушел Каганович. Давно овдовевший, одинокий, ничем не занятый, он в старости испытывал горькие чувства. У него была любящая дочь Майя, но она не писала хвалебных мемуаров; беседы с Феликсом Чуевым начались настолько поздно, что многое уже забылось, и Каганович был склонен восклицать «Это ложь!» по поводу малейшего возражения. Он отчаянно надеялся на восстановление в партии, и ему было очень обидно, когда Молотову это наконец удалось, а его снова отвергли. По мнению КГБ, со стороны общественности могло быть серьезное недовольство против восстановления в партии Кагановича; в рекомендации КГБ

52. *Cold War International History Project Bulletin*, № 4 (1994), р. 81–82; Медведев, *Окружение*, с. 62; Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 529–531; Watson, *Molotov*, р. 272; Медведев, *Окружение*, с. 63.

53. Чуев, *Сто сорок бесед*, с. 551–552.

упоминались жертвы репрессий, реабилитированные в 1950-х годах, и не упоминались антисемиты, чьи протесты были бы столь же неистовыми.

При прочих равных условиях черненко́вское Политбюро было бы готово вновь принять в партию Кагановича и Маленкова, а также Молотова. Брежнев, который был активным сторонником действий Хрущева против них в 1957 году, умер. Было признано, что их никогда бы не исключили, если бы Хрущев не решил свести счеты с политическими соперниками, а в 1970-х и 1980-х годах имя Хрущева было скомпрометировано, поскольку его импульсивные действия «запятнали нас и нашу политику в глазах всего мира». Многие из черненко́вского Политбюро, такие как Андрей Громыко (премьер Молотова на посту министра иностранных дел, активно поддержавший его просьбу о восстановлении) и министр обороны Дмитрий Устинов, принадлежали к поколению, которое впервые поднялось до высоких должностей в конце 1930-х годов, после массовых репрессий, когда Молотов и, в меньшей степени, остальная часть команды были людьми, связь с которыми считалась почетной⁵⁴.

Еще большей частью их прошлого был, конечно, Сталин, и вопрос о роли Сталина очень волновал их в 1984 году в связи с предстоящим празднованием сороковой годовщины победы СССР во Второй мировой войне. В рамках празднования было предложено переименовать Волгоград обратно в Сталинград, поскольку именно там происходила Сталинградская битва. Как отметил самый молодой член Политбюро, Михаил Горбачев — будущий руководитель, реформатор и невольный разрушитель Советского Союза, имелись веские аргументы как за, так и против. В конце концов решили пока не переименовывать. Можно было ожидать,

54. Обсуждение в черненко́вском Политбюро: *Cold War International History Project Bulletin*, № 4 (1994), p. 81–82.

что со временем Сталин и вместе с ним команда (без Берии и Хрущева) вернутся в учебники истории как строители Советского Союза, чей вклад перевешивал ошибки.

Случилось иначе. Каганович дожил до своего девяносто шестого дня рождения. Когда он умер, во время горбачевской перестройки, так и не восстановив членство в партии, его смерть была отмечена в газетах, и сотни людей, в основном фотографы, российские и иностранные журналисты, а также любители сенсаций, пришли на ритуал кремации в Донском монастыре, которая предшествовала захоронению на Новодевичьем кладбище⁵⁵. Дата смерти Кагановича — 25 июля 1991 года. Он был последним живым участником сталинской команды. Оставалось всего пять месяцев до того, как распад Советского Союза превратил в прах дело всей их жизни.

55. Медведев, *Окружение*, с. 227–228.

Заключение

ЭТА книга написана для широкой аудитории, а не только для ученых и специалистов в этой области, поэтому в нее включен только минимум историографии. Но поскольку я сама являюсь ученым и знаю, что писали на эту тему другие ученые, мое изложение обязательно прямо или косвенно опровергает работы других авторов по конкретным вопросам, либо иногда я просто высказываю свое собственное мнение. Смысл этой последней главы состоит в том, чтобы, с одной стороны, предупредить заинтересованного читателя-неспециалиста о том, какие споры происходят за кулисами, а с другой стороны, отметить новые открытия и выводы, которые также могут стать предметом научной дискуссии.

Проще всего писать о политике с точки зрения официальных инстанций и политических решений. Но для сталинской политики это плохо работает, поскольку официальные инстанции часто вводили в заблуждение, а наиболее важные политические решения часто оставались необъявленными, а иногда и несформулированными. Ситуация становится еще труднее для исследователя, когда после 1920-х годов исчезли политические фракции и вместе с ними дебаты о государственной политике. Мой подход в этом исследовании состоял в том, чтобы по возможности игнорировать формальные структуры и заявления и пытаться выяснить, как функционировала государственная по-

литика, рассматривая практики (другими словами, делая то же, что и герои моей истории) и выводя из этого неформальные правила игры¹. Это не значит, что я не обращаю внимания на то, что они говорили, но я предполагаю, что то, что люди говорят, часто является дымовой завесой. Особенно это относится к хитрым персонажам, таким как Сталин. Кроме того, политический язык при Сталине стал довольно формальным, даже можно его назвать клишированным и плохо выражающим индивидуальные мнения. Вполне можно писать книги, исследующие использование клише и тонкие манипуляции с ними, чтобы выяснить, что происходило на самом деле, но я не пошла по этому пути. Как социальный историк, я привыкла в своей работе сосредотачиваться на повседневных практиках и попыталась применить тот же подход в этой книге для описания высокой политики. Это означало смотреть на команду Сталина с точки зрения неявных правил игры, которые в ней были приняты (конечно, с течением времени они менялись), способов, которыми капитан команды сохранял свой авторитет и осуществлял контроль над другими игроками, тактики выживания, сотрудничества, конкуренции и продвижения интересов этих игроков².

Сказать, что дела Сталина и команды являются лучшими подсказками для историка, чем их слова, не значит отрицать значимость идеоло-

-
1. Подход с точки зрения истории повседневности: Sheila Fitzpatrick, "Politics as Practice: Thoughts on a New Soviet Political History," *Kritika: Explorations in Russian and Soviet History* 5:1 (Winter 2004); Arch Getty, *Practicing Stalinism* (New Haven: Yale University Press, 2013).
 2. В советологических исследованиях этот подход был впервые применен историками науки: Nikolai Krementsov, *Stalinist Science* (Princeton: Princeton University Press, 1997) и Alexei Kojevnikov, "Games of Stalinist Democracy: Ideological Discussions in Soviet Sciences, 1947–52," in Sheila Fitzpatrick, ed., *Stalinism: New Directions* (London: Routledge, 2000).

гии или предполагать, что убеждения не влияют на деятельность. (Это один из основных споров в исторической науке, изучающей советский период: исследователи идеологий говорят, что убеждения имеют значение, и обвиняют социальных историков повседневности в их игнорировании³, в то время как историки повседневности считают, что исследователи идеологий увлечены своими текстами и игнорируют реальную ситуацию.) На мой взгляд, базовые убеждения были весьма важны: если бы не идеологические соображения, разве Сталин и его команда приступили бы к коллективизации в начале 1930-х годов? Но слишком часто идеология не определяет официальные декларации и политические заявления.

В сталинский период зачастую сначала происходили важные события и только позднее (если это вообще случалось) формулировались соответствующие политические декларации. Сплошная коллективизация была сформулирована как политический принцип в начале 1930-х годов только в самых общих чертах, хотя было ясно, что партийным функционерам нужно ломать деревенский уклад, в том числе жизни крестьян. Сопровождавшая коллективизацию антирелигиозная борьба никогда не объявлялась политикой и даже не определялась как таковая на уровне Политбюро. То же самое относится и к антисемитской кампании тридцать лет спустя, мало того, во время нее в прессе на низовом уровне происходила кампания противоположного рода. Давали понять, что антисемитизм со стороны чиновников по-прежнему мо-

3. Критика за пренебрежение идеологией: Stephen Kotkin, *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* (Berkeley: University of California Press, 1995), p. 151–152, and Igal Halpin and Jochen Hellbeck, "Rethinking the Stalinist Subject: Stephen Kotkin's 'Magnetic Mountain' and the State of Soviet Historical Studies," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 44 (1996), p. 456.

жет быть наказуем. Клановость, ключевое явление в советской жизни и политике, никогда не регулировалась и не признавалась официально, не считая периодических осуждений Кремлем «семейственности» в провинции. Тем не менее произошло весьма существенное (хотя и временное) изменение неофициальных правил игры, когда членам Политбюро (команды) было запрещено вступать в конфликт с органами безопасности с целью защитить своих подчиненных, протеже и родственников во время больших чисток. Конечно, политические заявления и резолюции появлялись, иногда даже предваряли какие-то действия, но чтобы понять политику того времени, часто приходится игнорировать их формальный смысл. Например, если смотреть только на ленинский «запрет на фракции», должным образом одобренный X съездом Коммунистической партии в 1921 году, то можно заключить, как это неосторожно сделали некоторые ученые, что в тот же момент фракции исчезли из советской политики. Фактически же фракции оставались основой советской политики еще в течение десятилетия, пока Сталину, формально их не запрещавшему, наконец-то не удалось от них избавиться.

Историки меньше, чем политологи, любят системные модели, предпочитая метафоры или (в последние двадцать лет) ссылки на теорию культуры. Они, однако, при случае тоже прибегают к моделям. В качестве примера можно привести тоталитарную модель, популярную во время длительной холодной войны, в рамках которой начиная с 1950-х годов на Западе развивались исследования советской системы. Основываясь на наблюдаемом сходстве между фашистскими режимами середины XX века и советским режимом при Сталине, можно отметить, что тоталитарная модель представляла собой режим, возглавляемый харизматическим лидером, правящим посредством мобилизующей пар-

тии и сил тайной полиции, и стремящийся к полному контролю над обществом. Применимость этой модели к советской истории много обсуждали, и я в том числе⁴. Однако в том, что касается настоящего исследования, актуальность данной модели весьма ограничена, поскольку она никогда не фокусировалась на отношениях Сталина с его ближайшими советниками и не придавала этим отношениям особого значения.

Сталинское правление часто называют личной диктатурой⁵. В практических целях этот термин подходит достаточно хорошо, несмотря на некоторые теоретические сложности, но он сравнительно мало говорит нам о том, как Сталин фактически использовал свою власть. Вероятно, более актуальная метафора для размышления историка о сталинской большой политике, хотя она и не вызывает много теоретических дебатов, — это «придворная политика». Имеется в виду, конечно, сравнение со старыми временами в России и в других странах, где отношения между монархом и его придворными были важной частью политического процесса; также подразумевается, что эта традиционная реальность вновь утвердилась за фасадом новых революционных институтов, таких как Политбюро. Симон Себаг Монтефиоре ссылается на придворную политику в подзаголовке своей работы о Сталине «Двор красного царя». Как и положено в популяр-

4. Abbott Gleason, *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War* (New York: Oxford University Press, 1995), p. 121–142; Michael Geyer and Sheila Fitzpatrick, eds., *Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared* (New York: Cambridge University Press, 2008).

5. Эта характеристика системы была, конечно, неприемлема для советских авторов, которые следовали ленинскому пониманию раннего советского режима как классовой (пролетарской) диктатуры, осуществлявшейся большевистской партией, чтобы привести страну через революционный переходный период к социализму.

ной истории, он предлагает читателям метафору, но в дальнейшем ее не раскрывает, и другие ученые иногда используют эту метафору таким же образом⁶. Из того, как Монтефиоре использовал термин «магнаты» (по-видимому, так по-английски были названы бояре) для описания единомышленников Сталина, кажется, что двор, который он имел в виду, был московским двором раннего Нового времени, когда придворными игроками были поместные дворяне со своими удельными именьями, иногда претендовавшие на царский престол. Но у «магнатов» сталинской эпохи не было земли или опоры в провинциях, их опорой были специализированные правительственные и партийные институты⁷. Если бы я использовала метафору «придворная политика», то, вероятно, имела бы в виду более позднюю версию царизма, когда игроками были министры, назначаемые царем и борющиеся за влияние на него, при этом управляющие важнейшими государственными ведомствами (финансы, торговля и промышленность, внутренние дела и полиция). Тем не менее эта аналогия тоже не подходит, поскольку цари позднего имперского периода предпочитали иметь дело со своими министрами по отдельности и решительно сопротивлялись чему-либо, напоминающему кабинет или министерскую команду, и, конечно, не были склонны проводить с министрами свободное время или всерьез воспринимать девиз «первый среди равных». Сталинская команда, на мой взгляд, была совсем не похожа на тех, с кем работал Николай II⁸.

6. Montefiore, *Stalin: The Court of the Red Tsar*; Sidney Ploss, *The Roots of Perestroika* (Jefferson, NC: McFarland & Co., 2010), chapter 3, "Stalin: Onset of Court Politics," p. 55–80.

7. Getty, *Practicing Stalinism*.

8. Andrew M. Verner, *The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 1990), особ.: p. 53–56, 62–64.

Долгое время исследования сталинизма сосредоточивались только на одном человеке, подчеркивая его харизму, культ и всемогущество⁹, и стремились опровергнуть утверждения, что такие институты, как ЦК партии или Совет министров, имели какую-то реальную власть¹⁰. Однако когда в 1990-х годах были открыты архивы, стали понятны ранее невидимые аспекты политического процесса, и тогда интересы ученых начали смещаться к отношениям Сталина и окружающих его людей, которых называли по-разному — «окружение» или «ближний круг»¹¹. Пионером в этих исследованиях стал русский историк Олег Хлевнюк, начавший с архивного исследования Политбюро 1930-х годов, опубликованного в 1990-х годах. В этом первом подходе к данной теме Хлевнюк утверждал, что ближний круг / Политбюро был важен до больших чисток, но не после. С одобрением цитируя Моше Левина, он характеризовал зависимость ближнего круга от Сталина после больших чисток как «рабскую», заключив, что «Политбюро фактически было ли-

9. См. работы Улама, Такера, Волкогонова, Сервиса и др. в библиографии в рубрике «Биографии. Сталин». Два важных новых исследования: Stephen Kotkin, *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*, vol. 1 (Penguin Press, 2014); Oleg V. Khlevniuk, *Stalin: New Biography of a Dictator*, trans. Nora S. Favorgov (New Haven: Yale University Press, 2014), появились, когда эта книга была в печати, так что я не могла их использовать.

10. Jörg Baberowski, *Verbrannte Erde: Stalins Herrschaft von Gewalt* (Munich: C. H. Beck Verlag, 2012).

11. Термин «окружение» используют Рой Медведев в работах: *Они окружали Сталина* (Benson, VT: Chalidge Publications, 1984) и *Окружение Сталина* (Москва: Молодая гвардия, 2010), и О. В. Хлевнюк: *Политбюро: механизмы политической власти в 30-е годы* (Москва: РОССПЭН, 1996). В более поздней публикации на английском языке, которая основана на его книге *Политбюро*, но не идентична ей, он использует «inner circle» (ближний круг): Oleg V. Khlevniuk, *Master of the House: Stalin and His Inner Circle* (New Haven: Yale University Press, 2009).

квидировано как регулярно функционирующий орган политического руководства, превратившись в лучшем случае в консультативную инстанцию при Сталине»¹². Этот подход резко критиковал Арч Гетти, который отверг определение «рабская», указав, что члены ближнего круга были влиятельными политиками сами по себе и при длительном отсутствии Сталина — до 1935 года даже без телефонной связи с его резиденцией на юге — они все вместе управляли страной, а Сталин вмешивался с помощью писем и телеграмм только по небольшой части вопросов¹³. К 2005 году Хлевнюк, продолжавший активные исследования периода с 1930-х годов до позднего сталинского времени, стал смотреть на вещи иначе и добавил к парадигме личной диктатуры олигархическую парадигму. «Мы можем определить формирование квазиколективных механизмов принятия решений как свидетельство возникающей олигархизации власти в последние годы жизни Сталина», — писал он. «Олигархия» имеет длинную родословную в качестве уничижительной характеристики советского руководства, начиная с «демократического централизма» большевистских критиков Ленина и его команды еще в 1920 году. По сути, Хлевнюк говорит, что, хотя Сталин как единоличный диктатор оставался выше всех, его ближайшие соратники тоже были важны, и это стало еще очевиднее, когда они стали править после его смерти, используя «некоторые процедуры коллективного руководства»¹⁴.

12. Хлевнюк, *Политбюро*, с. 245 (цитирует М. Lewin, *Russia/USSR/Russia: The Drive and Drift of a Superstate* [New York: New Press, 1995], p. 90, 266).

13. J. Arch Getty, "Stalin as Prime Minister: Power and the Politburo," in Davies and Harris, *Stalin*, p. 94–100.

14. Oleg V. Khlevniuk, "Stalin as Dictator: The Personalisation of Power," в Sarah Davies and James Harris, eds., *Stalin: A New History* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005), p. 108–120 (цитаты со с. 118).

Из-за осторожности этой формулировки неясно, считает ли Хлевнюк, что «олигархи» (соратники Сталина) составляли единую команду или были просто отдельными игроками. Но Стивен Уиткрофт определенно рассматривает их как команду и в своей статье 2004 года предлагает статистический анализ данных о назначениях Сталина, чтобы показать регулярность совещаний группы с 1920-х до начала 1950-х годов; он отмечает, что сталинский «стиль работы состоял в том, чтобы быть частью рабочего коллектива или коллегии, а не „одиночкой“»¹⁵. Это и моя точка зрения, хотя я пришла к этому независимо и без количественных данных. Это также созвучно недавней работе Арча Гетти, в которой рассматривается аналогия между *modus operandi* Сталина в отношениях с его командой и современными западными премьер-министрами с их кабинетами¹⁶.

О больших чистках много писали и я, и другие авторы¹⁷, новизна данной работы заключается в том, что мы смотрим на процесс под углом зрения ближайших соратников Сталина, которые

15. Stephen G. Wheatcroft, "From Team-Stalin to Degenerate Tyranny," in E. A. Rees, ed., *The Nature of Stalin's Dictatorship: The Politburo, 1924-1953* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004), p. 79-107.

16. Arch Getty, "Stalin as Prime Minister: Power and the Politburo," in Davies and Harris, *Stalin*, p. 83-107.

17. Robert Conquest, *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties* (Harmondsworth: Penguin, 1971) (пионерская работа, которую автор написал без возможности пользоваться архивами); Arch Getty, *The Road to Terror* (представляет собрание постсоветских архивных данных); Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism* (New York: Oxford University Press, 1999), chap. 8 (как это было в городах) and *Stalin's Peasants* (New York: Oxford University Press, 1994), chap. 7 (как это было в деревне) (русские издания: Ш. Фицпатрик, *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город* (Москва: РОССПЭН, 2001); Ш. Фицпатрик, *Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня* (Москва: РОССПЭН, 2001)).

были и соучастниками, и потенциальными жертвами. В этом случае, как и в других, командная перспектива дает возможность увидеть привычные процессы в несколько ином свете. Возьмем, к примеру, количество жертв в семьях в окружении Сталина во время больших чисток. Оно было таким же или более высоким, чем у других членов команды, что усугубило его личную изоляцию, начатую самоубийством его жены несколькими годами ранее и сделавшую его на всю оставшуюся жизнь одиноким и нуждающимся в общении. Это общение обычно обеспечивала ему команда. Если на это вообще обращали внимание, то, как правило, не объясняли, за исключением смутных упоминаний о паранойе. Но, по крайней мере, столь же правдоподобно, что в этом случае (как и в последующем отказе заключить сделку с немцами, когда его сын Яков был взят в плен) Сталин следовал неписаному революционному кодексу чести, который всегда был ему дорог, а этот кодекс требовал подчинения личных интересов интересам революции; кроме того, Сталин чувствовал, что его моральный авторитет в команде требует, чтобы он не заступался за своих близких, поскольку члены команды не могли заступиться за своих.

Точно так же известный сталинский принцип «дозирования» — медленного постепенного уничтожения политических деятелей, от которых он решил избавиться, — часто упоминается в научных исследованиях, но никогда не объясняется, за исключением общих слов, что это пример его хитрости. Хитрость, несомненно, присутствовала, но у жертв (например, Енукидзе или Бухарина) часто были друзья в команде, и, действуя постепенно, Сталин всегда мог отступить, если эти друзья слишком явно выражали свое недовольство. Более того, как показал опыт, после нескольких лет дозирования, в течение которых друзья могли наблюдать, как жертва все больше и больше впадает в отчаяние,

раздражая и пугая их, они часто привыкали к мысли, что выбранная жертва обречена, и были почти убеждены, что она это заслужила.

Большие чистки могли бы полностью уничтожить команду, но, как указал Т. Г. Ригби, бросая вызов общепринятой в 1980-х годах точке зрения, Сталин проявил лояльность по отношению к своим ближайшим соратникам («банде», по терминологии Ригби), даже когда второй эшелон руководства подвергся децимации¹⁸. Индивидуальное выживание, конечно, не обязательно означает выживание команды как важного коллективного организма. Сплочению команды сильно способствовала Вторая мировая война (что до настоящего времени не было отмечено в научных работах), так как уверенность команды и ее ощущение себя как коллектива резко возросло, когда Сталин, ставивший на то, что немцы не нападут в июне 1941, проиграл. Независимо от того, ожидал ли Сталин во время июньского бегства на дачу, что команда изгонит его, но именно основные члены команды, как позже заявил Микоян, первоначально собравшиеся без Сталина, предложили, а затем составили Государственный комитет обороны, который и руководил обороной страны. Война представляла собой вторую вершину командной работы (первый пик был в начале 1930-х годов во время «бури и натиска» периода индустриализации): тут были как регулярные общие собрания, так и четкое разделение обязанностей различных секторов правительства и экономики. В этой книге, а сначала в статье, опубликованной в 1980-х годах, я показала, как ведомственный интерес способствовал динамике Политбюро в начале 1930-х годов¹⁹. Ана-

18. T. H. Rigby, "Was Stalin a Disloyal Patron?" *Soviet Studies* 38:3 (July 1986).

19. Sheila Fitzpatrick, "Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha, 1930: A Case Study in Soviet Bureaucratic Politics," *Soviet Studies* 37:2 (April 1985).

логичный подход можно применить к функционированию Государственного комитета обороны в военное время.

Командная перспектива позволяет иначе взглянуть и на послевоенный период. Замечательная история попыток Сталина помешать опальным членам команды Молотову и Микояну присутствовать на собраниях на даче Сталина и в Кремле ранее рассказывалась, в частности, Хрущевым в его мемуарах, но, похоже, никто не заметил странности в том, что якобы всемогущий Сталин так долго не был в состоянии их изгнать. Они могли приходить на собрания, как поясняет Хрущев, потому что другие члены команды заранее им сообщали. Другими словами, Сталин использовал принцип дозирования, чтобы приучить команду к мысли, что придется расстаться с еще несколькими политическими жертвами, но команда не была к этому готова, и он на это не пошел. Возможно, в конце концов он бы их репрессировал, но ему помешала смерть.

Как и на Уиткрофта и Гетти, на меня произвел сильное впечатление тот факт, что Сталин в последние годы подолгу отсутствовал в Москве и не принимал участия в практическом руководстве страной: полное отсутствие в течение семи месяцев в период с августа 1951 года по февраль 1952 года, когда страной управляла команда²⁰. Но на меня также произвело сильное впечатление и то, что после своего возвращения с юга в феврале 1952 года Сталин больше не уезжал, а это, несомненно, является признаком того, что он планировал нечто серьезное. Антисемитская кампания, конечно, была частью этого проекта. Мы, вероятно, никогда не узнаем, что именно он намеревался сделать, но есть признаки того, что для команды это был полностью сталинский проект: остальная часть команды, похоже,

20. Getty, "Stalin as Prime Minister," 94–95; Wheatcroft, "From Team-Stalin to Degenerate Tyranny," p. 91–93.

была единодушна в своем молчаливом беспокойстве и в течение нескольких дней после смерти Сталина бесцеремонно отменила все его планы.

Научная литература о переходном периоде в 1953 году после смерти Сталина настолько мала, что любой подробный анализ становится новаторским. В основном годы коллективного руководства, 1953–1957, как правило, выпадают из истории — от смерти Сталина сразу переходят к власти Хрущеву. Для простоты названия книг часто предполагают, что после ухода Сталина режиссером спектакля сразу же стал Хрущев, единственный реформатор²¹. Но импульс реформирования исходил от постсталинского коллективного руководства, в котором Хрущев был поначалу далеко не доминирующей фигурой. В настоящем исследовании я пришла к выводу, что переход был блестяще осуществлен именно командой, известной как «коллективное руководство». Ей удалось не только сохранить стабильность, но даже запустить, в удивительно короткие сроки, целый ряд реформ. Эти достижения переходного периода заслуживают особого внимания не только из-за собственной важности, но и потому, что они косвенно подтверждают значимость команды и ее устойчивость даже в последние сталинские годы. Трудно поверить, что такие быстрые и последовательные действия были бы возможны, если бы у новой правящей группы не было опыта совместной работы в команде. Действительно, скорость и масштаб реформаторских усилий также позволяют предположить, что в команде существовал невысказанный консенсус по этим вопросам еще до смерти Сталина²².

21. Например: Юрий Аксютин, *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.* (Москва: РОССПЭН, 2004).

22. Gorlizki and Khlevniuk, *Cold Peace*, p. 124, 133, 141, 162, 166.
В этом вопросе требуется большая осторожность, по-

Как историк повседневной советской жизни 1930-х годов, я привыкла в качестве эквивалента данных общественного мнения для этого периода использовать письма граждан к властям, чтобы получить представление, возможно, неверное, о том, как люди воспринимали мир. Поскольку обычные люди мало знали о ком-либо из членов руководства, кроме Сталина, они склонны были выражать свое мнение (на удивление часто оно было негативным) именно о нем, а не о его соратниках. Положение изменилось после смерти Сталина, когда широкой публике стало доступно гораздо больше информации о большой политике, а запреты на выражение негативных мнений стали слабее. Внезапно в публичном дискурсе ожили отдельные члены команды, и поскольку они были озабочены легитимностью, то стали гораздо внимательнее относиться к тому, что о них говорили, нежели было принято начиная с 1920-х годов. Одним из нововведений этого исследования было включение народной реакции на действия и политику руководства, насколько эта реакция была известна команде, наряду с более традиционным анализом процессов большой политики раннего послесталинского периода. Мне было особенно интересно увидеть, насколько сильны в 1953–1954 годах были сторонники Молотова, особенно, но не только, среди членов партии. Тем более поразительным было его принятие коллективного руководства и неспособность претендовать на высшую должность. Не менее поразительным является отсутствие популярности у Хрущева — сначала потому, что люди его не зна-

сколько прямых свидетельств нет, но ясно, что в этот период ближайшие коллеги Сталина понимали, что он будет блокировать любые реформы, и не предпринимали явных попыток бросить ему вызов, однако некоторые из них или все они тем не менее осознавали, что требуется провести ряд преобразований.

ли, а затем, в конце 1950-х годов, потому что многим не понравилось то, что они узнали²³.

Еще одним удивительным открытием стало то, что с точки зрения популярных мнений внутри страны самой большой проблемой команды оказался еврейский вопрос. Резкое изменение анти-семитской риторики сталинских последних лет расстроило и разочаровало бóльшую часть (нееврейской) общественности, а тот факт, что Сталин умер сразу после того, как указал пальцем на (еврейских) врачей как возможных шпионов и убийц, заставил многих подозревать, что доктора его и убили. В последующие несколько лет еврейский вопрос возникал везде. В кремлинологии, включая интерпретацию международных отношений, в то время было принято размышлять о том, кто из лидеров на самом деле был евреем или действовал от имени евреев. В документах, касающихся общественного мнения за 1930-е годы (докладные записки о «настроениях» и письма граждан), нет ничего похожего на эту общую одержимость евреями, поэтому очевидно, что в 1940-х годах произошло нечто, что фундаментальным образом изме-

23. Elena Zubkova, *Russia after the War: Hopes, Illusions and Disappointments, 1945–1957* (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1998); Аксютин, *Хрущевская «отменель»*; Kozlov et al., *Sedition* (Козлов и др. *Крамoola*); Fitzpatrick, *Tear Off the Masks!*, особ. главы 9–12; Sheila Fitzpatrick, “Popular Opinion in Russia under Pre-War Stalinism,” в Paul Corner, ed., *Popular Opinion in Totalitarian Regimes* (Oxford: Oxford University Press), 17–32; Fitzpatrick, “Popular Opinion under Communist Regimes,” в Stephen A. Smith, ed., *The Oxford Handbook of the History of Communism* (Oxford: Oxford University Press, 2014), p. 371–386; Sarah Davies, *Popular Opinion in Stalin’s Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997). Возражения против использования сведений о народных настроениях из-за свойственного этим выборкам антисоветского крена: Jochen Hellbeck, “Speaking Out: Languages of Affirmation and Dissent in Stalinist Russia,” *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 1:1 (2000).

нило ситуацию²⁴. В чем бы ни была первопричина этих настроений — обиды военного времени по поводу привилегированных евреев, которые «отсиживались в Ташкенте», или позднесталинистская антисемитская политика, — последствия, по словам Юрия Слезкина, были роковыми как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе не только для советских евреев, но также и для самого режима и его легитимности в глазах советской образованной общественности.

Мое понимание коллективного руководства, взявшего на себя управление страной после смерти Сталина (или, точнее, за день до этого события), состоит в том, что это действительно была более или менее командная работа, по крайней мере, для ряда ключевых игроков, таких как Молотов, Маленков и Микоян, не говоря уже о членах команды, которые тогда имели меньший политический вес, таких как Ворошилов и Каганович. Но были и исключения, например, Берия. Он быстро стал самым смелым и радикальным из реформаторов, следовательно, неудивительно, что он же пал первой жертвой постсталинского руководства, когда другие члены команды коллективно арестовали его в июле 1953 года, а в конце того же года он был казнен. Удаление Берии оказалось блестящим пиар-ходом: это означало, что теперь его можно было обвинить во всем, а остальной команде поставить в заслугу отказ от массового террора после Сталина (хотя фактически этот отказ был инициативой Берии). Еще одним участником коллективного руководства, который лично предпочел дру-

24. Amir Weiner, *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 2001), p. 191–235, 287–297; Yuri Slezkine, *The Jewish Century* (Princeton: Princeton University Press, 2011); Sheila Fitzpatrick, “The Con Man as Jew,” in Fitzpatrick, *Tear Off the Masks!*, p. 289–298.

гую модель, с самим собой во главе, был Хрущев. Тот факт, что в середине 1957 года он одержал верх над большей частью команды, возглавляемой Молотовым, был помесью удачи и своевременной помощи со стороны военных и силовых структур.

По общему мнению, с приходом к власти Хрущева советская система вернулась к наиболее естественной для нее ситуации: личной диктатуре, осуществляемой через партию²⁵. Вероятно, раньше я себе это так и представляла, но исследования, проведенные для этой книги, изменили мое мнение. Критики Хрущева не только первоначально победили в дискуссии, когда упрекали его в том, что он отступил от норм коллективного руководства, но их критика была ровно той же, что и у Брежнева и его коллег семь лет спустя, когда Хрущев, в свою очередь, был отстранен от власти. Брежнев утверждал, что он восстановил коллективное руководство, на Западе к этому отнеслись скептически. Но новейшие исследования подтверждают, что форма правления при Брежневе была, по сути, чем-то не слишком далеким от коллективного руководства или, по крайней мере, его тра-

25. Вильям Таубман (William Taubman, *Khrushchev* (New York: Norton, 2003), с. 365) рассматривает Хрущева как «единственного человека на вершине» (название главы 15 в его работе, посвященной 1957–1960 годам) и приводит слова очевидца, считавшего, что «после 1958-го Хрущев перестал слушать и окружил себя подхалимами». В своем основанном на архивных материалах исследовании российский ученый А. С. Сушков (*Президиум ЦК КПСС в 1957–1964 гг.: личности и власть* (Екатеринбург: УрО РАН, 2009), с. 245–246) приходит к выводу, что заявленный принцип коллективного руководства при Хрущеве остался нереализованным, потому что из ближнего круга были исключены почти все равнозначные фигуры, но при этом признает, что Президиум (ранее — Политбюро) продолжал регулярно собираться и что Хрущев по-прежнему «регулярно обсуждал и решал многие важные вопросы» совместно с небольшой группой руководителей из числа членов Президиума.

диционной советской версии, при которой один человек, воспринимаемый как главный лидер, регулярно консультируется с командой, согласие которой он обычно хочет получить, причем внутри этой команды царит негласное убеждение, что он просто первый среди равных²⁶. Именно так действовал Ленин, правление которого никогда не определяли как «личную диктатуру». Сталин иногда действовал таким же образом, а иногда только делал вид, что так делает, но даже его притворство оставляло место для того, чтобы команда продолжала существовать. Хрущев становился все более нетерпимым в командной работе, но традиция была слишком сильна, чтобы мог полностью отказаться от нее, даже когда удалил из команды почти всех, чей статус был примерно равен его собственному.

Западные советологи всегда очень настороженно относились к мысли, что не вся власть принадлежала вождю или высшему лидеру. Это было отчасти потому, что заявления Советского Союза об отсутствии в стране единоличной власти, сформулированные в терминах «демократии» и ссылавшиеся на такие институты, как ЦК партии и Верховный Совет, были своекорыстными и неубедительными. Но, как я попыталась показать в этой книге, если вы хотите понять повседневные рабочие механизмы, надо обращать внимание не только на формальные государственные институты. Если вместо этого мы посмотрим на неформальную практику советского руководства в течение семи десятилетий, то обнаружим, что высшие лидеры почти всегда работали с группой единомышленников, выполнявших основные правительственные обязанности, признававших особый статус верховного лидера, но считавших, что работают

26. Susanne Schattenberg, "Collective Leadership and Familiarity in the Politburo: Brezhnev's Scenario of Power," forthcoming in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*.

с ним как одна команда. Команды являются коллективами, но они не всегда бывают демократичными, а их капитаны могут превратиться в диктаторов. Как мы видели, Сталин мог относиться к своей команде как жестоко, так и по-товарищески. Он мог исключать игроков из своей команды и даже убивать их. Но он никогда не обходился без команды, каковы бы ни были его (нереализованные) намерения в отношении некоторых из ее основных членов в последние годы. «Пропадете вы без меня», — говорил он команде. Но в марте 1953 года этого не произошло. Этот факт — большой сюрприз в конце этой книги, и я надеюсь, что ученые примут это к сведению и, соответственно, пересмотрят свои взгляды на поздний сталинизм.

Слова благодарности

В настоящей форме план этой книги был задуман в 2009 году, когда я получила научный отпуск в Чикагском университете и была научным сотрудником в Берлине. Бóльшую часть работы над книгой я выполнила в Москве и Чикаго, но написана она была после того, как в 2012 году я переехала в Австралию. Я писала эту книгу в своем кабинете в Сиднейском университете, вдали от тех мест, где обычно обитают советологи. Я благодарна Грэму Джиллу, который прочитал всю рукопись, Энн Кертоис и Кей Дрейфус, которые читали отдельные главы, и Сиднейскому университету, который проявил гостеприимство, благожелательность и предоставил мне новый дом. В моих размышлениях о том, как подойти к проекту, мне очень помогли дискуссии с Бернардом Вассерштейном и Марком МакКенна. Андреа Грациози, Арч Гетти, Стивен Ф. Коэн, Майкл Дэвид-Фокс, Олег Хлевнюк, Джон Беземерес, Йорам Горлицкий, Марк Эдель, Стивен Фортескью и Стивен Уиткрофт любезно согласились ответить на мои вопросы. Леонид Вайнтрауб скопировал для меня несколько архивных документов в Москве, а Джун Фаррис, библиотекарь-славист из Чикагского университета, оказывала мне щедрую поддержку по электронной почте.

Я получила большую пользу от сотрудничества со Стивеном Уиткрофтом в рамках гранта проекта *Discovery* по сталинизму, финансируемого Австралийским исследовательским советом. Особая бла-

годарность Кате Хит, чьи навыки фотоисследования оказали неоценимую помощь, а также Бригитте ван Рейнберг, Куинну Фастингу и замечательной редакционной команде издательства *Princeton University Press* и Салли Хит из издательства Мельбурнского университета.

Исследовательская группа исторического факультета Университета Сиднея сделала полезные комментарии к первой главе. Мне очень помогли отзывы о моих статьях из Карлтон-колледжа, Кеньон-колледжа и Мэдисонского университета в Висконсине (2010); Питтсбургского университета и Мельбурнского университета (2011); Калифорнийского университета в Беркли (2012); Университета Нового Южного Уэльса и Университета Назарбаева в Казахстане (2013); Европейского центра Австралийского национального университета (2014). Особенно важными при окончательной подготовке рукописи осенью 2014 года были комментарии и предложения на презентации моих выводов в Университете Бремена, Школе высших научных исследований (EHSS) в Париже, Университете Гумбольдта в Берлине, Манчестерском университете, Лондонской школе экономики и политических наук и на совместной встрече Немецкого исторического института и Франко-русского центра в Москве (с Олегом Хлевнюком в качестве комментатора).

Средний раздел третьей главы представляет собой пересмотренную версию работы «Хозяин и его команда: Сталин и ближний круг, 1925–1933 гг.», опубликованной в издании Стивена Фортескью, изд. «Российская политика от Ленина до Путина» (London: Palgrave Macmillan, 2010), юбилейный сборник, посвященный Т. Х. Ригби.

Я в большом долгу перед добрыми друзьями и коллегами, которые работали в области советской политической истории дольше и копали глубже, чем я, среди них Олег Хлевнюк, Йорам Горлиц-

кий, Арч Гетти, Йорг Баберовский и Билл Таубман, чьи новаторские работы служили мне источником вдохновения и справочным материалом.

Игорь Александрович Сац впервые пробудил у меня интерес к человеческому аспекту сталинской команды еще в 1960-х годах, а в 1970-х Джерри Хау советовал мне (в то время тщетно) использовать знания, полученные от Саца, для написания политической истории. Я хотела бы закончить выражением почтительной признательности политологам старшего поколения, которые были моими наставниками, а в некоторых случаях стали друзьями: Э. Х. Карр, Леонард Шапиро, Роберт С. Такер, Роберт В. (Билл) Дэниелс, и Т. Н. (Гарри) Ригби. Я думаю, что двум последним понравилась бы эта книга — а, возможно, и Карру, несмотря на суровость, под маской которой в своей «Истории Советской России» он скрывал живой интерес к человеческой драме и личности.

Биографии

Аллилуева, Светлана Иосифовна (1926–2011)

Дочь Иосифа Сталина и Надежды Аллилуевой; выпускница исторического факультета МГУ, мужа: (1) Григорий Морозов (1944–1947), (2) Юрий Жданов (1949–1952), (3) Иван Сванидзе (1957–1959), (4) Брандеш Сингх (1960-е годы), (5) американский архитектор Уэсли Питерс (1970-е годы). В 1957 году официально сменила фамилию на Аллилуева, в 1967 году переехала в Соединенные Штаты, вернулась в СССР в 1984–1986 годах и снова уехала; когда жила в Соединенных Штатах, опубликовала мемуары, которые были критическими по отношению к ее отцу. Дети: Иосиф (1945), Екатерина (1950) и Ольга (1971).

Андреев, Андрей Андреевич (1895–1971)

Сын русских крестьян, рабочий, присоединившийся к большевикам в 1914 году. Кандидат в члены Политбюро с 1926 года, член Политбюро в 1932–1952. Отвечал за партийную Контрольную комиссию в 1930–1931 и 1939–1952; за железные дороги в 1931–1935 и за сельское хозяйство в 1943–1946. Секретарь ЦК в 1935–1946; заместитель председателя Совета министров в 1946–1953; после 1953 года член Президиума Верховного Совета. Жена — Дора Хазан (1894–1961), которая училась вместе с Надеждой Аллилуевой в Промышленной академии, впоследствии занимала руководящую должность в текстильной промышленности. Дети: сын Владимир (1919) и дочь Наталья (1921; замужем за Владимиром Куйбышевым).

Аросев, Александр Яковлевич (1890–1938)

Друг детства Молотова, вступил в партию в 1907 году. В 1920-х годах был на дипломатической работе, председатель ВОКС в 1934–1937. Арестован 3 июля 1937 года, а затем расстрелян. Первая жена Ольга Гоппен работала секретарем у Полины Молотовой; вторая жена, Гертруда Фрейнд, была чешкой. Дочь Ольга (1925) стала известной актрисой, написала мемуары.

Берия, Лаврентий Павлович (1899–1953)

Грузин/мингрел, присоединился к большевикам в марте 1917 года; бросил занятия архитектурой ради работы в ЧК. В 1926–1931 возглавлял грузинское ГПУ, затем, в 1930-х годах, был первым секретарем грузинской, а затем и закавказской партийной организации; приехал в Москву в 1938 году, чтобы возглавить НКВД (позднее МВД) и оставался на этом посту до 1946 года; впоследствии сохранил надзорную роль над службами безопасности. Кандидат в члены Политбюро с 1939 года, полноправный член с 1946 года; во время войны — член ГКО; руководил советским атомным проектом с 1944 года. Активный реформатор послесталинского переходного периода, арестован коллегами в июне 1953 года, в декабре осужден за измену закрытым военным судом и расстрелян. Жена — Нина Гегечкори (1905–1991), химик; их сын Серго (1924–2000), физик, в 1947 году женился на внучке Горького Марфе Пешковой, позднее написал мемуары, в которых защищал память своего отца.

Бубнов, Андрей Сергеевич (1884–1938)

Русский, сын купца, вступил в партию в 1903 году, еще студентом. В 1923 году участвовал в левой оппозиции, затем перешел на сторону Сталина; друг Ворошилова. В 1930-х годах руководил образованием, затем был арестован и расстрелян во время больших чисток. Жена Ольга Бубнова вместе с Галиной Егоровой была хозяйкой салона, арестована в 1937 году.

Буденный, Семен Михайлович (1883–1973)

Служил в казачьих полках во время Первой мировой войны и в Красной армии во время Гражданской войны;

был со Сталиным и Ворошиловым в Царицыне; вступил в партию в 1919 году. Повышен в должности до маршала в 1935 году, но отозван с фронта в сентябре 1941 года. Член Центрального комитета партии в 1939–1952. Народный герой, известный своими закрученными вверх усами. Вторая жена, Ольга Михайлова, певица Большого театра, была хозяйкой литературного салона, арестована в 1937 году.

Бухарин, Николай Иванович (1888–1938)

Русский, из учительской семьи, вступил в партию, будучи студентом, в 1906 году, до революции жил в эмиграции в Европе и Соединенных Штатах. Партийный теоретик, которым в 1920-х годах восхищались молодые коммунистические интеллектуалы; член Политбюро в 1924–1929. Был лично близок к Сталину в середине 1920-х годов, возглавлял Коминтерн в 1926–1929 и был редактором «Правды» до июня 1929 года, когда его сняли с должности, как правого уклониста. Возглавлял сектор промышленного министерства в 1929–1932 и был редактором «Известий» в 1934–1937. Подсудимый на московском показательном процессе в 1938 году, осужден и расстрелян. Был женат на (1) Надежде Лукиной; (2) Эсфирь Гурвич (дочь Светлана, 1924 года рождения); и (3) Анне Лариной (сын Юрий, 1936 года рождения).

Булганин, Николай Александрович (1895–1975)

Русский, сын служащего, вступил в партию в 1917 году. Работал в ЧК, затем, в 1920-х годах, был руководителем промышленности; председатель Моссовета в 1931–1937. Заместитель министра обороны при Сталине в 1944 году, затем, с 1947 года — министр обороны. Член Политбюро с 1948 года. Сменил Маленкова на посту главы советского правительства в 1955 году и путешествовал по миру с Хрущевым. Близок к антипартийной группе, хотя и не подвергся публичному осуждению вместе с ее участниками; был вынужден уйти в отставку в 1958 году. Его жена Елена, урожденная Коровина, была учителем английского языка; дочь Вера, одноклассница Светланы Сталиной, была врачом и в 1955 году вышла замуж

за сына адмирала Кузнецова; сын Лев (1925) был летчиком и другом Василия Сталина. В 1944–1962 жил с гражданской женой Лидией Ивановной.

Василевский, Александр Михайлович (1895–1977)

Русский, сын священника. Участвовал в Первой мировой войне в качестве сержанта; во время Гражданской войны служил в Красной армии; протеже Ворошилова, в начале 1930-х годов — курсант Военной академии имени Фрунзе. Вступил в партию в 1938 году (ранее мешало социальное происхождение). Воевал во Второй мировой войне, получил звание маршала в 1943 году; возглавлял Генеральный штаб в 1946–1949. Был министром обороны в 1949–1953, затем, в 1953–1956 годах, заместителем министра обороны.

Ворошилов, Климент Ефремович (1881–1969)

Русский, родившийся на Украине, сын железнодорожника, в юности — шахтер Донбасса, вступил в партию в 1903 году. Вместе с Буденным во время Гражданской войны руководил Первой конной армией; вместе со Сталиным воевал под Царицыном; участвовал в войне с Польшей в 1920 году. Министр обороны в 1925–1940; полноправный член Политбюро в 1925–1960. Не оправдал ожиданий в качестве военного руководителя во время финской войны и угрозы падения Ленинграда в 1941 году. В 1940-х годах потерял доверие Сталина (обвинен в том, что он «британский шпион»). После войны возглавлял советскую Контрольную комиссию в Будапеште, затем был в управлении культурой. Был председателем Верховного Совета в послесталинском руководстве. Жена — Екатерина, урожденная Голда Горбман (1887–1959); их приемные дети: Петр (1914), дочь Фрунзе Татьяна (1920, химик) и сын Тимур (1923–1942), летчик, погиб на войне.

Вознесенский, Николай Алексеевич (1903–1950)

Русский, из служащих, экономист. Вступил в партию в 1919 году. В 1920-х учился сначала в Свердловском коммунистическом университете, затем в Институте красной профессуры, в котором после окончания преподавал. В 1935 году получил докторскую степень

по экономике. В 1935–1937 возглавлял Ленинградскую градостроительную комиссию, затем, с 1938 года, был заместителем председателя Госплана в Москве. В 1939 году стал заместителем председателя Совета Министров СССР, затем, с марта 1941 года, первым заместителем; во время Второй мировой войны был членом ГКО, с февраля 1941 года — кандидат в члены Политбюро и с 1947 года — полноправный член. По слухам, Сталин рассматривал его в качестве возможного наследника. В марте 1949 года был снят со всех постов в связи с «ленинградским делом», в октябре арестован и расстрелян 30 сентября 1950 года.

Вышинский, Андрей Януарьевич (1883–1959)

Юрист, польский дворянин, вырос в Баку, выпускник университета. Вступил в партию в 1920 году (ранее был меньшевиком). Прокурор «шахтинского дела» и трех московских показательных процессов; заместитель прокурора, затем в 1931–1939 генеральный прокурор СССР. После службы в качестве первого заместителя министра иностранных дел в 1940–1949 он в 1949 году сменил Молотова на посту министра и оставался на этом посту до тех пор, пока Молотов снова не вступил в должность в 1953 году; тогда снова стал первым заместителем. Возглавлял советскую делегацию при ООН в 1946 году и вернулся в ООН после смерти Сталина.

Дзержинский, Феликс Эдмундович (1877–1926)

Из польской дворянской семьи, исключен из Виленской гимназии за революционную деятельность; участник российского социал-демократического движения с 1895 года; с 1917 года — большевик. При царе много лет просидел в тюрьме; в партии имел репутацию неподкупного аскета. Возглавлял ВЧК — ГПУ — ОГПУ в 1922–1926; с 1924 года также возглавлял Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР. В середине 1920-х годов был вне фракций, но часто поддерживал группу Сталина.

Гамарник, Ян Борисович (1894–1937)

Еврей, вступил в партию в 1916 году, будучи студентом. В 1920-е годы занимался партийной работой на Дальнем Востоке и в Белоруссии, затем, в 1929–1937, был началь-

ником политуправления Красной армии. Покончил жизнь самоубийством в связи с угрозой ареста по делу Тухачевского, вероятно, после предупреждения от его друга Микояна.

Горький, Максим (Алексей Максимович Пешков)
(1868–1936)

Русский писатель, до революции финансово поддерживал большевиков. После революции защищал интеллигенцию от ЧК, в 1921–1932 — в эмиграции на Капри, вернулся по приглашению Сталина в Советский Союз, где его чествовали, но также за ним внимательно следили. В 1896–1903 годах был женат на Екатерине Пешковой (1876–1965), которая активно участвовала в партии эсэров, основала в 1917 году Политический Красный Крест и руководила помощью политзаключенным в 1922–1937. В 1930-е годы в Москве с Горьким жил его сын Максим Пешков (1897–1934), жена Максима Тимоша (Надежда Введенская), за которой ухаживал Ягода, и их дочь Марфа (лучшая подруга детства Светланы Сталиной), которая в 1947 году вышла замуж за Серго Берия.

Егоров, Александр Ильич (1883–1939)

Русский, профессиональный военный, начиная с царской армии, затем во время Гражданской войны служил в Красной армии. Вступил в партию в 1918 году, ранее состоял в эсеровской партии (с.-р.). В 1920-е годы командовал войсками на Украине, позднее в Белоруссии. Возглавлял генеральный штаб в 1935–1938; маршал с 1935 года; первый заместитель министра обороны в 1937–1938. Арестован в феврале 1938 года и расстрелян. Жена, киноактриса Галина Егорова, которая в 1930-х годах была хозяйкой салона вместе с Ольгой Бубновой, была арестована в 1937 году.

Енукидзе, Абель Сафронович (1877–1937)

Грузин, член партии с 1898 года, секретарь Президиума Центрального исполнительного комитета СССР в 1922–1935; исключен из партии в июне 1935 года; расстрелян во время Большого террора. Крестный отец Надежды Аллилуевой.

Ежов, Николай Иванович (1895–1940)

Вступил в партию в 1917 году. С 1930 года возглавлял отдел ЦК, а в 1934–1939 — партийную Контрольную комиссию, руководитель НКВД в 1936–1938; был кандидатом в члены Политбюро с октября 1937 года и министром водного транспорта в 1938–1939. Арестован 10 апреля 1939 года и расстрелян в феврале 1940 года. Жена — Евгения, урожденная Фейгенберг, ранее Хаютина и Гладун (1904–1938), которая содержала салон и покончила жизнь самоубийством в 1938 году; была приемная дочь Наталья Хаютина (1932).

Жданов, Андрей Александрович (1896–1948)

Русский, сын школьного инспектора, вступил в партию в 1915 году еще будучи студентом. В 1922–1934 был партийным секретарем в Нижнем Новгороде, а затем, в 1934–1944, возглавлял ленинградскую партийную организацию (оставался в Ленинграде во время блокады). Был секретарем ЦК с 1934 года, кандидатом в члены Политбюро с 1935 года, членом Политбюро в 1939–1948. Возглавлял советскую Контрольную комиссию в Финляндии в 1945 году. После войны — на переднем крае культурно-дисциплинарной кампании («ждановщина»). Жена Зинаида была сестрой Александра Щербакова. Сын Юрий (1919), химик, возглавлял отдел науки ЦК в 1948–1953, был женат на дочери Сталина Светлане в 1949–1952 (дочь Екатерина, 1950 года рождения), впоследствии стал ректором Ростовского университета.

Жемчужина, Полина Семеновна (Молотова, урожденная Карповская, 1897–1970)

Дочь еврейского портного, родилась на Украине, вступила в партию в 1918 году (в том же году ее брат и сестра эмигрировали в Палестину). Во время Гражданской войны была комиссаром в Красной армии, тогда же познакомилась с Молотовым и вышла за него замуж. В 1927–1932 была секретарем фабричной партийной организации; в 1932–1936 — директор косметического треста; в 1936–1937 возглавляла производство косметики в Министерстве пищевой промышленности Микояна, в 1939 году заместитель министра, затем министр рыбной промышлен-

ности; затем, в 1939–1948, отвечала за текстиль в Министерстве легкой промышленности. Кандидат в члены ЦК в 1939–1941. Арестована по обвинению в сионизме в 1949 году и до марта 1953 года находилась в ссылке.

Жуков, Георгий Константинович (1896–1974)

Русский, профессиональный военный. В 1915 году был призван в царскую армию, затем, с 1918 года, в Красной армии; вступил в партию в 1919 году. Во время Второй мировой войны был одновременно ведущим командующим фронтом (в 1943 году назначен маршалом) и заместителем Сталина как Верховного главнокомандующего. Возглавил советскую военную администрацию в Германии в 1945–1946. В 1946 году понижен в должности; возглавлял Одесский, а затем Уральский военные округа. Был первым заместителем министра обороны с марта 1953 года, затем министром обороны в 1955–1957. Кандидат в члены Президиума ЦК в 1956–1957, затем, с июня по октябрь 1957 года член Президиума. Основной участник ареста Берии и разгрома антипартийной группы.

Зиновьев, Григорий Евсеевич (настоящая фамилия Радомысльский, 1883–1936)

Еврей, вступил в РСДРП в 1901 году и в 1903 году присоединился к большевикам. До 1917 года вместе с Лениным много лет провел в эмиграции. Выступил против захвата власти в октябре 1917 года. Возглавлял петроградскую (позднее ленинградскую) партийную организацию с 1918 года и Коминтерн с 1919 года, затем в 1926 году, как лидер левой оппозиции, потерял обе должности. Член Политбюро в 1921–1926. Арестован в 1935 году по обвинению в соучастии в убийстве Кирова. Был подсудимым в 1936 году на московском показательном процессе, осужден и расстрелян. Первая жена, Злата Лилина (1882–1929), возглавляла ленинградское управление образования в 1920-х годах, затем, в 1927 году, была исключена из партии вместе с Зиновьевым. Их сын, Степан Радомысльский (1913–1937), был арестован в 1936 году и умер в тюрьме. Вторая жена, Сарра Равич (1899–1957), была арестована в 1935 году и отправлена в ГУЛАГ, освобождена в 1954 году.

Каганович, Лазарь Моисеевич (1893–1991)

Еврей, родился на Украине; вступил в партию в 1911 году, когда был рабочим. Политкомиссар в Воронеже и Туркестане во время Гражданской войны. Кандидат в члены Политбюро с 1926 года и полноправный член в 1930–1957. Возглавлял Компартию Украины в 1925–1930 и снова в 1947 году. Секретарь ЦК в 1928–1939 и одновременно первый секретарь Московского областного и городского комитета партии в 1930–1935; отвечал за железные дороги в 1935–1937 и в 1938–1944, за нефтяную промышленность в 1939–1940 и за снабжение в 1948–1952. Первый заместитель председателя Совета министров в 1953–1957. Возглавлял комитет по труду и заработной плате. Как член антипартийной группы, был понижен в должности и назначен директором завода на Урале в 1957–1961. Жена Мария, урожденная Приворотская, профсоюзный руководитель. У них была дочь Майя (1917), архитектор, и приемный сын Юрий.

Каганович, Михаил Моисеевич (1888–1941)

Старший брат Лазаря, член партии с 1905 года. Член Контрольной комиссии партии в 1927–1934; заместитель наркома тяжелой промышленности, отвечавший за авиастроительство в 1932–1936. Совершил самоубийство из-за угрозы ареста.

Калинин, Михаил Иванович (1875–1946)

Русский, из крестьян, рабочий, вступил в РСДРП в 1898 году при ее основании. Умеренных взглядов в политике, склонный к популизму, был номинальным главой Советского государства в 1919–1946 (председатель Центрального исполнительного комитета СССР, с 1938 года Верховного Совета СССР). Жена — Екатерина Лорберг, эстонская соратница и революционерка, была арестована в 1938 году и освобождена после войны. Их дети: Валерий (1904, инженер), Юлия (1905), Александр (1908, инженер), Лидия (1912, врач) и Анна (1916, врач).

Каменев, Лев Борисович (1883–1936)

Еврей, интеллигент, член РСДРП с 1901 года, большевик с 1903 года, в основном занимался нелегальной работой

в России. Возражал против взятия власти большевиками в октябре 1917 года. Член Политбюро в 1919–1925, вместе с Зиновьевым возглавлял левую оппозицию, председатель Моссовета в 1920-х годах. Исключен из партии в декабре 1927 года, восстановлен в июне 1928 года. Арестован в январе 1935 года по обвинению в заговоре с целью убийства Кирова, был подсудимым на московском показательном процессе в 1936 году, расстрелян по приговору суда. Жена, Ольга Каменева (1881–1941), сестра Троцкого, была арестована в 1935 году и расстреляна, также были расстреляны их сыновья Александр (1906) и Юрий (1921). Его спутница в более поздние годы Татьяна Глебова и их сын Владимир (1929) были сосланы.

Киров, Сергей Миронович (1886–1934)

Русский, вступил в партию в 1904 году, участвовал в партийной работе на Кавказе во время Гражданской войны, там подружился с Орджоникидзе и Микояном; В 1921–1926 работал в Баку в качестве главы партийного комитета Азербайджана; председатель ленинградского партийного комитета в 1926–1934. Близкий друг Сталина с середины 1920-х годов; знал Надежду Аллилуеву с юности, так как был дружен с ее отцом. Кандидат в члены Политбюро с 1926 года и член Политбюро в 1930–1934; избран секретарем ЦК в 1934 году. Убит в декабре 1934 года. Жена — Мария Маркус; детей не было.

Косиор, Станислав Викентьевич (1889–1939)

Родился в Польше, старший из четырех братьев, участвовавших в революционном движении на Украине, вступил в партию в 1907 году, когда был рабочим. В начале 1920-х годов занимался партийной работой в Сибири, затем, в 1926–1928, был секретарем ЦК КПСС в Москве. Кандидат в члены Политбюро в 1927 году и член с 1930 года. Первый секретарь Компартии Украины в 1928–1938; расстрелян во время политических репрессий. Вторая жена, Елизавета, была арестована вместе с мужем и умерла в ГУЛАГе. Их дети Владимир (1922) и Михаил (1924) после ареста родителей были отправлены в детский дом. Владимир погиб на фронте в 1942 году.

Косыгин, Алексей Николаевич (1904–1980)

Русский, из рабочих, вступил в партию в 1927 году. Председатель Ленинградского совета в 1938–1939; нарком легкой промышленности в 1939–1940. Заместитель председателя Совета Министров в 1940–1953. Кандидат, а затем член Политбюро (Президиума) в 1946–1953; во время «ленинградского дела» был под угрозой, но уцелел. В 1957–1960 вновь стал кандидатом в члены Политбюро, а в 1960–1980 — членом; также был председателем Совета министров и вторым человеком при Брежневе. Жена Клавдия была двоюродной сестрой Алексея Кузнецова.

Крупская, Надежда Константиновна (1869–1939)

Жена Ленина, член партии с 1898 года. Член партийной Контрольной комиссии в 1924–1927 и Центрального комитета в 1927–1939. Занимала важный пост в Наркомате просвещения РСФСР в 1917–1929, после чего из-за политических разногласий подала в отставку вместе с коллегами. В середине 1920-х годов была близка к оппозиции Зиновьева.

Куйбышев, Валериан Владимирович (1885–1935)

Русский, из семьи военных, вступил в партию в 1904 году. Кандидат в члены Политбюро в 1921–1924 и член в 1927–1935; секретарь Центрального комитета в 1922 году; глава партийной Контрольной комиссии в 1924–1926. Возглавлял ВСНХ в 1926–1930 и Госплан в 1930–1934. Был женат на (1) Прасковье Стяжкиной, старой большевичке; (2) Елене Коган, также старой большевичке, которая занимала ведущие должности в московском партийном комитете и была расстреляна в 1937 году; (3) Галине Трояновской, дочери старого большевика, дипломата Александра Трояновского; и (4) Ольге Лежава (1901), дочери старого большевика Андрея Лежавы. Сын Владимир (1917) женился на дочери Андреева Наталье; дочь Галина (1919) стала архитектором.

Кузнецов, Алексей Александрович (1905–1950)

Русский, родился в деревне, комсомольский активист, выдвиженец Кирова, второй секретарь ленинградской

партийной организации при Жданове с 1937 года, затем, в 1945–1946, первый секретарь. Секретарь Центрального комитета, начальник отдела кадров в 1946–1949; вместе с Вознесенским о нем говорили как о возможном преемнике Сталина. Арестован по «ленинградскому делу» 13 августа 1949 года и расстрелян 1 октября 1950 года. Его дочь Алла в 1949 году вышла замуж за Серго Микояна.

Кузнецов, Николай Герасимович (1902–1974)

Русский, во время Гражданской войны был матросом, вступил в партию в 1925 году, в 1936–1937 был военным советником в Испании. Командир Тихоокеанского флота в 1938–1939, в 1939 году стал адмиралом, во время войны был наркомом военно-морского флота. В 1948 году заподозрен в выдаче иностранцам государственных секретов. Вернулся с Дальнего Востока в Москву и в 1951–1956 снова занимал пост министра военно-морского флота. Пользовался репутацией прямого человека. Сын Виктор женился на дочери Булганина Вере.

Ленин, Владимир Ильич (настоящая фамилия Ульянов, 1870–1924).

Русский, сын школьного инспектора, получившего личное дворянство; был студентом Казанского университета, когда в 1886 году его старшего брата Александра казнили за революционную деятельность. Начиная с 1880-х годов участвовал в марксистском революционном движении, основатель большевистской партии. В 1900–1905 и в 1908–1917 находился в эмиграции, после февральской революции вернулся в Россию через Германию в знаменитом «пломбированном вагоне». Начиная с середины 1922 года перенес несколько инсультов и был вынужден отойти от дел. Член Политбюро со дня его основания в 1919 году, глава правительства с октября 1917 года до смерти. Жена — Надежда Крупская (см. отдельную статью).

Литвинов, Максим Максимович (настоящая фамилия Валлах, 1876–1951)

Еврей, родившийся в черте оседлости, член РСДРП с 1898 года и большевик с 1903 года; провел много лет

в эмиграции. Член ЦК партии в 1934–1941; заместитель наркома иностранных дел в 1921–1930, затем нарком иностранных дел в 1930–1939 и советский представитель в Лиге наций в 1934–1938. Заместитель наркома иностранных дел Молотова в 1941–1946, одновременно являлся послом в Соединенных Штатах в 1941–1943. Жена Айви (урожденная Лоу, 1876–1951) была англичанкой; их сын Михаил, математик, отец диссидента брежневского периода Павла Литвинова; дочь Татьяна — переводчик.

Лозовский, Соломон Абрамович (настоящая фамилия Дридзо, 1878–1952)

Еврей, сын раввина, в революционном движении с 1903 года, с большевиками с 1905 года (но исключен в 1914–1917 после столкновения с Лениным). Эмигрант в Швейцарии и Франции в 1908–1917. Заместитель наркома иностранных дел в 1939–1946; заместитель руководителя, затем, с 1941 по 1948 год, руководитель Совинформбюро при ЦК, контролировал работу Еврейского антифашистского комитета. Обвиняемый на суде по делу ЕАК в 1952 году, осужден, несмотря на энергичное опровержение обвинений, и расстрелян. Дочь Вера Дридзо, личный секретарь Крупской в 1919–1939, вышла замуж за Михаила Шамберга, друга и коллегу Маленкова; их сын Владимир Шамберг женился на дочери Маленкова.

Лысенко, Трофим Денисович (1896–1976)

Украинец, из крестьян, агроном и противник генетики. Получил высокую оценку Сталина и Молотова в конце 1930-х годов, однако интеллигенция его презирала. Пережил нападки со стороны Юрия Жданова в конце 1940-х годов, а затем критику при Хрущеве, но в 1966 году потерял политический и научный авторитет.

Маленков, Георгий Максимилианович (1901–1988)

Русский, из дворянской семьи, окончил гимназию с золотой медалью, вступил в партию в 1920 году. В начале 1920-х годов учился на инженера, в середине 1920-х годов поступил на работу в аппарат ЦК. В 1934–1939 начальник отдела ЦК, курировавшего партийные органи-

зации, затем начальник отдела кадров и секретарь ЦК в 1939–1946 и в 1948–1953. Кандидат в члены Политбюро с 1941 года, член Политбюро в 1946–1957. Глава советского правительства с марта 1953 по 1955 год. В 1957 году отстранен от власти как член антипартийной группы. Жена — Валерия Голубцова, с 1942 года — ректор Московского энергетического института. Их дети: Валентина (1925), архитектор, вышла замуж за Владимира Шамберга в 1948 году, но в 1949 развелась с ним по указанию Маленкова; Андрей (1937), биолог, позже написал мемуары, где защищал отца; Егор (1938), химик.

Менжинский, Вячеслав Рудольфович (1874–1934)

Польский дворянин, интеллектуал-космополит, в 1898 году окончил факультет правоведения Санкт-Петербургского университета. Вступил в РСДРП в 1902 году и в 1903 году присоединился к большевикам; в 1907–1917 — в эмиграции. Возглавлял ОГПУ в 1926–1934. В последние годы был серьезно болен и всю работу за него выполнял Ягода.

Микоян, Анастас Иванович (1895–1978)

Армянин, член партии с 1915 года, оставшийся в живых после расстрела 26 бакинских комиссаров в 1918 году. В начале 1920-х годов работал в Нижнем Новгороде и Ростове-на-Дону. Был кандидатом в члены Политбюро с 1926 года и членом Политбюро в 1935–1966. Возглавлял Наркомат внешней и внутренней торговли с 1926 года, затем Наркомат снабжения с 1930 года и Наркомат пищевой промышленности в 1934–1938. Во время войны был членом ГКО. После смерти Сталина снова стал министром торговли и возглавил комиссию по реабилитации. Поддержал Хрущева в столкновении с антипартийной группой. Возглавлял Президиум Верховного Совета в 1964–1965. Жена — Ашхен, урожденная Туманян (1896–1962), сыновья: Степан (1922), авиаконструктор (как и его дядя Артем Микоян); Владимир (1924), летчик, погиб на войне; Алексей (1925); Иван (1927), арестован и отправлен в ссылку во время войны вместе с Серго по делу «кремлевских детей»; и Серго (1929), специалист по международным отношениям, женился на Алле Кузнецовой в 1949 году, а позже помог отцу написать мемуары.

Михоэлс, Соломон Михайлович (настоящая фамилия Вовси, 1890–1948)

Актер Московского еврейского театра, с 1929 года его директор. Глава Еврейского антифашистского комитета в 1942 году, в 1943 году ездил в США, Канаду и Великобританию, собирал пожертвования в еврейских общинах. Убит в январе 1948 года по приказу Сталина в подстроенной автомобильной аварии, его театр закрыт в июле 1949 года. Племянник, Мирон Семенович Вовси, был одним из врачей-евреев, проходил обвиняемым по делу врачей в 1952 году.

Молотов, Вячеслав Михайлович (настоящая фамилия Скрябин, 1890–1986)

Русский, родился в Вятской губернии, из обеспеченной семьи, имел музыкальные способности (но не имел отношения к композитору-однофамильцу), до войны был студентом в Санкт-Петербурге, но не окончил университет. Вступил в партию в 1906 году. Был секретарем ЦК в 1921–1930, кандидатом в члены Политбюро с 1922 года и членом Политбюро в 1924–1957. Возглавлял советское правительство (председатель Совета народных комиссаров) в 1930–1941, затем заместитель председателя (Сталина) в 1941–1942 и первый заместитель в 1942–1957. В 1939 году вел переговоры о пакте Молотова — Риббентропа. Во время войны был заместителем председателя ГКО; нарком иностранных дел в 1939–1949, а затем в 1953–1956 и 1941–1945; министр государственного контроля в 1956–1957. Изгнан из высшего руководства как член антипартийной группы, затем в 1957–1960 был послом в Монголии и главой советской делегации по атомной энергии в Вене в 1960–1962. Жена — Полина, урожденная Карповская (партийное имя Жемчужина) (см. отдельную статью); дочь Светлана (1929) стала историком.

Орджоникидзе, Григорий Константинович (Серго) (1886–1937)

Грузин, вступил в партию в 1903 году, получил образование фельдшера, некоторое время был учеником в партийной школе Ленина во Франции в 1911 году, член

большевистского ЦК с 1912 года. Во время Гражданской войны служил в Красной армии на Кавказе; был союзником Сталина в его конфликте с Лениным по поводу национальной политики. Возглавлял партийный комитет в Закавказье в 1922–1926, затем, короткое время, Ростовский комитет. Председатель Центральной контрольной комиссии партии в Москве в 1927–1934; кандидат в члены Политбюро с 1926 года, член Политбюро с 1930 года до смерти. Возглавлял ВСНХ в 1930–1932 и Наркомат тяжелой промышленности в 1932–1937. Совершил самоубийство после ссоры со Сталиным в феврале 1937 года. Жена — Зинаида, урожденная Павлуцкая (1894–1960); приемная дочь Этери (1923), историк.

Петровский, Григорий Иванович (1878–1958)

Родился на Украине в рабочей семье. Активно участвовал в социал-демократическом движении с 1897 году; в 1912 году был избран депутатом от большевиков в Думу. Кандидат в члены Политбюро в 1926–1939, председатель Верховного Совета Украины в 1919–1938, заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1938–1939, с 1940 года — заместитель директора Музея революции.

Поскребышев, Александр Николаевич (1891–1965)

Вступил в партию в 1917 году. В 1920-е годы работал вместе со Сталиным в секретариате Центрального комитета, в 1930-х годах возглавлял секретный отдел ЦК, а с 1935 года — личный секретариат Сталина. Уволен Сталиным в начале 1953 года. В 1934 году женился на Брониславе Металликовой (1910–1941), которая была эндокринологом, любовницей Сталина и родственницей жены Троцкого. Она была арестована в 1939 году и расстреляна в 1941 году. На момент ее ареста у них было две дочери в возрасте семи и одного года.

Постышев, Павел Петрович (1887–1939)

Русский, сын ивановского ткача, вступил в партию в 1904 году. Во время Гражданской войны воевал в Сибири и на Дальнем Востоке. В 1926–1930 секретарь ЦК Компартии Украины, в 1930–1933 в Москве, секретаря

ЦК ВКП(б); в 1933–1937 вернулся на Украину вторым секретарем ЦК (хотя на самом деле был там первым человеком); кандидат в члены Политбюро в 1934–1938. В марте 1937 года переехал в Куйбышев в качестве первого секретаря, арестован в феврале 1938 года и расстрелян в феврале 1939 года. Жена — Татьяна Постоловская, партийная активистка, подписавшая некролог о смерти Надежды Аллилуевой, была арестована вместе с мужем. Их сыновья Леонид (1920) и Владимир (1921) также были арестованы; старший сын Валентин (1916) рано умер.

Пятаков, Георгий Леонидович (Юрий) (1890–1937)

Русский, сын владельца сахарного завода на Украине, вступил в партию в 1910 году. В 1920-х годах занимался планированием и экономикой и был упомянут в «Завещании» Ленина как один из перспективных работников. Видный член левой оппозиции, исключен из партии в 1927 году, восстановлен в 1928 году после отказа от троцкизма. Заместитель наркома тяжелой промышленности с 1931 года. Арестован в 1936 году, был главным обвиняемым на московском показательном процессе 1937 года; осужден 30 января 1937 года и сразу расстрелян.

Радек, Карл Бернгардович (1885–1939)

Родился в еврейской семье во Львове (Лемберг, тогда принадлежавший Австро-Венгрии), вступил в партию в 1903 году. Вместе с Розой Люксембург принимал активное участие в революционном движении в Варшаве, что привело к его высылке из Российской империи в 1907 году. Затем был студентом в Лейпциге и Берне, был близок к левому крылу германской социал-демократической партии. Был экспертом большевиков по Германии; в 1920-х годах поддерживал Троцкого во фракционной борьбе, исключен из партии в 1927 году и сослан. Позже отрекся от прежних взглядов и был вновь принят в партию в 1930 году. В 1932–1936 возглавлял бюро международной информации ЦК. Арестован в сентябре 1936 года, был обвиняемым на московском показательном процессе 1937 года, получил 10 лет (все остальные были приговорены к смертной казни), умер в тюрьме.

Реденс, Станислав Францевич (1892–1940)

Польского происхождения, в молодости работал на заводе на Украине. Член партии с 1914 года, член контрольной комиссии партии в 1927–1934. Начальник ОГПУ Украины в 1931–1933, московского областного ОГПУ — НКВД с 1933 по январь 1938 года и, наконец, НКВД Казахстана; арестован в ноябре 1938 года и расстрелян. Жена — Анна Аллилуева, сестра жены Сталина, в 1948 году была приговорена к 10 годам за шпионаж. У них было два сына: Леонид (1928), арестован в 1943 году вместе с сыновьями Микояна по делу «кремлевских детей», и Владимир (1935).

Рокоссовский, Константин Константинович (1896–1968)

Родители — поляки/белорусы; отец, железнодорожный инспектор, был из польских дворян. Добровольцем поступил в царскую армию во время Первой мировой войны, затем, во время Гражданской войны, в Красной армии; вступил в партию в 1919 году. Арестован в августе 1937 года как польский шпион, освобожден в 1940 году после обращения Тимошенко к Сталину. Командующий Донским фронтом, его войска под Сталинградом взяли в плен фельдмаршала Паулюса; стал маршалом в 1944 году. Министр обороны Польской Народной Республики в 1949–1956 (снят с должности во время восстания в Польше); заместитель министра обороны Советского Союза в 1956–1957 и 1958–1961.

Рудзутак, Ян Эрнестович (1887–1938)

Латыш, рабочий, вступил в партию в 1904 году, стал профессиональным революционером и провел много лет в тюрьме до 1917 года. Служил секретарем ЦК в 1923–1924; был кандидатом в члены Политбюро с 1923 года, членом Политбюро в 1926–1934, затем снова кандидатом в 1934–1937. Был заместителем председателя Совета народных комиссаров в 1926–1937, одновременно возглавлял Контрольную комиссию партии в 1931–1934. Арестован в 1937 году по делу Тухачевского и расстрелян. Активно интересовался культурой (музыка, театр, кино) и дружил с людьми из художественных кругов.

Рыков, Алексей Иванович (1881–1938)

Русский, член партии с 1899 года, член Политбюро с 1922 по декабрь 1930 года, заместитель председателя Совета народных комиссаров при Ленине, сменил его на посту председателя в 1924–1930. Один из лидеров правой оппозиции, в 1931–1936 нарком связи. Арестован в феврале 1937 года, был подсудимым на показательном процессе 1938 года в Москве, осужден и немедленно расстрелян. Жена — Нина Маршак (1884–1942) была арестована в июне 1937 года и умерла в тюрьме; дочь Наталья (1916) была отправлена в ГУЛАГ. Сестра Рыкова, Фаина, была замужем за братом эмигрантского меньшевистского публициста Бориса Николаевского.

Сванидзе, Александр (Алеша) Сергеевич (1884–1941)

Грузин (из дворянской семьи), вступил в партию в 1901 году и стал большевиком в 1904 году. Получил хорошее образование в Тифлисе и Вене, знал немецкий и английский языки. Близкий друг и зять Сталина. Возглавлял экспортное агентство в 1928–1929; был заместителем торгового представителя в Германии в 1930–1931; управлял Внешнеторговым банком в 1931–1935; был заместителем главы Государственного банка в 1935 году. Арестован в декабре 1937 года, в 1941 году его расстреляли. Вместе с ним была арестована его жена, бывшая оперная певица Мария Корона; их сын Джон-Рид (Джонни) (1927–1990) провел двадцать лет в тюрьме и ссылке, вернулся в Москву в 1956 году, был недолго женат на Светлане Аллилуевой (см. отдельную запись).

Сокольников, Григорий Яковлевич (настоящая фамилия Бриллиант, 1888–1939)

Еврей, интеллигент, друг детства Бухарина, вступил в партию в 1905 году, затем жил в эмиграции, получил экономическое образование в Сорбонне. Нарком финансов в 1923–1926, затем работал в Госплане. Кандидат в члены Политбюро в 1924–1925, был исключен как член зиновьевской оппозиции. Арестован в июле 1936 года, был обвиняемым на московском показательном процессе 1937 года, получил десять лет лишения свободы и умер в тюрьме. Его третьей женой была писательница Галина Серебрякова.

Сталин, Иосиф Виссарионович (настоящая фамилия Джугашвили, 1878–1953 [начиная с 1910-х годов указывал год рождения 1879-й])

Грузин, в партии с 1898 года и с большевиками с 1903 года. Член Политбюро с 1919 года; генеральный секретарь ЦК с 1922 года («генеральный» было исключено из официального названия должности в 1934 году). С 1941 года председатель Совнаркома. Первой женой была Екатерина Сванидзе (ум. 1907); их сын, Яков (1907–1943), попал в немецкий плен, что привело к аресту в 1941 году его жены Юлии Мельцнер; Яков погиб в плену. Вторая жена Сталина Надежда Аллилуева (1901–1932), дочь старого большевика Сергея Аллилуева, была студенткой Промышленной академии в конце 1920-х годов, покончила жизнь самоубийством. У них был сын Василий (1921–1962), летчик, вторая жена которого, Екатерина Тимошенко, была дочерью маршала Тимошенко (см. отдельную запись); и дочь Светлана (см. Аллилуева), а также приемный сын Артем (Томика) Сергеев (1921–2008), который стал генерал-майором артиллерии.

Сырцов, Сергей Иванович (1893–1937)

Русский, из семьи служащих, вступил в партию в 1913 году, когда был студентом в Санкт-Петербурге. Во время Гражданской войны был комиссаром Красной армии, затем, в 1926–1929, первым секретарем сибирской партийной организации. Кандидат в члены Политбюро и глава правительства Российской Федерации в 1929–1930, потерял свое положение, когда в 1930 году его обвинили в заговоре с целью смещения Сталина с поста Генерального секретаря (дело Сырцова — Ломинадзе). Был арестован в 1937 году и расстрелян.

Тимошенко, Семен Константинович (1895–1970)

Родился в украинской крестьянской семье в Бессарабии. Служил в кавалерийских дивизиях во время Первой мировой войны и в Красной армии во время Гражданской войны (сражался под Царицыном вместе с Ворошиловым и Сталиным); вступил в партию в 1919 году. Маршал с 1940 года и нарком обороны (сме-

нивший Ворошилова), в 1940–1941, затем, в 1941–1943, заместитель наркома. Один из ведущих командиров фронтов Второй мировой войны. Военный друг Хрущева. Дочь Екатерина была в 1946–1949 замужем за Василием Сталиным.

Томский, Михаил Павлович (настоящая фамилия Ефремов, 1880–1936)

Русский, рабочий-печатник по профессии, член партии с 1904 года. Член Политбюро в 1922–1929, в 1920-х годах возглавлял Центральный совет профсоюзов и был одним из лидеров правой оппозиции. Председатель Всесоюзного объединения химической промышленности с 1929 года, в 1932–1936 возглавлял Объединенное государственное издательство. Совершил самоубийство перед угрозой ареста. Жена Мария Ефремова, старая большевичка, после смерти мужа была приговорена к десяти годам ссылки (в 1954 году Молотов препятствовал ее освобождению). Старшие сыновья Михаил и Виктор были арестованы и расстреляны в конце 1930-х годов; Юрий (1921) был арестован вместе с матерью и сослан.

Троцкий, Лев Давыдович (настоящая фамилия Бронштейн, 1879–1940)

Меньшевик, вступил в РСДРП в 1897 году, а большевиком стал в июне 1917 года. Герой революций 1905 и октября 1917 года; много лет провел в эмиграции. Член Политбюро в 1919–1926, нарком по военным и морским делам в 1918–1925. Создатель Красной армии в годы Гражданской войны, при обороне Царицына конфликтовал со Сталиным. Известный как безжалостный сторонник дисциплины; выступал за призыв в трудовую армию в 1920–1921. После смерти Ленина лидер левой оппозиции. Исключен из партии и сослан в Казахстан в 1927 году; выслан из страны в 1929 году; в изгнании жил в Турции, а затем в Мексике, где был убит советскими агентами. Сестра Ольга была замужем за Камневым. Второй женой была Наталья Ивановна Седова; их старший сын Лев (1906–1938) был главным помощником отца в Европе после изгнания.

Тухачевский, Михаил Николаевич (1893–1937)

Родился в Смоленске, сын бедного дворянина. Получил образование в гимназии, затем в кадетском корпусе; был младшим офицером во время Первой мировой войны. Служил добровольцем в Красной армии во время Гражданской войны, в 1918 году вступил в партию. Командующий Ленинградским военным округом в 1928–1931; с 1931 года заместитель начальника Военного совета. Активно занимался модернизацией армии, был теоретиком танковой войны. Покровитель музыкантов, в том числе Шостаковича. Заместитель наркома обороны при Ворошилове с 1934 года, затем первый заместитель. Обвинен в государственной измене в июне 1937 года и расстрелян.

Уборевич, Иероним Петрович (1896–1937)

Из литовских крестьян, в 1914–1915 учился в университете, во время Первой мировой войны был младшим офицером, вступил в партию в 1917 году. Во время Гражданской войны воевал в Красной армии. В 1927–1928 был командирован в Германию получать высшее военное образование, после чего в 1931–1932 был заместителем председателя Реввоенсовета, а затем, в 1931–1937, командующим Белорусским, а позднее Среднеазиатским военными округами. Друг Микояна. Обвинен по делу Тухачевского и расстрелян.

Фрунзе, Михаил Владимирович (1885–1925)

Молдаванин, вступил в партию в 1904 году. Во время Гражданской войны был комиссаром в Красной армии, затем командиром Туркестанского и Южного фронтов. С января 1925 года — преемник Троцкого на посту руководителя вооруженными силами, одновременно стал кандидатом в члены Политбюро; умер после хирургической операции (неподтвержденные слухи о том, что его убил Сталин). Его дети Татьяна (1920 года рождения) и Тимур (1923–1942) после его смерти были усыновлены Ворошиловыми.

Хрущев, Никита Сергеевич (1894–1971)

Русский, родился на Украине, в юности — рабочий, вступил в партию в 1918 году. Студент Промышленной академии, активно выступал против правых в 1930 году, второй секретарь московской партийной организации (при Кагановиче) в 1932–1935, затем первый секретарь в 1935–1938. Возглавлял Компартию Украины в 1938–1947 и потом в 1948–1949. Кандидат в члены Политбюро (Президиума) в 1938 году, член Политбюро в 1939–1964. Секретарь ЦК в 1949–1953, также возглавил московскую партийную организацию. Первый секретарь ЦК партии в 1953–1964, председатель Совета министров в 1958–1964. В 1956 году начал кампанию по десталинизации. Уволен со всех постов в октябре 1964 года. Его второй женой (с начала 1920-х годов) была Нина Кухарчук. Их дети: Рада (1929), журналистка, замужем за журналистом Алексеем Аджубеем; Сергей (1935), инженер, эмигрировал в Соединенные Штаты в 1990-х годах и много писал о своем отце; Елена (1938), адвокат. У Хрущева также было двое детей от первого брака: Юлия (1916) и Леонид (1917–1943), летчик, погиб во время войны, его жена была арестована в 1942 году.

Чепцов, Александр Александрович (1902–1980)

Юрист, начальник отдела кадров ЦК в 1942–1945; президент военной коллегии и заместитель председателя Верховного суда СССР в звании генерал-лейтенанта в 1948–1957. Председательствовал в качестве судьи на закрытом процессе Еврейского антифашистского комитета в 1952 году, где не решался осудить обвиняемых. Карьера закончилась после того, как маршал Жуков в 1956 году обвинил его в осуждении руководителей ВВС, основанном на сфабрикованных доказательствах, десятью годами ранее.

Чубарь, Влас Яковлевич (1891–1939)

Украинец, вступил в партию, когда был рабочим на заводе в 1907 году. Кандидат в члены Политбюро с 1926 года, член Политбюро в 1935–1938. Возглавлял украинское правительство в 1923–1934; с 1934 года был заместителем председателя Совнаркома СССР в Москве. Короткое время, до ареста в 1938 году, возглавлял целлюлозный

комбинат в Соликамске; был расстрелян во время Большого террора. Жена Александра (1903–1938), окончила университет в 1928 году, работала консультантом по легкой промышленности и была арестована вместе с мужем и расстреляна; у них было два сына, Алексей (1929) и Владимир (1933).

Чуев, Феликс Иванович (1941–1999)

Писатель и публицист, по взглядам — сталинист и русский националист. Главной темой литературных произведений был героизм на фронте. Интервьюировал Молотова в 1970-х и 1980-х годах, также интервьюировал Кагановича.

Шверник, Николай Михайлович (1888–1980)

Член партии с 1905 года, секретарь Центрального комитета в 1926–1927; первый секретарь уральского обкома в 1927–1929. Возглавлял профсоюзы в 1929–1944 и в 1953–1956. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР в 1944–1946 и Контрольной комиссии партии в 1956–1966. Был кандидатом в члены Политбюро с 1939 года и членом Президиума (Политбюро) в 1952–1953 и 1957–1966. Жена — Мария Белая, старшая большевичка с Украины; их дочь, Людмила (Люся) (1916), была первой женщиной — выпускницей Жуковского военно-инженерного училища, специалист по телевизионным технологиям.

Щербаков, Александр Сергеевич (1901–1945)

Из рабочих, вступил в партию в 1918 году. Учился в Свердловском коммунистическом университете в начале 1920-х годов, затем в Институте красной профессуры в начале 1930-х годов. В 1932–1936 работал в Центральном комитете, одновременно, с 1934 года, занимал пост секретаря вновь образованного Союза писателей под председательством Горького; затем был секретарем партийных организаций в Ленинграде, Иркутске и Донецке. Был первым секретарем московской партийной организации в 1938–1945 и кандидатом в члены Политбюро с февраля 1941 года. Брат жены Жданова. Умер от сердечного приступа в ночь после Дня Победы.

Ягода, Генрих Георгиевич (1891–1938)

Еврей, в партии с 1907 года (по другим источникам — с 1917 года). Вырос в Нижнем Новгороде, был родственником старого большевика Якова Свердлова и с юности знал писателя Максима Горького. Заместитель начальника ОГПУ в 1924–1934, затем в 1934–1936 руководил НКВД. Ближе к правым, чем к сталинской команде, после возвращения Горького в Россию близок к его семье (был влюблен в невестку писателя). В 1938 году стал подсудимым на московском показательном процессе, был осужден и впоследствии расстрелян. Жена — Ида, племянница Свердлова. Брат Леопольда Авербаха (в 1920-х годах лидера Российской ассоциации пролетарских писателей [РАПП]).

Якир, Иона Эммануилович (1896–1937)

Еврей, сын фармацевта, учился в университете в Базеле, вступил в партию в 1917 году. Во время Гражданской войны воевал в Красной армии, в 1925–1935 командовал Украинским военным округом. Друг Кагановича и Хрущева. Был обвинен по делу Тухачевского, приговорен к смертной казни и расстрелян. Его жена Сарра публично отреклась от него, вероятно, под давлением, затем была отправлена в ГУЛАГ вместе с их сыном Петром, который при Брежневе стал активным участником диссидентского движения.

Яковлев, Яков Аркадьевич (настоящая фамилия Эшттейн, 1896–1938)

Еврей, вступил в партию в 1913 году, будучи студентом. Вместе с Молотовым участвовал в подпольной работе в Санкт-Петербурге. После службы в ЦК в середине 1920-х годов в 1929–1934 он возглавлял Наркомат земледелия и в 1934–1936 — отдел сельского хозяйства ЦК; с 1936 года был первым заместителем председателя Контрольной комиссии партии. Не будучи членом Политбюро, он тем не менее в 1930-х годах часто участвовал в заседаниях Политбюро как любимец Сталина. Арестован в октябре 1937 года и расстрелян. Его жена Елена Соколовская, директор «Мосфильма», была арестована вместе с ним.

Библиография

Архивы

ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).

- Ф. 3316¹ (Центральный исполнительный комитет съезда Советов СССР [ЦИК СССР]).
- Ф. 3429 (Высший совет народного хозяйства СССР [ВСНХ СССР]).
- Ф. 5446 (заместитель председателя Совета министров СССР):
оп. 51 (Андреев), 53 (Вознесенский), 54 (Ворошилов),
82 (Молотов), 83 (Каганович), 85 (Маленков), 120 (Мико-
коян).
- Ф. 5451 (Всесоюзный центральный совет профессиональных сою-
зов СССР [ВЦСПС СССР]).
- Ф. 7297 (Народный комиссариат тяжелой промышленности
СССР).
- Ф. 7523 (Верховный Совет СССР).

РГАНИ (Российский государственный архив новейшей истории).

- Ф. 3 (Политбюро).
- Ф. 5 (Агитпроп и Общий отдел).
- Ф. 52 (Хрущев).

*РГАСПИ (Российский государственный архив социальной-политиче-
ской истории).*

- Ф. 17 (Центральный комитет Российской/Всесоюзной коммуни-
стической партии [ЦК РКП(б)/ЦК ВКП(б)]).

Личные архивные фонды:

- ФФ. 73 (Андреев), 74 (Ворошилов), 77 (Жданов), 78 (Калинин),
79 (Куйбышев), 80 (Киров), 81 (Каганович), 82 (Моло-
тов), 84 (Микоян), 85 (Орджоникидзе), 329 (Бухарин),
558 (Сталин), 667 (Енукидзе).

1. Ф. — фонд, архивное собрание; оп. — опись, структурная часть архивного фонда.

ЦГАИПД (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга).

Ф. 24 (Ленинградский обком партии).

ЦХДНИСО (Центр хранения документации новейшей истории Самарской области).

Ф. 714 (Куйбышевский обком партии).

Газеты

Известия (центральный правительственный орган).

Крестьянская газета (Ленинград).

Правда (Центральный партийный орган).

Труд (центральный профсоюзный орган).

Опубликованные документы, стенограммы

XIII съезд РКП(б), май 1924 г. Стенографический отчет (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1962).

XV конференция Всесоюзной коммунистической партии (б), 25 октября — 3 ноября 1926 года. Стенографический отчет (Москва — Ленинград: Государственное издательство, 1927).

XV съезд ВКП(б), декабрь 1927 года. Стенографический отчет (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1961), в 2 томах.

XVII съезд ВКП(б), 30 января — 10 февраля 1934 года. Стенографический отчет (Москва: Партиздат, 1934).

XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической Партии (б), 10–21 марта 1939 года. Стенографический отчет (Москва: ОГИЗ, 1939).

XX съезд Коммунистической Партии Советского Союза, 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1956), в 2 томах.

Большевицкое руководство: переписка, 1912–1927, сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк и др. (Москва: РОССПЭН, 1996).

Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.), под ред. В. А. Козлова (Москва: РОССПЭН, 2011).

Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП(б)–ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике, 1917–1953,

- сост. Андрей Артизов и Олег Наумов (Москва: Международный фонд «Демократия», 1999).
- «Всюду я буду доказывать свою невиновность», письма Бухарина Сталину и членам Политбюро (1936), *Источник*, 1993, № 2.
- Иосиф Сталин в объятиях семьи, из личного архива*, под ред. Ю. Г. Мурина (Москва: Родина, 1993).
- Как ломали НЭП: стенограммы пленумов ЦК ВКП(б), 1928–1929*, в 5 томах, под ред. В. П. Данилова, О. В. Хлевнюка, А. Ю. Ватлина и др. (Москва: Международный фонд «Демократия», 2000).
- Лаврентий Берия: стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие материалы*. сост. В. П. Наумов и Ю. Сигарев (Москва: Международный фонд «Демократия», 1999).
- «Литературный фронт»: история политической цензуры. Сборник документов, сост. Д. Л. Бабиченко (Москва: Энциклопедия российских деревень, 1994).
- Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938*, сост. В. Н. Хаустов и др. (Москва: Международный фонд «Демократия», 2004).
- Лубянка: Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «СМЕРШ» 1939 — март 1946*, сост. В. Н. Хаустов и др. (Москва: Международный фонд «Демократия», 2006).
- Молотов, Маленков, Каганович, 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы*, сост. Н. Ковалева и др. (Москва: Международный фонд «Демократия», 1998).
- На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.)*, под ред. А. А. Чернобаева (Москва: Новый Хронограф, 2008).
- Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг.*, сост. Л. Ковалева и др. (New Haven: Yale University Press, 1995).
- Политбюро и дело Берия: сборник документов*, под ред. О. В. Мозохина (Москва: Кучково поле, 2012).
- Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): повестки дня заседаний*, т. 1, 1919–1929. Каталог (Москва: РОССПЭН, 2000).
- Политбюро ЦК РКП(б) и Европа: решения «особой папки», 1923–1939* (Москва: РОССПЭН, 2001).
- Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, 1945–1953*, сост. Хлевнюк и др. (Москва: РОССПЭН, 2002).
- «Посетители кремлевского кабинета Сталина», под ред. А. В. Короткова, А. Д. Чернева и А. А. Чернобаева, *Исторический архив*, 1994, № 6–1997, № 1.
- Президиум ЦК КПСС, 1954–1964*, т. 1, Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы, под ред. А. А. Фурсенко (Москва: РОССПЭН, 2003).

- «„Прости меня, Коба“: неизвестное письмо Н. Бухарина», *Источник*, 1993, № 0.
- «Против присвоения фамилии Сталина возражений не имею», *Источник*, 1996, № 2.
- Региональная политика Н. С. Хрущева: ЦК КПСС и местные партийные комитеты, 1953–1964 гг.*, сост. О. В. Хлевнюк и др. (Москва: Российская политическая энциклопедия, 2009).
- «Счастье литературы». *Государство и писатели, 1925–1938. Документы*, сост. Д. Л. Бабиченко (Москва: РОССПЭН, 1997).
- Советское руководство: переписка, 1928–1941*, сост. А. В. Квашонкин и др. (Москва: РОССПЭН, 1999).
- Сталин и Каганович: переписка, 1931–1936 гг.*, сост. О. В. Хлевнюк и др. (Москва: РОССПЭН, 2001).
- Сталин и космополитизм: документы агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953*, под ред. Д. Г. Наджафова (Москва: Международный фонд «Демократия», Издательство Материк, 2005).
- Сталинское Политбюро в 30-е годы: сборник документов*, сост. О. В. Хлевнюк и др. (Москва: АИРО-XX, 1995).
- Стенограммы заседаний Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б), 1923–1938*, в 3 томах, под ред. К. М. Андерсона и др. (Москва: РОССПЭН, 2007), т. 1 (1923–1926), т. 2 (1926–1927), т. 3 (1928–1938).
- «„У меня одна надежда на тебя“: последние письма Н. И. Бухарина И. В. Сталину, 1935–1937 гг.», *Исторический архив*, 2001, № 3.
- Clark, Katerina, and Evgeny Dobrenko, with Andrei Artizov and Oleg Naumov. *Soviet Culture and Power: A History in Documents, 1917–1953* (New Haven: Yale University Press, 2007).
- Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers: Franklin D. Roosevelt; The Conferences at Malta and Yalta* (Washington, DC: Department of State, 1955).
- Koenker, Diane P., and Ronald D. Bachman, eds. *Revelations from the Russian Archives* (Washington, DC: Library of Congress, 1997).
- Origins of the Cold War: The Novikov, Kennan, and Roberts “Long Telegrams” of 1946*, ed. Kenneth M. Jensen (Washington, DC: US Institute of Peace, 1991).
- Report of Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet “Bloc of Rights and Trotskyites,” Heard before the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR, Moscow, March 2–13, 1938* (Moscow: People’s Commissariat of Justice of the USSR, 1938).
- Rubenstein, Joshua, and Vladimir P. Naumov, eds. *Stalin’s Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee*, trans. Laura Esther Wolfson (New Haven: Yale University Press, 2001).

*Мемуары, интервью и истории,
рассказанные членами команды и их семьями*

АНДРЕЕВ

Андреев, А. А. *Воспоминания, письма*, сост. Н. А. Андреева (Москва: Политиздат, 1985).

БЕРИЯ

Берия, С. *Мой отец: Лаврентий Берия* (Москва: Современник, 1994).

Берия, С. *Мой отец, Лаврентий Берия: сын за отца отвечает...* (Москва: Алгоритм, 2013).

Beria, Sergo. *Beria, My Father: Inside Stalin's Kremlin*, trans. Brian Pearce (London: Duckworth, 2001).

БУХАРИН

Ларина, А. *Незабываемое* (Москва: АПН, 1989).

Larina, Anna. *This I Cannot Forget: The Memoirs of Nikolai Bukharin's Widow*, trans. Gary Kern (London: Norton, 1993).

ВОРОШИЛОВ

Ворошилов, К. Е. *Рассказы о жизни: воспоминания* (Москва: Политиздат, 1968), т. 1 [других томов нет].

ЖДАНОВ

Жданов, Ю. А. *Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца* (Ростов-на-Дону: Феникс, 2004).

КАГАНОВИЧ

Каганович, Л. *Памятные записка рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника* (Москва: Вагриус, 1996).

Куманев, Г. А. *Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства; встречи, беседы, интервью, документы* (Москва: Былина, 1999) (интервью с Кагановичем 1991 года).

Чуев, Феликс. *Так говорил Каганович: исповедь сталинского апостола* (Москва: Отечество, 1992).

КОСИОР, СТАНИСЛАВ

О Станиславе Косиоре: воспоминания, очерки, статьи, сост. М. Б. Погребинский (Москва: Политиздат, 1989).

КУЙБЫШЕВ

Куйбышева, Г. В. *Валериян Владимирович Куйбышев: биография* (Москва: Издательство политической литературы, 1966).

МАЛЕНКОВ

Маленков, А. Г. *О моем отце Георгии Маленкове* (Москва: НТТ «Технозкос», 1992).

МИКОЯН

- Микоян, А. И. *Дорогой борьбы* (Москва: Издательство политической литературы, 1971).
- Микоян, А. И. *Мысли и воспоминания о Ленине* (Москва: Политиздат, 1970).
- Микоян, А. И. *Так было: размышления о минувшем* (Москва: Вагриус, 1999).
- Микоян, А. И. *В начале двадцатых...* (Москва: Издательство политической литературы, 1975).
- Микоян, Степан Анастасович. *Воспоминания военного летчика-испытателя* (Москва: «Техника — молодежи», 2002).

МОЛОТОВ

- Никонов, В. *Молотов: молодость* (Moscow: Вагриус, 2005) [до 1924 года].
- Чуев, Ф. *Молотов: полудержавный властелин* (Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2000).
- Чуев, Ф. *Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева* (Москва: Терра, 1991).

ОРДЖОНИКИДЗЕ

- Орджоникидзе, З. Г. *Путь большевика: страницы из жизни Г. К. Орджоникидзе* (Москва: История гражданской войны, 1938).

ПОСТЫШЕВ

- Постышев, Л. «Из уходящего прошлого», *Факел: историко-революционный альманах* (Москва, 1989).

СТАЛИН

- Аллилуева, С. *Двадцать писем к другу* (Санкт-Петербург, 1994).
- Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи*, под ред. М. Лобанова (Москва: ЭКСМО, 2002).
- Alliluyeva, Svetlana. *Only One Year* (New York: Harper & Row, 1969).
- Alliluyeva, Svetlana. *Twenty Letters to a Friend* (New York: Harper & Row, 1967).

ТОМСКИЙ

- Томский, Ю. «Воспоминания Юрия Томского об отце, 1988–1989», Михаил Томский, *Воспоминания, статьи, документы*, под ред. О. И. Горелова (Москва: РГГУ, 2001).

ХРУЩЕВ

- Хрущев, С. *Никита Хрущев: кризисы и ракеты* (Москва: Новости, 1994).
- Хрущев, С. *Никита Хрущев: пенсионер* (Москва: Время, 2010), т. 3. *Трилогия об отце.*
- Хрущев, С. *Никита Хрущев: реформатор* (Москва: Время, 2010), т. 2. *Трилогия об отце.*

- Хрущев, С. *Никита Хрущев: рождение сверхдержавы* (Москва: Время, 2010), т. 1. *Трилогия об отце*.
- Khrushchev, Nikita. *Khrushchev Remembers*, ed. and trans. Strobe Talbott (Boston: Little Brown, 1970).
- Khrushchev, Nikita. *Khrushchev Remembers: The Glasnost Tapes*, ed. and trans. Jerrold L. Schecter (Boston: Little, Brown, 1990).
- Khrushchev, Nikita. *Khrushchev Remembers: The Last Testament*, ed. and trans. Strobe Talbott (Boston: Little, Brown, 1974).

Другие мемуары, дневники и интервью

- Аджубей, А. И. *Те десять лет* (Москва: Советская Россия, 1989).
- Алексеева, Н. *Лаврентий Берия в моей жизни* (Москва: Современник, 1996).
- Аросева, О. *Без грима* (Москва, 2000).
- Были индустриальные: очерки и воспоминания*, сост. И. М. Данишевский (Москва: Политиздат, 1973).
- Были индустриальные: очерки и воспоминания*, 2-е изд., сост. И. М. Данишевский (Москва: Издательство политической литературы, 1973).
- Вишневская, Г. *История жизни* (Москва: Русич, 1999).
- Вовси-Михоэлс, Н. *Мой отец Соломон Михоэлс* (Москва: Возвращение, 1977).
- Возвращенные имена: сборник публицистических статей*, в 2 книгах (Москва: Новости, 1989).
- Громыко А. А. *Памятное* (Москва: Издательство политической литературы, 1988), в 2 томах.
- Гронский, М. *Из прошлого. Воспоминания* (Москва: Известия, 1991).
- Елагин, Ю. *Укрощение искусств* (Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952).
- Жуков, Г. К. *Воспоминания и размышления* (Москва: Новости, 1990), в 3 томах.
- Куманев, Г. А. *Говорят сталинские наркомы* (Смоленск: Русич, 2005).
- Куманев, Г. А. *Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы* (Москва: Былина, 1999).
- Кузнецов, Н. Г. *Крутые повороты: из записок адмирала* (Москва: Молодая гвардия, 1995).
- Надежда Мандельштам, *Воспоминания* (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970).
- Новиков, Н. В. *Воспоминания дипломата: записки, 1938–1947* (Москва: Издательство политической литературы, 1989).
- Орлов, А. *Тайная история сталинских преступлений* (Москва: Автор, 1991).

- Симонов, К. *Глазами человека моего поколения* (Москва: Новости, 1988).
- Соловьев, А. Г. «Тетради красного профессора», *Неизвестная Россия*, т. 4 (Москва: Мосгорархив, 1993).
- Томский, М. *Воспоминания: статьи. Документы*, под ред. О. И. Горелова (Москва: РГГУ, 2001).
- Трояновский, О. *Через годы и расстояния: история одной семьи* (Москва: Вагриус, 1997).
- Фрадкин, В. *Дело Кольцова* (Москва: Вагриус, 2002).
- Хренников, Т. *Так это было* (Москва: Музыка, 1994).
- Шепилов, Д. *Непримкнувший* (Москва: Вагриус, 2001).
- Шрейдер, М. *НКВД изнутри: записки чекиста* (Москва: Возвращение, 1995).
- Яковлев, А. С. *Цель жизни: записки авиаконструктора*, 3-е изд. (Москва: Политиздат, 1972).
- Vazhanov, Boris. *Vazhanov and the Damnation of Stalin*. Trans. and commentary by David W. Doyle (Athens: Ohio University Press, 1990).
- Berezhkov, Valentin M. *At Stalin's Side: His Interpreter's Memoirs from the October Revolution to the Fall of the Dictator's Empire*, trans. Sergei V. Mikheyev (New York: Birch Lane Press, 1994).
- Bialer, Seweryn. *Stalin and His Generals: Soviet Military Memoirs of World War II* (New York: Pegasus, 1969).
- Bonner, Elena. *Mothers and Daughters*, trans. Antonina W. Bouis (New York: Vintage Books, 1993).
- Burlatsky, Fedor. *Khrushchev and the First Russian Spring: The Era of Khrushchev through the Eyes of His Advisor*, trans. Daphne Skillen (New York: Charles Scribner, 1988).
- Dimitrov, Georgi. *The Diary of Georgi Dimitrov, 1933–1949*, intro. and ed. Ivo Banac (New Haven: Yale University Press, 2003).
- Djilas, Milovan. *Conversations with Stalin*, trans. Michael B. Petrovich (Harmondsworth: Penguin, 1962).
- Dubinsky, Rostislav. *Stormy Applause: Making Music in a Workers' State* (New York: Hill & Wang, 1989).
- Garros, Veronique, Natalia Korenevskaya, Thomas Lahusen, and Carol Flath, eds. *Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s* (New York: New Press, 1995).
- Mandelstam, Nadezhda. *Hope against Hope: A Memoir*, trans. Max Hayward (New York: Modern Library, 1999).
- . *Воспоминания* (New York, 1979).
- Meir, Golda. *My Life* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1975).
- Mićunović, Veljko. *Moscow Diary*, trans. David Floyd (Garden City, NY: Doubleday, 1980).
- Patolichev, N. S. *Measures of Maturity*, trans. Y. S. Shirokov and Y. S. Sviridov (Oxford: Pergamon Press, 1983).

- Roy, M. N. *M. N. Roy's Memoirs*, sponsored by the Indian Renaissance Institute, Dehra Dun (Bombay: Allied, 1964).
- Scott, John. *Behind the Urals: An American Worker in Russia's City of Steel*, ed. Stephen Kotkin (Bloomington: Indiana University Press, 1989).
- Serge, Victor. *Memoirs of a Revolutionary*, trans. from the French by Peter Sedgwick and George Paizis (New York: New York Review of Books, 2012).
- Shamberg, Vladimir. "Stalin's Last Inner Circle," *Harriman Review* 10:1 (1997).
- Shepilov, Dmitrii. *The Kremlin's Scholar: A Memoir of Soviet Politics under Stalin and Khrushchev*, ed. Stephen V. Bittner, trans. Anthony Austin (New Haven: Yale University Press, 2007).
- Sudoplatov, Pavel, and Anatoli Sudoplatov with Jerrold L. and Leona P. Schecter. *Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness; A Soviet Spymaster* (Boston: Little, Brown, 1994).
- Sukhanov, N. *The Russian Revolution, 1917: Eyewitness Account*, ed., abridged, and trans. Joel Carmichael (Oxford: Oxford University Press, 1955).
- Tuominen, Arvo. *The Bells of the Kremlin* (Hanover: University Press of New England, 1983).
- Wells, H. G. *Experiment in Autobiography* (London: Faber, 1984).
- Yevtushenko, Yevgeny. *A Precocious Autobiography*, trans. Andrew R. MacAndrew (London: Collins & Harvill, 1963).

Биографии

ОБЩИЕ/КОЛЛЕКТИВНЫЕ

- Васильева, Л. *Кремлевские жены* (Москва: Вагриус, 1992).
- Зенкович, Н. *Самые секретные родственники: энциклопедия биографий* (Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005).
- Медведев, Р. *Окружение Сталина* (Москва: Молодая гвардия, 2010).
- Медведев, Р. *Они окружали Сталина* (Benson, VT: Chalidze Publications, 1984).
- Vasilieva, Larissa. *Kremlin Wives*, ed. and trans. Cathy Porter (London: Weidenfeld & Nicolson, 1994).

БЕРИЯ

- Сухомлинов, А. В. *Кто вы, Лаврентий Берия?* (Москва: Детектив-Пресс, 2003).
- Knight, Amy. *Beria: Stalin's First Lieutenant* (Princeton: Princeton University Press, 1993).

БУХАРИН

- Cohen, Stephen F. *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938* (New York: Alfred A. Knopf, 1972).

Gregory, Paul R. *Politics, Murder and Love in Stalin's Kremlin: The Story of Nikolai Bukharin and Anna Larina* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2010).

Medvedev, Roy A. *Nikolai Bukharin: The Last Years*, trans. A. D. P. Briggs (New York: Norton, 1980).

ВОРОШИЛОВ

Кардашов, В. *Ворошилов* (Москва: Молодая гвардия, 1976).

ЕЖОВ

Getty, J. Arch, and Oleg V. Naumov. *Yezhov: The Rise of Stalin's "Iron Fist"* (New Haven: Yale University Press, 2008).

Jansen, Mark, and Nikita Petrov. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940* (Stanford, CA: Hoover Institution Press, 2001).

ЖДАНОВ

Борисов, С. *Андрей Александрович Жданов: опыт политической биографии* (Щадринск, 1998).

Волынец, А. *Жданов* (Москва: Молодая гвардия [Жизнь замечательных людей], 2013).

Кислицын, С. А. *Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... «Вечных скитаниях, вечных борениях»* (Москва: УРСС, 2013).

Boterbloem, Kees. *The Life and Times of Andrei Zhdanov, 1896–1948* (Montreal: McGill-Queens, 2004).

КАГАНОВИЧ

Евсеев, Е. *Каганович: сапран за спиной Сталина* (Москва: Яуза, 2005).

Rees, E. A. *Iron Lazar: A Political Biography of Lazar Kaganovich* (London: Anthem Press, 2012).

КИРОВ

Наш Мироньч: воспоминания о жизни и деятельности С. М. Кирова в Ленинграде, сост. М. В. Росляков и В. М. Иванов (Ленинград: Лениздат, 1968).

О Сергее Кирове: воспоминания, очерки, статьи современников, сост. М. И. Владимиров (Москва: Издательство политической литературы, 1985).

Lenoe, Matthew E. *The Kirov Murder and Soviet History* (New Haven: Yale University Press, 2010).

МИКОЯН

Павлов, М. Ю. *Анастас Микоян: политический портрет на фоне советской эпохи* (Москва: Международные отношения, 2010).

МОЛОТОВ

Bromage, Bernard. *Molotov: The Story of an Era* (London: Peter Owen, 1956).

Watson, Derek. *Molotov: A Biography* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005).

ОРДЖОНИКИДЗЕ

Сейранян, Ф. Г. Г. К. *Орджоникидзе в годы социалистического строительства* (Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1986).

РУДЗУТАК

Трукан, Г. А. *Ян Рудзутак* (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1963).

СТАЛИН

Волкогонов, Д. *Триумф и трагедия: политический портрет И. В. Сталина* (Москва: Новости, 1989), в 2 томах.

Baberowski, Jörg. *Verbrannte Erde: Stalins Herrschaft der Gewalt* (Munich: C. H. Beck Verlag, 2012).

Kun, Miklós. *Stalin: An Unknown Portrait* (Budapest: Central European University Press, 2003).

Montefiore, Simon Sebag. *Stalin: The Court of the Red Tsar* (New York: Knopf, 2004).

———. *Young Stalin* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2007).

Radzinsky, Edvard. *Stalin*, trans. H. T. Willetts (New York: Doubleday 1996).

Service, Robert. *Stalin: A Biography* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2005).

———. *Young Stalin* (London: Weidenfeld & Nicolson, 2007).

Trotsky, Leon. *Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence*, ed. and trans. from Russian by Charles Malamuth (New York: Grosset & Dunlap, 1941).

Tucker, Robert C. *Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality* (New York: Norton, 1973).

———. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941* (New York: Norton, 1990).

Ulam, Adam B. *Stalin: The Man and His Era* (New York: Viking Press, 1973).

Volkogonov, Dmitri. *Stalin: Triumph and Tragedy*, ed. and trans. Harold Shukman (Rocklin, CA: Prima, 1992).

ТОМСКИЙ

Горелов, О. И. *Цугцванг Михаила Томского* (Москва: РОССПЭН, 2000).

ТРОЦКИЙ

Deutscher, Isaac. *The Prophet Armed: Trotsky; 1879–1921* (London: Oxford University Press, 1970).

Deutscher, Isaac. *The Prophet Outcast: Trotsky; 1929–1940* (London: Oxford University Press, 1970).

- Deutscher, Isaac. *The Prophet Unarmed: Trotsky; 1921–1929* (London: Oxford University Press, 1970).
- Patenaude, Bernard M. *Stalin's Nemesis: The Exile and Murder of Leon Trotsky* (London: Faber & Faber, 2009).
- Service, Robert. *Trotsky: A Biography* (London: Macmillan, 2009).

ХРУЩЕВ

- Медведев, Ж., и Р. Медведев. *Никита Хрущев* (Москва: Время, 2012).
- Taubman, William. *Khrushchev: The Man and His Era* (New York: Norton, 2003).

ЧУБАРЬ

- Дробижев, В., и Н. Дубова. *В. Я. Чубарь: биографический очерк* (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1963).

ЯГОДА

- Ильинский, М. *Нарком Ягода* (Москва: Вече, 2005).

Книги и статьи на английском

- Adler, Nanci. *The Gulag Survivor* (New Brunswick, NJ: Transaction, 2002).
- Alexopoulos, Golfo. *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003).
- Andrew, Christopher, and Vasili Mitrokhin. *The Sword and the Shield: The Mitrokhin Archive and the Secret History of the KGB* (New York: Basic Books, 1999).
- Carr, E. H. *Socialism in One Country, 1924–1926*, 3 vols. (London: Macmillan, 1958–64).
- Carr, E. H., and R. W. Davies. *Foundations of a Planned Economy, 1926–29*, 2 vols. (London: Macmillan, 1969).
- Carswell, John. *The Exile: A Life of Ivy Litvinov* (London: Faber & Faber, 1983).
- Churchill, Winston. *The Second World War*, vol. 4, *The Hinge of Fate* (Boston: Houghton-Mifflin, 1950).
- Clark, Katerina. *Moscow the Fourth Rome: Stalinism, Cosmopolitanism and the Evolution of Soviet Culture, 1931–1941* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011).
- Cohen, Stephen F. *The Victims Return: Survivors of the Gulag after Stalin* (London: I. B. Tauris, 2011).
- Conquest, Robert. *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties* (Harmondsworth: Penguin, 1971).
- Crankshaw, Edward. *Khrushchev's Russia* (Harmondsworth: Penguin, 1959).

- Daniels, Robert V. *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia* (New York: Simon and Schuster, 1960).
- David-Fox, Michael. *Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941* (Oxford: Oxford University Press, 2012).
- Davies, Robert W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–33* (London: Macmillan, 1996).
- . *The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929–1930* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980).
- Davies, Sarah. *Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda and Dissent, 1934–1941* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).
- Davies, Sarah, and James Harris, eds. *Stalin: A New History* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005).
- Dullin, Sabine. *Men of Influence: Stalin's Diplomats in Europe, 1930–1939*, trans. from French by Richard Veasey (Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008).
- Erlich, Alexander. *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960).
- Feuchtwanger, Lion. *Moscow 1937: A Visit Described for My Friends*, trans. Irene Jose-phy (New York: Viking, 1937).
- Fitzpatrick, Sheila. *The Commissariat of Enlightenment* (London: Cambridge University Press, 1970).
- Fitzpatrick, Sheila. "The Civil War as a Formative Experience," in Abbott Gleason, Peter Kenez, and Richard Stites, eds., *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution* (Bloomington: Indiana University Press, 1985).
- Fitzpatrick, Sheila. *The Cultural Front* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1992).
- Fitzpatrick, Sheila, ed. *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931* (Bloomington: Indiana University Press, 1978).
- Fitzpatrick, Sheila. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1924–1932* (Cambridge: Cambridge University Press, 1979).
- Fitzpatrick, Sheila. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times; Soviet Russia in the 1930s* (New York: Oxford University Press, 1999).
- Fitzpatrick, Sheila. "Intelligentsia and Power: Client-Patron Relations in Stalin's Russia," in Manfred Hildermeier, ed., *Stalinismus vor dem zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung [Stalinism before the Second World War: New Avenues of Research]* (Munich: Oldenbourg, 1998), and in Fitzpatrick, *Tear Off the Masks!* (2005).
- Fitzpatrick, Sheila. "The Legacy of the Civil War," in *Party, State, and Society in the Russian Civil War* (Bloomington: Indiana University Press, 1989), 390–97.

- Fitzpatrick, Sheila. "Ordzhonikidze's Takeover of Vesenkha: A Case Study in Soviet Bureaucratic Politics," *Soviet Studies* 37:2 (1985).
- Fitzpatrick, Sheila. "Politics as Practice: Thoughts on a New Political History," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 5:1 (2004).
- Fitzpatrick, Sheila. *A Spy in the Archives: A Memoir of Cold War Russia* (London: I. B. Tauris, 2014).
- Fitzpatrick, Sheila. "Stalin and the World of Culture," in *Totalitarian Dictatorship: New Histories*, ed. Daniela Baratieri, Mark Edele, and Giuseppe Finaldi (New York: Routledge, 2014).
- Fitzpatrick, Sheila. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization* (Oxford: Oxford University Press, 1994).
- Fitzpatrick, Sheila. *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia* (Princeton: Princeton University Press, 2005).
- Gellately, Robert. *Stalin's Curse: Battling for Communism in War and Cold War* (Oxford: Oxford University Press, 2013).
- Getty, J. Arch. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985).
- Getty, J. Arch. *Practicing Stalinism: Bolsheviks, Boyars, and the Persistence of Tradition* (New Haven: Yale University Press, 2013).
- Getty, J. Arch, and Oleg V. Naumov. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939* (New Haven: Yale University Press, 1999).
- Gill, Graeme. *The Origins of the Stalinist Political System* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990).
- Gleason, Abbott, Peter Kenez, and Richard Stites, eds. *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution* (Bloomington: Indiana University Press, 1985).
- Gorlizki, Yoram, and Oleg Khlevniuk. *Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953* (Oxford: Oxford University Press, 2004).
- Gregory, Paul R., and Norman Naimark, eds. *The Lost Полумброо Transcripts: From Collective Rule to Stalin's Dictatorship* (New Haven: Yale University Press, 2008).
- Harris, James R. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System* (Ithaca: Cornell University Press, 1999).
- Hellbeck, Jochen. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006).
- Hindus, Maurice. *Crisis in the Kremlin* (New York: Doubleday, 1953).
- Holloway, David. *Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939–1956* (New Haven: Yale University Press, 1994).

- Holmes, Larry. *Stalin's School: Moscow's Model School № 25, 1931–1937* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999).
- Hough, Jerry, and Merle Fainsod. *How the Soviet Union Is Governed* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982).
- Johnson, Timothy. *Being Soviet: Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin, 1939–1953* (Oxford: Oxford University Press, 2011).
- Jones, Polly, ed. *The Dilemmas of De-Stalinization: Negotiating Cultural and Social Change in the Khrushchev Era* (London: Routledge, 2006).
- Khevniuk, Oleg V. *The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror*, trans. Vadim A. Staklo (New Haven: Yale University Press, 2004), 307.
- Khevniuk, Oleg V. *Master of the House: Stalin and His Inner Circle*, trans. Nora Seligman Favorov (New Haven: Yale University Press, 2009).
- Kostiuk, Hryhory. *Stalinist Rule in the Ukraine: A Study of a Decade of Mass Terror (1929–1939)* (New York: Praeger, 1960).
- Kozlov, Vladimir A., Sheila Fitzpatrick, and Sergei V. Mironenko, eds. *Sedition: Everyday Resistance in the Soviet Union under Khrushchev and Brezhnev* (New Haven: Yale University Press, 2011).
- Kramer, Mark. “New Evidence on Soviet Decision-Making and the 1956 Polish and Hungarian Crises,” *Cold War International History Project Bulletin*, nos. 8–9 (Winter 1996–97).
- Krementsov, Nikolai. *The Cure: A Story of Cancer and Politics from the Annals of the Cold War* (Chicago: University of Chicago Press, 2002).
- Krementsov, Nikolai. *Stalinist Science* (Princeton: Princeton University Press, 1997).
- Lenoe, Matthew E. *The Kirov Murder and Soviet History* (New Haven: Yale University Press, 2010).
- Lewin, Moshe. *Lenin's Last Struggle*, new ed. (Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005).
- Lewin, Moshe. *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers* (Princeton: Princeton University Press, 1974).
- “The ‘Malin Notes’ on the Crises in Hungary and Poland, 1956,” *Cold War International History Project Bulletin*, nos. 8–9 (Winter 1996–97).
- Martin, Terry. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939* (Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001).
- Medvedev, Roy A. *Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism* (New York: Alfred A. Knopf, 1971).
- Medvedev, Roy, and Guiletto Chiesa. *Time of Change: An Insider's View of Russia's Transformation* (London: I. B. Tauris, 1991).

- Miller, Frank J. *Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era* (Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1990).
- Morrison, Simon. *Lina and Serge: The Love and Wars of Lina Prokofiev* (Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2013).
- Morrison, Simon. *The People's Artist: Prokofiev's Soviet Years* (Oxford: Oxford University Press, 2009).
- Nicolaevsky, Boris I. *Power and the Soviet Elite: "The Letter of an Old Bolshevik" and Other Essays*, ed. Janet D. Zagoria (London: Pall Mall Press, 1965).
- Nove, Alec. *An Economic History of the USSR* (Harmondsworth: Penguin, 1972).
- Orlov, Alexander. *The Secret History of Stalin's Crimes* (London: Harrolds, 1954).
- Overy, Richard. *Russia's War: A History of the Soviet War Effort, 1941–1945* (New York: Penguin, 1998).
- Plamper, Jan. *Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power* (Stanford, CA: Hoover Institution, 2012).
- Rapoport, Vitaly, and Yuri Alexeev. *High Treason: Essays on the History of the Red Army, 1918–1938* (Durham, NC: Duke University Press, 1985).
- Rayfield, Donald. *Stalin and His Hangmen* (London: Viking, 2004).
- Reiman, Michael. *The Birth of Stalinism: The USSR on the Eve of the "Second Revolution,"* trans. George Saunders (Bloomington: Indiana University Press, 1987).
- Rigby, T. H. "Was Stalin a Disloyal Patron?," *Soviet Studies* 38:3 (July 1986).
- Roberts, Geoffrey. *Stalin's General: The Life of Georgy Zhukov* (London: Icon Books, 2012).
- Rogovin, Vadim. *Stalin's Terror of 1937–1938*, trans. Frederick S. Choate (Oak Park, MI: Mehring Books, 2009).
- Salisbury, Harrison E. *The Siege of Leningrad* (London: Secker & Warburg, 1969).
- Schattenberg, Susanne. "Collective Leadership and Familiarity in the Politburo: Brezhnev's Scenario of Power," forthcoming in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* (2015).
- Service, Robert. *Spies and Commissars: Bolshevik Russia and the West* (London: Macmillan, 2011).
- Shore, Marci. *Caviar and Ashes: A Warsaw Generation's Life and Death in Marxism, 1918–1968* (New Haven: Yale University Press, 2006).
- Slezkine, Yuri. *The Jewish Century* (Princeton: Princeton University Press, 2011).
- Smith, Stephen A., ed. *The Oxford Handbook of the History of Communism* (Oxford: Oxford University Press, 2014).
- Thompson, Nicholas. "My Friend, Stalin's Daughter," *New Yorker*, 31 March 2014.

- Tromly, Benjamin. *Making the Soviet Intelligentsia: Universities and Intellectual Life under Stalin and Khrushchev* (Cambridge: Cambridge University Press, 2014).
- Vaksberg, Arkady. *Stalin against the Jews*, trans. Antonina W. Bouis (New York: Alfred A. Knopf, 1994).
- Viola, Lynne. *Peasant Rebels under Stalin* (New York: Oxford University press, 1994).
- Weiner, Amir. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 2001).
- Werth, Alexander. *Russia at War* (London: Pan Books, 1964).
- Wheatcroft, Stephen G. "From Team-Stalin to Degenerate Tyranny," in E. A. Rees, ed., *The Nature of Stalin's Dictatorship: The Политбюро, 1924–1953* (Houndsmill: Palgrave Macmillan, 2004).
- Wilson, Elizabeth. *Shostakovich: A Life Remembered* (Princeton: Princeton University Press, 1994).
- Zubok, Vladislav. *Zhivago's Children: The Last Russian Intelligentsia* (Cambridge, MA: Belknap Press at Harvard University Press, 2009).
- Zubok, Vladislav, and Constantine Pleshakov. *Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996).

Книги и статьи на русском

- Аксютин, Ю. *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг.* (Москва: РОССПЭН, 2004).
- Громов, Е. С. *Сталин: власть и искусства* (Москва: Республика, 1998).
- Джамбул и С. Ставский. *Стихи и песни* (Новосибирск, 1938).
- Есаков, В. Д., и Е. С. Левина. *Дело КР: суды чести в идеологии и практике послевоенного сталинизма* (Москва: Институт российской истории РАН, 2001).
- Жуков, Ю. Н. *Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков* (Москва: Терра, 2000).
- Жуков, Ю. Н. *Сталин: тайны власти* (Москва: Вагриус, 2005).
- Зубкова, Е. Ю. *Общество и реформы, 1945–1964* (Москва: Россия молодая, 1993).
- Зубкова, Е. Ю. *Прибалтика и Кремль* (Москва: РОССПЭН, 2008).
- Фрадкин, В. *Дело Кольцова* (Москва: Вагриус, 2002).
- Фурсенко, А. А. «И. В. Сталин: последние годы жизни и смерть», *Исторические записки* 3 (121) (2000).
- Карякин, Н. «„Ждановская жидкость“, или Против очернительства», *Иного не дано*, под ред. Ю. Н. Афанасьева (Москва: Прогресс, 1988).

- Костыченко, Г. В. *Тайная политика Хрущева: власть, интеллигенция, еврейский вопрос* (Москва: Международные отношения, 2012).
- Костыченко, Г. В. *Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм* (Москва: Международные отношения, 2001).
- Костыченко, Г. В. *В плену у красного фараона: политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование* (Москва: Международные отношения 1994).
- Крамола: *инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев, 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР*, под ред. В. А. Козлова и С. В. Мироненко, отв. сост. О. В. Эдельман при участии Э. Ю. Завадской (Москва: Материк, 2005).
- Куняев, С. "Post Scriptum", *Наш современник*, № 10, 1995.
- Ленин, В. И. *Полное собрание сочинений*, в 55 томах, 5-е изд. (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1958–1970).
- Медведев, Р. *Окружение Сталина* (Москва: Молодая гвардия, 2010).
- Медведев, Р. *Они окружали Сталина* (Benson, VT: Chalidze Publications, 1984).
- Медведев, Р. А. *Что читал Сталин? Люди и книги, писатель и книга в тоталитарном обществе* (Москва: Права человека, 2005).
- Пихоя, Р. Г. *Советский Союз: история власти, 1945–1991* (Москва: Издательство РАГС, 1998).
- Поспелов, Е. М. *Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992). Топонимический словарь* (Москва: Русские словари, 1993).
- Сталин, И. В. *Сочинения*, в 13 томах. (Москва: Государственное издательство политической литературы, 1948–1952).
- Сталин, И. В. *Сочинения*, 3 т. (тт. 14–16), ed. Robert H. McNeal (Stanford, CA: Hoover Institution, 1967).
- Сушков, А. *Президиум ЦК КПСС, 1957–1964 гг. Личности и власть* (Екатеринбург: УрО РАН, 2009).
- Трифонов, О. *Единственная: жена Сталина* (Москва: Астрель, 2010).
- Хлевнюк, О. В. *1937-й: Сталин, НКВД и советское общество* (Москва: «Республика», 1992).
- Хлевнюк, О. В. *Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы* (Москва: РОССПЭН, 1996).
- Хлевнюк, О. В. «Сталин и Молотов: единоличная диктатура и предпосылки „олигархизации“», *Сталин, сталинизм, советское общество: к 70-летию В. С. Лельчука*, под ред. Г. Ш. Сагателяна и др. (Москва: Институт российской истории РАН, 2000).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Хлевнюк, О. В. *Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 30-е годы* (Москва: Россия молодая, 1993).
- Хлевнюк, О. В. «Сталин на войне», *Cahiers de monde russe* 52:2-3 (2011).
- Чигринов, Г. А. «Почему Сталин, а не другие?» *Вопросы истории КПСС*, № 6, 1960.
- Шенталинский, В. *Рабы свободы: в литературных архивах КГБ* (Москва: Парус, 1995).

Научное издание

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК
О КОМАНДЕ СТАЛИНА
Годы опасной жизни
в советской политике

Главный редактор В.В. Анашвили
Выпускающий редактор Е.В. Попова
Редактор Д.С. Дамте
Корректор М.А. Карнович
Художник П.П. Лосев
Верстка Я.Д. Агеев

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 21.12.2020. Формат 60×90¼₁₆
Гарнитура Baskerville. Усл. печ. л. 33
Тираж 1000 экз. Заказ 8813.
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Спрашивайте в книжных магазинах

МОСКВА

- Академия, просп. Вернадского, 82,
(499) 270-29-78
- Москва, ул. Тверская, 8, стр. 1,
(495) 629-64-83, 797-87-17
- Библио-глобус, ул. Мясницкая, 6/3, стр. 1,
(495) 781-19-00
- Московский Дом Книги, ул. Новый Арбат, 8,
(495) 789-35-91
- Молодая гвардия, ул. Большая Полянка, 28,
(495) 780-33-70
- Фаланстер, ул. Тверская, 17
(495) 629-88-21, 504-47-95
falanster@mail.ru
- Книжный клуб 36,6, ул. Бакунинская, 71, стр. 10,
(495) 926-45-44
- Циолковский, ул. Б. Молчановка, 18,
(495) 691-51-16, 691-56-28
- У Кентавра, книжная лавка, ИОЦ «Гуманитарная
книга», ул. Чайнова, 15 (РГГУ),
(499) 973-43-01
- Буквышка, ул. Мясницкая, 20,
(495) 628-29-60
- Книжная экспедиция Управления делами Президента
Российской Федерации, ул. Варварка, 9,
(495) 606-52-94
- ММОМА Art Book Shop в Институте Strelka in Russian,
Берсеневская наб., 14, стр. 5А
- Ходасевич, ул. Покровка, 6,
(965) 179-34-98
- Гараж, павильон Центра «Гараж», Пионерский пруд,
Парк Горького,
(495) 645-05-21
- Сеть **Читай-Город** (Новый книжный),
(495) 937-85-81, 177-22-11
- Сеть **Академкнига**
ул. Вавилова, 55/7, (499) 124-55-00
- Мичуринский просп., 12, (499) 932-74-79
- Цветной б-р, 21, стр. 2, (499) 921-55-96

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Санкт-Петербургский дом книги,
Невский просп., 28 (дом Зингера),
(812) 448-23-55

Подписные издания, Литейный просп., 57,
(812) 273-50-53

Порядок слов, наб. р. Фонтанки, 15,
(812) 310-50-36

Все свободны, ул. Некрасова, 23,
(911) 977-40-47

Дом университетской книги (Издательство СПбГУ),
Менделеевская линия, 5,
(812) 329-24-70, 329-24-71,
vitanova@spbu.ru

Свои Книги, ул. Репина, 41,
(812) 966-16-91,

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ

LibroRoom <http://libroroom.ru/>

OZON.ru <http://www.ozon.ru/>

Лабиринт <http://www.labyrinth.ru/>

Бэффо! <http://www.boffobooks.ru/>

Books.ru <http://www.books.ru/>

Бизнес-книга <http://bizbook.ru/>

Книга.ru <http://www.kniga.ru/>

Read.ru <http://read.ru/>

Спринтер <http://www.sprinter.ru/>

Издательская группа URSS <http://urss.ru/>

В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ

ЛитРес <http://www.litres.ru/>

OZON.ru <http://www.ozon.ru/>

ОПТОВЫЕ ПРОДАЖИ

Издательский дом «Дело» РАНХиГС,
Москва, просп. Вернадского, 82,
(495) 433-25-02, 433-25-10, delo@anx.ru, com@anx.ru

Институт экономической политики имени Егора Тимуровича Гайдара — крупнейший российский научно-исследовательский и учебно-методический центр.

Институт экономической политики был учрежден Академией народного хозяйства в 1990 году. С 1992 по 2009 год был известен как Институт экономики переходного периода, бессменным руководителем которого был Е. Т. Гайдар.

В 2010 году по инициативе коллектива в соответствии с Указом Президента РФ от 14 мая 2010 г. № 601 институт вернулся к исходному наименованию и ему было присвоено имя Е. Т. Гайдара.

Издательство Института Гайдара основано в 2010 году. Задачей издательства является публикация отечественных и зарубежных исследований в области экономических, социальных и гуманитарных наук, трудов классиков и современников.

Сталин так долго был диктатором, что большинство историков считали окружавших его чиновников простыми соглашателями и элементами политического декора. Эта книга оспаривает такое представление, показывая, что за Сталиным стояла группа лояльных людей, которые составляли с ним необычайно эффективную команду с конца 1920-х и до его смерти в 1953 году. Опираясь на обширные оригинальные исследования, Шейла Фицпатрик предлагает первое подробное описание этого внутреннего круга и их семей. Она показывает, что эти преданные соратники — Берия, Андреев, Хрущев — не только тесно работали вместе со Сталиным, но и составляли его социальное окружение. Проводя читателей от катаклизмов «больших чисток» и Второй мировой до паранойи последних лет жизни Сталина, книга рисует совершенно новый портрет Сталина в его окружении, меняющий наше понимание того, каким образом управлялся Советский Союз на протяжении значительной части его существования.

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК КОМАНДА СТАЛИНА

ИИТ

Во многом благодаря этой изящно написанной книге историки больше не смогут говорить о «людях Сталина» как о простых пешках. Вместе они сыграли важную роль в формировании огромной страны и управлении ею с конца 1920-х до 1960-х годов, превратив ее в мировую сверхдержаву.

JOURNAL OF MODERN HISTORY

«Команда Сталина» — это живой и увлекательный рассказ о жизни и работе людей, которые входили в ближайшее окружение непредсказуемого диктатора. Читатель получает возможность увидеть личные и политические отношения могущественных людей в крайне тяжелых условиях. Исследование Шейлы Фицпатрик безупречно, а истории, которые она рассказывает, драматичны, захватывающи и трагичны.

РОНАЛЬД ГРИГОР СУНИ

Важное напоминание о ценности изучения неформальных практик власти, стоящих за формальными структурами и официальными заявлениями режима.

SOVIET AND POST-SOVIET REVIEW

КОМАНДА СТАЛИНА

ШЕЙЛА ФИЦПАТРИК

